

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

В. А. Прищепова

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
ПО НАРОДАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
В СОБРАНИЯХ КУНСТКАМЕРЫ

Санкт-Петербург
«Наука»
2011

УДК 39+94(47):77

ББК 63.3(2)

П75

Рецензент:

д-р ист. наук Г. В. Длужневская,

д-р ист. наук Е. В. Иванова

Ответственный редактор

д-р ист. наук Н. Г. Краснодембская

Прищепова В. А.

П75 Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. — 452 с., ил.

ISBN 978-5-02-038269-5

Иллюстративный фонд МАЭ по народам Центральной Азии — одно из богатых и обширных в мире хранилищ документальных материалов, собранных русскими путешественниками и исследователями. Музейные рисунки и фотографии несут в себе важную информацию, наглядно раскрывают те стороны прошлого, которые уже безвозвратно исчезли и не нашли отражения в других исторических источниках. Многие из них принадлежат к числу редких. Автор знакомит читателя с историей поступления коллекций в музей, биографией и деятельностью собирателей, их вкладом в развитие отечественной этнографической науки.

Рекомендуется этнографам, музейщикам, востоковедам, историкам, студентам гуманитарных вузов, широкой публике.

УДК 39+94(47):77

ББК 63.3(2)

*На обложке: «Семипалатинская область. Река Чиндагутуй.
С фотографии г-жи Полторацкой. Гравер М. Рашевский».
МАЭ. Из коллекции газетных вырезок.*

ISBN 978-5-02-038269-5

© В. А. Прищепова, 2011

© МАЭ РАН, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводное слово	5
Предисловие	7
Глава I. Иллюстративные коллекции по народам Центральной/Средней Азии и основные вехи фотодела в дореволюционной России.	9
Глава II. Формирование и содержание иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ РАН	28
Глава III. Сведения о собирателях иллюстративных коллекций отдела Центральной Азии МАЭ	122
Глава IV. Этнотематическая характеристика коллекций иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ	170
Глава V. Иллюстративные коллекции МАЭ как источник историко-этнографических сведений	215
Глава VI. Бухарское ханство в фотоколлекциях МАЭ	245
Глава VII. Исторические и этнографические сведения о народах Центральной Азии в иллюстрациях русской периодической печати конца XIX в. (по материалам МАЭ)	344
Заключение	386
Список сокращений	389
Библиография	390
Именной указатель	403

Указатель народов и этнических групп	407
Список географических названий	408
Список иллюстраций к тексту	412
Сводный каталог иллюстративных коллекций по народам Центральной Азии МАЭ	417

ВВОДНОЕ СЛОВО

Фотоколлекции МАЭ — уникальное собрание фотоматериалов по народам почти всех регионов мира. К сожалению, эти уникальные коллекции до сих пор еще плохо изучены. Издавались пробные работы, практически только иллюстрирующие богатство фотособрания МАЭ (Сокровища Кунсткамеры. Из фонда фотоиллюстративных коллекций СПб., 2001, авторы-составители Н.Ч. Таксами, Н.В. Ушаков).

Монография В.А. Прищеповой посвящена уникальным собраниям иллюстративных материалов и фотоматериалов МАЭ по Центральной/Средней Азии второй половины XIX — начала XX в. В первую очередь автор характеризует их как отражение основных вех фотододела в дореволюционной России. Затем дает историю формирования фонда фото- и иллюстративных материалов по региону. Далее приводятся сведения о собирателях этих коллекций. В этнотематической характеристике дается содержательная сторона фотоматериалов по народам. Особое внимание уделено одному из самых полных фотособраний по Бухарскому ханству. Завершает работу характеристика иллюстраций русской периодической печати (подборка, хранящаяся в МАЭ).

В монографии довольно полно дается характеристика фотоиллюстративного фонда по народам Центральной/Средней Азии. Сведения о собирателях содержат четкую характеристику специфики сбора этих коллекций. Многочисленные примеры по этнографическому быту и истории здесь более чем уместны, ибо фотографии оживают, только если их сопровождает текст, в котором рассказывается о том, что на них зафиксировано.

Одновременно автор ставит ряд критических вопросов. Отмечена недостаточная атрибуция фонда, так как иллюстративные коллекции воспринимали как дополнительные к основному вещевому фонду. Замечены неточности и ошибки первоначальных текстовых описаний собирателями. Поднят вопрос о достоверности некоторых фотографий как источника, так как их делали, соглашаясь с практическими запросами того времени.

В конце монографии дается перечень фотоиллюстративных коллекций МАЭ по народам Центральной/Средней Азии, который облегчает пользование фондом многим пользователям.

Монография иллюстрирована более чем сотней фотографий. Кроме того, на сайте МАЭ размещено около 700 фотографий, подробно иллюстрирующих эту книгу (это стало возможным благодаря проведенному сканированию практически всех фотоотпечатков МАЭ по гранту Форда).

Кажется, что предлагаемая вниманию заинтересованного читателя монография — только начало анализа очень сложного источника — иллюстративных материалов по народам Центральной/Средней Азии, начиная от оценки фотоисточника с точки зрения самого фотодела и заканчивая анализом этнографического и исторического материала на фотографиях. Можно надеяться, что скоро появятся аналогичные работы по другим фотособраниям МАЭ.

*Н.В. Ушаков,
кандидат исторических наук,
заведующий лабораторией аудиовизуальной антропологии МАЭ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) играет исключительно важную роль в зарождении и развитии отечественной этнографии в России. В Кунсткамере, первом музее страны, созданном в 1714 г. Петром Первым, хранились коллекции по разным отраслям знаний. В 1879 г. она была реорганизована в Музей антропологии и этнографии. В настоящее время в МАЭ сосредоточены замечательные собрания, он является одним из основных мировых центров по изучению национальных культур.

Одним из многих направлений (собираТЕЛЬСкая, реставрационная, учетная, исследовательская, выставочная, научно-просветительская и т.п.) деятельности МАЭ стала работа по комплектованию и хранению собраний. Кроме богатых и зачастую уникальных вещевых коллекций в фондах МАЭ имеется значительное количество иллюстративных материалов.

Иллюстративный фонд отдела МАЭ по народам Центральной Азии (в недавнем прошлом он назывался отделом Средней Азии и Казахстана) — одно из наиболее богатых и обширных в мире хранилищ документальных материалов, собранных русскими путешественниками и исследователями. Из этих коллекций мы получаем сведения о типах проживавших на этих территориях народов, их одежде, жилище, укладе жизни, узнаем подробности быта, хозяйственной деятельности, знакомимся с деталями, интересовавшими исследователей. Музейные рисунки, фотографии и открытки несут в себе важную информацию, наглядно раскрывают те стороны прошлого, которые зачастую уже безвозвратно исчезли и не нашли отражения в других исторических источниках.

Многие рисунки и фотографии из этих коллекций принадлежат к числу редких и даже уникальных. Некоторые материалы известны специалистам и частично использовались ими в своих работах [Гафферберг 1970; Рассудова 1970; 1989; Фирштейн 1970; Прищепова 2002; Казахская традиционная культура 2008]. Однако большая часть их никогда не была опубликована (вследствие обширности материалов и их малодоступности) и до сих пор не введена в научный оборот.

Предлагаемая работа является продолжением изучения автором истории формирования коллекционного фонда МАЭ по народам Цент-

ральной Азии (Средней Азии и Казахстана) [Прищепова 2000] и базируется на изучении иллюстративного фонда отдела Средней Азии и Казахстана конца XIX — начала XX в.

Автор ставит своей задачей подробнее познакомить читателя с историей поступления коллекций в музей, биографией и деятельностью их собирателей, оценить их вклад в развитие отечественной этнографической науки. Предполагается рассмотреть эти музейные материалы по хронологическому и этнотематическому принципу, на примере отдельных коллекций изложить сведения о некоторых методах извлечения этнографических и исторических сведений из рассматриваемых коллекций и таким образом ввести в научный оборот новые источники, которые предоставляют богатый научный материал.

Предлагаемая работа является, по сути, первым шагом в этнографическом и историческом изучении иллюстративного фонда МАЭ по народам Центральной Азии. Это одна из первых попыток сделать доступной для этнографов и историков хотя бы часть богатейшего и практически неопубликованного иллюстративного собрания музея, рассмотреть историю формирования фонда, уточнить некоторые спорные моменты, связанные с созданием и атрибуцией коллекций, вспомнить забытые, а иногда установить и новые имена их собирателей. Тем самым мы отчасти отдадим должное памяти тех исследователей региона, которые в своих путешествиях собирали по крупицам этот огромный этнографический материал и заложили основу современного иллюстративного фонда музея по народам региона.

Деятельность МАЭ, его собирателей, материалы исторического характера, связанные с иллюстративными коллекциями музея, нашли свое отражение в ранее не публиковавшихся документах, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, в отделе рукописей и отделе изображений Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов, Научном архиве (рукописный отдел и фотоотдел) Института истории материальной культуры Российской академии наук, Архиве МАЭ, Архиве Российского этнографического музея, в Российском государственном историческом архиве, Научно-исследовательском музее Академии художеств. Отдельные сведения, связанные с иллюстративными коллекциями музея и их собирателями, содержатся в отечественной литературе и периодической печати по этнографии и истории народов Средней Азии и Казахстана.

Считаю своим долгом принести благодарность всем, кто на протяжении работы над книгой оказывал мне содействие и поддержку.

Глава I

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО НАРОДАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ/СРЕДНЕЙ АЗИИ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ФОТОДЕЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Иллюстративный фонд МАЭ по рассматриваемому региону охватывает следующие группы материалов: рисунки, чертежи, эстампажи, стеклянные негативы, фотопленки, фотографии и открытки, собранные в отдельных случаях в коллекции и целые альбомы. Чаще всего они представляют собой разрозненные экземпляры изобразительного характера — более 550 коллекций (около 50 тыс. единиц хранения). Иллюстративный фонд хранится в разных местах: стеклянные негативы и фотопленки — в негатеке, фотоснимки, рисунки, открытки, чертежи, эстампажи — в самом отделе Центральной Азии, частично в музейных фондах. В рассматриваемый период, в конце XIX — начале XX в., когда закладывался фундамент современного иллюстративного фонда отдела, была собрана приблизительно пятая часть его коллекций (или более десяти процентов от общего количества единиц хранения).

В сюжетном плане изображения иллюстративного фонда разнообразны и могут быть разделены на следующие условные группы:

- представители как основных (казахов, каракалпаков, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков), так и малочисленных народов (шугнанцев, ягнобцев, рушанцев, дунган, евреев, цыган, уйгуров и др.), проживавших на территории рассматриваемого региона. Они сняты в привычной для них обстановке, в костюмах, которые отражали их этносоциальную принадлежность. Здесь имеются портреты ханов, беков, глав племен, служителей культа, представителей местной администрации, ремесленников, артистов народных театров, и т.д., мужчин, женщин и детей;
- предметы традиционного быта и культуры, связанные с хозяйственной деятельностью населения, ремеслами, торговлей, бытом и т.п.;
- бытовые, исторические и культурные события региона;

- поселения, жилища, транспортные средства;
- предметы, связанные с областью духовной культуры, религией, прикладным искусством, народным орнаментом, музыкальным творчеством.

В числе иллюстративных коллекций по народам Средней Азии и Казахстана есть немало таких, которые заслуживают того, чтобы им были посвящены отдельные работы: «Туркестанский альбом» Н. Нехорошева, фотоальбом «Виды и типы Хивинского ханства» Г.Е. Кривцова, фотоальбом «Типы народностей Средней Азии» В. Козловского, фотоколлекции Н. Ордэ, С.М. Дудина, К.В. Щенникова, рисунки орнамента С.М. Дудина, А. Ворониной-Уткиной, альбом акварелей А. Померанцева и др.

В кратком историческом обзоре отсутствует возможность дать исчерпывающую характеристику всего иллюстративного фонда МАЭ РАН по Центральной Азии конца XIX—XX в. Он представлен в работе выборочно, теми материалами, которые наиболее полно отражают этнографическую действительность соответствующей эпохи и хранятся в отделе в виде фотографий (26 694 отпечатка на конец 2009 г.). История этих коллекций неразрывным образом связана и с историей России конца XIX — начала XX в., и с историей государств этого региона. Иллюстративные собрания МАЭ РАН — свидетельство напряженной и плодотворной собирательской деятельности, которая на протяжении многих лет велась российскими исследователями.

Иллюстративный фонд по народам Средней Азии и Казахстана формировался на протяжении более полутора веков. Первые иллюстративные коллекции поступали в музей разными путями. Иногда это были случайные приобретения. В других ситуациях собирателями вещевых и иллюстративных коллекций становились одни и те же исследователи. Тогда иллюстративные сборы воспринимались как дополнение к вещевым и по замыслу собирателей позволяли проникнуться духом «чужой» культуры. Некоторые иллюстративные коллекции музей покупал, частично они поступали в виде подарков от частных лиц и учреждений, позже — как результат работы экспедиций.

До появления фотографии непременно участниками экспедиций часто становились художники-путешественники. С помощью карандаша и акварели они старались как можно более детально и реалистично зафиксировать то, что не поддавалось описанию в тексте. Поэтому их работе в научных экспедициях придавалось большое значение. Однако рисовальщики чаще всего наиболее тщательным образом изображали в первую очередь то, что заинтересовало их. На протяжении XIX в. множество выдающихся русских путешественников работало

на территории Средней Азии и Казахстана¹. Они либо сами были хорошими рисовальщиками, либо в поездках с ними находился художник. К сожалению, подавляющее большинство этих произведений до нас не дошло. В этот период МАЭ не занимался целенаправленно сбором иллюстративных коллекций, тем более рисунков. Причины тому были разными, в том числе и недостаточное внимание к иллюстративным материалам со стороны администрации музея. Это объясняет, почему в настоящее время в отделе Центральной Азии МАЭ хранится незначительное количество рисунков.

В иллюстративном фонде отдела Центральной Азии доминирующее место занимают фотодокументальные коллекции. В процессе их изучения пришлось познакомиться с историей отечественной фотографии.

В России, как и в странах Запада, XIX в. стал эпохой рождения фотоискусства. Более чем всякое другое изобретение, фотография обратила на себя внимание всех слоев общества, публика увлеклась ею. Современники даже называли этот период «эпохой всеобщей фотографомании».

По мнению современников, 1848 г. стал особенным, «блистательным» в истории фотографии. С появлением стеклянных негативов возникли позитивы с отчетливыми изображениями, появилась возможность получения большого числа их копий [Светопись 1858: 72].

С момента изобретения фотография не оставляла никого равнодушным, в 1850—1860-е годы в отечественной и зарубежной печати даже велись споры о преимуществах живописи перед фотографией, о разнице между ними, наличии художественности и искусства в фотографии. В связи с этими вопросами в одном из специализированных фотографических изданий было справедливо подмечено, что живописец в своих работах не знает границ фантазии, а фотограф не может оторваться от действительности [Фотографическое обозрение 1865: 169]. Одни смотрели на фотографию как на искусство, другие воспринимали ее как область науки (так как именно ей она была обязана своим происхождением), третьи — как ремесло. Даже в 1920-е годы сохранялось предубеждение, что во власти фотографии находится слишком ограниченное число тем. Это положение опроверг своими фотографическими снимка-

¹ При рассмотрении коллекций периода конца XIX — начала XX в. мы используем название «Средняя Азия и Казахстан», как в большинстве случаев это было принято отечественными востоковедами в указанное время, несмотря на то что в этот же период европейские исследователи ввели более широкое понятие «Центральная Азия».

ми на этнографические темы и публикациями С.М. Дудин, показав, что область фотофиксации так же широка и неограниченна, как и у художника [Дудин 1921: 31].

Поначалу ряды любителей фотографии были немногочисленными. Способ «рисования светом», как называли в России в первое время фотографию, не сразу сделался всеобщим достоянием, немало препятствий создавали сложности фотосъемки. Появление сухих фотопластинок, ручных камер, необходимой аппаратуры, возможности получения всех нужных материалов сделало фотографию общедоступной. Это способствовало успеху фотографии и повсеместному распространению большого количества фотографов во второй половине XIX в.

С повсеместным распространением фотографии в России стали выходить специальные периодические издания, посвященные фотоделу. Для широкой аудитории начинающих фотографов печаталось большое количество описаний технических разработок оптических устройств и приборов, исследований различных способов фотосъемки и результатов их испытаний, новые рецепты приготовления растворов для проявления негативов и печати фотоснимков, полезные советы по уходу за объективами.

Среди практических указаний об особенностях фотосъемки отделенных предметов, пейзажей, выполнения портретов в условиях павильонов фотостудий содержались и рекомендации для съемки животных, требовавшей специальных навыков: «При снимании лошади полезно хорошо промять ее и затем немедленно поставить на черту, которая предварительно отмечена на земле. Не следует медлить с экспозицией, потому что лошадь менее шевелится в тот момент, когда она остановлена» [Фотограф 1881: 118].

В 1881 г. как сенсацию в фотографировании описывали создание американского альбома, в котором было собрано 200 моментальных кадров последовательных движений ног скачущей лошади. Для выполнения этих снимков предварительно были подготовлены опоры для лошади, ее путь вымостили резиной, установили белый фон, напротив которого поместили 24 камеры. В томе «Туркестанского альбома», хранящегося в МАЭ, есть документальный снимок 1871–1872 гг., сделанный с натуры, изображающий движение — скачку наездников. Изображение на кадре смазано, но это соответствовало техническим возможностям того времени.

О темпе распространения в России фотографии свидетельствует тот факт, что в 1858 г. в Одессе было шесть фотозаведений и любители фотографии учредили с дозволения правительства свое общество и составили его устав. Члены общества переписывались с зарубежными колле-

гами и известными европейскими фотографами-практиками, «чтобы следить за всеми нововведениями и усовершенствованиями в фотографическом искусстве» [Светопись 1858: 121]. Эта общественная организация в Одессе стала первым Русским фотографическим обществом, хотя в справочных изданиях отмечается, что фотографический отдел при Одесском Пятом (фотографическом) отделе Императорского Русского Технического Общества (ИРТО) был основан в 1887 г., а общество любителей фотографии в Одессе — в 1891 г.

Официально первым по времени возникновения в России фотографическим обществом был учрежденный в 1866 г. Пятый (фотографический) отдел светописи ИРТО. Собранием неперенных членом был принят устав общества. Возглавляли его люди военные, председателем был генерал-лейтенант, товарищем председателя — генерал-майор. Возможно, это было связано с тем, что «казенные заведения», в частности Главный штаб в Петербурге, начали заниматься фотографией в числе первых в России. В качестве примера можно назвать фотоколлекции отдела Центральной Азии МАЭ — фотоальбомы «Туркестанский альбом» 1871–1872 гг., «Виды и типы Хивинского ханства» Г.Е. Кривцова 1873 г., «Типы народностей Средней Азии» В.Ф. Козловского 1876 г., выполненные силами военных фотографов-специалистов. Г.Е. Кривцов как автор фотографий упоминается в периодике и изданиях конца XIX в. как подпоручик, затем капитан. В.Ф. Козловский в 1870-е годы находился в Ташкенте вместе с действующей армией. Литографии с его снимков воспроизводились в связи с движением русских войск (портреты начальников главного отряда, штаба, частей туркестанского отряда и т.п.)².

В опубликованном «Личном составе общества» — действительных членом Пятого (фотографического) отдела светописи ИРТО, а также среди тех, кто сотрудничал с ним, встречаются имена некоторых фотографов — авторов и собирателей фотоколлекций МАЭ (В. Ясвоин, Л.П. Полторацкая, А.И. Шпаковский, Вишневский³). Пятый отдел приглашал всех желающих фотографов-любителей и профессионалов присылать о себе сведения.

В конце XIX в. в разных городах России стали возникать первые фотографические общества, которые объединяли фотохудожников и фотолюбителей. Кроме Пятого фотографического отдела ИРТО в Петербурге действовали его отделения, а также Общества любителей фотографии в других городах европейской части России, Дальнего Восто-

² См.: [Всемирная иллюстрация. 1879. № 531].

³ Инициалы неизвестны.

ка, Кавказа, кроме того, в Ашхабаде (с 1897 г.), Семипалатинске (с 1897 г.), Ташкенте (с 1899 г.) [Фототворчество России 1990: 10]. С 1896 г. в Петербурге существовало два фотографических общества, к 1910 г. в Ташкенте насчитывалось двадцать фотоателее [Голендер 2002: 10].

В 1860-е годы в городах России создавались первые фотокружки и фотостудии, в европейских городах в это же время фотографические общества уже устраивали международные фотовыставки с целью распространения фотографии, определения ее значения для общественных и научных нужд, выявления лучших работ и мастеров. Так, в 1865 г. в Берлине состоялась фотовыставка, в работе которой принимали участие фотографы Москвы и Петербурга. К выставке в Берлине был издан каталог, из которого видно, что выставка состояла из шести отделов, главным среди них был отдел портретов. Работа каждого мастера оценивалась по «изыщному вкусу, умению управлять светом и отличному техническому выполнению» [Фотографическое обозрение 1865: 407].

На страницах учебно-технических журналов, посвященных фотографии, отмечалось, что наши фотографы получали на европейских выставках первые награды. На Международной географической выставке в Париже 1875 г. наибольший успех имел Русский отдел, экспонировавший множество видовых и этнографических фотографий [Длужневская 2008: 11]. К 1880 г. в Лондоне ежегодно устраивалось несколько фотовыставок, но не всегда на зарубежные выставки приглашали для участия иностранцев, чаще они имели местный характер.

Россия отставала от западных стран в организации фотододела. В конце 1879 г. в Петербурге на заседании Пятого отдела ИРТО обсуждали вопрос об устройстве фотовыставки с целью представить современное состояние фотографии в России [Фотограф 1880: 99]. По количеству отделов выставки было составлено десять комиссий, в том числе имелся отдел научной фотографии, разослали 2400 приглашений участникам предполагаемой выставки (эта цифра говорит о многочисленности рядов отечественных фотографов). Иностранцев решено было приглашать лишь в случае отклика большого количества российских фотографов. По условиям проведения выставки она могла состояться лишь в случае получения не менее 300 заявок. Участие было платным, ее организаторам необходимо было покрыть неизбежные расходы. В результате на предложение об организации фотовыставки откликнулись лишь 26 заявителей.

Попытки подготовить фотовыставку периодически предпринимались и в дальнейшем, одна из них планировалась в рамках Всероссийской Промышленно-художественной выставки 1881 г. в Москве, в орга-

низации которой принимал участие Департамент торговли и мануфактур. В 1887 г. в Петербурге в здании Соляного городка в помещении Промышленно-художественного училища была выставка, на которой экспонировались также фотоработы. Ее удостоили своим посещением даже члены императорской фамилии. Предположительно с 26 декабря 1888 г. по 15 марта 1889 г. в Москве должна была состояться Всероссийская фотовыставка. Даже было назначено 165 наград, в том числе серебряные, бронзовые, золотые медали и похвальные отзывы. Позже обсуждался вопрос об устройстве в Санкт-Петербурге фотографической выставки 1891 г.

В целом деятельность Пятого фотографического отдела ИРТО сказалась в устройстве съезда фотографов России в 1882 г., ряда фотовыставок в Санкт-Петербурге, конкурсов, публичных лекций и курсов по фотографии с практическими занятиями. О размахе и процветании фотодела в Петербурге в начале XX в. говорит такой пример. В 1907 г. на Крестовском острове находилось «Санкт-Петербургское Общество фотографов-профессионалов и взаимопомощи любителей фотографов». Сохранилась программа первого Петербургского фотографического бала, который состоял из пяти отделений, включавших в себя различные развлечения гостей, от просмотра спектаклей до танцев. В первом отделении показывали комедию. Второе отделение было главным — придворный фотограф А. Ган из Царского Села демонстрировал «Редкий сеанс из шести номеров живой фотографии». Третье отделение было музыкальным. В четвертом отделении была постановка исторических живых картин, в пятом — танцевали под оркестр. Бал продолжался с восьми часов вечера до четырех утра (ЦГАКФФД. Ж-117).

На архивной фотографии стендов 2-й международной фотографической выставки, которая проходила в Петербурге в апреле 1912 г., отдельный стенд занимали художественные портреты известной мастерской «А. Ренц и Ф. Шрадер» (H. Rentz & F. Schrader), работы которых хранятся в иллюстративном фонде МАЭ.

Первоначально фотография служила исключительно житейским и художественным потребностям — изображение портретов, ландшафтов, архитектуры, копирование картин, статуй и т.п. На примере иллюстративных коллекций МАЭ можно назвать альбом В.В. Верещагина «Туркестан» 1874 г., который состоит из фотокопий рисунков и картин известного художника. В 1870-е годы перефотографирование произведений искусства было новаторством и само по себе считалось этапом в истории фотографии.

Фотография принесла неоценимую пользу не только объективностью даваемых результатов, легкостью и быстротой получения их, но

и возможностью изготовления неограниченного количества совершенно одинаковых отпечатков с одного снимка. В настоящее время нет ни одной научной области, в которой бы не использовались возможности фотографии.

Ученые, художники и любители стали применять фотографию к научным и практическим целям. В гуманитарных науках ее начали с успехом использовать в археологии, она сделалась незаменимой при снятии копий с рукописей. Было замечено, что фотография создавала впечатление работы с оригиналом, т.к. передавала не только почерк рукописи, но даже мельчайшие подробности — пятна, копоть и т.п. Фотография оказала огромное воздействие на этнографическую науку, для которой также были важны объективность и документальность данных, а также возможность иллюстрировать изображениями текстовый материал. Еще в период светописи современники предсказали новому виду искусства выдающуюся роль в науке: «Каким важным пособием будет оно для путешественников и особенно для ученых обществ и ученых по изучению памятников» [Стасов 1856: 361].

Новый вид изобразительного искусства предоставил в распоряжение исследователей возможность замены словесного впечатления визуальным отображением, удовлетворял потребность в изображении того, что часто вообще оставалось за рамками описаний. От фотографии ждали разнообразных применений и в особенности к путешествиям, в том числе с научными целями. Фотография изображала местности и предметы, снятые на месте, оставляя наглядные воспоминания, прекрасные иллюстрации к рассказам и зрительным впечатлениям. С фотографическими снимками можно было проследить шаг за шагом рассказ очевидцев, проверить собственными глазами справедливость их описаний. В 1880-е годы на страницах фототехнической периодики специально для путешественников рекламировали прибор для мгновенных съемок — «Камеру Турист». По мнению изобретателей фотоаппарата, он занимал мало места и делал довольно резкие изображения.

Применение фотографии в области наук, безусловно, способствовало процессу накопления знаний, содействовало расширению этнографических источников в России. Возникновение и развитие этнографической фотографии совпало со временем создания научных этнологических и народоведческих обществ, выставок, музеев, которые в своей деятельности использовали изобразительный материал. В этот же период множатся иллюстрированные издания, работа которых перестраивалась в расчете на новые потребности читателей. Уже в 1858 г. воображение издателей предсказывало осуществление их мечты: «Мо-

жет быть, близко то время, когда все лучшие произведения книгопечатания будут иллюстрированы photographиями. Сколько пользы можно ожидать от подобных изданий, в особенности когда они будут касаться путешествий и ученых исследований!» [Светопись 1858: 44].

История фотографии XIX в. была пронизана идеей о возможности передачи натурального цвета на снимке. Для достижения этого проводили различные опыты: «Может быть, мечта эта осуществится <...> рано или поздно найден будет ключ к этой тайне, составляющей теперь предмет надежд и сомнений для многих занимающихся светописью» [Светопись 1858: 44].

Процесс фотографирования постоянно совершенствовался. Существовало несколько вариантов создания раскрашенных фотографий, в том числе иллюминированными масляными красками по стеклянному негативу. Не всегда они были удачными. Наиболее простым способом считались фотоакварели с помощью водяных красок. Примеры таких частично либо полностью раскрашенных фотокадров встречаются среди коллекций отдела Центральной Азии МАЭ — снимки И.С. Полякова 1880 г. и С.М. Дудина 1899 г.

Предшественниками стереофотографий были так называемые «двойниковые снимки», получение которых в 1860-е годы было занятием хлопотным и нерезультативным: «Позирующую особу устанавливают сначала в одной позе, на половине матового стекла, разделенного на две части картоном, экспонируют надлежащее время, затем, закрыв объективом, устанавливают особу в другую соответствующую первой позу на другой половине матового стекла и экспонируют столько же времени...» [Фотографическое обозрение 1865: 344]. На рубеже XIX и XX вв. получили популярность стереоскопические снимки. В иллюстративном фонде МАЭ они представлены в коллекции Е.Н. Павловского 1908 г.

При работе с историческими photographиями нельзя не заметить, что фотоработы второй половины XIX — начала XX в. наклеены на картонные бланки или, как их называли, паспарту. Необходимость наклеивания фотоснимков на картон была вызвана введением в употребление тонкой альбуминной бумаги, на которой печатали позитивные отпечатки. Она моментально свертывалась в свиток, поэтому особое внимание обращалось на наклейку фотографии на картон и необходимость «сплачивать с ним в одно целое посредством сатирирного пресса». В связи с этим у фотографов возникал вопрос поисков специального клея [Фотограф 1881: 198]. Фотографические бланки для наклейки позитивных отпечатков на альбуминной бумаге стали предметом первой необходимости для всех фотографов, в первую очередь для профес-

сионалов. Они придавали изящный вид даже посредственно исполненной фотографии.

Более ранние фотографические снимки МАЭ второй половины XIX в. выполнены на паспарту белого, изредка светлого картона единственной в то время в Петербурге фабрики по производству бланков Г. Коппа и Г. Глейцмана. На них отсутствуют какие-либо украшения в виде виньеток или золотистых рамок. Самая ранняя фотография отдела Центральной Азии — снимок Вишневого из Астрахани (портрет Джангир-хана Внутренней казахской орды, датируется не позднее 1845 г.) наклеен на паспарту белого цвета. В качестве украшения на паспарту использовано лишь клеймо фотоателье Вишневого. На более поздних коллекционных фотографиях паспарту украшены золотым тиснением.

Сначала весь картон для паспарту в Петербург шел из-за границы. Со временем потребность в изящных картонных бланках различных форматов с художественной гравировкой стала увеличиваться. Кроме фабрики Г. Глейцмана по специальному изготовлению бристольского картона (она была устроена на основе собственной литографии и имела единственный в Петербурге фабричный магазин по продаже паспарту) в 1879 г. появилось второе в России заведение по изготовлению картона — новая фабрика Ширл и Скамони.

Впоследствии мастера стали наклеивать свои снимки на собственные фирменные паспарту, которые на обороте украшали рекламой своей фотомастерской. В качестве примера можно привести красочные оборотные стороны снимков известных фотографов В. Ясвина, А. Ренца, Ф. Шрадера, а также профессионального мастера А.К. Энгеля и фотографа-любителя К.Н. де-Лазари из фондов МАЭ.

На снимках более раннего времени авторство фотографов устанавливалось клеймом ателье, как на снимках Вишневого 1840-х годов, А.И. Шпаковского 1860 г., позже — К.Н. де-Лазари, Н.Н. Щербина-Крамаренко, А.К. Энгеля. В некоторых случаях фотографы подписывали свои негативы, как в коллекции И.Ф. Барщевского или Н. Ордэ из собраний МАЭ. Иногда авторы подписывались на паспарту под каждым снимком (коллекция И.С. Полякова).

Все эти, казалось бы, мелкие и незначительные технические вопросы, которые к тому же ушли в далекое прошлое, необходимо учитывать при будущей реставрационной и грамотно организованной хранительской работе с иллюстративными коллекциями МАЭ.

Кроме паспарту украшением фотоснимков считался фон. Долгое время рекомендацией начинающим фотографам при съемке было использование в качестве фона драпировки. На многих старых музейных

Оборот снимка «Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан». А. Ренц, Ф. Шрадер. После 1890-х годов. Бухара. Оселое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-5

Оборот снимка «Эмир Сеид-Абдул-Ахад». В. Ясвоин. 1893 г. МАЭ. Колл. № 1695-4

снимках павильонные портреты или сценки выполнены на таком фоне. В начале 1880-х годов в Америке вошли в моду фотопортреты во весь рост, которые декорировались различными аксессуарами — бутафорскими заглавными буквами, вьющимися растениями, частями стволов деревьев, на которые опиралась модель. В коллекциях МАЭ есть кадры, на которых позирующие опираются на фрагменты декоративных колонн, столики и т.п.

Процесс создания фотографии теперь кажется доступным и легким, в рассматриваемый период все было не так. Производство фотоснимков значительно осложнялось необходимостью самим фотографом готовить химикаты, эмульсии, реактивы, обрабатывать стеклянные негативы, производить многое другое на месте, часто в экспедиционных условиях. В конце XIX в. новейшее по тем временам техническое фотоснаряжение (хотя и неудобное, с громоздкими и тяжелыми камерами и штативом, ящиками, полными чувствительных и бьющихся стеклянных пластинок) постепенно становится необходимой частью оборудования экспедиционных поездок. Фотография как наиболее верное, объективное и доступное средство отражения реальности становилась все полезнее в этнографической работе. На страницах фотографической периодики даже обсуждался вопрос о составе дорожных лабораторий, которые были необходимы для проявления негативов во время «фотографических экспедиций», т.к. «любой фотограф не в состоянии быть уверен в превосходстве своих негативов» [Фотограф-любитель 1890: 15].

Фотография в короткое время сделала заметные успехи и достигла совершенства. Однако средства и условия, которые были необходимы для ее производства, были так сложны, инструменты и приборы так громоздки и ломки, что в поездках это вызывало огромные издержки и затруднения. Экспедиционным фотографам приходилось возить с собой повсюду огромный багаж хрупких пластинок, подвергая их на каждом шагу случайностям путешествия. Нельзя забывать и о действии различных реактивов, часто новых, проходивших испытания, на организм фотографов, которые сами проявляли негативы и печатали снимки. Например, один из известных придворных фотографов А.И. Ясвоин, родственник одного из собирателей коллекций МАЭ, В. Ясвоин, был настолько отравлен подобными растворами, что достаточно было одного прикосновения к ним, чтобы у фотографа на теле образовалась рана.

Изобретение и развитие фотографии в России во второй половине XIX — первой половине XX в., появление моды на фотографию и увлечение иллюстрациями вызвали большой приток в МАЭ фотографического материала, который поступал из разных источников. В истории

фотоколлекций музея нашли отражение этапы отечественной фотографии. Наиболее ранние фотокадры представлены парадными портретами и жанровыми «постановочными» сценками. Это объяснялось техническими сложностями при съемке (длительностью выдержки, при которой невозможно было передать модель в движении, и т.д.). Но, тем не менее, эти снимки интересны с этнографической точки зрения, так как их делали в привычных для данного народа условиях, в адекватной обстановке и точных костюмах. Эти постановки не носили театрализованного характера (с вымышленными или карнавальными костюмами и персонажами). Большинство коллекционных фотографий достоверно и потому являются для нас документальным источником.

В иллюстративном фонде МАЭ конца XIX — начала XX в. хранятся портреты представителей простого населения Средней Азии и Казахстана и элитарной части общества — парадные портреты бухарских эмиров, хивинского хана, их приближенных и членов семей. Снимать местную родовую знать имел право не каждый фотограф. Например, среди архивных документов сохранилось удостоверение фотографа тех лет, которое предоставляло специальное разрешение для фотографирования в Петербурге бухарского эмира.

Вспоминая технические трудности фотографирования первых иллюстративных коллекций музея, нельзя не учитывать сложности работы по созданию снимков среди мусульманских народов в связи с известным шариатским запретом изображать живых людей. Об этом писал художник В.В. Верещагин, рисовавший по памяти многие из своих произведений. Фотограф С.М. Дудин, а позже, в советские годы, и этнограф-иранист Э.Г. Гафферберг упоминали о трудностях и хитроумных уловках, к которым им приходилось прибегать во время фотографирования в экспедиционных условиях среди мусульманского населения.

Газетная публикация сохранила описание попытки заняться фотографией в Кокандском ханстве летом 1872 г., когда Г.Е. Кривцов снимал Худояр-хана для «Туркестанского альбома» (что было отмечено русской прессой [Туркестанские ведомости 1873. № 6]). Возможно, это сыграло определенную роль в воспитании нового поколения любителей фотоискусства в крае и сделало его в какой-то мере популярным среди элитарной части местного общества. Работа Г.Е. Кривцова заинтересовала Худояр-хана и его сына, бека андижанского. По желанию хана Г.Е. Кривцов отправил в Коканд и в Андижан фотоаппаратуру со всеми необходимыми для работы материалами, предварительно подробно объяснив ход фотографических работ специально для этого приехавшему кокандцу Бердыкулу и составив руководство по производству фото-

снимков. Спустя три месяца Г.Е. Кривцов, или, как к нему обращались в письме, «Кривцов-тюря» (здесь «тюря» в значении офицер), получил в Петербурге известие о результатах первых фотографических опытов в Коканде. Хан и его сын благодарили за присланную «машину, которая снимает человеческое лицо», но сообщали, что первые попытки сделать портреты Бердыкула у них прошли неудачно. Тем не менее можно считать, что уже в 1872 г. благодаря усилиям Г.Е. Кривцова в Кокандском ханстве были два человека, заинтересовавшиеся фотографией, сам Худояр-хан и его сын Насыр-Эддин-бек⁴ [Туркестанские ведомости 1873. № 9].

В первые годы развития фотографии любопытны суждения современников о том, в чем состоит различие между понятиями фотограф-любитель и профессионал. Этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях ИРТО 1880–1890-х годов. Профессионалом считался тот, кто имел свое заведение, делал для публики портреты и считал любителя дилетантом. В то же время отмечалось, что некоторые серьезные любители часто стоят как «светописцы» гораздо выше профессионалов [Фотограф-любитель 1890].

Со временем на смену павильонным съемкам приходят снимки, в значительной степени напоминавшие документальные. На них запечатлены виды населенных пунктов, местности, минуты отдыха или работа жителей.

Быстро развившаяся в конце XIX в. любительская фотография обогатила фонды МАЭ. В некоторых случаях иллюстративные коллекции передавали в музей сотрудничавшие с ним фотографы-любители (художники, ученые, администраторы и т.д., люди разных сословий, профессий, убеждений и уровня образования), которые путешествовали по Средней Азии и Казахстану чаще всего со служебными целями. Даже во второй половине XIX в. было очень немного россиян, которые совершили поездку в этот регион по необходимости, и еще меньше тех, кто привез визуальные свидетельства своих странствований. Новые для России территории Средней Азии и Казахстана поражали, оставляли яркие впечатления. Эти отдаленные от центральной России места тогда совсем редко посещались профессионалами-востоковедами, которых интересовала местная жизнь. Потому любые сведения изобразительно-го характера, добытые для музея людьми, заброшенными судьбой на далекие окраины империи, как и вещевые коллекции, получаемые от корреспондентов на местах, были, несомненно, полезны, а теперь стали просто бесценным источником для этнографической науки.

⁴ Написание по-русски имен собственных и местных терминов сохраняется в том виде, как они даны в первоисточниках и музейных документах.

На страницах русских иллюстрированных изданий первой половины XIX в. практически невозможно встретить сообщение о народах Средней Азии или Казахстана, еще реже — их изображение. Чаще печатались заметки и иллюстрировавшие их литографические рисунки о религии японцев, алжирских цирюльниках, индийских фокусниках, китайцах, эскимосах, жителях далеких Цейлона, Мексики и т.п.

Не все материалы любительской фотографии из собраний музея конца XIX — начала XX в. выполнены достаточно качественно. Впрочем, МАЭ, как академическое учреждение, в первую очередь являлся научной лабораторией, и при сборе коллекций не всегда преследовалась цель их дальнейшей демонстрации. Не каждый предмет, представлявший научный интерес, предполагалось экспонировать. Поэтому музей принимал в свои собрания даже не всегда качественные в техническом отношении снимки. Например, в письме к уездному врачу из Самарканда К.Е. Островских, который в числе многих корреспондентов предлагал свои услуги по сбору коллекций, хранители музея обращались с просьбой «приобрести коллекцию типов и сцен местных жителей», поскольку «в Туркестанском крае теперь немало фотографов» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. № 52. Л. 83, 85). Отметим, что о качестве снимков речь даже не идет. Малоквалифицированное исполнение большинства снимков фотоколлекций конца XIX — начала XX в. было характерно для многих музеев.

С этой точки зрения С.М. Дудин, основоположник научного этнографического фотографирования в России, оценивал фотофонд МАЭ рассматриваемого периода следующим образом: «Бедность, неполнота, односторонность и нехудожественность фотографических снимков, посвященных этнографическим темам, обычное явление не только для провинциальных, но и для крупных столичных музеев вроде Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, Русского музея и т.п. <...> в собраниях этих музеев толково и полно обработанные темы встречаются лишь единицами, как редкие исключения» [Дудин 1921: 31].

Одной из причин поступления в музейные фонды фотоколлекций низкого качества С.М. Дудин, который более четверти века проработал как собиратель, этнограф, археолог, музейный работник, хорошо знакомый с иллюстративным фондом музея, а главным образом, как экспедиционный фотограф и первый фотограф МАЭ, считал отсутствие специальной литературы по исполнению фоторабот для научных исследований. Вторым необходимым условием для успешной работы собирателей по сбору качественных фотоматериалов С.М. Дудин называл необходимость предварительного знакомства с географическими и этнографическими данными района, в котором предстояло работать.

При этом нельзя было упускать из виду разные технические возможности, которые существовали у провинциальных и столичных фотографов, своеобразное соревнование провинции со столицей в фотографии. И все же ценность многих несовершенных музейных снимков очевидна. Наряду с любительскими фотографиями в собраниях МАЭ хранятся работы выдающихся мастеров фотодела — Н. Нехорошева, Г.Е. Кривцова, В.Ф. Козловского, Н. Ордэ, К.Н. де-Лазари, Вишневого, А.И. Шпаковского, В. Ясвоина, А. Ренца, Ф. Шрадера, А.К. Энгеля, Д.А. Никитина, С.М. Дудина, М.А. Круковского, В.Д. Пельца, Н.А. Ермолина, И.С. Полякова, К.В. Щенникова и др.

Стать фотографом в то время было мечтой многих. Многие из художников-портретистов довольно быстро сменили палитру и кисть на фотокамеру [Фототворчество России 1990: 5]. Примечательно, что фотографы из бывших художников нередко называли себя «фотоживописцами». Среди авторов первых фотоколлекций МАЭ были художники — С.М. Дудин, И.Ф. Барщевский, Н.Н. Щербина-Крамаренко, Б.Ф. Ромберг, А. Воронина-Уткина и др.

В конце XIX в. эпизодические поступления коллекций в МАЭ сменились периодом плановых, были организованы музейные экспедиционные поездки и целенаправленные вещевые сборы. В это же время стал пополняться и иллюстративный фонд по народам Средней Азии и Казахстана. В музее старались в отдельных случаях восполнить отсутствие вещевых коллекций сбором изобразительного материала, и этим дополнить недостающие предметные собрания, заполнить лакуны в фондах.

Большую роль в комплектовании коллекций музея, в том числе иллюстративных, по народам Средней Азии и Казахстана сыграла «Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства», написанная директором музея академиком В.В. Радловым в 1898 г. [Радлов 1898]. Это была программа, разработанная для собирателей коллекций и ориентировавшая их на поиски предметов по культуре конкретного этноса. В ней внимание коллекционеров как раз обращалось на желательность восполнения отсутствующего вещевого материала изобразительными сборами.

Оригинальным и своеобразным источником наглядных сведений о зачастую исчезнувших безвозвратно городских пейзажах, видах природы, этнографических особенностях населения, важнейших исторических событиях являются открытки, которых хранятся в собраниях иллюстративного фонда МАЭ. Открытки, открытые письма или почто-

вые карточки, впервые появились в почтовом обиходе Европы во второй половине XIX в., первые открытки с видами Туркестана, очевидно, в конце XIX в. Массовый выпуск сувенирных иллюстрированных открыток относится к началу XX в. Первые два десятилетия существования иллюстрированных почтовых открыток окрестили «золотым веком почтовой открытки» [Голендер 2002: 14].

В первое десятилетие XX в. издание почтовых открыток с видами Туркестана, несомненно, переживало настоящий бум, возникли многочисленные открыточные издательства, которые, как правило, для воспроизведения пользовались собственными оригинальными фотонегативами. К этому времени относится серия литографических открыток видов Туркестана, хранящихся в МАЭ, на которых обозначены фамилии конкретных издателей — Глушкова и Полянина, которые были, возможно, и книготорговцами-издателями. Открытки этой коллекции нельзя в полной мере отнести к разряду так называемой коммерческой фотографии [Толмачева 2007]. И.Н. Глушков несколько лет проживший среди туркмен, был одним из собирателей вещевой и фотографической коллекций МАЭ по туркменам. Он был хорошо знаком с историей края и особенностями культуры населения. Поэтому изображения на открытках достоверны, они выполнены не в студии, а в реальной обстановке, и их можно отнести к научной фотографии.

К сожалению, о первых собирателях иллюстративных коллекций отдела удалось узнать немного. Не всегда изыскания в этом направлении приводили к успеху. Даже в написании их фамилий в документах отсутствует ясность: иногда встречаются разночтения, зачастую не обозначены инициалы.

На некоторые иллюстративные коллекции конца XIX в. регистрационные музейные описи были заведены лишь в XX в., в довоенное или даже послевоенное время. Таким образом, обнаруживается, что регистрировали иллюстративные поступления далеко не сразу. Первоочередной задачей сотрудников музея в конце XIX в. было прежде всего разобрать многочисленные вещевые коллекции, которые тогда как раз перевезли в МАЭ после передачи из Этнографического музея Русского географического общества (подробнее см.: [Станюкович 1977]). С этой работой штат музея не справлялся, о чем сообщал его директор академик В.В. Радлов в 1897 г.: «Богатые коллекции этнографических предметов, пожертвованные Императорским Русским Географическим обществом, по неимению рабочих сил до настоящего времени не разобраны и не каталогизированы. Прошу временно закрыть Музей для посещения публики» [Заседание 19 марта 1897].

К поступавшим иллюстративным материалам относились с недостаточным интересом. Регистрационные описи этих коллекций очень кратки, отсутствуют документы к ним. В первую очередь регистрировали, изучали, хранили и выставляли вещевые коллекции, которые считались основными, а изобразительный материал — лишь их дополнением. Но теперь оказывается, что именно иллюстративные коллекции в некоторых случаях являются единственным источником, который зафиксировал редкие и важные явления национальной культуры. В 1916 г. старший этнограф Л.Я. Штернберг составил на основе принятой в МАЭ системы «Инструкцию для регистрации коллекций». В ней были разработаны правила о порядке регистрации прежде всего предметных коллекций. По поводу иллюстративных оговаривалось лишь, что «негативы регистрируются отдельно от позитивов, но при регистрации тех и других отмечается при каждом номере, какой номер негатива (и обратно) ему соответствует. Желательно соответствие порядковых номеров негативов и позитивов» [Штернберг 1916: 4]. Даже во втором переработанном издании «Инструкции для регистрации коллекций» 1928 г. работе с иллюстративными материалами уделен лишь небольшой параграф, занимающий полторы строчки: «Негативы и позитивы с них регистрируются под одним номером, но для позитивов перед номером ставится буква “П”». [Штернберг 1928: 5]. Однако такой порядок регистрации в МАЭ до настоящего времени не сохранился.

В современных условиях исчезают характерные особенности культуры и быта народов, музейные иллюстративные коллекции зачастую остаются единственными свидетелями их жизни. Изучение музейного материала — дело новое. Вплоть до недавнего времени практически отсутствовали работы по выработке методики работы с этими материалами [Длужневская 2008].

В 1954 г. Институт истории материальной культуры АН СССР одним из первых поднял вопрос об отношении к историческим фотографиям как к уникальному научному источнику и об организации работы фотоархивов. «До сих пор в широких научных кругах <...> исследовательских и музейных учреждений недооценивается роль и значение фотоархива не только как хранилища ценнейших источников той или иной области знания, но и как учреждения, могущего при правильной научной постановке нести знания в массы, служить научной пропаганде в самой наглядной и доступной для восприятия форме» [Девель 1954].

На наш взгляд, работы по изучению музейных коллекций иллюстративного фонда, истории их сбора и атрибуции должны стать одним из приоритетных направлений этнографической науки, и они приобретают все большую актуальность.

Иллюстративный фонд МАЭ по народам Центральной Азии, Средней Азии и Казахстана очень сложен по характеру материала. Ряд информативных сведений в музейных описях к иллюстративным материалам лаконичен и фрагментарен, большая часть изображений рассматриваемого периода поступила в музей от этнографов-любителей. Это означало субъективный подход собирателей в отборе фиксируемых объектов. Необходимы обширные и глубокие архивные и литературные исследования, чтобы правильно оценить коллекции. Именно такими изысканиями мы и попробовали заняться.

Отдел Центральной Азии не имеет своего постоянного выставочного зала в музее, и потому не только иллюстративные коллекции, но и вещевой фонд отдела практически не экспонируются. Исключением являются случаи, когда отдельные предметы включают в состав совместных с другими отделами выставок. Снимки фотофонда по народам Средней Азии и Казахстана МАЭ выборочно показывали на выездных выставках. Первыми временными выставками, в которых принимали участие некоторые фотоснимки иллюстративного фонда отдела, были экспозиции 1932–1934 гг. в Ленинграде «Производительные силы» в связи с 10-летней годовщиной образования республик Средней Азии.

Часть иллюстративного материала из фондов МАЭ экспонировалась на выставке «Казахи в Петербурге» в 1992 г. в Алма-Ате. Тогда в Музее изобразительных искусств имени А. Кастеева вместе с этнографическими предметами были выставлены несколько фотоснимков 1899 г. С.М. Дудина, К.В. Щенникова 1908–1910 гг. и ряд рисунков конца 1920-х годов А.Л. Мелкова из собраний МАЭ. На выставку 1994 г. «Кочевой быт» в Дрезден и Берлин вывозили около 500 исторических фотографий по белуджам, джемшидам и хазарейцам, собранных участниками Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926–1929 гг. Тогда же была опубликована часть фотоснимков (см.: [Прищепова, Черманова 1994; Lutz Rzehak 1994]).

Отдел Центральной Азии нельзя назвать самым крупным в музее по количественному составу вещевого фонда. Но его иллюстративный фонд, пожалуй, одно из наиболее значительных собраний МАЭ РАН.

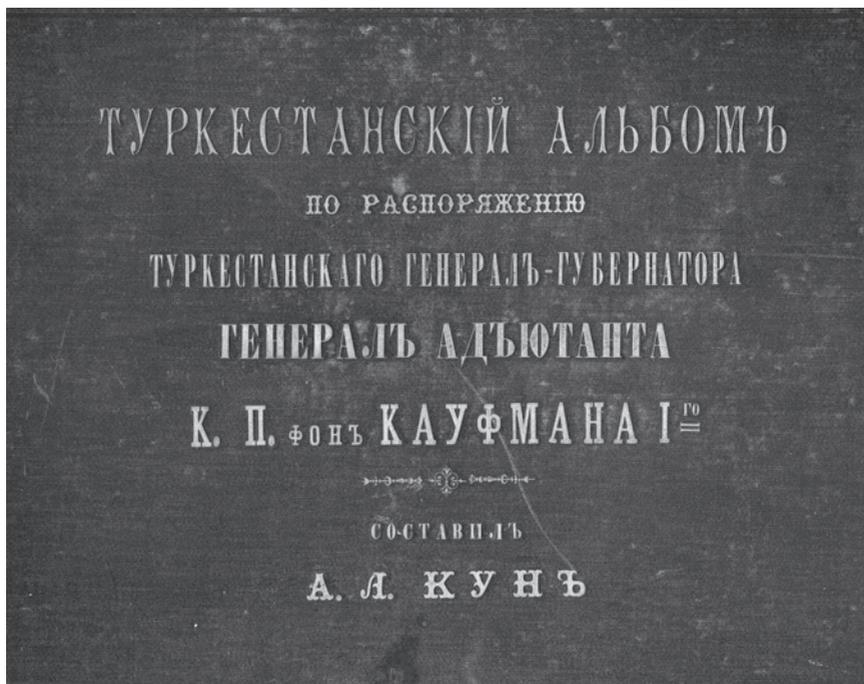
Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО ФОНДА ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ МАЭ

Первыми иллюстративными материалами по народам Центральной Азии музея являются два фотоальбома: «Туркестанский альбом» и «Виды и типы Хивинского ханства». Их передача относится к 1874 г., музейные же описи этих коллекций были составлены лишь в 1937 г. («Туркестанский альбом» был зарегистрирован сотрудницей музея Е.П. Николаичевой) без уточнения обстоятельств поступления альбомов в музей. Ко времени составления описей обнаружить сведения об авторах, составителях, собирателях и условиях создания и поступления в музей этих коллекций можно было лишь частично и то в результате изысканий в литературе и архивных фондах.

Среди фотоколлекций по Центральной Азии, хранящихся в фондах МАЭ, имеется экземпляр тома фотографического «Туркестанского альбома» (колл. И-674), состоящий из 48 картонов (размером 31,5×47 см), на которых помещено 116 фотографий. Том этого альбома представляет собой картонную папку вишневого цвета большого формата (36×54×4 см) с вложенными в нее картонными листами с фотографиями. В зависимости от размеров снимков на картонах расположено от одного до семи изображений. Почти на всех картонах указано авторство снимков: «Фотография Н. Нехорошева». Название альбома обозначено золотым тиснением на папке: «Туркестанский альбом по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го составил А.Л. Кун».

Как было указано в «Предисловии» к изданию, хранящемуся в настоящее время в РНБ, тематически «Туркестанский альбом» был посвящен культуре населения, «завоеванной и присоединенной к России Сыр-Дарьинской области и Заравшанского округа». В томе альбома, который хранится в МАЭ, под названием «Типы народностей Туркестанского края» объединены в основном поясные портреты (хотя имеются и выполненные в полный рост) представителей разных народов,

Внешний вид «Туркестанского альбома». МАЭ. Колл. И-674

мужчин и женщин, населявших край: таджики, узбеки, казахи, евреи, индийцы, цыгане, арабы, афганцы, а также иранец и ягнобец в традиционных, преимущественно праздничных костюмах. В основном на фотографиях изображена местная знать, которая поддерживала отношения с русской администрацией и даже была ею отмечена, как на снимке узбекского бека. На его халате красуется орден с профилем русского императора.

На одном картоне размещены три овальных поясных изображения представителей разных народов: цыгане *мазанг*, *джуги* и еврейки (колл. И-674-1, 2, 3). На другом картоне показан в полный рост, как указано в альбоме, еврейский «мулла» Исхак с книгой в руках (колл. И-674-4). Среди фотографий таджиков изображен Ура-тюбинский *казы* в белоснежной большой чалме, надвинутой до бровей (колл. И-674-10), и узбек Мурат-бек, также в чалме, но меньшего размера, чем у *казы* (колл. И-674-12). Эти два снимка иллюстрировали сведения многих источников о том, что по форме мужской чалмы можно было определить социальный статус человека. Так, судья-казы носил чалму длиной примерно в 12–13 оборотов вокруг головы, как у *казы* на фотографии, богатые

люди носили чалму в 5–6 оборотов, т.е. меньшую по размеру, как показано в альбоме. Беки и судьи повязывали чалму плоско, но широко, как на фотографиях, и чем шире ложилась она вокруг головы, тем важнее и сановнее была особа [Широкова 1993: 1115].

В «Туркестанском альбоме» не случайно имеется снимок ягнобца. Составитель альбома А.Л. Кун, специально интересовавшийся языком ягнобцев и впервые высказавший предположение о том, что они — потомки согдийцев, организовал фотографирование ягнобцев с целью зафиксировать и сравнить, насколько в антропологическом плане «ягнаубский тип» был отличен от таджикского (колл. № 674-13).

В состав тома «Туркестанского альбома», хранящегося в МАЭ, входит серия снимков «Заравшанский округ. Самарканд и его уличные типы». На картонах представлены фотографии (размером 7×10 см), расположенные по семь штук. В виде отдельных сценок на них изображены лавки мелочных торговцев, базары, отдельные промыслы, в том числе забытое ремесло починщиков битой посуды, чья искусная работа с помощью мелких скобок и заклепок вызывала восхищение у русских путешественников, отмечавших, что миски, чайники и пиалы после ремонта выглядели как новые. В альбоме показаны предметы утвари, приготовление некоторых традиционных блюд, сплавление леса по реке, некоторые обычаи, народные развлечения (праздники Курбан-байрам, Рамазан), увеселения в чайхане, с музыкантами и плясками мальчиков-бачей.

Редким можно считать снимок «Кочевка цыган». Недалеко от кишлака расположилось множество натянутых матерчатых палаток-шалашей, стоящих близко друг от друга. Внутри жилищ на земле сидят цыгане (колл. И-674-51). Этих кочевников называли «народом без политического бытия». Во всех странах цыгане селились таборами и кроме своего языка употребляли язык той страны, где проживали. Об этом даже в настоящее время малоисследованном народе Средней Азии А.Л. Троицкая писала: «Отдельных селений у среднеазиатских цыган почти не встречалось, так как они всегда селились вблизи узбекских или таджикских кишлаков (речь идет об оседлых цыганах) <...> Таборы кочевых цыган состояли из 5–10 палаток и располагались обычно поблизости от селений» (АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. П. 120. Л. 11). Жилище цыган было либо постоянного типа, как дома окружающего населения, либо это были палатки *чодыр*, как на фотографии «Туркестанского альбома». Иногда палатки заменяли шалашами (Там же).

Пять фотографий, наклеенных на один картон, объединены названием «Мусульманская школа» (колл. И-674-67–71). Вокруг учителя под открытым небом у стены дома расположились ученики. Ученик и учитель склонились над книгой и водят по строчке пальцами. На другой

фотографии два мальчика старательно выводят буквы палочками, обматывая их в чернила, на уроке чистописания. Фотография «Туркестанского альбома» «Наказание» стала иллюстрацией положения о методах обучения в местной школе.

Вскоре после капитуляции Ташкента в июле 1865 г. для всеобщего сведения на городском базаре от имени российской военной администрации был вывешен «Договор» на узбекском языке о том, что местные жители должны исповедовать правоверную религию Мухаммеда, а также продолжать обучение детей согласно законам ислама. Здесь же в случае необходимости в процессе учебы предусматривалось применение крутых мер, даже порки [Соколов 1965: 167–168]. Сценка «Наказание» носит выраженный постановочный характер. Провинившемуся ученику привязали к палке приподнятые ноги. Учитель занес другую палку, чтобы ударить по ним. Но по мальчишке, удобно прислонившемуся к стене дома и вззирающему с любопытством в сторону фотокамеры, заметно, что он позирует.

Один из собирателей коллекций МАЭ, путешествуя летом 1895 г. по Средней Азии, в Ташкенте наткнулся на сартскую школу (*мактаб хана*): «Убогая темная лачуга, подобие комнаты; глиняные заборчики заменяли парты; перед ними сидели несколько мальчиков и усердно кивали головами над своими книгами, выкрикивая что-то нараспев и слегка покачиваясь телом. Здесь же, в яме, помещался учитель с серьезной спокойной физиономией, ничуть не изменившей своего выражения и при моем появлении. Перед ним лежала длинная палка, которой он придает охоту своим ученикам к чтению и внушает им усердие» [Щербина-Крамаренко 1896: 47].

На снимке из кочевой жизни казахов «Перекочевка киргиз (так в то время называли казахов. — *В.П.*)», которая была одним из самых характерных явлений кочевого быта, показана замужняя казашка в белом головном уборе, сидящая верхом на лошади. Рядом стоит верблюд с кладью, готовый к переезду. Фон снимка — юрты, с одной из них сняты войлочные покрытия, остался только деревянный остов (колл. И-674-86).

Определенным этапом в истории фотографии можно считать снимок альбома «Скачки (байга) у киргиз», на котором пытались запечатлеть движущиеся фигуры (колл. И-674-87). На снимке плохая резкость: толпа всадников в степи показана на фоне разбросанных вдали юрт. «Спокойную природу, виды фотография передает много резче, чем лица и все движущееся, хотя в наше время всевозможных усовершенствований снимают фотографии с полета ядер и т.п.», — писал журнал «Светопись» в 1859 г. [Светопись 1859: 68]. Однако для этнографиче-

ской науки фотокадр скачек стал документально зафиксированным эпизодом из действительности начала 1870-х годов.

Отдельные картоны альбома посвящены Каты-Кургану, Ура-Тюбе, Туркестану, Ташкенту, Ходженту, Казалинску. Ряд пейзажей знакомил с характером местностей, как горных, так и степных. Часть фотографий тома «Туркестанского альбома», хранящегося в МАЭ, представляла изображения архитектурных сооружений, русских укреплений.

В 1924 г. С.М. Дудин выполнил в фотолаборатории МАЭ 250 стеклянных негативов (размером 6×9, 9×12 и 12×16,5 см), относящихся к «Туркестанскому альбому». Они были зарегистрированы как самостоятельная коллекция (колл. 3009). Отпечатки с них сделаны не были. Поэтому получить представление о содержании снимков можно только по описи. При сопоставлении фотографий тома «Туркестанского альбома» из собраний МАЭ, о котором шла речь выше, с описью негативов коллекции С.М. Дудина стало очевидно, что он сделал негативы тех снимков (по всей видимости, с оригинальных негативов, хранящихся в ИИМК РАН), которые не входят в том «Туркестанского альбома» МАЭ, а дополняют его.

В коллекции хранятся негативы со снимками антропологических типов — таджики, узбеки, казахи, среднеазиатские евреи, каракалпаки. На серии изображений показаны религиозные обычаи и обряды таджиков (ремесленные, свадебные, женские), казахов (свадебные), среднеазиатских евреев (свадебные). Большая часть кадров посвящена традиционным занятиям кочевого и оседлого населения, показаны орудия труда, процесс обработки зерна (молотьба, мельницы и толчеи местной конструкции).

На значительной части негативов запечатлены сцены, связанные с различными видами промыслов, ремесел и торговли. Многие лавки в то время были мастерскими (шорными, токарными, кузнечными, сапожными и др.), в которых продавались однотипные товары. В разделе, посвященном армянскому ремеслу, на снимках имеются два вида арбы: кокандская и бухарская, а также запечатлены этапы выделки их составных частей и сборки. Часть материалов коллекции связана с обработкой и использованием такого строительного материала, как камыш. Он шел на плетение крыш, заборов, разнообразных циновок, которые находили применение в хозяйстве. На изображениях показана работа гончара по изготовлению печей, домашней глиняной утвари.

Среди снимков промыслов и ремесел хранятся изображения свечного, мыловаренного, маслособойного и пекарного производств, приготовления нюхательного табака, выделки кож рогатого скота, работы кузнецов и литейщиков и продажи их изделий. Широкое распростра-

нение у местного населения имела металлическая посуда из красной и желтой меди, изображения которой также представлены в коллекции негативов 1924 г. В числе предметов из железа и меди, которыми торговали, показаны, в частности, и сами инструменты ремесленников.

Отдельная часть негативов посвящена такому традиционному занятию населения, как ткачество, изготовлению хлопчатобумажных тканей, производству шелка, обработке шерсти и ковроделию. Некоторое количество изображений связано с народным театром: запечатлены артисты труппы *маскарабозов*, а также театральная одежда. Общественная жизнь населения освещена на снимке «Сбор податей».

В конце 1920-х годов С.М. Дудин исполнил в фотомастерской МАЭ коллекцию негативов (26 штук размером 6×9, 9×12 и 12×16/15 см) части снимков «Туркестанского альбома», касающихся среднеазиатских евреев (типы, религиозные обычаи и обряды, обучение детей), которые не входили в экземпляр тома «Туркестанского альбома», хранящегося в музее (колл. 3317), но дублируют часть изображений коллекции негативов, сделанных С.М. Дудиным в 1924 г. (колл. 3009).

В 1958 г. МАЭ (в то время он был одним из отделов Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР¹) изготовил по заказу Московской части института более 300 отпечатков с некоторых подлинных стеклянных негативов «Туркестанского альбома» (колл. И-1718), выполненных в 1871–1872 гг. и хранящихся в ИИМК РАН. Эта коллекция фотографий (размером 13×18 и 18×24 см) дополнила экземпляр «Туркестанского альбома» МАЭ, иногда дублируя некоторые кадры из него. Отпечатки были зарегистрированы как самостоятельная коллекция.

Фотографии этой коллекции можно сгруппировать по темам: портреты мужчин и женщин, представителей кочевого и оседлого населения с показом традиционного костюма; изображения, связанные с занятиями (сельское хозяйство, ремесла и торговля). Из многочисленных видов традиционных ремесел в коллекции представлены фотографии различных этапов обработки хлопка, шелка, кустарного ткачества, выделки кожи, сапожного дела, металлообработки (чугунно-литейного производства и выделки медных изделий), изготовления камышовых циновок, плетения нагаек, деревообработки, шорного, табачного ремесел, выделки гончарами печей-тануров.

¹ С 1933 г. в Ленинграде существовал Институт этнографии АН СССР. В конце 1942 г. была организована московская группа Института, преобразованная в 1943 г. в головной Институт этнографии.

Почти каждый вид ремесел сопровождается снимком набора инструментов, которые по конструкции выглядели довольно простыми. Поэтому вызывало восхищение, что с помощью таких примитивных орудий труда можно было выполнить сложные и красивые изделия. Понятно, что для их изготовления требовались терпение и много времени.

Значительное количество фотографий посвящено изображению типов торговцев различными товарами, в том числе продуктами питания и готовыми изделиями. На ряде снимков собраны предметы домашней утвари (металлическая, деревянная и керамическая посуда). Отдельные фотографии изображают бытовые сцены, эпизоды общественной жизни: суд, некоторые религиозные обряды, обучение в начальной школе; показаны местные транспортные средства. Так, один из снимков называется «Казашка верхом на корове». Этот сюжет позволяет вспомнить еще одну раннюю иллюстративную коллекцию МАЭ — альбом этнографических рисунков художника П.М. Кошарова, который в 1857 г. наблюдал жизнь киргизов и казахов. Альбом сопровождаются пояснениями автора. По замечанию художника, богатые киргизы считали за позор сесть на корову или быка, у бедных же это случалось часто, и при этом седлали рогатый скот обыкновенными седлами (колл. 2643/2), как это показано на фотографии «Туркестанского альбома».

Группа фотографий зафиксировала некоторые традиционные праздники, развлечения и увеселения (чайхана, группа мужчин, занятых игрой в кости, дети на каруселях, выступления местных артистов и музыкантов).

Фотография «Торжественный прием в ханском дворце г. Ассак» входит в число изображений «Туркестанского альбома», посвященных Кокандскому ханству. На ней показан внутренний двор дворца, под крышей айвана расположилось много людей в пестрых халатах и больших белых чалмах. В 1868 г. Россия заключила мирный договор с Кокандским ханством. Взятием русскими войсками 9 января 1876 г. Андижана, затем Ассак закончилось покорение ханства и присоединение его к России под именем Ферганы [Массальский 1913: 710]. Можно предположить, что на фотографии показана кокандская знать в ожидании приема гостей, вероятнее всего русских.

В 1872 г. Г.Е. Кривцов фотографировал кокандского правителя Худояр-хана для «Туркестанского альбома». В настоящее время этот портрет в экземпляре «Туркестанского альбома», хранящегося в МАЭ, отсутствует. Возможно, снимок «Торжественный прием в ханском дворце г. Ассак» был сделан в это же время.

Серия изображений альбома раскрывает духовную сторону жизни коренного населения новых земель. Кроме портретов должностных лиц

при мечетях составители издания показали последователей некоторых мусульманских орденов. На снимке «Секта “Хуфие”» на циновке, разостланной на земле, кружком сидит группа мужчин (колл. И-1718-245). На фотокадре «Секта “Джагриие” на молитве в мечети» часть мужчин сидит вдоль стен, другие, человек пятнадцать, сняв чалму и оставшись в тюбетейках, встали в кружок в углу помещения, некоторые из них наклонились вперед (колл. И-1718-243). Моления ордена Джагрие-кадрие обычно сопровождалось различными телодвижениями и криками.

Таким образом, изучение иллюстративного фонда МАЭ показало, что кроме тома «Туркестанского альбома» в музее хранятся еще три коллекции негативов и фотографий, дополняющие его.

Вместе с «Туркестанским альбомом» хранится еще один альбом (они вложены в одну папку). Это фотографии с рисунков и картин художника В.В. Верещагина. По размерам картонки альбома В.В. Верещагина и «Туркестанского альбома» совпадают. Альбом В.В. Верещагина известен в двух вариантах. Под названием «Русский Туркестан» он был издан в виде книги большого формата. Как альбом, состоявший из отдельных листов, вложенных в папку, он существовал под названием «Туркестан». Именно этот вариант хранится в МАЭ.

Тематически альбом В.В. Верещагина был тесно связан с «Туркестанским альбомом», и, возможно, поэтому оба фотоальбома были зарегистрированы в МАЭ под одним номером как одна коллекция (колл. И-674). В общей описи коллекции сделана сплошная нумерация, которая переходит после фотографий «Туркестанского альбома» (после № 116) сразу к перечню 103 изображений репродукций В.В. Верещагина. Титульный лист альбома отсутствует, вместо этого он переписан от руки на листе бумаги черной тушью: «Туркестан. Этюды с натуры В.В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. Санкт-Петербург. 1874». Здесь же указано, что продавался альбом на Невском проспекте возле Главного штаба, в доме 4, в художественном магазине А. Бегрова, поставщика императорского двора. Кроме альбома В.В. Верещагина в продаже имелись фотографии большого размера с картин художника, в том числе и на среднеазиатские темы.

Экземпляр альбома В.В. Верещагина, хранящийся в МАЭ, состоит из 24 листов со 103 изображениями. Фотоальбом В.В. Верещагина «Туркестан» не только собрание многих замечательных произведений художника. Для своего времени он стал технической новинкой. В эпоху первооткрывателей в фотографии этот новый вид изобразительного искусства пытались применить ко многим отраслям жизни, науки, искус-

ства. Отдельным направлением было фотокопирование произведений живописи известных художников, чтобы определить, насколько точно это техническое новшество может передать работу художника. Способы воспроизведения рисунков при помощи фотографии давали возможность получения прекрасных копий с произведений художников, способствуя развитию знаний и популяризации искусства. На заседании первого в России фотографического общества (1866 г.) — Пятого отдела светописы ИМТО — С.Д. Лаптев представлял свои фотографии картин В.В. Верещагина [Фотограф 1880: 128].

В альбоме В.В. Верещагина собраны фотографии с его рисунков и картин — портреты представителей разных народов Средней Азии и Казахстана, мужчин и женщин, таджиков, узбеков, казахов, евреев, арабов, персов, цыган, индийцев, афганцев. (В состав, например, армии Кокандского ханства входили регулярные военные подразделения, обладавшие сильной артиллерией и находившиеся под командой опытных инструкторов — афганских и индийских офицеров.) На поясных портретах показаны головные уборы мужчин, прически и украшения женщин. Мужчины изображены в большинстве случаев в чалмах. Художник обратил внимание на разную манеру накручивания и ношения этого головного убора. В альбоме также представлены народы, населявшие пограничные районы Китая.

На одном из портретов В.В. Верещагин зарисовал среднеазиатского (бухарского) еврея в шапке с меховой опушкой, из-под которой выпущены длинные волосы. Действительно, по рассказам приезжих иностранцев, долготелее пребывание среди мусульман наложило на внешность местных евреев отпечаток, хотя они отличались от остального населения [Логофет 1911, I: 182]. Мужской костюм напоминал одежду основного населения, за исключением головного убора. Как иноверцам, им запрещалось носить чалму. Вместо этого у среднеазиатских или бухарских евреев бытовала шапка из черного сукна с меховой оторочкой, *тильняк*, которая и показана на рисунке В.В. Верещагина [Соколов 1894: 45].

На одном из портретов среднеазиатских цыган, которые переняли от окружавшего их населения не только ислам, но и некоторые элементы традиционной культуры, включая одежду, изображен мужчина с длинной бородой в чалме, на другом — в высокой шапке с узкой полосой меховой опушки (колл. И-674-169, 171).

В своих этюдах с натуры В.В. Верещагин уделял внимание характерным мужским головным уборам казахов: тюбетейкам, круглым меховым шапкам и ушанкам с лопастями-наушниками и назатыльником.

Художник сумел точно передать антропологические особенности, присущие тому или иному народу. На одном рисунке таджичка нарисо-

вана в головном платке, повязанном низко на лоб. Ее традиционная прическа представляет собой рассыпанные сзади по спине и плечам косы, у ушей выпущены вьющиеся пряди волос. Сартянка изображена с более монголоидными чертами лица, она также в платке, видны прямые остриженные пряди волос.

На женских портретах тщательно прописаны головные уборы казашек: *кимешек* замужних женщин (кКолл. И-674-172) и *саукеле* молодежи (колл. И-674-173). Кимешек чаще всего состоял из двух частей: полотнища, которое закрывало волосы и спускалось на плечи, и тюбана. В некоторых случаях обе части головного убора состояли из одного куска материи. На рисунке В.В. Верещагина зафиксирован один из вариантов свадебного головного убора саукеле в виде усеченного конуса с тремя перьями (возможно, филина).

На фотографиях некоторых картин В.В. Верещагина детально прописаны костюмы, головные уборы местного населения. Среди сюжетов из жизни кочевников у художника есть две картины с одним названием «Перекочевка». На них показана упаковка громоздкой на вид юрты. При сравнении этих двух картин оказалось, что в конце цепочки каравана выписана одна и та же фигура казашки-всадницы. Возможно, на картинах изображен один и тот же караван (колл. И-674-126, 193).

На первой из картин во главе каравана по степи идет бык, нагруженный циновками из тростника, свернутыми в рулоны. Следом за ним ступает верблюд, который несет тяжелые деревянные жерди и верхний круг юрты *кереге*. За верблюдом верхом на лошади едет хозяин. Следующей в караване должна быть фигура женщины, но на этой картине ей не хватило места, и художник изобразил ее верхом на второй картине. В руке женщина держит поводок верблюда, нагруженного деревянной мебелью (кровати, короба и т.п.) и войлоками для внутреннего убранства жилища. Затем идет второй верблюд, соединенный с предыдущим поводком. Недалеко видна фигура еще одного всадника, управляющего караваном.

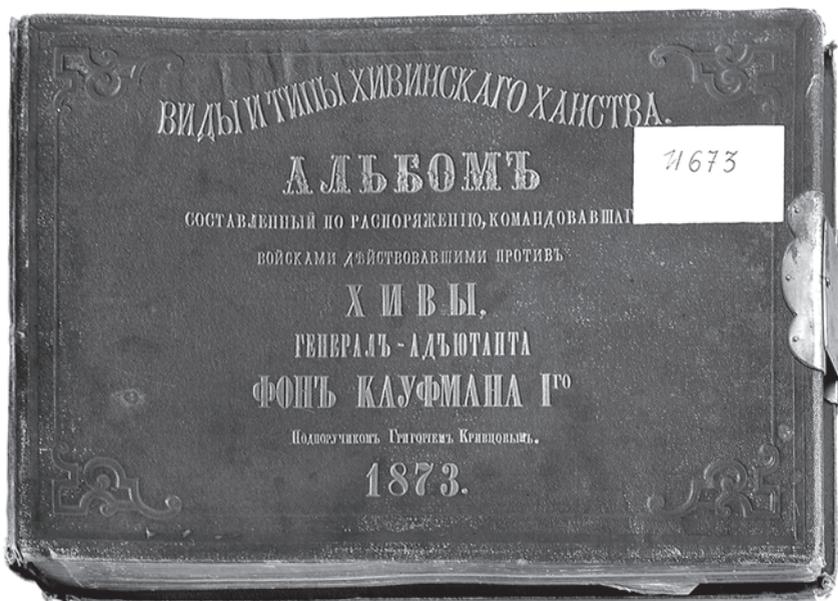
Картины «Перекочевка», «Внутренность киргизской палатки» (в виде фотографии — колл. И-674-182) и портреты казахов стали одними из ранних графических изображений внутреннего устройства казахской юрты, сцен из жизни казахов в собраниях МАЭ.

В фотоальбоме В.В. Верещагина входят репродукции картин «Дворик дома в Самарканде» и знаменитые «Нищие в Самарканде» и «Диваны (дервиши)», которые вызывали особый интерес у художника. Остальные репродукции альбома — это изображения местных достопримечательностей, памятников архитектуры, караван-сарая, видов населенных пунктов, мест боев во время военных действий.

Русским художникам и фотографам, которые работали среди мусульманского населения, приходилось сталкиваться с большими трудностями. Они помнили об известном шариатском запрете изображать живых людей. Поэтому В.В. Верещагину и его коллегам приходилось преодолевать его различными путями, в том числе и рисовать по памяти. При этом важно было научиться общаться с местным населением, у которого пришельцы вызывали подозрение, а в некоторых случаях и ненависть.

Рассматривая историю формирования иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ, продолжим изучение коллекций, связанных с участием К.П. Кауфмана в культурно-просветительской деятельности.

Наиболее ранней фотоколлекцией по истории Хивинского ханства и хивинцам стал фотоальбом «Виды и типы Хивинского ханства. Альбом, составленный по распоряжению, командовавшего войсками действовавшего против Хивы генерал-адъютанта фон Кауфмана I-го. Подпоручиком Григорием Кривцовым. 1873» (колл. И-673). Литографии были выполнены Э. Арнголдом. Фотоальбом поступил в МАЭ в 1874 г. одновременно с «Туркестанским альбомом».

Внешний вид альбома «Виды и типы Хивинского ханства». МАЭ. Колл. И-673

Альбом «Виды и типы Хивинского ханства» Г.Е. Кривцова состоит из 78 листов, содержащих 39 фотографий, разделенных папиросной бумагой. Снимки превосходного качества, на них можно рассмотреть даже детали. Г.Е. Кривцов был хорошо знаком с историей ханства. Особую ценность альбому придают подробные комментарии фотографа, помещенные на обороте фотографий, с описаниями отдельных моментов истории ханства и обычаев его населения, портретами хана хивинского, его родственников и приближенных. Как участник хивинской экспедиции 1873 г., Г.Е. Кривцов не обошел вниманием события, связанные со вступлением в город русских войск, показал исторические здания, в которых располагались русские солдаты. Альбом «Виды и типы жителей Хивинского ханства» Г.Е. Кривцова имеет особую ценность, так как он остался практически единственным свидетельством жизни хивинского двора сразу после вступления в столицу ханства русских войск.

При создании альбома главное внимание уделялось историко-политическому аспекту. Тем не менее на его страницах содержатся этнографические характеристики, сведения об антропологическом облике хивинцев, их одежде и головных уборах.

На страницах фотоальбома Г.Е. Кривцов поместил изображения главных достопримечательностей Хивы, ее улиц и базаров, портреты представителей высшей хивинской администрации и знати, членов депутатий, которые прибыли к К.П. Кауфману после занятия Хивы русскими войсками, а также типы населения ханства, в том числе казахов Кызыл-Кумов, каракалпаков, туркмен-иомудов. Альбом дает богатый изобразительный материал для изучения мужской одежды туркменов, казахов и каракалпаков Хивинского ханства.

Видный востоковед М.С. Андреев в 1940–1941 гг., собирая материал об Арке Бухары (резиденции бухарских ханов) и жизни его обитателей, выразил пожелание, «чтобы как можно скорее был собран материал по описанию быта хивинских ханов: нужно скорее зафиксировать этот почти совершенно отсутствующий еще в печати исторический материал» [Андреев, Чехович 1972: 11]. Однако данное пожелание не было осуществлено, поэтому альбом Г.Е. Кривцова в какой-то мере восполнил этот пробел.

Сделанные Г.Е. Кривцовым для альбома портреты представляли прежде всего значительный исторический интерес. Это изображения представителей каракалпакской и казахской знати, которые прибыли во главе своих депутатий к К.П. Кауфману вскоре после занятия Хивы русскими войсками (колл. И-673-29, 30). Приближенные хивинского хана, например диван-беги (заведовал сбором налога — зякета — и мо-

нетным двором) Мад (Мат, Мухаммед) Мурад (колл. И-673-27), ближайший советник хана и его бывший воспитатель, который имел на него огромное влияние. Его называли «человеком со способностями» и ненавистником русских [Всемирная иллюстрация. 1873. № 10: 182]. Современные центральные газеты так характеризовали Мат-Мурада: «У этого старца, дяди, организм, разрушенный действием опиума и хашиша, хоть и пользуется почетом и уважением» [Туркестанские ведомости. 1873. № 29]. Хивинский хан при поддержке Мат-Мурада и в союзе с туркменами-иомудами составляли так называемую партию войны, враждебную России. Мат-Мураду принадлежало первое место среди приближенных хана.

Портреты есаул-баши Рахмат-улла (Рахмет-улла) (колл. И-673-28), мехтера Абдулла-бай (колл. И-673-25) — тоже известных в стране людей. Здесь же помещены снимки родственников хана — его двоюродного брата диван-беги Мат-Нияза (по словам Г. Кривцова, сын дяди хана от русской пленницы) (колл. И-673-26), которого называли «умным, понимающим человеком, разумным, толковым». Мат-Нияз помог успокоить население Хивы во время занятия города [Туркестанские ведомости. 1873. № 29]. Он сохранил должность диван-беги в составе нового дивана, временного совета для управления ханством, учрежденного под председательством хана, в который вошли русские чиновники (подполковник Н.А. Иванов, А.П. Хорошкин и др.). Бывший диван беги Мат-Мурад и его ближайший сподвижник есаул-баши Рахмат-улла были отправлены на пароходе в Казалинск, где содержались арестованными до решения их дальнейшей участи [Всемирная иллюстрация. 1873. № 10].

На фотографиях альбома — Исса-тюря (титул «тюря-хан» носил наследник престола), один из претендентов на престол, и Атаджан-тюря (колл. И-673-23), младший брат хана, юноша лет двадцати. Современники так описывали его внешность: «Видный рослый мужчина с белым лицом и красивыми руками» [Всемирная иллюстрация. 1873. № 10: 119]. Хан особенно любил брата. Однако Атаджан-тюря готовил заговор против хана, за что провел в тюрьме семь лет [Остроумов 1899: 207]. При приближении русских его освободили и избрали ханом. Поэтому его еще называли экс-ханом. Спасаясь от русских, хивинский хан Мухаммед-Рахим бежал. После вступления русских войск в Хиву его заставили вернуться, подписать договор, и К.П. Кауфман восстановил ханом Мухаммед-Рахима. После этих событий Атаджан-тюря осенью 1873 г. уехал из Хивы в сопровождении своих приближенных и отправился в Тифлис, как сообщали «Туркестанские ведомости» и другие издания, чтобы через территорию России посетить Мекку. Он уехал в Россию, опасаясь

места брата, стал изучать русский язык, привыкать к русским порядкам и нравам, даже сменил костюм — «пестрые шелковые халаты на одежду из светлого сукна», и собирался поступить на русскую службу [Всемирная иллюстрация. 1873. № 246, 250, 289].

На поясных портретах альбома хивинские вельможи показаны в характерных суживающихся кверху меховых шапках. Об этом головном уборе писал Э. Реклю: «Почти у всех хивинцев уши оттопыренные или даже отвислые: высокая барашковая шапка, которую они носят постоянно, зимой и летом, отгибает им уши, по которым их можно узнать с первого взгляда среди жителей других ханств» [Реклю 1898: 475].

В альбоме Г.Е. Кривцов не обошел вниманием хивинского хана Сеид-Мухаммед-Рахим-Богодур-хана, о котором много писали (колл. И-673-24). Он принадлежал к узбекскому роду кунграт. На снимке альбома хан молодой. Современники определяли его возраст по-разному, от 27 до 35 лет. Хан снят в повседневной одежде и темной барашковой папахе. В торжественных случаях, как писали, парадный наряд хана состоял из мерлушковой шапки, одна половина которой была черной, другая — седой. Сверху на головной убор вкалывали украшение, состоявшее из позолоченной шпильки, раздвоенной на конце. На ее загнутых в стороны концах были изображены змеиные головы. Между ними был вставлен пучок стоячих конских волос. Такой султан на головном уборе был знаком правителя.

В парадных случаях халат хивинского хана шили из парчи с золотыми и серебряными нитями. Он надевался поверх нескольких шелковых халатов, подпоясанных шелковыми поясами. Во время каждого выезда хан, особенно когда он направлялся на молитву в мечеть, был на белом коне, покрытом парчовой попоной. Впереди хана бежали человек тридцать из свиты, извещавших о его приближении. За ними следовали еще человек двенадцать с разными погремушками и колокольчиками [Всемирная иллюстрация. 1873. № 10: 122].

Хивинский хан считался образованным человеком. Он был любителем искусств, поэзии, писал стихотворные газели, которые публиковали вместе с произведениями хивинских поэтов, имел богатую библиотеку с редкими рукописями. При ханском дворе существовала «специальная канцелярия для снятия копий с рукописей». Со второй половины XIX в. в Среднюю Азию через Казань проникло искусство литографических иллюстраций. Литографированные книги появились в Ташкенте в 1868 г., в конце 1870-х годов хан хивинский Мухаммед-Рахим организовал литографическую мастерскую в Хиве. Ханская литографическая мастерская выпустила «до 15 крупных изданий, распре-

деленных ханом между его приближенными» [Массальский 1913: 382]. Здесь в 1880 г. были изданы «Хамса» Алишера Навои, «Диван-и-Мунис», «Диван-и-Раджи» и другие восточные рукописи [Чабров 1946: 93]. После покорения Хивы русскими в ней работали выдающиеся востоковеды А.Л. Кун и А.Н. Самойлович. Очевидцы писали, что в Хиве все грамотные люди знают поэта Навои и среди населения всегда были в большом почете рассказчики и певцы.

После покорения Хивинского ханства хану был присвоен титул «сиятельство», с которым обращались к князьям и графам. По сообщениям современников, сломленный и оказавшийся не у дел хивинский хан увлекся техническими новинками. Газеты отмечали, что жилые помещения дворца «он наполнил часами разных величин и конструкций, с кукушками и без, поставленных на разное время и поминутно бьющих» [Новое время. 1893. № 152]. Писали, что однажды в день приема иностранных посольств, прибывших в Россию на коронацию царя, хивинский хан с картинным эффектом выказал покорность, положив у ног самодержца свою шапку и саблю [Череванский 1893: 328].

В фотоальбоме «Виды и типы Хивинского ханства» Г.Е. Кривцов поместил снимок одного из пунктов, где собиралась очередная партия персов-рабов, и описал процесс их отправки на родину и путь следования. Царская администрация большое значение придавала проблеме рабства и торговли невольниками в ханстве. После отмены рабства К.П. Кауфман с помощью русского посланника организовал сбор и отправку рабов в Персию, в Тегеран, предупредив правительство Персии о необходимости встретить их на границе (см.: [Туркестанские ведомости. 1873. № 30]). Для Хивинского ханства существование рабства было важно, а отмена его приравнивалась к перевороту; рабы составляли главную рабочую силу, большинство обработанных полей поддерживалось трудом невольников. Количество иранцев-рабов здесь измерялось десятками тысяч [Туркестанские ведомости. 1873. № 29].

До настоящего времени большинство изображений фотоальбома «Виды и типы Хивинского ханства», как и «Туркестанского альбома», не было опубликовано, несмотря на то что они могут служить богатейшим научным источником.

Эти издания, особенно «Туркестанский альбом», нашли широкое одобрение у современников, но одним из их недостатков считалось изображение людей в праздничном виде: «...для специально антропологических исследований альбом собственно не представляет материала, потому что в большей части случаев головы покрыты чалмами и шапками» [Лерх 1874: 99]. Авторы рецензий высказывали пожелания видеть снимки представителей местного населения нагими и полунагими,

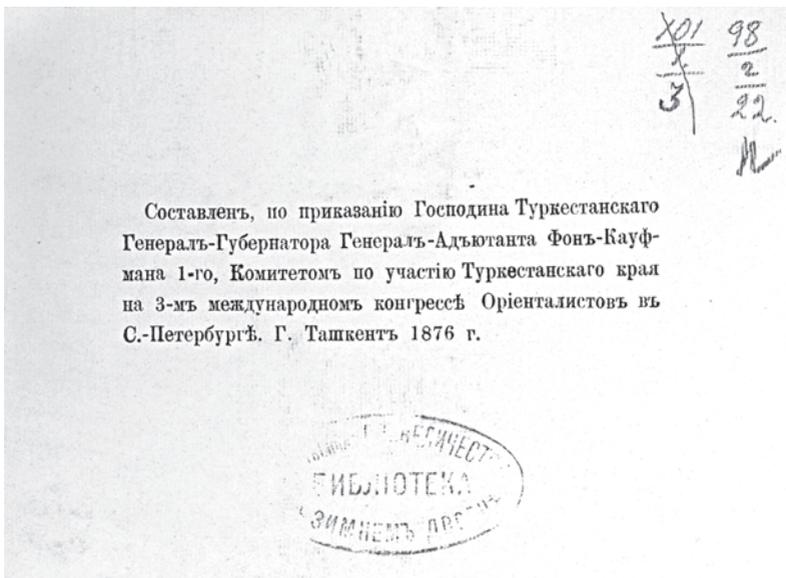
чтобы получить представление об их телосложении, а портреты еще и в профиль. По всей видимости, с учетом высказанных замечаний был выпущен фотоальбом «Типы народностей Средней Азии».

Фотоальбом «Типы народностей Средней Азии» вышел также по распоряжению и содействию К.П. Кауфмана, снимки были выполнены в фотостудии В.Ф. Козловского в Ташкенте. Обычно на изображениях местное население показывали в традиционных костюмах и головных уборах. В альбоме «Типы народностей Средней Азии» (колл. И-2205) во многих случаях головные уборы отсутствуют. Кроме фрагментов одежды на фотографиях продемонстрированы бытовавшие прически и украшения.

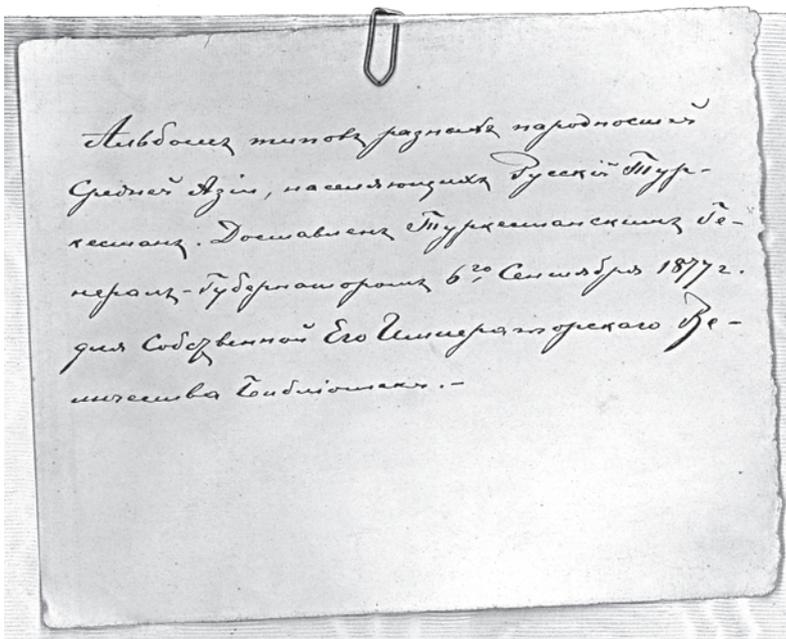

Внешний вид альбома «Типы народностей Средней Азии». МАЭ. Колл. И-2205

Альбом состоит из 85 черно-белых фотографий. На каждую страницу альбома, изготовленную из плотного картона, наклеены по два поясных портрета, снятых в двух ракурсах, в фас и в профиль. Снимки помещены в овал и оформлены золотистой рамкой с завитками. Внизу указан автор фотографий. Большая часть народов представлена в альбоме изображениями мужчин и женщин, в некоторых случаях по два чело-

Штамп и записка в альбоме «Типы народностей Средней Азии»

Записка в альбоме «Типы народностей Средней Азии»

века, мужчина и женщина, разные по возрасту, иногда — только мужчины.

В альбоме запечатлены сарты, мужчина (2 портрета) и женщина (3 портрета), по два портрета казахов, мужчины и женщины, каракалпаки (2 портрета), кураминцы (один с европеоидными, другой с монголоидными чертами лица) и кураминка, по два мужских и женских портрета таджиков, молодого и старого.

Из снимках таджиков выделяются фотографии двух каратегинцев разного возраста. До революции 1917 г. каратегинцы составляли отдельную группу и заселяли несколько кишлаков в окрестностях Андижана и Ферганы [Кисляков 1953: 112–113]. Они сохраняли свою самобытность и не подверглись тюркизации [Кузнецов 1915: 11–12, 16].

Кроме того, в альбоме представлены снимки двух узбеков и трех узбечек, двух цыган (отдельно — цыгане племени *люли*, мужчина и женщина, и цыгане мазанг, двое мужчин и женщина), по два снимка среднеазиатских евреев, мужчина и женщина, фотографии старого и молодого индийцев, афганца и др. народов, а также населения пограничных районов Китая.

Альбом «Типы народностей Средней Азии» (размером 26,5×19×5,5 см) обтянут потертым бархатом темно-сиреневого цвета. Сбоку у него застежка, выполненная из металла желтого цвета. На наружной стороне заднего переплета укреплены по углам, для большей устойчивости альбома, четыре ножки белого цвета сферической формы диаметром 1 см. Обрез альбома выкрашен позолоченной краской.

На внутренней стороне переплета наклеен лист пожелтевшей бумаги размером 10,5×13,5 см с шифрами, расположенными в правом верхнем углу и написанными карандашом черного цвета. Первый шифр зачеркнут и рядом указан второй. В нижней части листа стоит штамп с текстом, который читается неполностью: «Собственная Его Императорского Величества Библиотека. В Зимнем дворце». В центре этой библиотечной карточки расположен текст, напечатанный типографским способом: «Составлен, по приказанию Господина Туркестанского Генерал-Губернатора Генерал-Адъютанта Фон-Кауфмана 1-го, Комитетом по участию Туркестанского края на 3-ем международном конгрессе Ориенталистов в С.-Петербурге. г. Ташкент 1876 г.».

В альбом вложена записка, написанная от руки тушью черного цвета, в которой сообщается, что альбом доставил К.П. Кауфман для собственной библиотеки императора 6-го сентября 1877 г.

«Туркестанский альбом», альбомы Г.Е. Кривцова «Виды и типы Хивинского ханства» и В. Козловского «Типы народностей Средней

Азии» выходили сравнительно ограниченным тиражом, стоили очень дорого и, вероятнее всего, не поступали в продажу. Они были доступны лишь небольшому кругу лиц, нескольким крупным библиотекам и не могли находиться в частном собрании.

Помимо поступления в МАЭ серии описанных фотоальбомов иллюстративный фонд музея по народам Средней Азии и Казахстана пополнялся коллекциями от частных лиц и участников экспедиций. Согласно музейной документации, в 1880 г. известный естествоиспытатель XIX в. Иван Семенович Поляков принес в дар Кунсткамере фотографии (более 100 штук) по народам России и Сибири. По сведениям Е. Петри, зарегистрировавшей эту коллекцию в 1903 г., надписи на photographиях и список скимков были сделаны первым хранителем, «консерватором» музея Ф.К. Руссовым. Возможно, поэтому аннотации к кадрам написаны на русском и немецком языках (Ф.К. Руссов был немцем по происхождению). В состав коллекции вошли снимки, выполненные у казахов Семипалатинской области (колл. 106). Снимки монохромные, коричнево-бежевого цвета, высокого качества, выполнены профессионалом. Со временем они почти не выцвели. Фотографии наклеены на паспарту из толстого картона размером 27×35 см. Каждое изображение подписано черной тушью красивым почерком, сначала по-русски, затем — на немецком языке. На паспарту внизу на русском языке уточнено: «И.С. Поляков. 1880 г.». Большинство снимков носят постановочный характер, они выполнены с позирующими моделями.

В настоящее время трудно установить, сам ли собиратель делал снимки для коллекции или они выполнены в ателье фотографа-профессионала. На паспарту одной фотографии из коллекции рядом с указанием даты и фамилией собирателя («И.С. Поляков. 1880») сохранилось клеймо — «В(Б)асарева» (колл. № 106-85).

В фотоколлекцию И.С. Полякова вошел снимок «Каюк “В. Земцов” экспедиции И.С. Полякова в момент отъезда из Обдорска и каюк бременной экспедиции с д-ром Финшем и графом Вальбург-Цейлем» (колл. № 106-1). Обдорск — село Березовского округа Тобольской губернии. Отто Финш был известным немецким путешественником, этнологом и орнитологом, с 1864 г. директором естественно-исторического и этнографического музея в Берлине. Большую часть жизни О. Финш провел в экспедициях по самым разнообразным местам. В 1876 г. Беременское полярное общество поручило ему отправиться в сопровождении орнитолога Брэма и графа Вальдбург-Цейля в Восточную Сибирь. О. Финш исследовал Туркестан, достиг гор Алатау, пе-

решел в Северо-Западный Китай, вернулся через Западную и Северо-Западную Сибирь в Европу, собрав громадные коллекции.

В 1877 г. И.С. Поляков исследовал Лепсинский уезд Семиречья [Станюкович 1964: 52–59]. Возможно, это была совместная с О. Финшем русско-немецкая экспедиция.

Фотоколлекция И.С. Полякова — старейшее музейное собрание, которое целиком посвящено изучению одного народа — казахов. Жизнь казахов, сохранявших кочевой образ жизни и быт, представляла для этнографов большой интерес. Ко времени поступления в музей коллекции И.С. Полякова появились многочисленные публикации, касавшиеся быта казахов. Тем не менее литературные описания не могли охватить все стороны традиционного уклада их жизни.

В фотоколлекции 1880 г. И.С. Поляков старался показать, на его взгляд, наиболее яркие стороны жизни кочевников, средства передвижения, эпизоды общественной жизни и т.д. На одном снимке ему удалось запечатлеть как бы разрез юрты, что позволяло понять ее устройство. На жилище частично откинута кошма, покрывающая его, и возникла непривычная панорама юрты. Можно увидеть ее конструкцию, внутреннее убранство, воочию оценить, как это древнее жилище служило кочевникам. Этот снимок также привлекает внимание с точки зрения истории фотографии: он раскрашен от руки и может считаться предшественником цветной фотопечати наших дней.

В коллекции И.С. Полякова нашла отражение одежда разных имущественных слоев казахского населения, показаны ее формы, также в зависимости от пола и возраста, на примере фотографий отдельных семей.

Большой интерес представляют изображения такого головного убора, как кимешек. Способы повязывания верхней части кимешека — тюрбана — были разнообразными. Сохранилось мало изображений, по которым можно судить об особенностях форм и манере ношения тюрбанов у казахов. Тем большую значимость имеет фотография коллекции И.С. Полякова, на которой одновременно показаны три варианта кимешека и разные формы тюрбанов.

На снимках коллекции запечатлены различные позы сидящих в юрте, что отражало существование определенных этикетных норм поведения в зависимости от половозрастной принадлежности. До сих пор этот вопрос остается малоизученным в этнографической литературе.

Следующим по времени поступления в музей в 1880 г. был альбом, зарегистрированный лишь в 1902 г. Он называется «Этнографический альбом Дико-каменных киргизов племени Богинцев с картою, рисо-

ванный с натуры художником Кошаровым во время ученой экспедиции члена имп. Русского географического общества П.П. Семенова в 1857 году» (колл. № 116).

Кроме этого альбома в МАЭ хранятся еще две тетради Павла Михайловича Кошарова с зарисовками карандашом типажей и предметов быта. Первая тетрадь называется «Этнографические рисунки одежды, утварь, оружие и другие вещи Дико-каменных и Большой Орды киргиз». Одна тетрадь состоит из восьми листов рисунков и трех листов текста комментариев художника к ним. Вторая тетрадь называется «Типы Дико-каменных и Большой Орды киргизов, ташкентца, кашгарца и китайских калмыков» (колл. 2643). Она состоит из 16 листов рисунков и двух листов текста. В 1917 г. обе тетради зарегистрировал и составил на них опись С.М. Дудин, указав в графе «Источник поступления» — «предметы из старых поступлений».

В 1953 г. альбом с комментариями к рисункам П.М. Кошарова опубликовал известный отечественный специалист по кочевым народам Средней Азии С.М. Абрамзон [Абрамзон 1953], при этом исследователь ошибочно предположил, что тетради рисунков поступили в МАЭ одновременно с альбомом в 1880 г.

Архивные документы показывают, что на одном из заседаний Историко-филологического отделения Академии наук в апреле 1917 г. академик Н.А. Котляревский объявил, что среди рукописей и книг, приобретенных Пушкинским Домом у наследника издателя журнала «Искра» Н.А. Степанова, «нашлись три тетради-альбома с рисунками (1857 г.) художника Кошарова, сделанные им в экспедиции в Среднюю Азию: это типы дикокаменных и Большой Орды киргизов, ташкентцев и китайских калмыков, рисунки одежды, утвари, оружия и других вещей дикокаменных и Большой Орды киргизов и геогностические рисунки и другие замечательные виды и снимки с вещей из Киргизской степи, в Заилийском крае Кунгей Алатау, на озере Иссык-Куль и Небесном хребте или Тянь-Шане <...> Полагая, что альбомы художника Кошарова должны представлять интерес для Этнографического или Азиатского музеев, представляю их в распоряжение Конференции» (А АН РАН. Ф. 287. Оп. 1 — до 1918. № 39. Л. 53—53 об.). Участники заседания Историко-филологического отделения Академии наук приняли решение передать означенные тетради в МАЭ. Таким образом, стало возможным уточнить время поступления в музей двух тетрадей этнографических рисунков П.М. Кошарова: в 1917 г., т.е. много позже альбома. Созданы же они были одновременно с альбомом в 1857 г.

К 1857 г., т.е. к тому времени, когда П.М. Кошаров участвовал в путешествии П.П. Семенова-Тян-Шанского, он был вполне сложив-

шимся живописцем. В состав экспедиции художника включили потому, что без его работы многое увиденное и не поддававшееся описанию словами могло быть утрачено.

Получив предложение П.П. Семенова-Тян-Шанского, П.М. Кошаров выехал в Семипалатинск, где они встретились и затем отправились в экспедицию Географического общества в «Киргизскую степь, за Иллийский Алатау, на озеро Иссык-куль и в Тянь-Шань». Именно во время поездки П.М. Кошаров выполнил для Географического общества много зарисовок и живописных этюдов, как он сам писал об этом, «три больших альбома замечательных этнографических рисунков (виды и типы) масляными красками, акварелью и карандашом» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 52-К. Л. 8).

В 1865 г. П.М. Кошаров предложил Комитету по устройству Русской этнографической выставки в Москве свои рисунки. На выставке демонстрировался «Этнографический альбом Дико-каменных киргизов» П.М. Кошарова, за который художнику присудили бронзовую медаль. Затем в 1880 г. альбом передали в МАЭ.

Интерес и научную значимость представляли не только сами зарисовки сцен из жизни киргизов, но и множество сопроводительных комментариев наблюдательного художника. П.М. Кошарова заинтересовала жизнь кочевников не только с художественной, но и с бытовой стороны. Он внимательно присматривался к деталям, а в изображении некоторых сцен сумел достичь большой выразительности.

Успех рисунков П.М. Кошарова, кроме профессионализма, с которым они были выполнены, заключался в познавательной новизне выбранной тематики, что было особенно важным при полном отсутствии в то время бытовых реалистических изобразительных материалов по быту киргизов. Рисунки художника давали точное представление о внешнем виде, одежде киргизов и казахов, они служат важнейшим научным источником для описания многих явлений жизни киргизов середины XIX в.

Сотрудничество с Академией наук П.М. Кошаров начал в 1879–1880 гг. В качестве «корреспондента из Сибири» он получал даже денежное вознаграждение. Об этом свидетельствует его письмо, приложенное к альбому томской флоры. В 1880 г. П.М. Кошаров выслал в Академию наук альбом зарисовок типов русского населения Томской губернии, который сейчас хранится в отделе Сибири МАЭ (колл. 233а).

Отчасти нарушая хронологию поступления иллюстративных коллекций в МАЭ, необходимо назвать еще один альбом рисунков, созданный почти одновременно с альбомами и тетрадами П.М. Кошарова, в 1851 г. Это альбом акварельных рисунков (размер листов ватмана

31×23 см), прекрасно выполненных художником А. Померанцевым (колл. И-1415). Согласно музейным документам, поступление этой коллекции было случайным. В 1947 г. музей купил этот альбом, как указано в документации, «по Монголии и Средней Азии», в Ленинградском отделении магазина «Академкнига» за 800 рублей. Поэтому проследить историю создания замечательных акварелей невозможно. Если рассматривать иллюстративные коллекции не по времени их поступления в музей, а по годам создания, то одной из наиболее ранних иллюстративных коллекционных материалов МАЭ по казахам являются именно рисунки 1851 г. А. Померанцева. На первой акварели альбома указана фамилия автора и год его создания. В 1952 г. Е.П. Николаичева составила на коллекцию опись.

В альбоме А. Померанцева девять рисунков. В нем представлены портреты казахов и киргизов. Три акварельных портрета А. Померанцева 1851 г. — «Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев», «Дико-каменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 года)» и «Большой орды, Султан Мамыр-хан Рустемов» — показались знакомыми и напомнили некоторые из опубликованных рисунков Чокана Валиханова.

Действительно, перу выдающегося казахского ученого принадлежат карандашные и акварельные портреты названных персоналий, они датированы в изданиях собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова (1904 г., 1961—1972 гг. 1981—1985 гг.) 1856 годом. Любопытно, что на рисунках А. Померанцева и Ч.Ч. Валиханова идентичными оказались позы, костюмы, выражения лиц моделей. Немного отличались пояснительные надписи к рисункам и незначительные детали, например, в одном случае рисунок на материи халата был чуть мельче или крупнее, либо на рисунках Чокана Валиханова присутствовали такие детали, как небольшая веточка или нож в руке модели. Все это вызвало огромный интерес к рисункам Ч.Ч. Валиханова, к альбому А. Померанцева и еще большее желание узнать что-либо об этом художнике.

К сожалению, имя А. Померанцева отсутствует в справочных изданиях, посвященных выпускникам Академии художеств и истории отечественного изобразительного искусства. Однако оно встретилось при более детальном изучении биографических сведений о Чокане Валиханове.

Друзья и знакомые Ч.Ч. Валиханова отмечали, что одним из его детских увлечений было рисование. В последующие годы он этому искусству учился у русских художников-топографов [Валиханов 1961, I: 26]. По словам Г.Н. Потанина, товарища будущего выдающегося ученого по Сибирскому кадетскому корпусу, который одним из первых написал воспоминания об их учебе в Омске, Чокан Валиханов «нашел

Султан Старшего жуза Мамырхан Рустемов.
Акварель Ч. Валиханова [Валиханов 1961, I: 110]

Бий Сартай из киргизского рода сарыбагыш.
Акварель Ч. Валиханова [Валиханов 1961, I: 334]

Портрет казаха. Карандаш. 1856. Рисунок Ч. Валиханова [Валиханов 1972, V: 108]

Султан Большой орды Мамырхан Рустамов. Карандаш. 1856.
Рисунок Ч. Валиханова [Валиханов 1972, V: 109]

покровительство в лице Померанцева. Это был молодой, веселый и беззаботный офицер Генерального штаба, бывший нашим учителем рисования. Квартира его была настоящая мастерская художника; да и сам хозяин был художественная, симпатичная натура. Он резвился и шалил с приходившими к нему кадетами, как будто сам был ребенком» [Сочинения Чокана Чингисоваича Валиханова 1904: XIII].

Академик А.Х. Маргулан, осуществивший в советские годы издание собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова, считал, что общение с А. Померанцевым, человеком очень образованным, страстно любившим искусство, имело особое значение для развития художественных способностей будущего ученого-гуманиста: «Они остались друзьями на всю жизнь. Их идейное родство позднее нашло выражение в совместной работе над картинами. Они сообща писали полотна из жизни казахов, совершали вместе поездки в ближайшие аулы» [Валиханов 1972, V: 9]. Это, по-видимому, объясняет то, что некоторые карандашные рисунки и акварели Ч.Ч. Валиханова и акварели А. Померанцева совпадают даже в деталях. Хотя в них имеется существенное различие — датировка создания рисунков. Свой альбом А. Померанцев подписал и поставил год его создания — 1851, аналогичные работы Ч.Ч. Валиханова датированы 1856 г.

Две акварели Ч.Ч. Валиханова, в том числе портрет «Сартай из поколения сарыбагим», прекрасно литографированные А. Мюнстером, были опубликованы в «Очерках Джунгарии» в 1861 г. Исследователь в своей работе отмечал, что один из портретов, манана Бурумбая, был им выполнен в 1856 г. во время первого посещения Джунгарии, а другой, стало быть, речь идет об акварели «Сартай из поколения сарыбагим», «в Омске, в 1848 г» [Валиханов 1861, I: 197].

Таким образом, можно предположить, что рисунки А. Померанцева и Ч.Ч. Валиханова, о которых идет речь, создавались одновременно, во время их совместной работы, в годы учебы будущего исследователя в кадетском корпусе Омска, в 1848 г.

Комментарии портретов двух султанов работы Ч.Ч. Валиханова, данные в советские годы А.Х. Маргуланом, можно в полной мере отнести и к акварелям А. Померанцева, поскольку оба автора работали одновременно: «Наряду с зарисовками трудящихся казахов Валиханов давал карикатурные изображения казахских богатеев, воротил, интриганов <...> С большим искусством Валиханов изобразил султана Большого жуза Мамырхана Рустемова. Четко переданы сухое лицо султана, его тупые холодные глаза, надменность и высокомерие, застывшая поза. Скупым, но очень выразительным штрихом Валиханов нарисовал портрет и третьего султана, оттенив его острые глаза, красивый нос, кудрявые бакенбарды и усы» [Валиханов 1972: 26].

Акварели альбома А. Померанцева из фондов МАЭ отличаются тщательно выписанными деталями нарядной и пышной одежды, старинных головных уборов, в которых изображены представители казахской и киргизской родовой знати. При сравнении цветных рисунков с черно-белыми фотографиями музея более позднего времени, становится очевидным, что произведения художника являются прекрасным и неповторимым источником для изучения мужского и женского костюма, головных уборов и ювелирных украшений середины XIX в.

На рисунке А. Померанцева «Большой орды Султан Мамыр-хан Рустемов» представлена парадная мужская одежда. Халат красного цвета сшит из дорогой материи и украшен вышивкой. Покрой халата, как видно по рисунку, старинный, широкий, длинные рукава присборены и сужены к кисти рук. Кожаный пояс инкрустирован серебряными пластинками. Тюбетейка, сплошь покрытая вышивкой, старинной формы с конической верхушкой. Такая форма мужской шапочки была наиболее распространенной в XIX в. Ч.Ч. Валиханов подписал свой портрет этого же человека так: «Султан Большой орды Мамырхан Рустемов» (Архив РАН (СПб). Ф. 23. Д. 13. Л. 48).

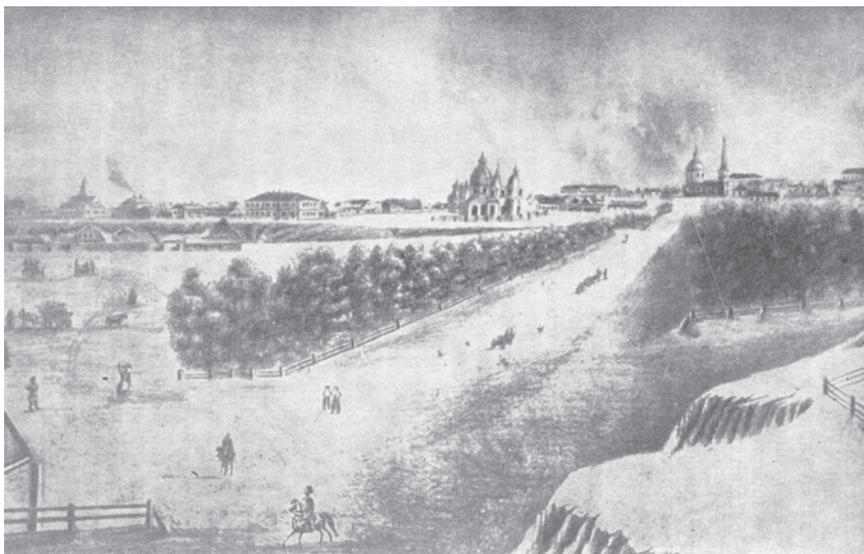
Акварельный портрет А. Померанцева назван «Дикокаменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 г.)». Рисунок Ч.Ч. Валиханова подписан так: «Сартай-киргизский манап из поколения сарыбагаш» и отличается от работы своего учителя тем, что он изобразил нож с ножами в руках у киргиза и прорисовал более отчетливо покррой верхней одежды (Архив РАН (СПб). Ф. 23. Д. 13. Л. 48). На бие старинный теплый халат, широкий, с длинными и широкими рукавами, с шалевым воротником, который обычно надевали на другую верхнюю одежду. На рисунке Ч.Ч. Валиханова одна сторона воротника поднята, как это делали по время холодной или ветреной погоды, причем на этом изображении заметно, что изнутри воротник подбит мехом. Возможно, что это не просто теплый халат, а покрытая тканью меховая шуба, которую носили обеспеченные люди. Ч.Ч. Валиханов отмечал, что его акварель «Сартай из поколения сарыбагим» выполнена в 1848 г. Но исходя из подписи рисунка А. Померанцева бий Сартай входил в состав посольской депутации 1849 г. Поэтому можно предположить, что акварели А. Померанцева и Ч.Ч. Валиханова создавались после 1849 г.

Другой карандашный рисунок Ч.Ч. Валиханова — «Портрет казаха» — в альбоме А. Померанцева выполнен в виде акварели и назван более конкретно: «Дикокаменной орды Манап Байназар Турумтаев». На нем широкий с длинными рукавами легкий халат. Он сшит из однотонной материи, край полы и ворота обшит двумя полосками тесьмы

белого цвета. На портрете видно, что под халат надета другая одежда и нательная рубаша с отложным воротником, которую шили обычно из белой бязи или маты. На голове киргиза популярная в прошлом тубетейка конической формы.

Исследователи графического наследия Ч.Ч. Валиханова отмечают, что одна из его ранних работ, этюд «У верстового столба», была написана в 15-летнем возрасте по заданию А. Померанцева [Валиханов 1972, V: 12]. Генерал-губернатор Западной Сибири и член Государственного совета Густав Христианович Гасфорт (1790—1879), под начальством которого около пяти лет прослужил Ч.Ч. Валиханов, обратил внимание на художественный талант А. Померанцева и заказывал ему портреты и картины [Там же: 9]. Одна из работ полковника и художника А. Померанцева периода учебы Ч.Ч. Валиханова в кадетском корпусе в 1847—1852 г., «Вид города Омска» 1850 г., опубликована.

Кроме акварелей, выполненных одновременно с Ч.Ч. Валихановым, в альбом А. Померанцева, хранящемся в МАЭ, входят собственные оригинальные работы, среди них портрет «Женщина, Чеке, из аулов близ г. Омска». Казашка восседает на кованом сундуке в старинном головном уборе саукеле и свадебном костюме. Он состоит из красного, по всей видимости, отделанного вышивкой (особенно рукава) шелкового распашного халата, который надет на платье (спереди виден подол

Вид города Омска. 1850. Рисунок А. Померанцева [Валиханов 1961, I: 29]

белого цвета) свободного покроя. По рисунку заметно, что рукава халата длинные и сужаются книзу. На голове невесты конусообразное саукеле, высокая шапка из темно-красного бархата на войлочном каркасе. Акварель А. Померанцева с фотографической точностью передает нашивки, серебряные бляхи, сердолик, бирюзу, нити коралловых бус, подвески, украшавшие лицевую часть, шелковые кисти, доходившие почти до пояса, мех выдры, которым оторочен убор. На рисунке к макушке саукеле прикреплена большая накидка белого цвета *желек* с бахромой и вышитым растительным рисунком. Два ее свободных конца завязаны узлом на груди невесты, чтобы можно было завернуться в нее. А. Померанцев на рисунке 1851 г. зафиксировал эту старинную форму большого свадебного покрывала, которое стало исчезать во второй половине XIX в., заменяясь шальями фабричного производства. В старину желек шили именно белого цвета из шелка либо кисеи, украшали вышивкой, как изображено на рисунке А. Померанцева [Захарова, Ходжаева 1989: 216]. Саукеле казахские невесты надевали во время свадебного обряда и носили в течение года по праздникам и принимая гостей. На рисунке казашка надела нагрудное украшение со вставками из сердолика, которое являлось обязательной принадлежностью праздничного костюма девушки или молодой женщины.

В дальнейшем, возможно под влиянием Чокана Валиханова, А. Померанцев увлекся казахской этнографией, стал изучать народное жилище и опубликовал на эту тему научную статью [Померанцев 1871].

По всей видимости, А. Померанцев, как позже и Ч.Ч. Валиханов, был участником экспедиций не только по казахским степям, но и в пограничные с Северным Китаем районы, в так называемый Восточный Туркестан, Монголию, которая на исторических картах была одной из составных частей Китайской империи. Как писал Ч.Ч. Валиханов: «В настоящее время в Джунгарии обитают два народа: буруты или настоящие киргизы и киргиз-кайсаки Большой орды» [Валиханов 1861, I: 196]. Возможно, поэтому в свой альбом художественных впечатлений об экспедиции в пограничные с Северным Китаем области А. Померанцев в качестве иллюстраций поместил портреты казахов и киргизов, выполненные им вместе с Ч.Ч. Валихановым ранее, например акварель «Ук. Тойчубека» (колл. И-1415-1).

На одной акварели А. Померанцева запечатлен пейзаж около укрепления Тойчубек, на другой — город Маймачин (колл. И-1415-3). Слово «маймачин» (маймачен) означало «торговое место». Так назывались торговые предместья, располагавшиеся отдельно от городов и отгороженные деревянной стеной, в которых жили купцы. Около русско-китайской границы, напротив русского центра приграничной торговли

Кяхты, на берегу реки находилась китайская торговая слобода Маймачен.

На рисунке А. Померанцева «Секретарь г. Маймачина» изображен китаец — чиновник местной власти (колл. И-1415-2). В северных районах Китая, которые граничили с Забайкальской, Амурской и Приморской областями России, главную массу населения составляли китайцы, особенно после их переселения в 1850—1860-е годы из Собственного Китая. Среди них было много ссыльных, из их числа часто выбирались представители мелкой администрации. На акварели А. Померанцева привлекает внимание прическа китайца — наполовину бритая голова с оставленным сзади пучком волос, заплетенным в косу. Считалось, что обычай носить косу составлял внешний знак вассальных отношений. Художник стремился максимально передать мельчайшие детали внешности и одежды чиновника, в том числе подчеркнуто длинные ногти на руках.

В приграничных районах русская сторона обычно торговлю не вела, она находилась в руках китайских купцов, среди которых было много пришлых. В «Очерках Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов подчеркивал, что благодаря дружеским связям с местным населением, знакомству с чиновниками он получил возможность наблюдать жизнь страны и собрать необходимые сведения [Валиханов 1861: 197]. Эти слова можно отнести и к созданию альбома акварелей А. Померанцевым. Лишь дружелюбно настроенные люди могли в течение длительного времени позировать художнику.

А. Померанцева можно считать первым профессиональным художником, который увлекся изучением казахского национального костюма и немало сделал для развития отечественного изобразительного искусства.

* * *

Первыми изображениями туркмен в иллюстративном фонде МАЭ стали снимки, входившие в состав коллекции, переданной в 1881 г. великим князем, наместником на Кавказе Михаилом Николаевичем (колл. 121). Это собрание, состоявшее из более ста кадров известных фотографов, сопровождал список изображений, подписанный главным редактором Кавказского Статистического комитета Н.К. Зейдлием. В коллекцию входят два портрета туркмен. Согласно первоначальной описи, составленной в 1901 г. Е. Петри на основании списка снимков Н.К. Зейдлица 1881 г., автором первой фотографии является известный на рубеже XIX—XX вв. фотограф А.С. Луарсабов, второй — тифлисский фотограф Д.А. Никитин.

На снимке «Текинец» изображен мужчина в меховой шапке и с Георгиевским крестом на левой стороне груди. На другом — сидят две туркменки в национальных костюмах. Эта фотография является наиболее ранним в собрании МАЭ изображением старинного головного убора туркмен-иомутов *хасава*. Прежде его носили все молодые женщины. На снимке показаны два убора, по форме напоминавшие усеченный перевернутый конус. Русские путешественники, побывавшие у туркмен, сообщали о технике изготовления этого традиционного убора молодухи: каркас из проклеенной мешковины или сплетенный из веревок обтягивали красным шелковым платком. Как видно на снимке Д.А. Никитина, *хасава* украшена множеством серебряных бляшек и подвесок. В нижней части убора укреплено серебряное налобное украшение с подвесками. Первое время молодая женщина не могла без нее показаться на людях, в этом тяжелом уборе даже пекли хлеб. Хасаву носили после свадьбы в течение трех-пяти лет. Обычай ношения хасавы стал исчезать в 1920-е годы [Васильева 1969: 302].

В 1883 и 1890 г. Николай Карлович Зейдлиц подарил музею две коллекции фотографий туркмен Закаспийского края (колл. 136, 207). Поступления от Н.К. Зейдлица содержали в основном снимки по одежде, головным уборам и украшениям казахов и туркмен. На одном из кадров его коллекции показаны сидящие на земле, как подписано под фотографией, певец и певица. У женщины на голове накидка, нижняя часть лица закрыта, одной рукой она держит бубен.

Среди первых фотоколлекций МАЭ была коллекция 1886 г. от фотографа Барщевского. От него в МАЭ поступили фотографии археологических предметов — глиняной утвари, предметов из железа и меди из Сарайских развалин дворца Чингиз-хана, а также обломков архитектурного декора сооружений Самарканда, керамики и бронзы из раскопок доктора И.-А.Э. Регеля в Кульдже (колл. 166).

Исключительно ценным приобретением для музея стали покупки в 1894 и 1897 г. двух коллекций фотографий по разным народам, в том числе Средней Азии (более 300 единиц) (колл. 255, 1403). Согласно имеющимся документам, коллекция 1894 г. была куплена у фотографа «Ф. Ордера», при поступлении коллекции 1897 г. имя продавца было обозначено как «Ордэн». Первая коллекция была зарегистрирована в 1902 г., вторая — в 1909 г. Но к этому времени сведения о собирателе или собирателях этих двух коллекций не сохранились, кроме имени фотографа на стеклянных негативах. На негативах коллекций почерк и написание фамилии совпадают. Очевидно, что обе коллекции поступили

от одного фотографа и являются частями одного значительного собрания.

На фотографиях обеих коллекций можно прочесть имя фотографа и краткие аннотации к снимкам, сделанные одной и той же рукой на стеклянных негативах и легко читающиеся на отпечатках: «Ф. ОрдэN» (с заглавной латинской буквой «N» в конце). Можно было бы подумать, что фамилия написана латиницей, но в ней присутствуют русские буквы «Ф» и «э». В случае если фамилия фотографа по-русски пишется как «Ордэн», то в конце слова, согласно старой орфографии, стоял бы твердый знак «ь». Можно предположить, что буква «N» в конце фамилии является началом имени и тогда подпись собирателя «Ф. ОрдэN» может быть расшифрована так: «Фотограф Ордэ Н.». Именно так в дальнейшем будем называть этого собирателя: Н. Ордэ.

В настоящее время трудно установить причину ошибки в написании фамилии, видимо, достаточно известного в 1880–1890-е годы фотографа в документах и на паспорту фотоколлекций МАЭ. Снимки Н. Ордэ хранятся в собраниях других музеев России, а также Германии, Австрии и Швейцарии и при публикации их автор обозначается по-разному: «Ордэ», «Ордэт», «Хордет», «Ордер», «Ордэн». Фотографии Н. Ордэ 1880–1890-х годов по Средней Азии знакомы многим исследователям (одни из них называют его «известным французским фотографом Hordet» [Голендер 2002: 16], другие — М. Хордет [<http://www.ferqhana.ru/archive/index.html>]).

Один из известных снимков Н. Ордэ называется «Асхабад. Салиханым. Ахалтекинская ханша» (колл. № 255-209). О встрече с такой же влиятельной текинской ханшей Нур-Верди, уговорившей мервских текинцев сдать, вспоминала современница фотографа [Духовская 1913: 10]. Кишлак близ Мерва престарелой знаменитости русские гости посещали часто, для них в доме была даже обустроена комната.

На негативах Н. Ордэ обычно оставлял краткие пояснения. Когда изображение включало в себя несколько сюжетов, он выделял главное словами, например: «обратите внимание на резьбу древней двери». Обилие аннотаций на стеклянных негативах, написанных кириллицей, свободное владение русским языком вплоть до мелочей позволяют предположить, что Н. Ордэ был россиянином. Человек, для которого русский язык не был родным, не станет подписывать стеклянные негативы по-русски. Текст на негативах нацарапывался в зеркальном отражении, а это легче сделать на родном языке. Кроме того, в написании фамилии фотографа использована буква «э», которую иностранцы обычно не выделяют, а передают ее одинаково как «е» и в оригинале латиницей, и в русском переводе.

Асхабад. Сали-ханым. Ахалтекинская ханша. Н. Ордэ. 1880-е годы.
МАЭ. Колл. № 255-209

Н. Ордэ можно назвать выдающимся мастером не только по профессионализму, но и по тематическому и географическому охвату. К сожалению, в МАЭ сохранились не все фотографии его коллекций. В описи фотоколлекции, в которую входили снимки по народам Средней Азии, Кавказа и грекам Балканского полуострова, в 1931 г. была сделана пометка: «Со слов И.И. Зарубина с перечислением номеров снимков, не поступивших в отдел».

В ходе поисков сведений об этом фотомастере в фондах Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга удалось обнаружить четырехтомный альбом, составленный из фотографий Н. Ордэ, под названием «Кавказ и Средняя Азия». На альбоме указано — «Фотографии Ф. Ордэна». На корешке томов — герб с обозначением «ИБ» (Импера-

торская библиотека — ?). Фотографии наклеены на толстые листы картона. Краткие подписи к кадрам процарапаны фотографом прямо по стеклянному негативу. О качестве и научной значимости фотоснимков этого мастера позволяет судить то, что в бывшую Публичную библиотеку попадали лишь отдельные сборники произведений изобразительного искусства (в данном случае фотоискусства), имевшие значительную художественно-научную ценность.

Том первый фотоальбома Н. Ордэ содержит фотографии по Средней Азии и Казахстану. При сравнении музейных фотографий Н. Ордэ со снимками из этого тома видно, что многие из них вошли в состав собрания музея, но далеко не все. Среди фотографий Н. Ордэ в МАЭ отсутствуют, например, такие, как виды Верного (снятые, по всей видимости, после землетрясения), праздник кучки бухарских евреев (в легком сооружении накрыт стол, сидят женщины, дети, мужчины, один из них с бубном на коленях) (РНБ. Ф. Ордэ. Кавказ и Средняя Азия. С. 70, № 1541), портрет хивинского диван-беги Матмурада. Он сидит в белой папахе, с огромной бородой, в шинели с эполетами, орденами, в праздничном поясе, левой рукой опираясь на шпагу (Там же. С. 86, № 1562).

В коллекцию Н. Ордэ из собрания МАЭ не попали снимки бухарского войска в форме (в черных папахах, высоких сапогах, коротких кафтанах с погонами и с ружьями в руках), туркменской милиции в халатах с погонами, панорама Бухары с башней, медресе, с попавшими в кадр ближайшими домами, со сложенными на их крышах ненужными вещами (РНБ. Ф. Ордэ. Кавказ и Средняя Азия. С. 88, № 1567; С. 92, № 1574; С. 94, № 1579). Один из снимков Н. Ордэ назвал «Три грации гарема эмира бухарского». Юные девочки в шапочках либо с открытой головой сидят, скрестив ноги, держа музыкальные инструменты (Там же. С. 102, № 1599). На снимке «Сарты ташкентские, которых коснулась европейская цивилизация» Н. Ордэ запечатлел тех же женщин свободного поведения, которых он снимал ранее. Они сидят на стульях с открытыми лицами, без головных уборов. Рядом с ними присутствуют мужчины и ребенок. Н. Ордэ запечатлел афганского эмира и его сына, снятых в их бытность в Ташкенте, изображения музыкантов и гимнастов, персов и фарси.

Серия снимков альбома Н. Ордэ, хранящегося в РНБ, относится к сопредельной России территории Кашгара: китайский театр, китайская пагода, устройство китайского двора, китайское войско, портреты маньчжурских генералов и типов местного населения. В процессе изучения четырехтомного альбома Н. Ордэ из собраний РНБ обнаружилось, что целый ряд старых фотографий, поступивших в МАЭ от разных

собирателей, на самом деле имеют одного автора — Н. Ордэ (РНБ. Ф. Ордэ. Кавказ и Средняя Азия. С. 58, 172).

При более тщательном знакомстве с этим четырехтомником наши предположения по поводу возможного объединения двух упомянутых фотоколлекций МАЭ как поступивших от одного собирателя Н. Ордэ подтвердились.

География, представленная в фотоснимках Н. Ордэ, огромна. В конце 1880-х — начале 1890-х годов, в период становления отечественной научной фотографии, трудно назвать имя другого такого же многопланового фотографа-профессионала, как Н. Ордэ. Его можно считать одним из немногих современных ему фотографов-профессионалов, которые стояли у истоков этнографического экспедиционного фотографирования. Из своих путешествий Н. Ордэ привозил неповторимые по содержанию и технически прекрасно выполненные фотоснимки. Поэтому удивительно, что не удается нигде отыскать сведения биографического характера об этом уникальном фотомастере.

Фотографии второго тома альбома Н. Ордэ из собраний РНБ посвящены в основном Кавказу, хотя в нем много снимков по Бессарабии, Греции, Турции, Средней Азии, Бухаре, Самарканду, Ташкенту. Особенно много снимков Баку, в том числе с сюжетами, связанными с добычей нефти. На них можно увидеть керосиновый пожар, нефтеперерабатывающие заводы, вышки, буровые. На нефтяные фонтаны, даже на горящие, люди приходили смотреть с зонтиками как на аттракцион, семьями, с детьми, как это запечатлел фотограф. Н. Ордэ снял бакинских персов-водоносов, сценки из жизни кавказских народов. Он посетил Тифлис, где сделал портреты местных типов населения, с Северного Кавказа привез портреты абaziнок, ставропольских калмыков, ногайцев, черкесов, грузинских и армянских царей.

Н. Ордэ составлял фотокомпозиции из группы снимков, помещенных на одном паспарту, которые вошли также во второй том его фотоальбома РНБ. Один из подобных листов называется «Туркестанский край». В центре расположен портрет бухарского эмира Музаффара, рядом — его наследника Абдул-Ахада, здесь же представители разных народов — сарты, узбеки, таджики, афганцы, хивинцы, казахи, бухарские евреи, киргизы, китайцы (РНБ. Ф. Ордэ. Кавказ и Средняя Азия. С. 159, № 1868). Отдельный лист-композиция посвящен антропологическим типам края. На снимках в фас и профиль обнаженные до пояса мужчины и женщины — казахи, хивинцы, кокандские узбеки, бухарцы, сарты, таджики, туркмены-текинцы, евреи, персы, монголы, цыгане, ногайцы. Своеобразную таблицу Н. Ордэ составил из портретов представителей многочисленных народов Средней Азии и Казахстана, изобра-

жив их в виде лепестков цветов (Там же. С. 164, № 1872). Эмира Абдул-Ахада и его кушбеги фотограф поместил на одном паспорту рядом с ханом хивинским и его диван-беги. Здесь же портреты персидского шаха, султанов туркестанских, оренбургских, сибирских казахов, эмира афганского.

В томе третьем фотоальбома Н. Ордэ, хранящегося в РНБ, содержатся снимки зданий и помещений, которые посещали или занимали эмир бухарский, бек чарджуйский и хан хивинский — мечеть в Кермине, дворец Ширбудун, фасады и интерьеры резиденций.

В четвертом томе содержатся фотографии Закаспийской железной дороги и Военно-Грузинской дороги. Н. Ордэ побывал в Пятигорске, снимал чеченцев, в Симферополе он увидел татарский квартал, посетил Константинополь, Стамбул, Бессарабию, на Украине — Киев и Полтаву, он проехал также по России, где фиксировал русские типы.

О постоянных занятиях фотографией Н. Ордэ говорят четырехзначные порядковые номера на негативах, проставленные рукой автора. На его снимках показаны народы Центральной Азии, Северного Кавказа, Бессарабии и Закавказья, Греции, Афганистана, Турции, России и Украины, персидские татары. В Тегеране фотограф запечатлел мечеть, персидские бани. На одной из фотографий Н. Ордэ поместил персидскую верительную грамоту консула с портретом шаха.

Снимки Н. Ордэ о Бухарском ханстве из собрания МАЭ — наиболее ранние и наиболее полные фотоизображения жизни эмирата, который долгие годы сохранял свою изолированность от внешнего мира. Фотографии Н. Ордэ стали своего рода «открытием Бухары». Его снимки по народам Центральной Азии содержат редкую, порой уникальную информацию. Это касается изображений традиционной одежды, жилищ, занятий, сельского, кочевого, а также городского ирано- и тюркоязычного населения, снимков из жизни малочисленных народов, в том числе местных цыган, бухарских евреев и особенно индийцев, вернувшихся на родину после завоевания края русскими. Серия фотоснимков Н. Ордэ содержит портреты хивинского хана, бухарских эмиров, их родственников и сановников.

Обозначение авторства встречается на стеклянных негативах коллекций МАЭ конца XIX — начала XX в.: «Ф. ОрдэN», «де-Лазари» или «собственность Барщевского». Это было необходимо в те годы. Мастер защищал исключительное право собственности от конкуренции со стороны других фотографов, подписывая свою работу, как и автор любого другого произведения. Как оказалось, это помогло в работе с фотоколлекциями музея. Так, удалось определить, что среди снимков более

поздних лет, которые поступали в музей от других собирателей, хранятся изображения, выполненные Н. Ордэ.

При сравнении музейных фотографий со снимками четырехтомного альбома из собраний РНБ удалось определить, что почти все снимки МАЭ входят в альбом Н. Ордэ, и установить его авторство для многих других фотоколлекций, поступивших в МАЭ позже от других собирателей. Например, в 1890 г. в музей поступили снимки от Н.К. Зейдлица, в 1921 г. — от В.М. Иеромузо. При более детальном изучении коллекции обнаружилось, что их автором является Н. Ордэ (колл. 2805). В 1946 г. от Н.С. Воронец в музей передали коллекцию фотографий, выполненных, как было указано в сопроводительных документах, в 1898–1902 гг., без указания авторства (И-1179). Снимки выглядели как набор открыток. Они наклеены на одинаковые украшенные вензелями паспарту. На них показана повседневная жизнь бухарцев. При сравнении некоторых изображений с фотографиями Н. Ордэ из четырехтомника РНБ также оказалось, что часть снимков — работы именно этого мастера.

Большая часть фотоколлекции Н. Ордэ посвящена сюжетам о населении новых для российской публики вновь присоединенных территорий Казахстана и Средней Азии. На взгляд европейца непривычным был кочевой образ жизни казахов Закаспийского побережья, Сырдарьинской области, Заравшана и Ташкента. На снимках запечатлены среднеазиатские цыгане, люли и мазанг, занятые изготовлением сит, бухарский цирюльник, портреты сартянок и таджичек Маргелана и Ташкента. Фотографу удалось зафиксировать сартов-торговцев, несущих огромные подносы с лепешками на головах, продавцов кебаба. В его коллекцию входят кадры с водоносами на улицах среднеазиатских городов и работающими на пашне дехканами. В Маргелане внимание Н. Ордэ привлекли кокетливые пляшущие мальчишки-бача, которых он сфотографировал в окружении поклонников. Собиратель коллекции смог запечатлеть местных женщин, сидящих за *дастарханом* с чаем, фруктами, *чилимом* и музыкальными инструментами в руках. В объектив фотографа попала вальяжная кокандская ханша. Ему удалось приехать в Бухару в 1880-е годы, расположить к себе эмира и его двор и сделать портреты приближенных, родственников и самого Абдул-Ахада. На фотографии Н. Ордэ показана семья дунган в традиционной одежде из Кульджи. Дунгане-мусульмане стали известны российской публике с начала 1860-х годов после их восстания. В 1870-е годы они переселились в Казахстан и Среднюю Азию из нескольких провинций Китая, спасаясь от преследования властей.

Для более полного представления жизни населения Средней Азии Н. Ордэ составил на нескольких снимках различные композиции из

предметов, объединенных по темам, например: «Оружие», «Утварь», «Оувь» и т.д. Одна из таких фотографий называется «Самарканд. Сартовские детские игрушки». На снимке представлены игрушки городских детей. Специальных мастеров по изготовлению игрушек не было, но некоторые ремесленники (деревообделочники, гончары и др.) между делом производили игрушки. Ими торговали в городах мелочные торговцы, которые иногда тоже их делали.

Приблизительно лет до четырех-пяти мальчики и девочки играли одинаковыми игрушками. Первой забавой самых маленьких детей были погремушки. Такие, например, как показанный сверху в центре снимка маленький барабанчик, который с двух сторон обтянут пузырьем и насажен на палочку. К его ободку с двух сторон прикреплены свисающие шнурки с бусинами. Вертя в руке палочку, поворачивали барабанчик в разные стороны и бусины ударяли по нему.

Трех-четырёхлетние дети сами возили маленькие деревянные тележки, подобные той, которая показана в центре композиции. Она сделана из дощечки и поставлена на деревянные же колеса.

Мальчики постарше играли с куклой-канатоходцем. Такие же грубо сделанные деревянные фигурки человечков с подвижными руками и ногами установлены по сторонам фотокомпозиции. Концы рук человечков свободно прикреплены к трапеции, нижние концы которой служили ручкой игрушки.

Главными были игрушки, из которых можно было извлекать звуки, — свистульки из обожженной глины, их в городах обычно изготавливали старики-мастера, оставившие свою обычную работу. Их делали, как правило, к большим праздникам. Свистульки чаще всего изображали фигурки животных и птиц. На фотографии свистульки больших и маленьких размеров расставлены в разных местах. Чаще всего это была фигурка барана с завитыми рогами. Существовали также свистульки-фантастические существа с разинутой пастью, длинной шеей и хвостом.

Для непривычного взгляда приезжего в Среднюю Азию все было интересно, в том числе местная кухня. На снимке Н. Ордэ «Сарты, кебаб (шашлык)» показано, как с помощью навеса, плетеного из прутьев, задували угли, на которых жарился шашлык. Путешественникам очень нравилось это новое блюдо, оно казалось необычным и забавным: «На маленьком шампуре (железные пруты) было нанизано четыре кусочка мяса, достаточного по одному на глоток» [Обручев 1890, № 17: 430].

На фотографии Н. Ордэ «Ташкент. Аш-хана. Приготовление пельменей» показан процесс изготовления этого блюда. Этим занимались мужчины. Один из них на легком столике раскатывает небольшой скал-

кой тонкое тесто и ножом разрезает его на маленькие кусочки, а мальчик в это время с помощью топорика готовит фарш — мелко рубит мясо. На очаге установлен большой котел. В нем кипит вода и сверху уложено несколько круглых поддонов с ручками и решетками внутри. Вылепленные пельмени (а может быть, они готовили манты?) укладывали на эти решетки и варили на пару. На снимке тут же на низеньком столике на круглом подносе стоит тарелка с готовой едой. Мужчины и мальчик уже угощаются, а второй подросток еще (или уже) затягивается кальяном. Едят мужчины, как видно на снимке, пальцами, сидя на пятках. Трудно представить, но похоже, что в 1880-е годы в центральных городах России пельмени не были широко популярны и даже известны, т.к. некоторые авторы путали их с местными пирожками из пресного теста — самуса: «маленькие пирожки, называемые самусас или пельмени» [Верещагин 1874: 80].

Фотокадр из коллекции Н. Ордэ «Шаманка» имеет два названия — «Казашка-танцовщица. Семиречье» и «Семиреченская область. Киргизка, плясунья».

Семиречье. Киргизка танцовщица. (шаманка)

Семиреченская область. Киргизка, плясунья. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ.
Колл. № 255-66

На нем показана танцующая женщина. Она одета в повседневную одежду замужней женщины — белый *кимешек*, цветной старинного покроя халат, подпоясанный широким кушаком, и мягкие кожаные сапоги. В руках у нее бубен.

Литературные описания содержат, главным образом, сведения о том, что в XIX — начале XX в. шаманами у казахов были в основном мужчины. Фактически отсутствуют данные о женском шаманизме у казахов [Басилов 1975: 116]. В.Н. Басилов на основании фрагментарных сведений о женском шаманстве утверждал, что среди женщин в южных районах Казахстана в конце XIX — начале XX в. существовала шаманская практика [Там же: 123]. Поэтому редкий снимок Н. Ордэ, иллюстрирующий эти немногочисленные материалы, подтверждает существование шаманок и представляет интерес для этнографов и историков религии. Как правило, инструментами шамана у казахов, если они ими пользовались, были *кобыз* или домбра и очень редко — бубен, который у многих других народов был неперенным ритуальным музыкальным инструментом.

Семиреченская обл. Киргиз-музыкант.

Семиреченская обл. Киргиз-музыкант. Виртуоз. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи.
МАЭ. Колл. № 255-67

Сведения об использовании в шаманской практике казахов бубна фактически отсутствуют: «Имеется несколько сообщений о том, что отдельные казахские шаманы обладали бубном, но достоверность этих известий по большей части сомнительна» [Басилов, Кармышева 1997: 53]. Поэтому рассматриваемый снимок приобретает документальное значение. По фотографии Н. Ордэ мы можем представить такую особенность религиозной жизни казахов конца XIX в., как существование шаманок, и использование ими во время обрядовых действий бубна.

* * *

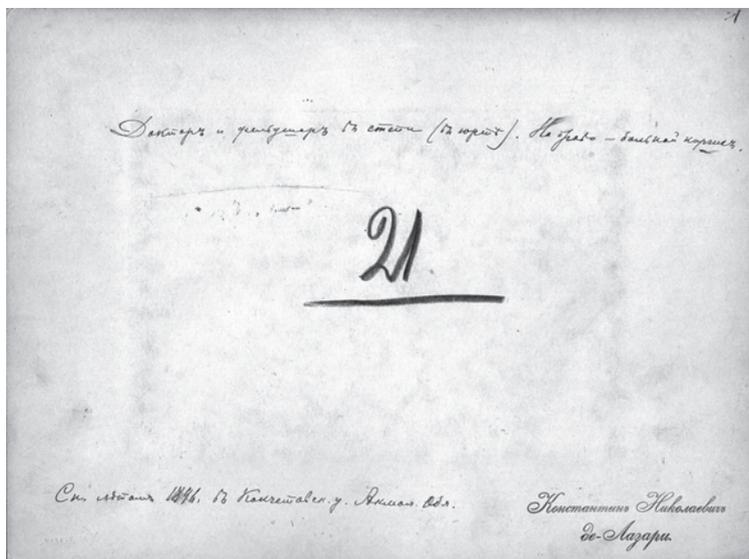
Возвращаясь к истории формирования иллюстративного фонда МАЭ, необходимо отметить, что с конца XIX — начала XX в. в музее начинается новый этап собирательской деятельности — систематический экспедиционный сбор коллекций по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Директор музея академик В.В. Радлов для данной цели привлекал широкий круг лиц. В музее специально организовывали занятия по подготовке к научному собиранию этнографических материалов. В 1898 г. в МАЭ появился статус корреспондента, и музей стал пополняться коллекциями от многих людей, живших далеко от Петербурга.

Так, в 1897 и 1898 г. начальник Лепсинского уезда Константин Николаевич де-Лазари прислал в музей три коллекции фотоматериалов по культуре и быту казахов Лепсинского уезда Семиреченской области и Кокчетавского уезда Акмолинской области (колл. 411а, 418, 423).

Портрет К.Н. де-Лазари. Из семейного архива профессора Анджея де-Лазари.
Лодзь, Польша

Фотоколлекции, которые К.Н. де-Лазари передал МАЭ, были выполнены самим собирателем. Об этом свидетельствуют тексты, сделанные рукой К.Н. де-Лазари на обороте фотографий с указанием времени и места их исполнения. На оборотной стороне паспарту типографским способом указана фамилия автора фотографий и собирателя коллекции — К.Н. де-Лазари. В углу на лицевой стороне некоторых снимков стоит клеймо с его фамилией.

Оборот фотографии К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 423-7

Снимки этого фотографа-любителя сделаны вполне профессионально в художественном и техническом отношении и хорошо сохранились до наших дней. В переписке собирателя с ученым хранителем музея Д.А. Клеменцем очевидна взаимная заинтересованность в сотрудничестве.

Из снимков К.Н. де-Лазари наибольшей известностью пользуются фотографии казахской невесты в свадебном наряде и характерном головном уборе — саукеле. Эти портреты были опубликованы в научных изданиях.

Ко времени поступления снимков в музей среди коллекций МАЭ еще не было этого старинного головного убора. К концу XIX в. он уже выходил из употребления у казахов, и ученый хранитель Д.А. Клеменц просил всех корреспондентов, которые сотрудничали с МАЭ по сбору коллекций по культуре казахов, купить саукеле.

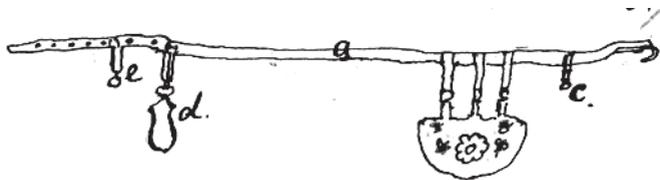
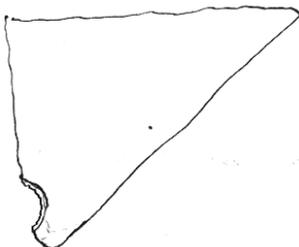
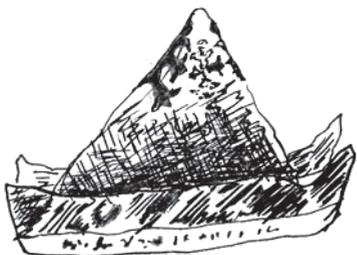

Девушка-киргизка в свадебном наряде. Сн. зимою 1898 г. в Лепсинском у. Семиреч. обл. К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 418-1

№ 411.
Ореховые этикетки

<p>411/4 <u>Табакерка</u> киргизская из пестиков, которые киргизы используют или выдают за рожь. 411-1, 411-2 От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>415 <u>Серея киргизская</u> среднеземельная 411-3/26 От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>410 <u>Темные перья</u> киргизские 411-4/3 От К. Н. де-Лазари. AK-5.</p>
<p>411-6 <u>Заря-красная</u> продолговатая в виде нелет чрезвычайно киргизская. От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>416 <u>Плошк-пурпуровая</u> крупная, плоская, но без металла. 411-7/2. От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>417 <u>Темные</u> киргизские, еще больше дальше южнее 411-8. От К. Н. де-Лазари.</p>
<p>417 <u>Шранг</u> светлая из гай и сама за- мечательная киргиз. при вакцинации. 411-9 От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>418 <u>Алигатор (ташар)</u> ташарская киргиз- ская. 411-10. От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>419 <u>Олень-пурпур</u> темная из котидора водного киргизского прот- рубинского. 411-11. От К. Н. де-Лазари.</p>
<p>411/11 <u>Курган-пурпур</u> мелкая киргизская дальше. 411-12 От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>411/15 <u>Бабки (осина)</u> из баранской южной - широ- киргизская дальше. 411-13 От К. Н. де-Лазари.</p>	<p>411/14 <u>Плошк-пурпуровая</u> еще больше киргиз- ская. 411-14 а, б От К. Н. де-Лазари.</p>

Подлинные этикетки коллекции К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. 411

Рисунки Д.А. Клеменца в описи К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. 403

В составе фотоколлекций, которые прислал К.Н. де-Лазари, были три снимка казахской невесты в свадебном уборе саукеле. На этих фотографиях невеста стоит на фоне зимовки, и по ним можно представить, как выглядел головной убор вместе со свадебным нарядом. Отдельно снят поясной портрет невесты, чтобы лучше были видны детали костюма. Ее же К.Н. де-Лазари сфотографировал рядом с другими женщинами, участницами свадебной церемонии.

Другим редким снимком был кадр «Приезд невесты в дом жениха». Невеста сидит верхом на празднично убранном коне перед юртой жениха. Ее встречает будущая родня.

Среди снимков К.Н. де-Лазари есть такие сюжеты, которые не встречались в других иллюстративных материалах МАЭ. Например, казахский молитвенный дом в степи. Как представителю администрации, К.Н. де-Лазари чаще приходилось иметь дело с казахской родовой верхушкой. Однако в его фотоколлекции нашлось место для показа жилища бедной казахской вдовы.

Приезд невесты в дом жениха. Лепсинский у. Семиреченская обл. 1898.

К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 423-12

На одной из фотографий показан интерьер юрты. На деревянных резных сундуках, стоящих вдоль стены, сложены кипы одеял, часть одежды подвешена под потолком, а у низенького столика на кошмах и коврах сидят хозяева. Желая, видимо, продемонстрировать проникновение благ цивилизации даже в такие отдаленные уголки империи, как Лепсинский уезд Акмолинской области, его уездный начальник прислал фотографию о работе русских медиков в степи. Врач и фельдшер сидят в юрте и достают из ящика с медикаментами различные бутылочки, баночки и коробочки. Сюжет снимка сегодня, спустя более века, завидный для многих мест нашей страны, более приближенных к центральным районам, но не имеющих необходимой медицинской помощи.

На фотографии, снятой К.Н. де-Лазари также в юрте, казахская семья. Люди явно позируют, но сценка приближена к естественной: у всех в руках пиалы, все занимают именно им полагающиеся места. Одна кашка сидит в стороне (ей не положено разделять трапезу с мужчинами), другая стоит, угощая мужчин, в том числе гостя в форменной фуражке и очках, который сидит в центре, на почетном месте, скрестив ноги в высоких сапогах, — местного чиновника.

Первоначальную опись вещевой коллекции К.Н. де-Лазари на основании этикеток собирателя составил в 1898 г. ученый хранитель МАЭ Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), впоследствии известный исследователь народов Сибири. Его опись проиллюстрирована рисунками коллекционных предметов, выполненных черной тушью, которые передают особенности формы казахских вещей.

В 1899 г. через академика С.Ф. Ольденбурга в музей поступила коллекция фотографий от Николая Федоровича Петровского (колл. 511), которая включает в основном пейзажные снимки. Имя Н.Ф. Петровского было известно в связи с деятельностью обществ, организованных в 1870-х годах в Ташкенте, — «Туркестанского отдела Общества для содействия русской промышленности и торговли» и «Среднеазиатского общества». Как агент министерства финансов, Н.Ф. Петровский публиковал отчеты по торговой статистике и шелководству в Средней Азии. Впоследствии Н.Ф. Петровский был известен как русский консул в Кашгаре. Он много сделал для изучения этого края в археологическом и нумизматическом отношении, собирал памятники старины и рукописи [Маслова 1958: 11].

Известный востоковед академик барон В.Р. Розен в 1899 г. передал обширное собрание фотографий собирателя Якова Яковлевича Лютче по сартам Самарканда, Ферганской области и г. Ош, а также киргизам, ки-

тайцам и маньчжурам Кашгара (колл. 512). Город Ош, расположенный у подножия Памиро-Алайской горной системы, с годами стал отправным пунктом многих русских экспедиций, направлявшихся на Памир, Памиро-Алай, в Кашгар и далее в Китай, Афганистан, Индию. Снимки коллекции Я.Я. Лютче наклеены на пожелтевшие паспарту из толстого картона, оформлены в виде открыток, окантованных декоративной орнаментированной рамкой золотистого цвета, фон снимков коричневый.

Ферганская область. Группа дервишей.

Ферганская область. Группа дервишей. 1899 г. Я.Я. Лютче. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 512-143

На снимке коллекции Я.Я. Лютче изображена группа дервишей в живописных лохмотьях, на другом — фокусники-музыканты Ферганской области — карнайщик, сурнайщик и два барабанщика (колл. № 512-147). Эти артисты часто переезжали с места на место, их приглашали на свадьбы, обряд обрезания и прочие торжества, которые не обходились без музыкантов. На снимке барабанщики с помощью тоненьких палочек выбивают дробь в такт остальной музыке.

Как видно по снимку, барабаны были двусторонними, их остов делали деревянным. Но случалось, что для этого могли использовать

и полый жестяной оцинкованный бидон. Основание и верх такого цилиндра затягивали тонкой выделанной козьей кожей. Края мембраны надеты на деревянные обручи и притянуты, как на кадре, друг к другу с помощью веревки. Веревка зигзагообразно шла вокруг барабана. Благодаря этой веревке можно было регулировать тембр звука.

К барабану прикреплена тесьма, с помощью которой его носили и поддерживали во время игры. Обычно барабан и палочки к нему изготавливали сами музыканты-профессионалы. Они же и реставрировали барабан, например сшивали мембрану. Мембрана часто пересыхала и лопалась, поэтому ее меняли или штопали.

Музыкант, игравший на барабане, правой рукой ударял по нему выпуклой стороной слегка изогнутой палочки.левой рукой он придерживал барабан и ударял по другой стороне барабана маленькими палочками, привязанными к указательному и среднему пальцам руки. Обычно барабанщик играл не один, а в сопровождении других музыкантов, как правило, с сурнаистом, как показано на фотографии.

Среди сцен местной жизни Я.Я. Лютче счел необходимым включить в состав своей коллекции фотографию *базма*, пляски бачей (колл. № 512-146). Мальчики-плясуны находились практически при всех чайханах, их поклонники были постоянными посетителями чайханы. Мужчины собирались побеседовать, покурить чилим, напиток чаю, послушать какого-нибудь певца или музыку. На фотографии рядом с танцующим бачей сидят музыканты — *гыджакчи, тамбурчи, дутарчи и комузчи*.

В 1900 г. фотограф Николай Александрович Ермолин из Омска, сотрудничавший на рубеже веков с МАЭ, прислал фотоколлекцию по казахам и алтайцам. Среди изображений из жизни казахов — мужские и женские портреты, на которых показаны национальные костюмы, головные уборы, в том числе саукеле, заснятое сбоку, что давало возможность рассмотреть его в другом ракурсе, как об этом просил корреспондентов Д.А. Клеменц (колл. 590).

В 1907 г. музей купил у Надежды Ивановны Кандиба фотоколлекцию (56 единиц) по народам Астраханской губернии, калмыкам, татарам, персам, армянам, русским (колл. 1159). В 1910 г на нее составил опись К.В. Щенников. По казахам в коллекцию вошли лишь два снимка. Один из них — «Киргиз с верблюдом». Особого внимания заслуживает второй снимок с изображением молодой казахской пары в парадной одежде. В течение многих лет такой особый пласт национальной культуры, как образ жизни, костюм, быт родовой аристократии, почти не исследовался. Видимо, этим, а также тем, что иллюстративные кол-

лекции по Средней Азии и Казахстану мало изучались специально, можно объяснить то, что портреты представителей родовой знати из собраний МАЭ никогда прежде не публиковались. Эти портреты, несомненно, выполненные художественно, технически хорошего качества, были забыты и затеряны среди прочих фотоколлекций почти на полтора столетия.

Киргизский хан с женою. Вишневский. Астрахань. До 1845 г.
МАЭ. Колл. № 1159-34

Под упомянутым портретом молодой пары имеется выполненная типографским способом подпись: «Киргизский хан с женою». В правом нижнем углу снимка и внизу на паспорту находится выпуклое клеймо, свидетельствующее о месте изготовления снимка: «Фотография Вишневого в Астрахани». Это подсказало, что на портрете может быть изображен казахский хан Букуевской орды Джангир с женой.

Известно несколько похожих на фотографию Н. И. Кандибы «Киргизский хан с женою» снимков молодой богатой казахской пары. Каждый из них предполагался как портрет Джангир-хана. Существуют также дубликаты нашего изображения, но без клейма фотографии в Астрахани. Портрет из собрания МАЭ с клеймом места съемки подтверждает правильность предположения о том, что на снимке изображен именно хан Джангир.

Этот снимок можно датировать временем до 1845 г. (год смерти Джангир-хана), он может считаться наиболее ранней фотографией среди фотоколлекций МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана и в истории отечественной фотографии, а ателье фотомастера Вишневого в Астрахани — одной из первых фотомастерских в России. Работы астраханского фотографа Вишневого были хорошо знакомы его коллегам в Петербурге. На заседании Пятого отдела ИРТО в 1879 г. его участники рассматривали затронутый Вишневым и поднимавшийся неоднократно до этого в печати вопрос о защите интересов фотографов, о праве на собственность произведений своего труда.

По воспоминаниям современников, хан Джангир был незаурядным человеком, что вызывало повышенно внимание к его жизни. При описании внешности Джангир-хана подчеркивали, что он придерживался традиционного костюма в одежде, при этом имел много парадных комплектов. В 1834 г. Джангир-хана видели в одежде, в которой, возможно, он и снят на фотографии Вишневого: в фиолетовом бархатном кафтане, роскошно обшитом золотым галуном, в таких же шароварах и вышитом золотом камзоле, в тубетейке, опушенной дорогим соболем, на которую надета казахская остроконечная бархатная шапка, вышитая золотом. По описаниям, пояс хана, на котором висел кинжал, мог быть украшен аметистами. В правой руке Джангир держит богато вызолоченную с драгоценными камнями саблю [Киттары 1849; Евреинов 1851].

На снимке рядом с Джангир-ханом стоит, по всей видимости, его любимая жена Фатима. Современники сообщали, что немалое влияние на Джангир-хана оказала его третья жена, татарка Фатима, дочь оренбургского муфтия Мухамеджана Гусейнова, на которой он женился в 1824 г., когда ей было около 15 лет. Она была европейски образован-

ной девушкой, бывала в обществе, любила музыку, танцы, свободно говорила на русском языке. Очевидцы отмечали, что наряд придавал ей особенную прелесть: «Богатство соединилось в ней со вкусом» [Харузин 1889: 78].

Точная дата и место рождения Джангира неизвестны. Датой его рождения принято считать 1801 или 1802 г. (см.: [Восток. 1997. № 3]), хотя по другим источникам приводится даже 1804 г. [Иванов 1895]. Его считали уроженцем Астраханской губернии. Родителями Джангира были хан Букей, основатель орды, и ханша Атан.

Джангир получил ханский титул согласно завещанию Букея и указу Александра I, подписанного в 1823 г., а 26 июня 1824 г. в Уральске с соблюдением древнего церемониала Джангир был провозглашен ханом.

Он не получил специального воспитания, однако был образованным человеком. Начальные знания Джангир получил у домашнего учителя. Затем хан Букей отправил сына в Астрахань, где тот воспитывался в семье бывшего астраханского губернатора Андреевского. Он правильно и чисто говорил и писал на русском языке, знал персидский и арабский.

Кроме Астрахани Джангир-хан бывал в Москве, Казани, Оренбурге и на Кавказе. С Фатимой он приезжал для участия в коронации Николая I в Петербург. Джангир-хан управлял ордой 22 года, имея поддержку царской администрации. Он продолжал, как и его отец, поощрять переход кочевников к оседлости. Джангир-хан удостоился многих милостей царского двора. Он был пожалован чином генерал-майора, имел две золотые медали с бриллиантами, другие награды. Скончался Джангир-хан неожиданно, когда был на летнем кочевье в Саратовской губернии. После Джангира для управления ордой был учрежден Временный Совет.

Здесь же нельзя не назвать еще одну старую музейную фотографию (размером 35×27,5 см) «Из старых поступлений музея» от Б.Л. Модзалевского (колл. И-1416).

В 1952 г. этот снимок зарегистрировала Е.П. Николаичева. На оборотной стороне снимка карандашом указана фамилия известного литературоведа-пушкиниста профессора Бориса Львовича Модзалевского. Первым снимок в музее изучал известный специалист по кочевникам Средней Азии С.М. Абрамзон. Он определил, что на фотографии изображены казахские султаны в парадной форме, это и было с его слов записано на обороте снимка. Действительно, на групповом портрете представлены казахские султаны с русским чиновником. Султаны одеты в нарядную форму с эполетами, на них шитые золотом уборы с высо-

Казахские султаны в парадной форме. А.И. Шпаковский. 1860 г.
МАЭ. Колл. И-1416-1

кой тульей и поднятыми вверх разрезными полями. Под ними видны круглые шапки, опушенные мехом бобра.

Как показал опыт изучения истории иллюстративных коллекций, эта фотография «Казахские султаны в парадной форме», как и ряд других, десятилетиями хранилась в музее и лишь в 1950-е годы привлекла чье-то внимание. Но главным было то, что ее сохранили. Под снимком на паспорту вытеснено клеймо фотографа латинскими буквами: «Шпаковский. С.-Петербург». Александр Ильич Шпаковский был известным петербургским фотографом, действительным членом первого в России фотографического общества — Пятого отдела светописы ИРТО (1866 г.) и одним из учредителей этого общества.

Ко времени регистрации фотографии «Казахские султаны в парадной форме» было неизвестно, где, когда и каким образом этот снимок оказался в музее и кто на нем изображен. В ходе поисков (изучения периодики и иллюстрированных изданий XIX — начала XX в. и сравнения их с коллекционными изображениями) удалось установить имена некоторых изображенных лиц. Теперь можно утверждать, что это одна из казахских депутаций, состоявшая из султанов Внутренней орды и Оренбург-

ской области. По сведениям издания «Русский художественный листок», (который опубликовал этот же снимок в виде литографии и комментарии к нему со слов русского этнографа П.И. Небольсина), депутация состояла из 15-ти человек и находилась в Петербурге с 31 июля по 24 августа 1860 г. (см.: [Русский вестник. 1860. № 17, 21, 24; Русский художественный листок. 1861. № 21; Современная летопись. 1861. № 5; Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 36; Северная пчела. 1861. № 138]).

На снимке «Казахские султаны в парадной форме» крайний слева — русский чиновник, оренбургский дипломат Плотников, повсюду сопровождавший депутацию. Возглавлял депутацию подполковник М. Баймухамедов, впоследствии генерал-майор. В центре снимка сидит самый старший из приехавших казахов, правитель западной части Оренбургской области полковник султан Мухаммед Гали Тяукин. На фотографии у него прикрыто левое веко. Ему здесь лет пятьдесят и свою должность он занимал к этому времени уже пятнадцать лет. Он возглавлял несколько казахских родов, которые кочевали по огромным территориям. В его руках была сосредоточена вся административная и судебная власть в подчиненной ему местности [Русский художественный листок. 1861. № 21].

Столичные периодические издания сообщали, что М.Тяукин являлся членом-сотрудником Вольного Экономического общества. Он хотел организовать научную экспедицию во вверенный ему край с целью ознакомления с занятиями и промыслами казахов.

Из молодых казахов, приехавших в 1860 г. в Петербург, был хорунжий Мухаммед Салих Караулович Бабаджанов (крайний справа). Он входил во Временный Совет по управлению Внутренней Букеевской ордой, который был создан после смерти хана Джангира. В то время, когда была сделана фотография, ему было 25 лет, его называли «ходжа», что указывало на его знатное «духовное» происхождение.

С. Бабаджанов окончил в Оренбурге знаменитый Неплюевский кадетский корпус. В годы учебы и первые годы службы он, имея звание хорунжего (этот казачий офицерский чин в царской армии был равен подпоручику), носил военную казачью форму. После назначения его во Временный Совет стал одеваться в национальный костюм и жить в степи в Астраханской губернии. Но все же с некоторыми усвоенными им европейскими привычками, например прической (на снимке видно, что он не брил голову, а носил довольно длинные волосы), он не расстался. Современники отмечали, что С. Бабаджанов свободно владел русским языком, сотрудничал с Русским Географическим и Вольным Экономическим обществами [Русский художественный листок. 1861. № 21]. Статьи С. Бабаджанова этнографического характера печатались

на страницах столичных газет «Северная пчела» и «Санкт-Петербургские ведомости».

Третьим значимым человеком казахской делегации был управляющий Самарской частью Внутренней орды Губайдулла Исенбаев. Он был молод, в возрасте около тридцати лет. Исенбаев тоже был зажиточным человеком. Он организовал в степи бесплатную школу на 130 учеников, способствуя тем самым распространению среди казахов просвещения.

В состав делегации казахских султанов Внутренней орды вошли также есаул султан С. Джантюрин, бий А. Байгалин, войсковой старшина султан И. Касымов, бий А. Мунайтасов, хорунжий Б. Чмгелов, бий Тюлепов, бий С. Бекчурин. В это же время, с февраля 1860 г. по май 1861 г., в Петербурге находился офицер русской армии и выдающийся казахский ученый Чокан Чингизович Валиханов. В августе 1860 г. он встретился с делегацией Внутренней орды. За время пребывания в Петербурге делегация была представлена царю. Для них была организована специальная ознакомительная программа. Делегация побывала на экскурсиях в Эрмитаже, Зоологическом и Минералогическом музеях, Публичной библиотеке, Ботаническом саду, посетила театры, Арсенал, Кронштадт, Петергоф, Павловск. Казахским гостям показали производства на Литейном и Стекольном заводах, Монетном дворе. Все расходы по пребыванию делегации финансировало правительство [Джандосова 2004: 52].

Продолжить изучение фотографии, которая имеет значение для истории и культуры казахского народа, помогла книга художника Л.Е. Дмитриева-Кавказского [Дмитриев-Кавказский 1894]. Вернувшись из Средней Азии и Казахстана, он опубликовал свои впечатления и путевые рисунки. Среди них наше внимание привлёк портрет султана Галлия Арасланова.

По всей видимости, художник не всегда использовал в качестве иллюстраций книги только свои впечатления, рисунки, выполненные с натуры непосредственно во время поездки. Часть их он копировал с других изображений. Оказалось, что портрет Галлия Арасланова совпадает с изображением сидящего в профиль казаха со шляпой в руке на снимке А.И. Шпаковского 1860 г. По сообщению русских газет, после поездки в Петербург в 1869–1871 гг. Галлий Арасланов и его единомышленники вместе со своими аулами ушли в Хиву. В 1873 г. во время Хивинского похода он покорился царской власти и вернулся [Всемирная иллюстрация. 1873. № Л. 389].

Таким образом, атрибуция фотографии «Казахские султаны в парадной форме» помогла установить имена некоторых важных исторических лиц и время создания коллекции.

Этот снимок был опубликован в первом отечественном литографированном издании «Русский художественный листок», ставшем художественной летописью современности. На его страницах находили отражение важнейшие общественно-политические события, к числу которых относился приезд казахской делегации. Журнал издавал в 1851–1862 г. известный литограф академик Василий Тимм (1820–1895). С фотографии А.И. Шпаковского была мастерски выполнена литография В. (самим Тиммом или кем-то из художников его мастерской).

* * *

Целая эпоха в истории формирования иллюстративных коллекций МАЭ по народам бывшей Средней Азии связана с деятельностью известного собирателя, фотографа и художника С.М. Дудина.

Автопортрет С.М. Дудина. РЭМ. ИМ 9-22

Архивные материалы свидетельствуют о том, что С.М. Дудин уже в годы учебы в Академии художеств серьезно интересовался историей и культурой Востока. Это сыграло важную роль в выборе им дальнейшего пути в науке. Будучи студентом и постоянно сотрудничая с МАЭ, С.М. Дудин учился у крупнейших востоковедов: академика В.В. Бартольда, профессора Петербургского университета, знатока самарканд-

ских памятников Н.И. Веселовского, позже — у академика С.Ф. Ольденбурга. Безусловно, С.М. Дудин в значительной мере оформился как исследователь под влиянием В.В. Радлова, который охотно руководил молодежью, подсказывал начинающим темы научных занятий.

Когда в Археологической комиссии Академии наук возникла идея о снаряжении разведочной экспедиции, «которая обследовала бы в пределах Семиреченской, Сыр-дарьинской и Семипалатинской областей долины Илийскую и рр. Талас и Шу, где имеется немало следов древних поселений уйгурских и сирийских» (А ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Оп. 1. № 187. Л. 1—2), В.В. Радлов рекомендовал комиссии воспользоваться способностями рисовальщика С.М. Дудина и командировать его в эти края. В.В. Радлов был высокого мнения о работе С.М. Дудина в Орхонской экспедиции: «Задача его состояла в том, чтобы делать с натуры эскизы развалин и отдельных памятников древности, встреченных нами на пути, снять фотографические виды и оказывать мне помощь при снимании эстампажей с надписей. Насколько удачно он успел исполнить свои задачи, доказывает изданный в “Трудах Орхонской экспедиции” “Атлас древностей Монголии”» (Там же. Л. 2).

В.В. Радлов даже предлагал отправить С.М. Дудина самостоятельно собирать материалы, дав ему точные инструкции: «Самый интересный край, куда можно бы было направить силы Дудина, — наши среднеазиатские владения, Сыр-дарьинская область, долина р. Шу и Семипалатинская область (Тарбагатай и Иссук-куль)» (А ИИМК РАН. Ф. 1. 1892. Оп. 1. № 187. Л. 1). Предполагалось, что С.М. Дудин сделает фотоальбом, эстампажи с надписей на камнях, которые вместе составили бы уникальный материал для истории Средней Азии.

В 1893 г. Академия наук приняла решение о составе археологической экспедиции, в которую вошли молодой ученый, магистрант Петербургского университета, впоследствии академик В.В. Бартольд (он должен был вести исследования по истории, географии, древней истории тюркских народов) и С.М. Дудин, в те годы студент Академии художеств (для фиксации памятников древности). Целью экспедиции было разыскание древних развалин христианских кладбищ, памятников и надписей в Семиреченской области, Тарбагатае и Восточном Туркестане. Для С.М. Дудина эта поездка стала первым посещением Центральной Азии.

По воспоминаниям В.В. Бартольда, в 1893 г. ни он, ни С.М. Дудин не обладали необходимой для поездки подготовкой в деле изучения материальных памятников. Несмотря на опыт работы С.М. Дудина в Орхонской экспедиции В.В. Радлова, он был незнаком со Средней Азией, с ее архитектурой.

Впоследствии В.В. Бартольд отмечал подготовленность С.М. Дудина для исследовательских работ: «При составлении отчета я не только воспользовался его фотографиями, эстампажами, чертежами и т.п., но и воспроизвел из его записей, предоставленных им в мое полное распоряжение, описание многих памятников, даже таких, которые были осмотрены нами обоими» [Бартольд 1977: 773].

В.В. Бартольд вспоминал, что маршрут их экспедиции шел через Москву, Нижний Новгород, затем на пароходе по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю до Узун-Ада, оттуда по железной дороге в Самарканд, где тогда заканчивался рельсовый путь, из Самарканда в Ташкент, на почтовых, из Ташкента верхом до Аулие-Ата и долины Таласа [Бартольд 1930: 349]. Но здесь путешественников подстерегала неудача — В.В. Бартольд при падении с лошади сломал ногу. Дальше С.М. Дудину пришлось одному совершить поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль.

В эту поездку С.М. Дудин впервые познакомился с обычаями жителей Самарканда, увидел замечательные памятники средневековой архитектуры, которые произвели на него особенно сильное впечатление. Во время поездки 1893 г. он выполнил ряд рисунков и фотографий, составил описание древних памятников, встречавшихся на пути.

В МАЭ хранятся коллекции фотографий, выполненных С.М. Дудиным в экспедициях 1893—1894 гг.

В 1905 г., будучи сотрудником МАЭ, он исполнил в фотомастерской музея негативы орнаментов деревянных резных дверей, сделанные им во время поездок по Средней Азии (колл. 2119). В 1910 г. С.М. Дудин выполнил отпечатки с негативов этой коллекции (колл. 2827).

В 1913 г. он передал музею две коллекции — негативы (колл. 2124) и фотографии (колл. 2828) рисунков резьбы по дереву на дверях дворцов и мечетей Коканда, Андижана и Самарканда, сделанные им в 1894 г. во время пребывания в Средней Азии.

В 1913 г. С.М. Дудин подарил музею негативы образцов рисунков узбекских, туркменских и афганских ковров (колл. 2123). Затем с негативов художник выполнил и коллекцию фотографий (колл. 2832).

В 1917 г. от С.М. Дудина в музей поступила коллекция негативов с изображением среднеазиатских ковров из частных коллекций Петрограда (колл. 2636). Как отмечал сам собиратель, «предметы художественного творчества необходимо фотографировать в масштабе, который позволил бы самое подробное изучение их» [Дудин 1921: 51]. Такие фотографии он и делал сам. Возможно, были сделаны снимки ковров из его же коллекции. С.М. Дудин был известен как тонкий знаток и ценитель туркменских ковров. Он посвятил ковроделию специальную работу,

которая до настоящего времени является наиболее авторитетной для исследователей [Дудин 1928].

Как уже говорилось, к концу XIX — началу XX в. относится начало плановых экспедиций в МАЭ. Научная поездка С.М. Дудина в мае-июне 1899 г. к казахам Семипалатинской области стала одной из первых. Она была организована Академией наук и Этнографическим бюро В.Н. Тенишева² для Парижской всемирной выставки 1900 г. [Пекарский 1930: 347]. По результатам экспедиция С.М. Дудина вошла в историю музея как одна из крупнейших. В отчетах о деятельности Академии наук ее ставили в один ряд с такими значительными экспедициями тех лет, как экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, А.Н. Самойловича в Хиву, В.В. Бартольда (совместно с С.М. Дудиным) в Среднюю Азию.

Фотографировал С.М. Дудин в поездках с большим вниманием и интересом. В результате работы его экспедиции 1899 г. музей пополнился коллекцией фотографий (около 500) из жизни кочевников-скотоводов (колл. 1199). Согласно описи, сделанной собирателем, в этой же коллекции хранятся снимки, сделанные С.М. Дудиным во время поездки в 1892 г. в Семиреченскую область. По итогам экспедицию С.М. Дудина 1899 г. можно назвать комплексной, он привез и старинные предметы быта казахов, и фотографии, и рисунки.

Обратиться к более подробному рассмотрению этой коллекции С.М. Дудина помог случай. В конце 1980-х годов МАЭ посетил доктор Фоссен из Этнографического музея г. Гамбурга, который предлагал сотрудничество по созданию совместного германо-советского проекта изучения фотонаследия С.М. Дудина 1899 г. В ходе переговоров выяснилось, что в музее Гамбурга хранится коллекция 495 стеклянных негативов 1899 г. по казахам работы С.М. Дудина. До настоящего времени не сохранились документы о том, каким образом после экспонирования этой коллекции в Русском павильоне Всемирной выставки 1900 г. в Париже она оказалась в Германии, в музее Гамбурга [Pavaloi 2007: 137].

В декабре 1991 г. заведующий отделом Средней Азии и Казахстана МАЭ В.П. Курьлев в рамках советско-германского сотрудничества привез из Гамбурга три альбома ксерокопий, сделанных со стеклянных негативов коллекции С.М. Дудина 1899 г. При сопоставлении этих альбомов с описью и коллекцией фотографий из собраний МАЭ удалось определить, что в немецкой коллекции отсутствуют пояснительные ком-

² Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева, крупного мецената, промышленника и помещика, занималось главным образом собиранием этнографических сведений о русском населении Центральной России.

ментарии собирателя. Она содержит иную аннотацию, что значительно снижает источниковедческую ценность коллекции. Поэтому в работе по совместному проекту были заинтересованы обе стороны. В МАЭ хранились фотографии коллекции с аннотациями собирателя (позже выяснилось, что имеется также часть стеклянных негативов, видимо, выполненных с отпечатков), в Гамбурге — подлинные негативы.

Попытаться сравнить изображения трех альбомов ксерокопий с фотографиями МАЭ до появления компьютерных технологий оказалось делом нелегким. Работу затруднял значительный объем кадров коллекции и наличие разных в МАЭ и Этнографическом музее г. Гамбурга коллекционных шифров. Однако удалось все же определить совпадение части снимков немецкой коллекции и внести уточняющие комментарии собирателя. К сожалению, на этом этапе советско-германское сотрудничество по исследованию научного наследия С.М. Дудина 1899 г. закончилось. Тем не менее для МАЭ этот опыт более пристального изучения одной из многих иллюстративных коллекций помог определить, что в музее хранятся не только фотографии, но и часть негативов, несмотря на то что в музейных документах указано лишь наличие отпечатков. Дальнейшая работа по выяснению соответствия между отпечатками и негативами коллекции С.М. Дудина в МАЭ затрудняется техническими причинами — в описи МАЭ, составленной в 1907 г. С.М. Дудиным, не совпадает нумерация отпечатков и негативов.

За многие годы работы С.М. Дудин стал опытным собирателем, занимаясь комплектованием коллекций для музеев в экспедициях. С одинаковым вниманием и интересом он собирал предметы культуры и быта, фотографировал жизнь казахов (колл. 2413). Для своего времени фотоколлекция С.М. Дудина по казахам 1899 г. была наиболее полной. По разнообразию тематики и количеству снимков ее вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта. С годами научное значение этих материалов лишь возрастает.

Для того чтобы полнее оценить научное значение экспедиции С.М. Дудина в Казахстан в 1899 г., необходимо вспомнить, что незадолго до нее В.В. Радлов составил «Инструкцию для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства» (северные районы современного Казахстана. — В.П.) [Радлов 1898]. В ней в схематичной форме содержалось описание жизни и быта киргизов, как тогда называли казахов, а также обращалось внимание собирателей коллекций на наиболее интересные и важные аспекты изучения их культуры. В.В. Радлов подчеркивал необходимость приобретения и сохранения редких исчезающих предметов.

Придерживался методики сбора коллекций В.В. Радлова и С.М. Дудин, например при изучении кочевого жилища: «Для полного понимания юрточного остова следует иметь фотографии и модели деревянных остовов юрт различной величины и устройства, фотографии, показывающие способ составления этих остовов, и коллекцию фотографий отдельных частей, особенно дверей и палок крыши, так как они часто покрыты резьбой различных рисунков» [Радлов 1898: 3]. Во время работы в Казахстане в 1899 г. С.М. Дудин сделал множество фотографий по этой теме, он зафиксировал зимовки, кочевья, внешний вид жилища, сборку юрты, обкладывание ее войлоками, внутренний вид с баканом на переднем плане. Отдельно сняты деревянные части этого переносного жилища, чангарак, кереге, резная дверь, предметы убранства, узорчатые стенки кровати и шкафчиков-кебеже, утварь. На снимках хозяйки демонстрировали способы приготовления пищи, показан процесс изготовления и скатывания войлоков. Здесь же можно увидеть, как женщины ухаживали за кошмами, просушивали их. С.М. Дудин внимательно всматривался в мельчайшие подробности жизни кочевников, можно сказать, даже любовался. К этой коллекции можно отнести сказанное: «Перенесите эту картину <...> в другую местность, дайте иную обстановку: выйдет карикатура. Так все хорошо на своем месте» [Евреинов 1851: 85].

Собиратель посетил знаменитую Куяндинскую ярмарку и сфотографировал продажу частей юрты. Многие вещи для музея С.М. Дудин приобретал на базарах, в том числе на этой ярмарке. Во время поездки 1899 г. С.М. Дудин сфотографировал самую важную для Степи Куяндинскую (или Ботовскую) ярмарку. В течение месяца, с 25 мая по 25 июня, с 1848 по 1930-е годы в долине небольшой речки Талды кипел торг, на который съезжались жители и купцы Казахстана, Сибири, Урала, Средней Азии и Китая. Во время работы ярмарки здесь же проходили соревнования борцов, циркачей, акынов, конные забеги [Попов, Рязанцев 2008: 46–47].

В фотоколлекции С.М. Дудина жизнь скотоводов оживает в бытовых сценках, пейзажах, портретах. Казахская одежда представлена несколькими вариантами мужской, женской (девичьей, замужней, молодухи, вдовы), а также состоятельных и бедных казахов. Касаясь темы головных уборов замужних казашек Семипалатинской области, С.М. Дудин сфотографировал два варианта кимешека: один — сшитый из нескольких деталей без тюрбана, украшенный по линии лица вышитой каймой (колл. № 1199-109, 186), второй — поверх теплого стеганого халата прикрывает плечи, грудь, спину, на него накручен тюрбан из ткани белого цвета (колл. № 1199-187).

С.М. Дудин обращал внимание на девичьи и подростковые прически. Для сравнения он в разных ракурсах отснял две разные прически. На снимке у девочки длинная челка, пряди волос на макушке модели зачесаны вверх, чтобы была видна остальная часть бритой головы (колл. № 1199-191, 192). По сообщению Ф.А. Фиельструпа, изучавшего в 1927 г. обрядовую жизнь киргизов, детей младшего возраста стригли полностью или частично. В последнем случае оставляли *кокуль*, пряди на висках и челку, девочкам остригали волосы только до трех лет, а потом оставляли их расти. Исследователю удалось зафиксировать прическу девочки с двумя косичками, заплетенными из пучка волос на темени [Фиельструп 2002: 78–80]. По достижении детьми 5–7-летнего возраста девочкам начинали отращивать волосы на затылке, но на висках и темени продолжали выстригать [Попова, Старостина 2007: 178]. На снимке С.М. Дудин показал наиболее типичную для региона девичью прическу с челкой, с короткими височными прядями, с косой на макушке и еще пятью заплетенными низко у шеи (колл. № 1199-183, 184).

В коллекции нашли отражение такие традиционные занятия, как скотоводство, земледелие, охота, при этом показаны орудия труда. Много внимания собиратель уделил изучению кузнечного, ювелирного, сапожного, столярного ремесел, ткачеству и др. Жизнь скотоводов оживает в бытовых сценках, пейзажах, портретах.

С.М. Дудин, освоив фотодело, достиг в нем больших успехов, став известным фотографом. В конце XIX в. фотография была новым методом экспедиционной и музейной работы. Для МАЭ фотоколлекции становились новыми собраниями. С.М. Дудин написал специальные статьи, посвященные методике этнографической фотографии, роли фотографии в этнографической работе, они сохранили свою актуальность и сегодня [Дудин 1921; 1924].

Мастер и знаток фотографии своего времени, С.М. Дудин хорошо знал сильные и слабые стороны фототворчества и считал, что умение грамотно фотографировать было не самым главным. По его мнению, гораздо труднее было рассказать снимками о том, что видишь. Даже при выполнении постановочных сцен прежде всего было необходимо изучить модель, понять ее характер, предложить ей принять правдивую позу и только после этого делать фотоснимок [Дудин 1921: 49]. С.М. Дудин фотографировал предметы домашней обстановки и орудия труда на их привычных местах хранения и во время использования в быту. Он считал, что фотофиксацию экспедиционных материалов необходимо выполнять «по строго обдуманной и подробно составленной программе», чтобы работа не носила случайного характера [Дмитриев 2006: 102].

Именно этим требованиям собирателя соответствует его фотоколлекция по быту и культуре казахов 1899 г. из собрания МАЭ.

При работе со старыми историческими снимками, отличающимися высоким качеством, художественными достоинствами и уникальной научной значимостью, невольно забываешь о громадных трудностях, которые приходилось преодолевать экспедиционным фотографам. Они состояли не только в том, что в поездки фотограф отправлялся с громоздкой тяжелой аппаратурой, с ящиками хрупких стеклянных негативов. С.Ф. Ольденбург наблюдал научную полевую работу С.М. Дудина в трудных для фотографа условиях на протяжении двух длительных и сложных западнокитайских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг.: «С ними не справился бы менее опытный» [Ольденбург 1930: 355]. По характеристике С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудин был хорошим самостоятельным техником, понимавшим условия научной съемки специалистом. С.М. Дудина считали фотографом-ученым, потому что перед экспедицией он собирал сведения об условиях фотосъемки в данной местности, знакомился с фотоматериалами по данному памятнику, предварительно выяснял, какие снимки он должен выполнить.

Группа сотрудников МАЭ. Снято в 1914 г. в проходе между МАЭ и Зоологическим музеем. Слева направо: К.В. Щенников, Г.Г. Манисер, Я. Чекановский, С.М. Дудин, В.М. Лемешевский, Э.В. Пекарский. МАЭ. Колл. И-1371-3

Вид съемки (портрет, пейзаж или сцены этнографического содержания), а также размер фотографии диктовали различные требования

к фототехнике. С.М. Дудин отмечал, что наиболее сложным технически было фотографировать потолки и пол. Чуть проще фотограф считал делать снимки антропологических типов. Основное условие заключалось в правильной постановке головы модели, чтобы на обоих снимках, в фас и профиль, «корень носа модели и отверстия ушей располагались на одной горизонтальной плоскости» [Дудин 1921: 50]. При выполнении пейзажных снимков необходимо было выбрать не картинность вида, а типичность с характерной растительностью и состоянием почвы.

Достаточно трудным было фотографирование различных сцен в экспедиционных условиях: «Чтобы добиться от действующих лиц сцены правды движений, не нужно торопиться со съемкой и спустить затвор только тогда, когда участники сцены будут вести свою работу, уже не обращая внимания на аппарат. Для этого выгодно бывает их обмануть, сказав, что съемка уже сделана» [Дудин 1921: 51]. Обману как техническому приему С.М. Дудин придавал особое значение, подчеркивал его необходимость в своих лекциях о фотографировании в этнографических поездках, которые читал на географическом факультете Петроградского университета как специальную научную дисциплину.

Во время командировок С.М. Дудина в Среднюю Азию по сбору этнографического материала иногда случалось, что для завершения съемок «типов и живых сцен» отсутствовала необходимая фотоаппаратура. Тогда приходилось ожидать прибытия новой техники вместе со стеклянными пластинками, как это произошло в июне 1900 г. Для завершения фоторабот ему в экспедицию высылали необходимое количество негативов. Это заставляло С.М. Дудина задерживаться на одном месте в ожидании посылок и мешало в осуществлении программы закупок коллекций (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245).

Из писем собирателя В.В. Радлову из Украины и Самарканда становятся очевидными трудности проведения фотосъемок в экспедиционных условиях. Необходимо было на месте проявлять стеклянные негативы и печатать с них (на что затрачивалось значительное количество времени), преодолевать запрет Корана среди мусульманского населения. В 1900 г. в письме из Самарканда С.М. Дудин отмечал: «Фотографирование типов и костюмов встречает некоторое затруднение <...> я должен просить о позволении фотографировать каждого субъекта» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245).

Фотография не сразу получила широкое признание в научной среде. В годы становления фотографии многие художники выступали ее активными противниками, стремясь защитить себя от конкуренции [Фотография 1993: 6]. В 1920-е годы С.М. Дудин писал об отличии рисунка или литературного описания от объективности фотографии:

«Материал, доставленный фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастности и точного протокола» [Дудин 1921: 31].

В коллекции фотографий С.М. Дудина из степного быта казахов некоторые кадры выполнены собирателем в двух, а в некоторых случаях в трех экземплярах. По всей видимости, С.М. Дудин был не только основоположником научного этнографического фотографирования в России, но и экспериментатором в своей области. Он печатал отдельные снимки на разных носителях, сравнивал их, выясняя преимущества или недостатки качества изображения на них. Более ранние фотографии выполнены в коричневом цвете, другие, более поздние — черно-белые. В коллекции С.М. Дудина встречаются также снимки, раскрашенные от руки, когда он считал важным передачу цвета. Они стали предшественниками сложнейших технологий цветной печати наших дней. В конце XIX—XX в. особый вид раскрашенной фотографии считался наиболее популярным. Снимки закрашивали чаще всего частично, полностью, как на снимках С.М. Дудина, — реже.

Можно предположить, что, отправляясь в Казахстан, С.М. Дудин заранее знал, что в Баян-ауле Павлодарского уезда он встретится с Чормановыми, родственниками Чокана Валиханова.

С.М. Дудин мог узнать о казахском ученом, его семье, ведущей широкую просветительскую деятельность, еще в 1895 г. в Самарканде. Он работал в экспедиции профессора Н.И. Веселовского, который стал по предложению Г.Н. Потанина редактором посмертного сборника сочинений Ч. Валиханова, и от Г.Н. Потанина получал для этого дополнительные материалы.

Вероятно, С.М. Дудин был знаком с дневниковыми записями 1865 г. А.Н. Гейнса, офицера Генерального штаба, принимавшего участие в исследовании Казахстана в качестве члена Степной комиссии в 1865—1867 гг. Он отмечал, что при сборе данных о внутренней промышленности, торговле и быте при объезде области сибирских казахов наиболее исчерпывающие сведения дали в Кокчетавском округе Чингиз Валиханов и в Баян-Аульском округе — Муса Чорманович Чорманов [Гейнс 1897: 323]. Представляется не случайным обращение С.М. Дудина к родственникам Ч.Ч. Валиханова в 1899 г., когда велся сбор этнографических материалов для МАЭ.

Из поездки 1899 г. С.М. Дудин привез ныне исчезнувшие створки резных деревянных шкафов, черпаки и кожаную посуду для кумыса, предметы домашней утвари, кремневое ружье местной работы, старинную подпорку для верхнего круга юрты — *адал-бакан* — широкую доску с узорными краями из летовья у гор Якши Нияз. В коллекцию вошли

также струнные музыкальные инструменты. Часть предметов собиратель привез из Павлодара, такие как мужской пояс *ксе* с охотничьим набором и старинные пальцы с образцом вышивки. На Куяндинской ярмарке С.М. Дудин купил изделия ювелира — несколько колец и щипцы для выдергивания волос. Их прикалывали вместе с «гигиеническим набором» справа на груди к камзолу и носили женщины и мужчины среднего и пожилого возраста. От сына Муссы Садвакаса Чорманова музей получил в дар веретено *уришук* для прядения тонких нитей, ложку *ожау* для кумыса, сделанную из единого куска дерева, и деревянную ложку, повторяющую форму русской. Из Баян-аула Павлодарского уезда Семипалатинской области, вотчины Чормановых, С.М. Дудин привез мужскую меховую шапку *тымак* и табакерку для нюхательного табака (колл. 493).

В ходе подготовки к 300-летию первого российского государственного музея — Петровской Кунсткамеры, преемником которой стал МАЭ, музей приступил к реализации в сотрудничестве с другими научно-культурными учреждениями международного научного проекта по изучению казахских материалов в творчестве С.М. Дудина [Резван 2010: 149]. В основе предполагаемого проекта лежат материалы экспедиции С.М. Дудина 1899 г. в Семипалатинскую область, их публикация. В рамках работы над проектом планируется проведение экспедиции по маршруту С.М. Дудина и выставка.

С самого начала возникли проблемы, связанные с выяснением маршрута поездки С.М. Дудина. К сожалению, не сохранились его дневниковые записи или другие архивные документы, связанные с экспедицией 1899 г. Отсутствуют архивные документы, подтверждающие даже факт организации экспедиции с его участием Этнографическим бюро В.Н. Тенишева, об этом известно лишь со слов Э.К. Пекарского [Пекарский 1930: 347]. Поэтому практически единственным источником для изучения этого значительного по результатам предприятия МАЭ остаются лишь коллекционные фотографии С.М. Дудина. Очевидным оставалось только одно — основным местом нахождения С.М. Дудина во время поездки 1899 г. был Баян-Аул, вотчина Чормановых, откуда он совершал выезды.

Большую помощь в определении маршрута экспедиции С.М. Дудина оказал Ю.Г. Попов, уроженец Казахстана. Во время разговора с ним об экспедиции С.М. Дудина в Казахстан 1899 г. выяснилось, что многие районы Семипалатинской области, которые запечатлел С.М. Дудин, Ю.Г. Попов «изъездил на велосипеде». Большим увлечением всей жизни кандидата технических наук геолога Ю.Г. Попова было краеведение. Его фильмы на эту тему показывало Карагандинское

телевидение, много статей и книг опубликовал Ю.Г. Попов по изучению Казахстанского края. Поэтому он с энтузиазмом принялся внимательно изучать фотоколлекцию.

Опись фотоколлекции 1899 г. составил сам С.М. Дудин в 1907 г. Надеяться на то, что С.М. Дудин регистрировал фотографии в хронологическом порядке, было нельзя. Приходилось отсортировать снимки, которые могли оказаться путевыми впечатлениями. Опыт работы с историческими источниками, подробное знание топографии Семипалатинской области и тщательное изучение коллекционных снимков подсказали Ю.Г. Попову несколько фотографий, которые могли помочь в определении маршрута экспедиции 1899 г. С.М. Дудина.

Например, «Пристань на Иртыше» — изображение дилижанса, на котором, возможно, продолжал путь исследователь. По мнению Ю.Г. Попова, в 1899 г. С.М. Дудин мог добраться до Семипалатинска лишь водным путем по Иртышу от Омска, а от Петербурга до Омска — железной дорогой.

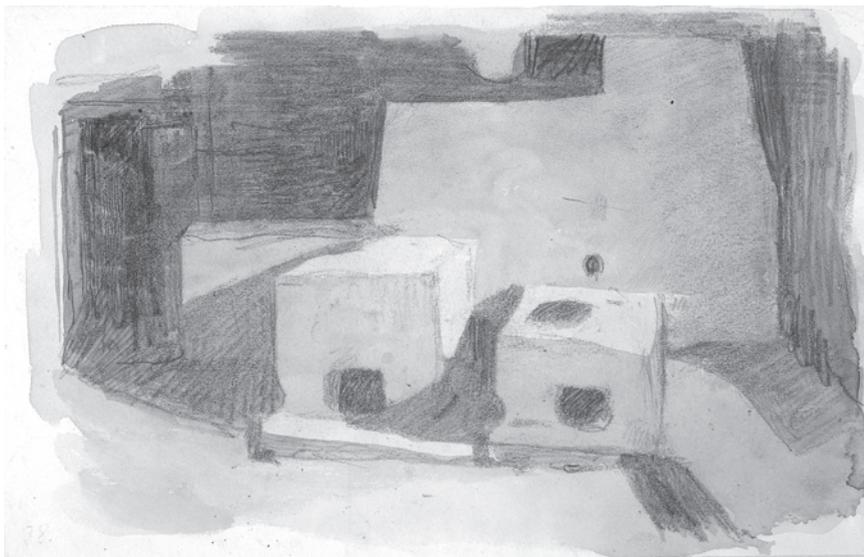
На наш взгляд, был возможен и иной маршрут. Спустя несколько лет, в 1909 г. С.М. Дудин принимал участие в Турфанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга и составил опись коллекции негативов, сделанных в ходе этой поездки (колл. 2114). До Чугучака они добирались из Семипалатинска. Из перечня названий основных станций стало очевидно, что маршрут начинался на Николаевском вокзале железной дороги в Петербурге. В 1909 г. участники экспедиции проезжали реки Вятку, Каму у Перми, станцию Чусовую, станцию Бисер на Урале, а затем их путь лежал от пристани Урлютюп по Иртышу до самого Семипалатинска.

Тщательное изучение состава фотоколлекции С.М. Дудина 1899 г. позволило определить, что вся она посвящена Семипалатинской области, несмотря на то что в описи указано, что в нее вошли также снимки по Семиреченской и Акмолинской областям.

Работая многие годы в различных экспедициях (с академиками В.В. Радловым, В.В. Бартольдом и С.Ф. Ольденбургом, профессором Н.И. Веселовским, а также в самостоятельных поездках), С.М. Дудин увлекся Востоком, в частности Средней Азией, Казахстаном, особенно, как художник по профессии, — народным орнаментом.

В 1907 г. С.М. Дудин передал в музей четырнадцать рисунков и чертежей (размером 32×23 и 20×15 см), которые выполнил во время командировки в Степной край, Казахстан (колл. И-1446). Зарегистрирована эта коллекция была лишь в 1952 г. На листах плотного картона белого цвета черной тушью, карандашом либо акварельными красками выполнены планы и внутренний вид зимней усадьбы казахов, выкрой-

ки войлочных покрытий юрты, отдельных видов мужской и женской нижней и верхней одежды, сумки для хранения огнива и кресала, цветные зарисовки подпорок *чангараков* (простой и фигурной), орнамента на тростниковой циновке — *чие*.

Внутренний вид зимнего жилища. С.М. Дудин. Казахстан.
Начало XX в. МАЭ. Колл. И-1446-3

Многие годы в экспедициях с 1893, 1899 по 1903 г. по Семиреченской, Семипалатинской, Ферганской областям и Алайской долине С.М. Дудин собирал альбом казахского народного орнамента. В начале XX в. он предложил музею Академии художеств купить этот альбом. В настоящее время альбом состоит из 60 тщательно выполненных рисунков акварелью или гуашью на листах ватмана большого формата (в среднем 51×73 см) и хранится в Научно-исследовательском музее Академии художеств (Музей АХ. Отдел архитектуры. А-21646-А-21705). Будучи штатным фотографом МАЭ, С.М. Дудин в 1915 г. переснял свои рисунки. Негативы и затем отпечатки с них были зарегистрированы в МАЭ как две самостоятельные коллекции (колл. 2450, 2530).

После составления альбома казахского народного орнамента С.М. Дудин продолжал собирать его образцы среди оседлого населения.

В 1930-е годы С.М. Дудин выполнил для МАЭ отпечатки (более 100) с фотоколлекций, сделанных им в конце XIX — начале XX в. во

время поездок по Средней Азии среди узбеков, таджиков, киргизов, туркменов, цыган (колл. 4516; отпечатки с коллекций РЭМ: 40-48, 50, 52, 53, 248), а также евреев Самарканда (колл. И-582), ныне хранящихся в Российском этнографическом музее. На них показаны бытовые сценки, окружающий пейзаж, архитектурные памятники, традиционное жилище и др. На редком снимке «Прокаженные» (колл. № 4516-92) запечатлены две больные женщины с маленькими детьми. (Позже в собраниях МАЭ появилась еще одна фотография на эту же тему — «Группа обитателей кишлака прокаженных», поступившая в составе коллекции от М.И. Мамед-Заде из Таджикистана, который сотрудничал с музеем в 1920-е годы.)

Курение чилима. С.М. Дудин. Конец XIX — начало XX в.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1438-10

В июне 1909 г. Русским Комитетом для изучения Восточной и Средней Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903–1918) была организована первая русская экспедиция под руководством академика Сергея Федоровича Ольденбурга, снаряженная «по Высочайшему повелению и состоящая под Высочайшим его Императорского Величества покровительством». Она отправилась из Петербурга в область, сопредельную Средней Азии, в Турфан, в так называемый Китайский, или Восточный, Туркестан. Это был район погибшей, а некогда цветущей культуры. Разведочный характер первой экспедиции объяснялся отсутствием планомерного изучения Восточного Туркестана и научных трудов на эту тему. Начальник экспедиции отмечал, что для успешного ведения дела «прежде всего нужна наличность технически и специально научно-подготовленных людей» [Ольденбург 1914: 5]. Недостаточное знакомство ученых-специалистов с процессом фотографирования часто было причиной того, что в штат научных экспедиций приглашали фотографа, который являлся профессионалом в своей области, но не был подготовлен к интересам экспедиции. Для такого фотомастера достаточной нагрузкой было везти с собой значительный фотобагаж. Поэтому от таких фотографов чаще отказывались, чем приглашали в экспедиции.

В экспедиции с С.Ф. Ольденбургом находился С.М. Дудин, который соответствовал всем требованиям этой научной поездки. Ему поручили работу по художественной части и фотографированию. В поездке также участвовал горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов, который должен был заниматься съемкой и снятием планов. Наблюдать за раскопками должен был археолог Владимир Иванович Каменский, которому в помощь пригласили работавшего в Керченском музее Самсона Петровича Петренко.

Дорога в Китайский Туркестан была длительной, опасной и утомительной. Из Петербурга выехали 6 июня 1909 г. и до Омска добирались по железной дороге, далее до Семипалатинска — пароходом. В Семипалатинске экспедиция получила заранее отправленные посылки со снаряжением и выехала на тарантасах в Чугучак, куда прибыла 22 июня. Здесь С.Ф. Ольденбург закупил лошадей и нанял переводчика. Из Чугучака ехали верхом и в тарантасе, с телегами для багажа. Во время пути между Чугучаком и Урумчи В.И. Каменский и С.П. Петренко заболели и из Урумчи вернулись в Россию.

Путь от Чугучака до Кашгара преодолели благополучно, т.к. он был хорошо известен по описаниям многочисленных путешественников. В поездке участникам экспедиции оказывали поддержку российские консулы: в Урумчи — Н.Н. Кротков, в Кашгаре — С.В. Соков.

Несмотря на экспедиционные трудности (во время поездки С.М. Дудин заболел лихорадкой), С.Ф. Ольденбург телеграфировал обеспокоенно-му В.В. Радлову: «Все отлично» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 80, 107). С.М. Дудин также сообщал в МАЭ об успешных работах среди развалин храмов, ворот и пещер IX в., богатых остатками скульптуры.

Работа С.М. Дудина в экспедиции заключалась в выполнении рисунков-эскизов около 150 зданий и пещер IX в., калек и фотографий с фрагментов скульптур и фресок в развалинах Шикшина (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 128). В 1910 г. С.М. Дудин передал в музей огромную коллекцию стереонегативов (более 600). В ее состав входили виды степей, гор, зимовок казахов, которые встречались на пути от Петербурга до Турфана (колл. 2181; АРАН. Ф. 148. Оп. 1. № 83. Л. 157). От руководителя экспедиции С.Ф. Ольденбурга музей получил в дар коллекцию фотографий (колл. 2561). В 1913 г. в музей поступили негативы, выполненные в Турфанской экспедиции Н.М. Березовского (колл. 2062). Позже эту коллекцию передали в Эрмитаж. В письме из Восточного Туркестана С.М. Дудин сообщал: «Для Музея сделал несколько снимков по пути из киргизского быта» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. № 83. Л. 105). Коллекцию негативов путевых снимков из жизни казахов по дороге из Семипалатинска до Чугучака С.М. Дудин тоже передал в музей (колл. 2114). В результате изучения памятников буддийской живописи и скульптуры С.М. Дудин написал обстоятельную статью [Дудин 1917].

В 1914–1915 гг. состоялась еще одна экспедиция, возглавляемая С.Ф. Ольденбургом в Восточный Туркестан и Западный Китай (провинция Ганьсу, урочище Чанфудун), в которой также участвовал С.М. Дудин. Из Чугучака он писал в МАЭ Л.Я. Штернбергу: «Еще из Семипалатинска я хотел написать Вам о коллекции братьев Белослюдовых, археологической и этнографической. Главным образом, каменных, бронзовых и железных вещей (возможно, в письме речь шла о семье собирателей, от которых в МАЭ поступила коллекции казахских вышитых полотенец (колл. 3092). — *В.П.*) <...> Для музея сделал несколько снимков по пути из киргизского быта» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 105). В настоящее время эта коллекция насчитывает несколько сотен негативов с путевыми впечатлениями из жизни казахов, сартов, китайцев (колл. 2491). Во время экспедиций 1909–1915 гг. С.М. Дудин выполнил около 2000 негативов по архитектуре, скульптуре и стенописи древних буддийских монастырей и храмов, несколько десятков квадратных метров прописей и калек. В это же время он опубликовал статью об архитектурных памятниках Китайского Туркестана [Дудин 1916].

В 1912 г. С.М. Дудин передал музею большую коллекцию негативов (более 260 единиц) снимков общего характера и деталей мавзолеев

Шахи-Зинде, которые он сделал, как указано в музейных документах, во время командировки от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в Самарканд (колл. 1966). Вместо описи к коллекции приложен «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шахи-Зинде. Снимки исполнены художником С.М. Дудиным в течение лета 1905 г. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1906 г.». История этой коллекции такова.

В 1895 г. востоковед профессор Н.И. Веселовский возглавил экспедицию для собирания материалов по описанию древних самаркандских мечетей. В ее состав входили художник С.М. Дудин, художники-архитекторы Н.Н. Щербина-Крамаренко, П.П. Покрышкин, А.В. Щусев и фотограф И.Ф. Чистяков, которые должны были составлять описания и фотографировать архитектурные памятники Самарканда. Работы финансировала Археологическая комиссия. Рисунки и чертежи, относящиеся к Гур-эмиру, были выполнены П.П. Покрышкиным и А.В. Щусевым, Биби-ханым — Н.Н. Щербина-Крамаренко и П.П. Покрышкиным, а по комплексу Шахи-Зинда работы производились многими художниками. Фотографии были выполнены С.М. Дудиным и И.Ф. Чистяковым.

В последующие годы к работе этой историко-архитектурной экспедиции присоединились художники М.В. Печаткин, В.И. Быстренин, А.Д. Раевский, архитектор К.К. Романов. Долгие годы в собраниях МАЭ хранились археологические материалы из древнего городища, прародителя Самарканда — Афрасиаба (колл. 1054). Коллекция состояла из тысячи предметов, которые помогали полнее представить столицу цветущей Согдианы, две тысячи лет тому назад населенную искусными ремесленниками, купцами, духовенством. В 1930-е годы почти всю обширную коллекцию передали в Эрмитаж. В настоящее время от обширной коллекции в МАЭ осталось лишь несколько керамических предметов.

Одним из аспектов деятельности экспедиции Н.И. Веселовского было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Самарканда. Первыми объектами изучения стали Гур-эмир и Биби-ханым. Работа представляла очень большую по объему и была рассчитана на несколько лет.

Задачей С.М. Дудина как художника-фотографа было научно и подробно фиксировать сохранившиеся от разрушений архитектурные памятники и их убранство: «Из местных “охранителей древности” никто не дал себе труд собрать те мозаики, какие имелись на барабане

(площадь их по приблизительному расчету должна была равняться нескольким десяткам квадратных аршин!)» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. № 102. Л. 3 об.). Фотографированию подлежали все архитектурные детали. О трудоемкой и кропотливой работе в условиях жаркого летнего Самарканда свидетельствуют строки письма С.М. Дудина В.В. Радлову: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы» (Там же. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 41 об.).

С.М. Дудин с помощью двух студентов Академии художеств делал общие и детальные снимки архитектурных сооружений. Большие деревянные двери, украшенные тонкой резьбой, которые находились в мечети Гур-эмир, уже поврежденные, в целях сохранения их от окончательной гибели перевезли в Петербург. В настоящее время они хранятся в Эрмитаже.

В 1905–1907 гг. по поручению Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии С.М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд. Наиболее плодотворным было лето 1905 г., когда С.М. Дудин производил раскопки в мавзолеях Шахи-Зинде. Он собирал коллекцию по древней керамике для МАЭ и Этнографического отдела Русского музея и одновременно выполнял фотоснимки со старых архитектурных памятников. О большом объеме работ говорят строки письма С.М. Дудина В.В. Радлову: «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная Мирза-Улугбек окончена. На нее ушло 170 снимков <...> После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети <...> После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели <...> я успею выполнить все, что мною обещано Комитету» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. № 102. Л. 38 об.).

Многие знаменитые старые фотографы работали в Самарканде, который всегда был настоящей меккой для любителей туркестанской старины. Наиболее известны самаркандские фотоработы С.М. Дудина и штатного фотографа Императорской Археологической комиссии И.Ф. Чистякова (1865–1935). Только в один лишь печатный «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шах-Зинда» (типография Императорской Академии наук, Санкт-Петербург, 1906) внесены названия 181 фотографии С.М. Дудина, выставленных для обозрения в залах Академии наук.

В 1906 г. в залах Академии наук была организована выставка почти двухсот фотографий С.М. Дудина. Она вызвала большой общественный и научный интерес, о чем свидетельствуют отклики в печати и запросы библиотек на каталог выставки. Фотографии С.М. Дудина в полной

мере фиксировали декоративные и архитектурные детали мавзолеев и мечетей Шахи-Зинде и заняли место «среди наиболее ценных собраний отдела изображений МАЭ» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 10). Именно каталог этой выставки вместо описи хранится в коллекции негативов, полученных музеем от С.М. Дудина (колл. 1966). Работа экспедиции Н.И. Веселовского и его коллег, в том числе С.М. Дудина, была справедливо оценена научной общественностью как начало систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда. В результате работы экспедиции было проведено обследование архитектурных памятников Самарканда и опубликованы художественные издания. Но, как писал В.В. Бартольд, «издание альбома требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир, и это здание в нем далеко не исчерпано» [Бартольд 1921: 351].

В 1914 г. С.М. Дудин подарил музею коллекцию негативов по сартам, казахам и татарам Семиреченской, Сырдарьинской областей и Южного Урала, которые были выполнены во время его экспедиций в 1892 и 1899 г. (колл. 2189).

В 1918 г. С.М. Дудин передал музею коллекцию стереонегативов, которые он выполнил в Самарканде среди оседлого населения (колл. 2696). Зарегистрирована коллекция была лишь в 1950 г. Поэтому многие изображения непонятны, и в аннотациях регистратор поставил знаки вопроса. В эту коллекцию С.М. Дудина входят снимки бытовых сцен, уличных типов, мастерских ремесленников, торговых рядов, посетителей чайханы, дервишей на базаре, музыкантов, сюжетов, связанных с религиозными обрядами, и т.п.

Научный вклад С.М. Дудина в пополнение иллюстративных коллекций МАЭ выражается в том, что он обогатил наши этнографические познания о культуре многих народов Средней Азии и Казахстана. Среди них представители оседлого населения — узбеки и таджики, туркмены, кочевники-казахи, а также некоренное население региона — евреи и цыгане. По сравнению с его предшественниками-собирающими иллюстративных коллекций музея, которые бывали в регионе по воле случая и формировали материалы по своему усмотрению, С.М. Дудин выезжал в экспедиции постоянно, проводя систематические исследования. Он работал по программам МАЭ, Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии и РЭМа.

Коллекционные сборы С.М. Дудина имели научный характер, коллекционер и фотограф становился этнографом-исследователем. Благодаря его собирательской деятельности в музее стал накапливаться

ценный монографический научный материал по целым народам. Его коллекции содержат серии изображений, очень важных для характеристики различных видов хозяйственной деятельности населения, ремесел, традиционного костюма, жилища, религии, декоративного искусства и т.д. Фотоработы С.М. Дудина выполнены мастерски, и поэтому даже постановочные снимки воспринимаются как документальные кадры, взятые из жизни. Дальнейшее более углубленное изучение научно-го наследия С.М. Дудина представляет значительный интерес для этнографов и практической деятельности музея.

* * *

Вернемся к изложению истории собирания иллюстративных коллекций. Одним из постоянных корреспондентов МАЭ в 1908–1909 г. был Иван Николаевич Глушков (колл. 1288, 1307, 1486, 1509). В 1908 г. он передал музею коллекцию фотографий и негативов с изображениями ювелирных украшений, оберегов, талисманов, бытовавших среди туркмен острова Челекен, а также старинного женского головного убора в виде высокой шапки — хасава, который уже к началу XX в. начал выходить из употребления (колл. 1288). Поступление этой иллюстративной коллекции было важным приобретением для музея, т.к. подобные ювелирные изделия и хасава отсутствовали в составе вещевых фондов. Этот старинный свадебный головной убор И.Н. Глушков сфотографировал целиком и отдельно некоторые его детали: подвески, цепочки и т.п. Снимки собирателя дополнили более ранние фотографии МАЭ с изображениями туркменок в хасава с лицевой занавеской (колл. 121).

Фотографии туркменских ювелирных изделий поступили в музей вместе с собранием серебряных украшений, которые И.Н. Глушков также преподнес в дар музею (колл. 1288). В качестве сопроводительных документов к иллюстративной коллекции приложена рукопись собирателя, написанная на 25 страницах. Эта рукопись И.Н. Глушкова может рассматриваться как самостоятельный источник по изучению традиционных украшений туркмен. «Туркменские женщины — страстные любительницы различного рода серебряных украшений и побрякушек. Разряженная туркменка при своих движениях производит шуршание и звон бубенчиков», — писал собиратель.

Некоторые украшения, чтобы передать их размеры, И.Н. Глушков фотографировал в натуральную величину, например золотая ушная серьга диаметром 90 мм выглядит огромной. Однако следует отметить, что не все ювелирные изделия, изображения которых составляют иллюстративную коллекцию И.Н. Глушкова, были туркменского происхождения.

Сам собиратель на страницах рукописи подчеркивал, что на острове Челекен не было мастеров-ювелиров. Серебряные украшения, которые носили женщины острова Челекен, И.Н. Глушков частично считал изделиями мастеров из аулов, расположенных на восточном берегу Каспийского моря. В большинстве случаев, как считал собиратель, серебряные украшения добывались жителями Челекена, «отважными и ловкими контрабандистами», во время нападений и разбоев: «Сами туркмены только с владейством русских начали покупать и заказывать серебряные украшения. В былые времена большинство экземпляров составляло добычу грабежей».

Большой интерес представляют страницы рукописи И.Н. Глушкова, на которых изложен один из способов изготовления остова хасава.

Важный раздел рукописи посвящен описанию и классификации особых украшений — талисманов и оберегов, которые изготавливали в виде футлярчиков и коробочек, в которые вкладывали молитвы. И.Н. Глушков сфотографировал два образца такой молитвы, которую верующие обычно старались получить у ишана, муллы или паломников из Мекки. Затем ее сворачивали, зашивали во что-нибудь и, нося на себе, лечились. Некоторые молитвы зачеканивали в серебряный листок, как на фотографии И.Н. Глушкова.

За годы пребывания на острове Челекен ему удалось сделать подборку библиографии, которая содержится в рукописи, что помогало автору более углубленно познакомиться с техникой, орнаментикой туркменских украшений и даже попытаться их классифицировать. Вещевая, иллюстративная коллекции и рукопись собирателя представляют собой разные виды научных источников. Такой комплексный подход к изучению вопроса позволяет назвать И.Н. Глушкова первым русским исследователем туркменских украшений.

В 1908 г. И.Н. Глушков передал в дар музею коллекцию открыток с видами местностей, исторических развалин, бытовыми сценками из жизни туркмен (колл. 1307). Эти изображения были подобраны сериями по тематике: «Развалины древнего Мерва», «Самарканд», отдельная серия была посвящена острову Челекен. На открытках указано, что выпустило их издательство Глушкова и Полянина. Фотографии пронумерованы, что говорит о продаже наборов, серии открыток. На рубеже XIX—XX вв., в период расцвета иллюстрированных почтовых открыток, фирма Глушкова и Полянина считалась крупнейшим в Туркестане открыточным издательством.

В музее хранятся две фотоколлекции по Самарканду и Бухаре, которые передал в музей в 1908 г. студент-медик Евгений Никанорович

Павловский, будущий известный ученый, академик (колл. 1320, 1321). Одна из них состояла из стереоскопических снимков. Стереосфотографии изготавливали небольшими по размеру. На одном паспарту по горизонтали помещались два одинаковых снимка, и смотреть их нужно было одновременно через специальное оптическое устройство, чтобы получилось объемное изображение. Стереоскопические изображения уже существовали к 1867 г., о чем свидетельствуют рекламные упоминания об этом в каждом номере «Фотографического вестника». В 1880 г. журнал «Фотограф» предлагал приобретать путешественникам специальный стереосфотографический прибор. Стереосфотографии с видами городов продавались в Гостином дворе Петербурга. Однако это новшество в фотографии не получило в дальнейшем широкого распространения.

Продолжая хронологию истории поступления иллюстративных коллекций, необходимо назвать «прикомандированного к музею» Клавдия Васильевича Щенникова. В 1908–1910 гг. он несколько раз выезжал в командировки в Акмолинскую и Семипалатинскую области для фотографирования и сборов коллекций среди казахов (фотографии, негативы, рисунки орнамента) (колл. 1327, 1399, 1400, 1483, 1707, 1708, 1774, 1775). В них вошли снимки мужской, женской одежды, юрты, а также рисунки орнамента предметов быта.

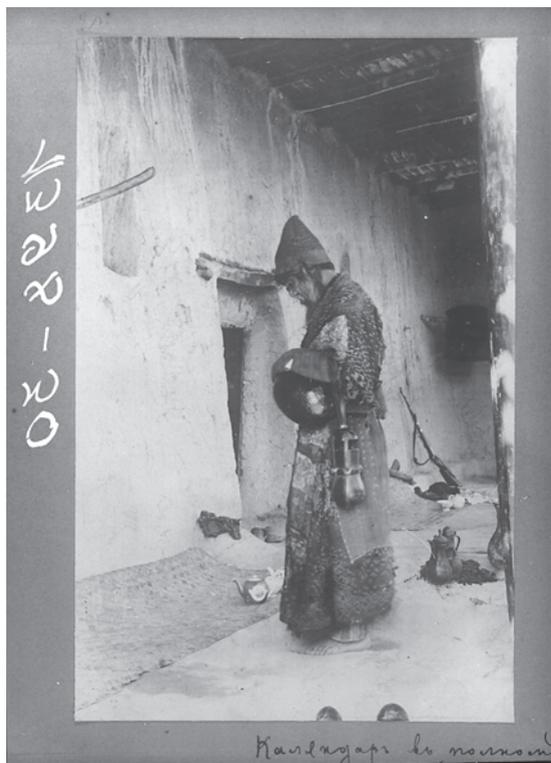
Осенью 1910 г. К.В. Щенников привез из командировки в Павлодарский уезд Семипалатинской области около 200 стереонегативов (колл. 1775). На них запечатлены эпизоды из жизни кочевников, показаны несколько видов жилищ: установка юрты и складывание ее на зиму после разборки, зимовка, землянка, в которой жили казахи, прикочевывая поздней осенью и ранней весной, до и после зимовки, процесс заготовки впрок продуктов питания, сценки ухода за скотом. Комментарии собирателя не только фиксировали название кадра («Ученик медресе», «Просушивание кошмы», «Борьба»), но и зачастую раскрывали содержание изображений («Землянка, куда прикочевывают казахи поздней осенью и ранней весной», «Доение кобылы. Рядом держат жеребенка, без него кобылица не даст молока»).

Коллекция К.В. Щенникова 1910 г. из Павлодарского уезда Семипалатинской области состоит из рисунков орнамента, переснятых на кальку с войлоков (тузкиизов, текеметов) и одежды (колл. 1774). В 1910 г. исследователь посетил Акмолинскую область, откуда привез негативы портретов представителей местной знати, чиновничества, изображения образцов вышивки, аппликации (колл. 1708).

В умножении фондов МАЭ принимал участие известный востоковед Александр Николаевич Самойлович. В 1908–1909 гг. от него поступи-

ли четыре фотоколлекции (колл. 1350, 1397, 1398, 1490). Из Мерва и с острова Челекен А.Н. Самойлович передал в музей коллекцию по туркменам-текинцам, эрсаринцам и салорам (колл. 1397). На одной из фотографий показан эрсаринец с двумя женами: сакаркой и салоркой (колл. № 1397-16). На снимках коллекции представлены традиционные туркменские костюмы, головные уборы, юрты, хозяйственные постройки. В 1909 г. А.Н. Самойлович передал музею коллекцию фотографий по туркменам и узбекам, которую привез из поездки в Хивинское ханство (колл. 1398). Среди них изображения узбеков в национальных костюмах, дервиша в полном одеянии, юрты, исполнителей игры на музыкальных инструментах, местных транспортных средств, а также сценок, связанных с пребыванием самого ученого в гостях у хивинского наследника.

В фотоматериалах МАЭ хранится любопытный снимок, сделанный А.Н. Самойловичем в 1908 г. в Хивинском ханстве (колл. № 1398-30). В Порсу среди туркмен чоудор ученому удалось наблюдать «тот пережи-

Календар в полном дервишском одеянии. 1909. Хивинское ханство.
А.Н. Самойлович. МАЭ. Колл. № 1398-30

ток шаманства у мусульманских турок, который у казак-киргизов (казахов. — *В.П.*) называется “баксы”, а у хивинских туркмен и узбеков “порхан” <...> Я видел мужчину, одетого в женское красное платье и с красным платком на голове» [Самойлович 1909: 27]. На фотокадре зафиксирован местный шаман с бубном в руках. Возможно, о нем собиратель сообщал: «Слышал знаменитейшего во всем ханстве бахши 58 лет, чоудорца» [Там же].

Кроме того, тогда же, в 1908 г., А.Н. Самойлович передал в МАЭ негативы по хивинскому и туркменскому населению, среди которых содержатся изображения дервишей (колл. № 1350-24—26).

Отдельный цикл фотографий А.Н. Самойлович посвятил описанию туркменских развлечений, игр, зрелищ, выступлениям акробатов, скоморохов. На них показаны народные танцоры, музыканты и актеры. Специальное внимание исследователь уделял изучению музыкальных инструментов туркмен. В своих публикациях и музейных описях к привозимым им коллекциям А.Н. Самойлович отмечал почти полное исчезновение из быта городских жителей традиционных музыкальных инструментов. На снимках А.Н. Самойловича сфотографированы туркменские музыканты с дутаром и гырджакком.

В 1909 г. через кружок любителей этнографии при МАЭ Николай Николаевич Щербина-Крамаренко подарил музею комплект костюма дервиша и фотографию, на которой представлено изображение группы дервишей Самарканда (колл. № 1487-15). Согласно музейной документации, коллекцию сопровождало письмо собирателя, но оно не сохранилось. Внизу справа на паспарту снимка стоит штамп, свидетельствующий об его авторстве: «Николай Николаевич Щербина-Крамаренко. Архитектор. СПб».

Летом 1895 г. по решению Совета Академии художеств «в соответствии с желанием Щербины-Крамаренко» архитектор отправился в командировку для изучения и фотографирования памятников архитектуры Средней Азии [Щербина-Крамаренко 1896: 46].

Маршрут поездки был выбран по местам сохранившихся мусульманским святынь, древних мечетей, мазаров, надгробных памятников и т.п. Через Голодную степь Н.Н. Щербина-Крамаренко проехал в Ташкент, Фергану, побывал в Самарканде, Намангане, Андижане, Узгене, Оше, Маргелане, Ходженте. Как отмечал он сам, разъезжать ему пришлось, замаскировавшись в местную шапку и халат, он мог даже объясняться по-узбекски. Однако это не помогло, и в кишлаках женщины и дети распознавали в нем «уруса» и разбегались в стороны и прятались.

В Самарканде архитектор осмотрел все древние культовые постройки, которые ежегодно реставрировались под наблюдением

Группа дервишей. 1909. Самарканд. Н.Н. Щербина-Крамаренко.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1487-15

русской администрации. Однако этого было недостаточно. Н.Н. Щербина-Крамаренко, как и С.М. Дудин, отмечал факты расхищения и наживания промысла продажи богатой майоликовой и мраморной облицовки старинных зданий: «Нужно заметить, что расхищение памятников началось с появлением в Самарканде разных путешественников из России, а еще более из заграницы» [Щербина-Крамаренко 1896: 60].

Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии в 1910 г. передал музею негативы со снимками развалин древних буддийских сооружений с территории Семипалатинской области и Китайского Туркестана (колл. 2114), а в 1912 г. — коллекцию негативов по Самарканду (колл. 1966). В 1912 г. в музей поступила небольшая коллекция по Бухаре от Ивана Ивановича Умякова, впоследствии видного ученого (колл. 2020).

В 1911 г. музей купил у известного фотографа Михаила Антоновича Круковского обширную (400 единиц) фотоколлекцию по народам Южного Урала (башкирам, мещерякам, татарам, русским, уральским казакам, ногайцам). В коллекцию вошли также снимки по казакам

Оренбургских степей (колл. 1919). Среди них эпизоды из жизни кочевников, которые показались фотографу наиболее типичными — сценки на базарах Троицка, Оренбурга, мастерская ремесленника, аул близ Кустаная.

Нищий слепой киргиз у ворот мечети. Казахи. 1915. М.А. Круковский.
МАЭ. № Колл. 1919-388

Фотоколлекция М.А. Круковского дополнила собрания МАЭ по кочевым народам. В 1917 г. В.Н. Андрусов подарил музею небольшую коллекцию негативов по казахам Закаспийской области (колл. 2662).

Негативы, полученные музеем в 1913 г. в дар от «доктора медицины» Евгения Феликсовича Циановича-Климовича, пополнили собрание МАЭ фотоизображениями некоторых занятий (охота, торговля), ремесел (гончарство, кошмовалание, ткачество), жилища туркмен Закаспийской области. Во время составления описи (первоначальной С.М. Дудиным, затем — Э.Г. Гафферберг) в графе о наличии сопроводительных документов к коллекции было отмечено, что на негативах содержатся пометки собирателя. Исходя из этой информации составители описи некоторые снимки назвали так, как указано на снимках: «Кладка вещей», «Перед выступлением». На негативах зафиксированы подготовка, последующий переход русской экспедиции на верблюдах и впечатления от увиденного в пути: виды перевалов, гор, старого Мерва, Красноводска, Геок-Тепе, Теджена, аулов, юрт, караванов. На снимках показаны типы населения (туркмены-сарыки, текинцы, хивинцы), сняты сценки с участием охотников, всадников, погонщиков, аульных старшин и др. (колл. 2116).

Серия изображений коллекции Е.Ф. Циановича-Климовича посвящена встрече, очевидно, участника экспедиции Усановского (инициалы неизвестны) в Тохтабазаре. Один из снимков называется просто: «Жеманский (Шеманский — ?) на берегу бассейна». По всей видимости, имя этого человека, как и Усановского, было известно и не нуждалось в дополнительных пояснениях.

В 1913 г. художник Борис Федорович Ромберг был командирован в Бухару для фотографирования мечетей и сбора этнографических предметов. Он передал в музей обширную коллекцию негативов по Бухарскому ханству, но, судя по некоторым отпечаткам, некачественных (колл. 2258). Как художника, его прежде всего интересовали исторические здания Шах-рисябза, Старой Бухары, их оформление, архитектурные детали и т.п.

К этой же группе поступлений относится коллекция художественно оформленных фотографий и стереонегативов от Н.С. Воронец, отражающих жизнь населения Бухары и Самарканда 1898—1902 гг. (колл. И-1179), хотя поступили изображения много позже, в послевоенные годы. Исторические фотографии по Хиве, Самарканду и Бухаре также содержатся в коллекции поступлений 1921 г., которую музей купил у В.М. Иеромузо (колл. 2805).

В 1950-е годы в музее был зарегистрирован ряд фотографий и негативов, разных по тематике, в том числе и по Бухаре, от неизвестных со-

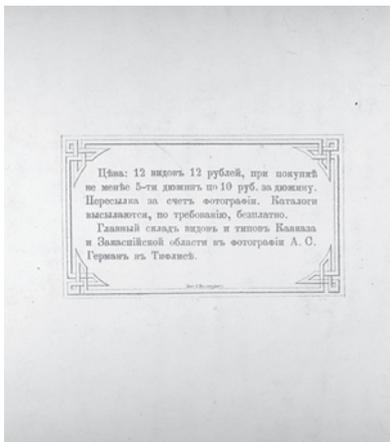
бирателей под грифом «Из старых поступлений музея» (Колл. И-1294) или «Из старых коллекций» (колл. И-1447). На одном из снимков под названием «Могила Кара-хана» отчетливо читается текст, сделанный рукой фотографа: «Семиречье. Аулие-Ата (святой отец). Могила Кара-хана потомка Азрета Ясови Туркестанского № 2440». Почерк неизвестного фотографа похож на почерк Н. Ордэ. В составе некоторых поздних фотоколлекций МАЭ неоднократно встречаются работы этого фотографа. Среди фотографий упомянутой коллекции есть снимки с отпечатком личного штампа популярного в начале XX в. фотографа А.К. Энгеля. Его работы публиковались во многих изданиях тех лет.

Снимки А.К. Энгеля, которые в 1950-е годы были включены в коллекцию «Из старых поступлений», оформлены в виде больших открыток (колл. И-1447). На одной из них типографским способом напечатано название, видимо, серии изображений «Виды и типы Закаспийской области». На обороте фотографии указано: «Цена: 12 видов 12 рублей. Пересылка за счет фотографии. Каталоги по требованию, бесплатно. Главный склад видов и типов Кавказа и Закаспийской области в фотографии А.С. Герман в Тифлисе» (колл. И-1447-14). На обороте другой фотографии изображен герб и указан адрес фотографии в Тифлисе Александра К. Энгеля: «Виды Кавказа, Крыма и Закавказья можно получить в моих фотоателье в Ашхабаде, Тифлисе и с 1 июня по 20 сентября — в Кисловодске. Публикация этой коллекции продолжится. Адрес для писем: Тифлис, угол улиц Головинской и Баретинской, фотографии Энгеля. Прейскурант: дюжина с доставкой, наклеенные. Заказы выполняются в течение 10 дней». Здесь же, на обороте снимка, с одной стороны помещено изображение медали с видом Петербурга 1879 г., с другой — серебряной медали Императорского Русского географического общества «За полезные труды», которыми, по всей видимости, был награжден известный фотограф (колл. И-1447-20). Художественные фотографии А.К. Энгеля, которые он прислал на планировавшуюся фотовыставку 1880 г., обратили на себя особое внимание участников заседания Пятого отдела светописи ИРТО.

Собиратель Витовт Давидович Пельц из Самарканда подарил МАЭ в 1913–1914 гг. три коллекции фотографий (колл. 2122, 2301, 2302). Среди них есть изображения таджиков долины реки Заравшан (артистов местного цирка и охотников), а также казахов Джизакского уезда пустыни Кызыл-Кум (женской одежды и головных уборов, способов доставания воды из колодца). В коллекционных материалах содержатся изображения кочевого жилища, устройства и внутреннего убранства юрты, народного орнамента, кадры, связанные с воспитанием детей (колл. 2301).

Бухарские палатки. А.К. Энгель. Начало XX в. Самарканд. МАЭ. Колл. И-1447-14

Оборот снимка А.К. Энгеля. МАЭ.
Колл. И-1447-14

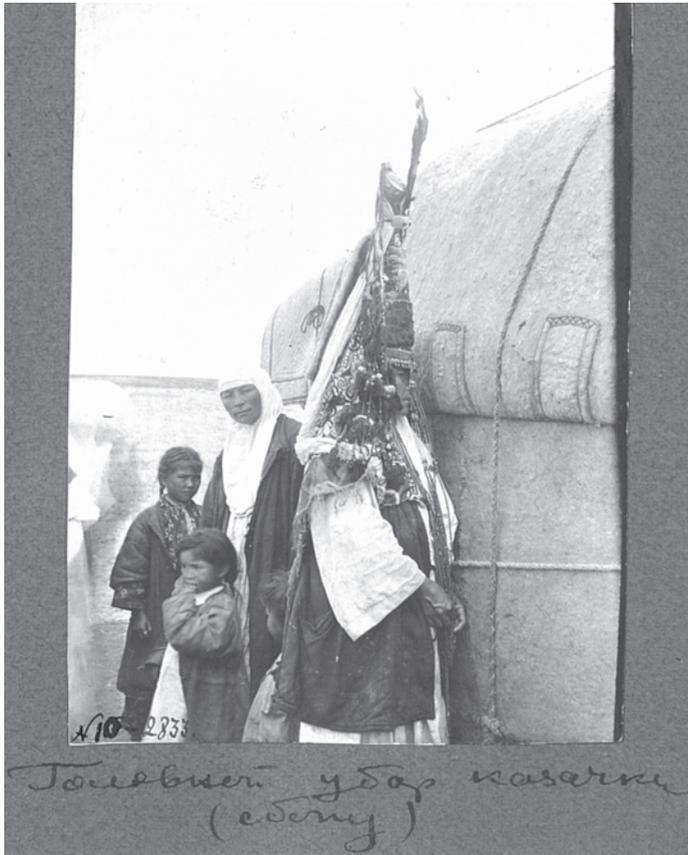
Оборот снимка А.К. Энгеля. МАЭ.
Колл. И-1447-20

Две другие коллекции, полученные от В.Д. Пельца, содержали фотографии керамики (реставрированные разных размеров тарелки, кувшины и др. сосуды) из коллекции известного археолога В.Л. Вяткина, полученные им из раскопок в Самарканде, и негативы этих фотографий. Регистрировала одну из фотоколлекций Е.П. Николаичева лишь в 1952 г. на основании выписки из общемузейной инвентарной книги. В ней было указано, что в 1913 г. от В.Д. Пельца поступили негативы, а первоначальная опись, составленная С.М. Дудиным тогда же, «в отдел не поступала» (Опись колл. 2122). Этот факт лишний раз демонстрирует недостаточно внимательное отношение к иллюстративному фонду.

В 1913 г. из поездки в Каркаралинский уезд Семипалатинской области вернулась Антонина Воронина-Уткина. В 1915 г. музей купил у нее за 300 рублей 102 акварельных рисунка, а также 10 фотографий (колл. 2519, 2833). Акварельные рисунки художницы запечатлели орнамент, которым украшали различные предметы бытового назначения: убранство юрты, посуду, музыкальные инструменты, конскую упряжь. Фотографии А. Ворониной-Уткиной показывают некоторые этапы сбора юрты; ей удалось снять отдельные виды женских ремесел. На некоторых снимках представлены одежда и головные уборы, в основном женские.

Головной убор казачки (спереди). А. Воронина-Уткина 1914. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2833-9

Головной убор (сбоку). А. Воронина-Уткина 1914. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2833-10

В 1915 г. С.М. Дудин исполнил коллекцию негативов с акварельных рисунков А. Ворониной-Уткиной 1913 г. (колл. 2466).

В начале XX в. сотрудники МАЭ обнаружили серию фотографий неизвестного происхождения с портретами двух последних эмиров Бухары. Она была зарегистрирована как поступление «Из старых коллекций» (колл. 1695). В это собрание входят художественные портреты, выполненные в мастерских известных фотографов. На паспорту этих снимков указаны фамилии фотомастеров — А. Ренц, Ф. Шрадер и В. Ясвоин. В Петербурге фотографировать знатных бухарских гостей имел право только мастер, имевший на то специальные документы. Для производства съемки необходимо было получить разрешение от Глав-

ного штаба Военного министерства, свидетельство от градоначальника о разрешении и удостоверение личности от полиции (ЦГАКФФД. Е-8354).

К этой же коллекции относится фотокопия вырезки из периодической печати начала XX в. с изображением последнего бухарского эмира (колл. И-922). В 1934 г. Этнографическое отделение Государственного Русского музея (ныне — РЭМ) передало эту копию в МАЭ, и она имеет коллекционный номер. Тем не менее на обороте снимка стоит штамп Этнографического отделения Государственного Русского музея: «Копии воспрещены».

Фотография «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями» (колл. И-68-204) вошла в число коллекций иллюстративного фонда отдела в 1933 г. после закрытия выставки «Производительные силы Таджикистана». Как уже упоминалось, в 1932—1934 гг. в Ленинграде в связи с 10-летней годовщиной образования республик Средней Азии проводились конференции по изучению производительных сил региона. Совместно с Эрмитажем и ГМЭ (Государственный музей этнографии народов СССР, так назывался в те годы РЭМ) МАЭ, сотрудники которого в этот период тесно сотрудничали с СОПСом, был подготовлен ряд выставок: «Производительные силы Узбекистана», «Производительные силы Таджикистана», «Каракалпаки», «Киргизы», «Туркмены». Любопытно отметить, что кадр «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями» встречается в электронной версии работ фотографа С.М. Прокудина-Горского (1863—1944), который в начале XX в. побывал в Туркестане и Бухаре.

Несколько фотографий конца XIX в. поступили в МАЭ из Пушкинского Дома в 1920-е годы (колл. 3320). В состав коллекции в основном входят мужские портреты разных народов края. Также в 1920-е годы из бывшего Зимнего дворца в музей передали фотоколлекцию по Японии и Хиве (колл. 2863). На снимках конца XIX — начала XX в. показаны виды Хивы, мазаров, сценок, связанных с хозяйственной деятельностью, народным театром оседлого населения.

* * *

В 1914—1916 гг. начинающий в те годы исследователь, а впоследствии крупнейший ученый, востоковед-иранист Иван Иванович Зарубин совершил уникальные по своим научным результатам экспедиции к народам Памира.

В музей он привез обширные фотографические коллекции по горным таджикам, как называли в те годы многочисленные памирские народы (колл. 2371, 2372, 2499, 2621). Только стеклянных негативов из коллекций И.И. Зарубина насчитывалось около 900 единиц.

Портрет И.И. Зарубина

В 1914 г. от И.И. Зарубина поступили две иллюстративные коллекции. Одна из них — коллекция негативов по горным таджикам, рушанцам, которые он выполнил на Памире в долинах рек Бартанга и Пянджа, где работал по поручению МАЭ и Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (колл. 2371). Это были первые изобразительные материалы по народам Памира в собраниях музея. В них нашли отражение некоторые особенности их ремесел, жилища, хозяйственных построек, материалы обычаев и религии, народного орнамента.

Вторая коллекция 1914 г., которую И.И. Зарубин передал музею, состояла из стереонегативов (в количестве более 200). На них собиратель запечатлел местность, дороги, мосты, перевалы, переправы, через которые проходил его путь: Памирское плоскогорье, хребет Петра I, горные реки Муксу и Бартанг, военную дорогу от г. Ош до Памирского поста и дальше до Хорога, — а также русских саперов, прокладывавших этот путь в Дарвазе. В коллекции имеются снимки хозяйственных по-

строек (амбары для хлеба, мельницы), жилищ (селения, летнее жилище во время полевых работ, старинное убежище, которое использовали в случае нападения афганцев или киргизов, развалины крепости) и культовых сооружений. Собиратель изучал некоторые виды ремесел — кузнечное, ткацкое, токарное. В поле зрения исследователя оказались традиционные предметы быта, он запечатлел кадры, связанные с воспитанием детей (группа детей, портрет женщины с ребенком, колыбель) и таким традиционными развлечениями, как стрельба из лука, народные пляски, борьба (колл. 2372).

Французский ирианист Р. Готье, под руководством которого И.И. Зарубин работал во время своей первой экспедиции на Памир и у которого выучился методике сбора полевых материалов по языку, тоже подарил музею небольшую коллекцию негативов по горным таджикам из районов Нагорной Бухары (колл. 2860). К сожалению, к коллекции отсутствуют отпечатки, о ее содержании можно судить лишь по краткой описи. В основном на негативах запечатлены горные пейзажи, которые участники экспедиции наблюдали в пути.

В 1915 г. И.И. Зарубин привез из Нагорной Бухары коллекцию стереонегативов (более 100 единиц — колл. 2499), созданную во время поездки по поручению и на средства Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Большую часть изображений составляют путевые виды Памира, дороги вдоль течения рек Гунт и Мургаб, Алайской долины и т.д. Во время экспедиции исследователь останавливался в кишлаках, где снимал местных жителей, их жилища. Как и в предыдущую поездку, И.И. Зарубин повсеместно встречал развалины старинных крепостей и камни с рисунками и надписями, которые также зафиксировал в своей коллекции.

В 1915–1916 гг. из экспедиции на Памире, в Нагорную Бухару, И.И. Зарубин привез большую коллекцию (более 500 единиц) стереонегативов из жизни горных таджиков, ваханцев, шугнанцев, ясинцев (колл. 2621). Это собрание освещает почти все стороны культуры и быта местного населения, в котором нашли отражение традиционные занятия (земледелие, сельскохозяйственные орудия, охота), ремесла (обработка, разбивание шерсти, ткачество). Внимание собирателя привлекли традиционные способы приготовления пищи, сбивания масла, сушка яблок. В коллекцию вошли фотокадры домашней утвари, типов жилищных и хозяйственных построек, образцы мужской, женской и детской одежды. Во время экспедиции И.И. Зарубин интересовался не только материальной культурой, но и общественной и культурной жизнью изучаемого народа, религиозными обычаями, народными праздни-

ками и развлечениями, в том числе с участием мальчиков-бачей, что зафиксировано на кадрах коллекции.

В 1938 г. от Марии Владимировны Лебединской поступил в дар альбом фотографий (13×18 см), выполненных в начале XX в. (колл. 879). Из документов к коллекции сохранились лишь надписи на фотографиях и адрес собирателя — Ленинград, 9-я линия, дом 20, квартира 32.

Твердая обложка альбома состоит из картона, обтянутого материей темно-синего цвета. На паспарту из толстого картона наклеены фотографии коричневого цвета (что говорит об их раннем происхождении), оформленные в рамки из позолоченных линий с вензелями на углах. На узкой боковой стороне паспарту каждой фотографии пробито по два отверстия для шнура белого цвета, которые проходят сквозь текст на обороте снимков. Это говорит о том, что сначала были сделаны надписи от руки на обороте фотографий, а потом снимки попытались соединить в альбом. Таким образом, получается, что альбом не издательского производства, а самодельный. Отверстия, сделанные на паспарту, порваны и вложены в обложку альбома. Поэтому шнурок продет только через обложку и завязан на ней. Под некоторыми снимками на паспарту приклеена узкая полоска бумаги с названием фотографии, выполненная типографским шрифтом.

Фотоальбом состоит из 16 снимков. На четырех фотографиях запечатлены широкоизвестные памятники архитектуры Самарканда — развалины мечетей Биби-Ханым, Шахи-Зинда, медресе Улуг-Бека, мавзолей Гур-Эмир. На обороте изображений от руки черной тушью старой орфографией, использовавшейся до 1917 г., написаны комментарии к снимкам: исторические сведения, указания цветов декора зданий. По всей видимости, автор текстов был человеком образованным, знатоком среднеазиатской архитектуры, языка, живший долгое время в этих краях, и большим патриотом мест, о достопримечательностях которых писал. Так, при характеристике мечети XIV в. Биби-Ханым, которая, как известно по исторической литературе, начала разваливаться уже в первые годы своего существования, комментатор альбома все же посчитал, что часть здания «была разрушена русскими завоевателями, что подтверждают видимые на снимке следы ядер». Разрушение медресе Улуг-Бека он приписал также «русским завоевателям».

На этих старых фотографиях показано, как у подножия исторических развалин на площади Регистан кипела жизнь, раскинулись ровными рядами лавки торговцев, видны их крыши и навесы. Лавочки иногда представляли собой непрочный каркас с натянутой матерчатой крышей от солнца. Под ней сидят продавцы с товаром, появляются

покупатели-мужчины, в большинстве верхом на лошадях, женских фигур не видно. На снимках можно разглядеть местную одежду — чалмы, чаще белого цвета, с выпущенными слева концами и распахнутые длинные халаты.

На фотографиях альбома показана сценка с участием мальчиков-бачей. Заметно, что эпизод не постановочный, а снят с натуры. Возможно, лишь мужчина на первом плане замер в момент наливания чая в пилу. В чайхане на специальном возвышении из кирпичей, оставив обувь на полу рядом и подогнув под себя ноги, сидят мужчины. Они в белых чалмах или тюбетейках, стеганых халатах старинного покроя с длинными широкими рукавами и в высоких мягких сапогах. На коленях посетители чайханы держат круглые пиалы и заварные чайники. Рядом с ними находится подросток. В глубине здания видны ниши для посуды, кальяна.

Этот эпизод подтверждается сообщениями авторов конца XIX — начала XX в. о том, что почти при каждой чайхане находился бача, «поклонники которых составляют постоянных посетителей» [Маев 1876: 276]. Бача долго не задерживался на одном месте и, кокетничая с посетителями, переходил от одной группы к другой, требуя везде *дастархан* и чай и угощал окружающих, а его поклонники, осчастливленные таким вниманием, щедро платили за все потребованное мальчиком. Он внимательно наблюдал за присутствующими и как только замечал ничего не заказывающих посетителей, направлялся к ним, и после этого раздавалось требование чая.

Когда в чайхане собиралось достаточное количество завсегдатаев, сидевших беседующими компаниями, хозяин чайханы высылал к ним своего бачу: «Всегда в таких случаях ленивой походкой мелкими шагами входит хорошенький мальчик и направляется к более знакомым посетителям. Как только он подошел, тотчас весь кружок встает и сарты, согнувшись и держа руки на животе, приветствуют его. Он садится и приглашает жестом других тоже сесть. Взоры всего кружка обращаются на бачу. Принесли чай, и бача, налив чашку и отпив из нее глоток, передает кому-нибудь из присутствующих» [Маев 1876: 277]. Посетители чайханы обращались к баче не иначе, как «благодарю, повелитель». П. Маев сообщал, что этим титулом не величали бачей только ханы и самые важные сановники; все прочие говорили ему «повелитель» и, рассказывая про бачу, говорили: «они мне сказали» и «я им подал» [Там же]. Случалось, что бача дразнил своих поклонников: «протянув кому-нибудь чашку, ждет, когда тот прибежит и протянет за нею руки, быстро передает ее другому. Это вызывало общий смех, а обманутый с покорностью ждет, когда бача, отпив, подаст ему чашку чая» [Там же]. При

появлении бачи чаще обносили чилим, первому подавая ему, затаившись, он передавал чубук другим.

На снимке фотоальбома запечатлен танец бачи. На улице под деревом расположились зрители — мужчины с заварными чайниками в руках, тут же сидят два музыканта с бубнами. В центре расстелены ковры, на которых танцует бача, одетый в женскую одежду, рядом с ним пляшет мужчина. Фотосъемка была сделана в момент движения и против солнца, поэтому лица танцоров смазаны.

В.В. Верещагину довелось наблюдать, как на его глазах несколько мужчин преобразали мальчика в девочку. Ему привязывали длинные мелко заплетенные косы с погремушками и кистями, укрепленными одним концом под тубетейкой, голову покрывали большим шелковым платком и выше лба повязывали другим, узко сложенным. При этом мальчик кокетливо смотрел в зеркало: «Толстый-претолстый сарт держал свечки, другие благоговейно, едва дыша, смотрели на это и за честь считали помочь ему» [Верещагин 1883: 54]. Содержали бачей часто несколько человек: десять-пятнадцать-двадцать мужчин, старавшиеся наперебой угодить мальчику [Там же: 58].

В.В. Верещагин ярко описал впечатления от базма — пляски бачей. Во время танца бача под одобрительные возгласы присутствующих подражал женским движениям. Не меньший интерес, по мнению приезжих, представляли музыканты, которые с учащением ритма еще более, чем зрители, приходили в экстаз. Чтобы бубен звучал звонче, перед музыкантами ставили жаровни с горячими углями, над которыми они время от времени держали свои бубны, таким образом, сильнее натягивая кожу на них.

В.В. Верещагин выступал решительным приверженцем реализма в искусстве, и его произведения, и как литератора, и как художника, производили сильное впечатление и вызывали толки и обвинения в тенденциозности. Поэтому художник снял с выставки и уничтожил несколько картин туркестанской серии, в том числе картину «Бача со своими поклонниками».

Для первоначальной датировки снимков альбома М.В. Лебединской могло быть достаточно характеристики с точки зрения орфографии комментариев к некоторым фотографиям и их содержания. Альбом можно было отнести к началу XX в. Однако по сюжетам с бачами, зафиксированным на фотографиях, создание снимков может быть отнесено к более раннему времени. Дело в том, что под давлением русской администрации к концу 1890-х годов обычай держать бачей начал исчезать на территории так называемого Русского Туркестана. В. Духовская описала один из праздников в Ташкенте с танцами бачей, который

происходил в бытность (на рубеже веков) ее мужа, С.М. Духовского, Туркестанским генерал-губернатором: «В Ташкенте за неимением настоящих бачей танцы их исполнялись пожилыми, даже седовласыми мужчинами, между которыми было только два подростка» [Духовская 1913: 71]. Таким образом, фотографии альбома могут быть датированы концом XIX в.

В рассматриваемый период в музее выполнялись фотографические работы по съемке вещевых коллекций. Поэтому они тоже вошли в число иллюстративного фонда МАЭ (колл. 2483 (негативы), 2554 (негативы), 2691 (фотографии) и др.). Но мы эти коллекции не рассматриваем.

На основании изложенного исторического обзора поступлений иллюстративных коллекций можно сделать вывод о том, что наиболее ранними по времени создания были рисунки, несмотря на то что поступали они в музей позже или одновременно с фотоснимками. Экспедиционные работы художников предшествовали этнографической фотографии, что нашло отражение в иллюстративных коллекциях МАЭ — «рисованные с натуры» акварельные работы А. Померанцева, «Этнографический альбом» и тетради П.М. Кошарова, рисунки фотоальбома В.В. Верещагина «Туркестан».

Снимки с рисунков С.М. Дудина и альбом акварелей А. Ворониной-Уткиной более позднего времени, когда фотография стала распространяться повсеместно, более детально зафиксировали те стороны народной культуры, которые интересовали самих художников. Для С.М. Дудина было важно зарисовать орнамент без передачи фактуры материала. А. Воронина-Уткина стремилась передать особенности цвета и линий в зависимости от материала: «размытый» орнамент на тростниковых циновках, четкий на образцах вышивки и других декоративных предметах.

Как говорилось выше, большую часть иллюстративных коллекций составляют фотоматериалы. Вначале формирование иллюстративного фонда по рассматриваемому региону носило случайный характер, но было ознаменовано значительными поступлениями.

Наиболее ранними по времени создания фотоснимками МАЭ являются портрет Джангир-хана работы Вишневого (до 1845 г.) и «Казахские султаны в парадной форме» 1860 г. Первые музейные иллюстративные коллекции были связаны с просветительской деятельностью К.П. Кауфмана. Фотоальбомы, созданные по его распоряжению, создавались профессионалами — фотографами и востоковедами — по специально разработанной программе сбора материалов по разным народам, населявшим так называемый Русский, или Западный, Туркестан. Одна-

ко для МАЭ поступление этих фотоальбомов было делом случая и не явилось результатом плановой экспедиционной деятельности музея.

Первыми монографическими фотоколлекциями, полностью посвященными культуре одного народа, стали поступления от И.С. Полякова, К.Н. де-Лазари (казахи), И.Н. Глушкова (туркмены).

Значительным приобретением для музея в этот период стала коллекция от Н. Ордэ по разным народам региона. Огромный научный интерес представляет серия его фотографий по Бухарскому ханству. Это первое и наиболее полное собрание документальных снимков о жизни населения эмирата с портретами его правителей, выполненных вскоре после утраты государством независимости. Научная значимость этих фотографий велика до сих пор.

В период плановых экспедиционных поступлений музей пополнился значительными коллекционными сборами С.М. Дудина, К.В. Щенникова, А.Н. Самойловича, И.И. Зарубина и др. В эти годы продолжали поступать иллюстративные материалы от частных лиц. В одних случаях это были покупки, в других — приношения в дар. Благодаря сотрудничеству с музеем всех собирателей был создан первоначальный дореволюционный иллюстративный фонд.

Глава III

СВЕДЕНИЯ О СОБИРАТЕЛЯХ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ МАЭ

Создание первых фотоколлекций МАЭ связано с деятельностью известного государственного деятеля России XIX в., первого русского генерал-губернатора Туркестана **Константина Петровича фон Кауфмана** (1818–1882), к сожалению, незаслуженно забытого в последнее время.

Портрет К.П. Кауфмана [Кауфманский сборник 1910]

Он родился в 1818 г. (по другим источникам — в 1819 г.) в деревне Майданах близ Ивангорода. Его отец, генерал-лейтенант, принадлежал к старинному немецкому роду, представители которого переселились в Россию в XVIII в., начинал службу у А.В. Суворова, участвовал в нескольких военных кампаниях. Поэтому детство его сына протекало в нелегких походных условиях. В возрасте 14 лет К.П. Кауфмана определили в Главное Николаевское инженерное училище. В 1838 г. после окончания старшего класса училища его произвели в первый офицерский чин. Через пять лет он стал адъютантом при штабе Отдельного Кавказского корпуса [Всемирная иллюстрация. 1873. № 243]. На Кавказе К.П. Кауфман прослужил почти 13 лет (до 1856 г.), был участником Кавказской и Крымской войн, многих военных операций, два раза был тяжело ранен.

В 1857 г. К.П. Кауфман произведен в генерал-майоры свиты императора, пользовался вниманием и расположением Александра II. Через несколько лет назначен директором канцелярии военного министерства с присвоением звания генерал-адъютанта [Кауфманский сборник 1910].

С 1865 г. К.П. Кауфмана стал генерал-губернатором северо-западных губерний и командующим войсками Виленского военного округа, где продолжал политику обрусения края. Биографы К.П. Кауфмана отмечали, что здесь у него не сложились отношения с польскими ксендзами. В следующем году его неожиданно отозвали, уволили и отправили почти на год в отпуск.

Через два года в 1867 г. по указу Александра II К.П. Кауфман был назначен туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и наделен широкими полномочиями [Остроумов 1899; Семенов 1910; Всемирная иллюстрация. 1882. № 697].

В октябре 1867 г. К.П. Кауфман отправился из Петербурга в Туркестан, но не сразу в Ташкент, а через Оренбург, Семипалатинск и Верный (т.е. не самым кратким путем) для ознакомления с краем и тогдашней местной администрацией.

Его называли всесильным «хозяином» Туркестанского края, «ярим-подшо» (полуцарем). К.П. Кауфман имел право вести дипломатические сношения с соседними государствами. Через своих доверенных он получал сообщения о положении дел в Дарвазе, Бадахшане, землях, находившихся на пути от Амударьи к Мервскому оазису, о взаимоотношениях с ними Бухарского ханства, влиятельных лицах на этих территориях. Внешнюю политику России в этом регионе К.П. Кауфман согласовывал с МИДом и военным министерством, постоянно отправ-

ля в Петербург копии сообщений. К.П. Кауфман управлял краем фактически тринадцать с половиной лет (1867–1882), которые совпали с наиболее важными историческими событиями [Бартольд 1925: 247].

Генерал-губернатор, будучи человеком образованным, понимал значение ресурсов Туркестанского края и культуры его народов и «был убежден, что только серьезным изучением природных и бытовых условий края, только при помощи истинно научных приемов можно достичь твердых ответов на жизненные вопросы, и потому поощрявшего возможно широкое и разностороннее научное исследование Туркестанского края» [Остроумов 1899: 195].

Длительное пребывание К.П. Кауфмана в качестве туркестанского генерал-губернатора отмечено крупными достижениями, которые принесли ему известность как «устроителя края».

К.П. Кауфман приобрел популярность не только как крупный политический и военный деятель, он много сделал для развития экономики и культуры Центральной Азии, создал ряд административных и промышленных учреждений в Туркестане, проводил колоссальную культурно-просветительскую работу. Для службы в Туркестанском крае он привлекал молодых людей, окончивших факультет восточных языков Петербургского университета, в обязанность которых входило владение местными языками и изучение обычаев живущего здесь народа.

К.П. фон Кауфмана сравнивали с французскими и английскими генералами, которые обогатили музеи своих стран различными памятниками культуры, художественными произведениями, костюмами разных народов. Благодаря К.П. Кауфману многие собрания и музеи (Публичная библиотека, Азиатский музей, Царскосельский арсенал, Политехнический музей, Географическое общество, Общество поощрения художеств и т.п.) пополнились замечательными собраниями [Стасов 1886]. Поэтому современники называли К.П. Кауфмана «одним из просвещеннейших русских генералов, глубоко уважавшего науку».

Умер К.П. Кауфман в Ташкенте. Позже его прах перенесли в Спасо-Преображенский военный собор, где покоились и другие участники туркестанских походов. В настоящее время собор разрушен. Прежде недалеко от места первоначального захоронения первого туркестанского генерал-губернатора существовал памятник ему, который до настоящего времени также не сохранился.

В одной из старых газетных публикаций было помещено сообщение о том, что спустя некоторое время после смерти К.П. Кауфмана в один из воскресных ташкентских базаров «было вынесено для продажи с аукциона имущество его, состоявшее из разных кабинетных вещей, носильного платья, головного убора (фуражки и каски), книг и проч.

В их числе была масса фотографических снимков разных местностей Средней Азии, посещенных до 1881 г. русскими путешественниками и фотографами. Все эти материалы были приобретены за 36 рублей одним чиновником — сослуживцем К.П. Кауфмана» [Л.К.Ю. 1899].

К.П. Кауфман содействовал изучению края, наладил здесь научную жизнь. Он, в частности, создал группу молодых ученых по устройству выставок и организации фотографирования для издания целого ряда альбомов и руководил ими.

Важным результатом его просветительской деятельности явилось создание так называемого «Туркестанского альбома», который больше известен как «Альбом Кауфмана».

Активную роль в сборе материалов, вошедших в «Туркестанский альбом», сыграли деятельные помощники и сотрудники К.П. Кауфмана, и среди них необходимо назвать **Александра Людвиговича Куна** (1840—1888). Под его руководством работал огромный коллектив авторов. А.Л. Кун сопровождал К.П. Кауфмана во всех его среднеазиатских экспедициях.

По характеристике ориенталиста П. Лерха, А.Л. Кун был «трудолюбивым исполнителем», которому при создании «Туркестанского альбома» приходилось сталкиваться со многими трудностями, в том числе, как и многим его коллегам, работавшим до и после него в крае, преодолевать предубеждение в мусульманском мире против изображения людей.

Сам А.Л. Кун в письме к В.В. Стасову называл себя «метисом» (ОР РНБ. Ф. 738. № 167). Его отец — уроженец Пруссии (выходец из Мемеля), по профессии учитель, а мать — тавризская армянка. В 14 лет А.Л. Кун осиротел и после окончания в 1860 г. Ставропольской гимназии «по милосердию добрых людей» поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1865 г. он окончил курс (по арабско-персидско-турецкому разряду) со степенью кандидата и по настоянию профессора В.В. Григорьева поступил на службу в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора. В 1874 г. его назначили чиновником особых поручений при учебной части Туркестанского генерал-губернаторства. В этом же году А.Л. Куна командировали делегатом на международный съезд ориенталистов в Лондоне и избрали членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже [Каримова 1956: 24].

А.Л. Кун занимался составлением проекта устройства учебного дела в крае, изучением местной этнографии и статистики, сбором различных памятников, документов, мусульманских книг и рукописей, многие из которых пересылались в музеи, библиотеки и научные обще-

ства России. Например, в 1871 г. он передал в Публичную библиотеку Петербурга около сотни экземпляров рукописей, в Археологическую комиссию, а затем в Эрмитаж — огромное количество фрагментов облицовок, найденных у архитектурных памятников Самарканда и Ташкента, в Оружейную палату Москвы — серебряный трон хивинских ханов. В 1876 г. А.Л. Кун был избран действительным членом Археологического общества.

А.Л. Кун участвовал во всех военных походах того времени: в 1870 г. — в Искандер-Кульском совместно с А.П. Федченко, изучая быт и языки узбеков и таджиков верховьев Зеравшана, в 1873 г. — в Хивинском, в 1876 г. — в Кокандском. Он был одним из первых исследователей ягнобцев и их языка [Лунин 1974: 203–208]. В 1873 г. в Хиве, куда он был направлен с научной миссией, ученый посетил конфискованный ханский дворец, где собрал обширную коллекцию налоговых документов, исторических рукописей и книг, сочинений восточных поэтов, богословов, в том числе Кораны и учебники.

Во время экспедиции в Кокандское ханство А.Л. Кун также посетил ханский дворец. Но Худояр-хан мало увлекался чтением, поэтому там было найдено лишь несколько Коранов и книг. Во дворце же анджанского бека Насыр-Эддина, сына Худояра, библиотека была богаче. В Царскосельский музей оттуда отправили коллекцию дорогого оружия.

Много позже, в 1897 г., академик К.Г. Залеман выступал с отчетом о поездке в Среднюю Азию, посещении Коканда и упоминал о бесследно исчезнувшей библиотеке Худояр-хана, «хранившейся когда-то в уездном управлении» [Заседание 12 ноября 1897].

Значительную часть архива хивинских и кокандских ханов А.Л. Кун передал в Публичную библиотеку Петербурга. С его именем связано создание отдела «восточных книг и рукописей» Туркестанской публичной библиотеки. После 1917 г. обширные материалы по социально-экономической истории из архивов хивинских и кокандских ханов считались пропавшими. В 1936 г. профессор П.П. Иванов обнаружил их в необработанном фонде Публичной библиотеки Ленинграда.

А.Л. Кун считался большим любителем и знатоком редких восточных книг и ковров, которые он собирал в большом количестве во время разъездов по Средней Азии. Об этом его коллеги даже шутили: «Трудно сказать, книги ли он завертывал в ковры или ковры в книги, так много вез он тех и других в Ташкент после каждого похода» [Средняя Азия 1910, IV: 138]. Свои многочисленные публикации А.Л. Кун, близко знакомый с местной жизнью, не всегда подписывал собственным именем, иногда он печатался под псевдонимом Искандер-Тюря [Искандер-Тюря (Кун) 1871].

С 1876 по 1882 г. А.Л. Кун занимал должность главного (и первого в истории Туркестанского края) инспектора училищ. Его даже называли местным министром народного просвещения. Проработав в Туркестане 13 лет, в 1882 г. А.Л. Кун переехал в Вильно, где стал помощником попечителя учебного округа¹. Скончался он в 1888 г. в возрасте 48 лет.

Своей многогранной деятельностью А.Л. Кун положил начало полевому историко-этнографическому обследованию Средней Азии и привлек внимание многих исследователей к этому краю. Ему удалось собрать чрезвычайно ценные материалы, тогда еще практически неизвестные [Кун 1873; 1874; 1876; 1880].

Среди собирателей материалов для «Туркестанского альбома» нельзя не упомянуть **Иеронима Ивановича Краузе** (1845—1909), известного ботаника и фармацевта. В 1862 г. он поступил в Москве на работу аптекарским учеником, а в 1869 г. сдал экзамен при Московском университете на провизора. В 1870 г. И.И. Краузе переселился в Туркестанский край. В 1873 г. основал в Ташкенте городскую аптеку. Некоторое время он был директором туркестанской школы шелководства. С большим увлечением собирал полезные растения, особенно медицинские, красильные и волокнистые, в окрестностях Ташкента, Самарканда, Бухары. В 1885 г. И.И. Краузе организовал Туркестанский отдел Русского общества садоводства. За свои труды он был награжден медалями Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве и Российского общества садоводства [Маслова 1958: 43]. Вместе с агрономом М.И. Бродовским И.И. Краузе собирал материалы по разделу о промыслах и ремеслах для «Туркестанского альбома».

Одним из активных единомышленников К.П. Кауфмана был **Николай Васильевич Дмитровский**, первый библиотекарь и заведующий Публичной библиотекой в Ташкенте. Он родился в 1841 г. в Нижнем Новгороде, там же получил образование в духовной академии. Сначала он работал в Нижегородской и Виленской губерниях. В 1867 г. его назначили в распоряжение К.П. Кауфмана. Н.В. Дмитровский работал в канцелярии генерал-губернатора, был редактором газеты «Туркестанские ведомости», в которой напечатана не одна сотня его статей по разным вопросам, преимущественно исторического характера [Средняя Азия 1910, II: 121—122].

Не все чиновники администрации одобряли деятельность К.П. Кауфмана в Средней Азии. Так, в 1882 г. новый генерал-губерна-

¹ Подробнее о А.Л. Куне см.: [Лунин 1965: 114—119].

тор края энергично принялся за ломку установившихся при К.П. Кауфмане порядков. Новый генерал-губернатор привез с собой много лиц, которыми предлагал заменить сподвижников К.П. Кауфмана. Например, он поручил ознакомление с деятельностью библиотеки в Ташкенте известному в то время писателю В.В. Крестовскому, как его характеризовала местная пресса, «обремененного постоянно винными парами». На основании его наблюдений и заключений библиотеку закрыли. Для ее ликвидации была создана комиссия во главе с М.И. Бродовским. Таким образом, Ташкент остался без библиотеки [Средняя Азия 1910, II: 106–111], но некоторые книги удалось сохранить. Лишь через два года следующий генерал-губернатор восстановил библиотеку.

Автором альбома «Туркестан», который вместе с «Туркестанским альбомом» хранится в МАЭ, был также один из сослуживцев К.П. Кауфмана — выдающийся русский художник-баталист **Василий Васильевич Верещагин** (1842–1904), родившийся в семье помещика в г. Череповце. После окончания Морского корпуса в 1860 г. он поступил в Академию художеств.

В 1861–1865 гг. во время учебы в Академии художеств он увлекся путешествиями. В.В. Верещагин совершил несколько поездок — побывал в Европе, на Дунае, Кавказе. Во время своего пребывания на Кавказе в 1863–1865 гг. в Тифлисе будущий художник преподавал рисование и изучал жизнь местного населения.

По просьбе К.П. Кауфмана военный министр Д.А. Милютин ходатайствовал перед Александром II о командировании художника В.В. Верещагина на два года для подготовки альбома картин из жизни Туркестанского края. В 1867 г. В.В. Верещагин отправился в Туркестан, где генерал-губернатор поручил ему создание альбома, посвященного этнографии народов Средней Азии. Отчетом о работе по официальному заданию является фотоальбом «Туркестан», который хранится в МАЭ.

Известны путевые заметки В.В. Верещагина, которые он опубликовал после первого знакомства с краем (1867–1868) [Верещагин 1874]. Он проехал из Оренбурга до Ташкента и под впечатлением от увиденного создал картины «Опиумеды», «Обожатели бачи» и др. Летом 1868 г., живя в Самарканде, художник принимал участие в обороне русского гарнизона от бухарских войск, за что был отмечен наградой [Материалы к библиографии по истории Академии художеств 1957; Булгаков 1889, I: 87–89; Кондаков 1914; Собко 1893].

Зимой 1868–1869 гг. В.В. Верещагин жил в Париже. Весной 1869 г. в Петербурге состоялась выставка его работ, тогда еще малоизвестного художника. На ней были представлены этюды и несколько картин, созданные в Средней Азии, которые, по словам критика, «поразили всех

смелостью, правдою и реальностью изображения» [Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 77].

Весной 1869 г. В.В. Верещагин вновь проехал маршрутом от Оренбурга до Ташкента. Он продолжил этнографические наблюдения, которые изложил в литературных статьях и на основе которых создал художественные произведения на среднеазиатские темы. В 1870 г. В.В. Верещагин посетил Кокандское ханство и русско-китайскую границу, где участвовал в боевых действиях.

В 1871—1873 гг. художник находился в Мюнхене, продолжил работу над картинами, на которых он изображал эпизоды туркестанской войны и жизни местного населения. Во время военных действий в Хиве художник принял в них участие и создал множество новых произведений. В 1873 г. состоялась выставка картин туркестанского цикла В.В. Верещагина в Лондоне. Весной 1874 г. эту выставку, пополненную новыми работами, показали бесплатно в Петербурге в здании министерства внутренних дел. Она явилась результатом почти трехлетнего пребывания В.В. Верещагина в Туркестане.

После закрытия выставки «туркестанскую» коллекцию В.В. Верещагина приобрел для своей галереи П.М. Третьяков. Именно туркестанские (т.е. среднеазиатские) картины сделали имя художника знаменитым.

Всю жизнь В.В. Верещагин много путешествовал. Он дважды посетил Индию: в 1874—1876 гг. и в 1882 г. В 1877—1878 гг. принимал участие в русско-турецкой войне, в 1884 г. был в Сирии и Палестине, а после возвращения разъезжал по северу России. В 1889—1900 гг. В.В. Верещагин создал серию картин «Наполеон и Россия». В 1901—1902 гг. он побывал на Филиппинских островах и на Кубе, в 1903 г. — в Японии.

На одном из заседаний Совет Академии художеств присвоил В.В. Верещагину звание профессора живописи. Но художник, в это время находившийся в Индии, публично отказался от звания, считая все чины и отличия в искусстве ненужными.

В 1904 г. по приглашению адмирала С.О. Макарова художник выехал на фронт русско-японской войны и там, к несчастью, нашел свою гибель. В.В. Верещагин погиб недалеко от Порт-Артура во время взрыва броненосца «Петропавловск» вместе с самим адмиралом С.О. Макаровым 31 марта 1904 г.

Автор альбома «Виды и типы Хивинского ханства» подпоручик **Григорий Е. Кривцов** был известным фотографом, о чем свидетельствуют его работы, помещенные на страницах ежегодника Туркестанского статистического комитета «Материалы для географии и статистики Туркестанского края» и других иллюстрированных изданий с публика-

циями о путешествиях и экспедициях, новых землях и народах. Он был и одним из фотографов «Туркестанского альбома».

Имя Г.Е. Кривцова находится в одном ряду с единомышленниками, коллегами, помощниками первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, такими как Н.П. Остроумов, Н.В. Дмитровский, В.И. Межов, В.В. Верещагин, создателями знаменитого «Туркестанского альбома» А.Л. Куном, В.П. Ивановым, И.И. Краузе, М.А. Терентьевым, Н.В. Богаевским, Л.А. Шостаковым (Шестак), Н. Нехорошевым и многими другими. Г.Е. Кривцов участвовал в экспедициях по Бухарскому ханству (в Шахрисябз 1874 г. и в Гиссар в 1875 г.) известного военного журналиста и редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маева.

В 1873 г. в русской и зарубежной печати постоянно обсуждались слухи о русском походе в Хиву и его возможных последствиях. В газетах часто публиковались сообщения о военных действиях, материалы, посвященные Хиве, а также иллюстрации к ним — рисунки «из путевой книжки русского офицера» (наброски поручика (инициалы неизвестны) Дикгофа, Н.Н. Каразина, И.К. Агапи и др.). Известие о занятии русскими Хивы, завоевании ханства произвело необычайно сильное впечатление в Европе [Всемирная иллюстрация. 1873. № 223]. Поэтому появление альбома «Виды и типы Хивинского ханства» не осталось незамеченным общественностью.

Вскоре после восстановления на престоле ранее бежавшего из Хивы Мухаммед-Рахим-хана К.П. Кауфман распорядился произвести сбор сведений о населении ханства, его географии, статистике, этнографии и топографии. «Всемирная иллюстрация» писала: «Экспедиция русских войск в Хиву <...> послужит вместе с тем к обогащению науки ценным вкладом новых любопытных сведений о малоизвестной части Средней Азии» [Всемирная иллюстрация. 1873. № 245]. Наряду с естественно-историческими исследованиями А.П. Богданова, И.И. Краузе и Королькова (инициалы неизвестны), поездками А.Л. Куна по наиболее значительным пунктам, военно-топографический отдел подготовил большую карту Хивинского ханства. Создание Г.Е. Кривцовым альбома «Виды и типы Хивинского ханства» было частью разностороннего знакомства с краем [Всемирная иллюстрация. 1873. № 255].

Собиратель первой фотоколлекции МАЭ по казахам **Иван Семенович Поляков** (1845/7–1887) происходил из казаков Забайкалья. Он родился в станице Ново-Цурухайтуевской на Аргуне, в семье бурятки и бедного неграмотного казака [Праслов 1982: 7].

Сначала грамоте его обучал казачий урядник. После окончания местной школы, а затем и Иркутского военного училища И.С. Поляко-

И.С. Поляков [Праслов 1982: 9]

ва оставили в нем преподавать. Особенно И.С. Поляков увлекался зоологией и археологией. Огромную роль в жизни будущего исследователя сыграло знакомство, в дальнейшем переросшее в более близкие дружеские отношения, с видным ученым и революционером П.А. Кропоткиным. И.С. Поляков принимал участие в его экспедиции. Впоследствии, после ареста и заключения в Петропавловскую крепость П.А. Кропоткина, это не лучшим образом сказалось на судьбе И.С. Полякова.

Благодаря помощи П.А. Кропоткина И.С. Поляков в 1868 г. переехал в Петербург [Праслов 1982: 7]. До поступления в университет, он, испытывая острую нужду, вынужден был жить уроками. В 1871 г. И.С. Поляков окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета со званием магистра зоологии и поступил на службу хранителем Зоологического музея Академии наук. И.С. Поляков совершил многочисленные научные экспедиции, в течение нескольких лет был редактором «Записок ИРГО» по общей географии. Как любитель природы, он был великолепным и наблюдательным рассказчиком, публикуя свои впечатления в виде худо-

жественных произведений. По отзыву известного ученого Д.Н. Анучина, И.С. Поляков был неустанным и разносторонним изыскателем и по своей талантливости и неутомимой деятельности принадлежал к разряду выдающихся личностей. И.С. Поляков участвовал в многочисленных, главным образом зоологических, экспедициях, производил археологические раскопки. Ему принадлежит заслуга первооткрывателя в 1879 г. теперь всемирно известной палеолитической стоянки Костенки. Для МАЭ кроме приобретения фотографий по казахам И.С. Поляков занимался сбором этнографических материалов по народам Сибири, Сахалина и Японии.

Имя художника П.М. Кошарова получило известность среди этнографов после публикации его «Этнографического альбома Дико-каменных киргизов» С.М. Абрамзоном [Абрамзон 1953]. Однако в биографической справке о П.М. Кошарове был допущен ряд неточностей. О художнике П.М. Кошарове тепло отзывался знаменитый географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Краткие сведения о нем содержатся в художественных справочных изданиях и других библиографических публикациях [Петров 1864—1866; Материалы к библиографии по истории Академии художеств 1957; Булгаков 1889, I: 87—89; Кондаков 1914; Собко 1893, I; Маслова 1955]. Но о П.М. Кошарове знают мало.

В настоящее время хорошо известны этнографические рисунки из жизни киргизов П.М. Кошарова (1824—?). В МАЭ хранятся его «Этнографический альбом Дико-каменных киргизов» (колл. 116) и две тетради с зарисовками карандашом типажей и предметов быта (колл. 2643).

Среди архивных материалов нам все же удалось отыскать некоторые документы, связанные с жизнью **Павла Михайловича Кошарова**. Прежде всего, выяснилось, что изначально его фамилию писали как Кошеров и даже Коширов. Так подписывался он сам в 1840 г. В некоторых справочниках, изданных до 1917 г., его называли Кошеровым.

В архиве сохранилось прошение будущего художника от 1840 г. о его желании поступить в Академию художеств в число «вольноприходящих» (вольнослушателей). Совету Академии художеств молодой человек представил свои рисунки и необходимые для поступления на учебу документы — отпускную, т.к. был из вольноотпущенных крепостных: «Вдова егермейстера и кавалерственная дама княгиня Анна Александровна Голицына, урожденная княжна Прозоровская 3 февраля 1839 года отпустила вечно на волю дворового моего человека Павла Михайлова Кошарова записанного по последней 8-й ревизии при вотчине моей Владимирской губернии Покровского уезда, в селе Ивановском, до которого впредь как мне так и наследникам моим дела не имеют» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 52-К. Л. 3).

Следовательно, как нам удалось установить, П.М. Кошаров был не уроженцем Сибири (так утверждалось в известной публикации О.В. Масловой) [Маслова 1956], а выходцем из-под г. Владимира. Портрет П.М. Кошарова не сохранился, но в этой же его отпускной содержится описание внешности «вольноотпущенного»: «Он ростом 2 аршина 4 вершков (158,6 см. — *В.П.*), волосы и брови темно-русые, глаза серые, нос прямой, лицо круглое белое, 15-ти лет, на левой брови от ухаiba знак». Таким образом, родился П.М. Кошаров в 1824 г.

По просьбе П.М. Кошарова Академия художеств выдала ему в 1842 г. так называемый «билет» — документ, удостоверявший, что он является вольноотпущенным, а его отпускная хранится в делах Академии художеств. Билет давал ему право беспрепятственно обучаться вольноприходящим учеником в Академии художеств и свободно жить в Петербурге. Так П.М. Кошаров оказался среди тех редких счастливых из массы одаренных крепостных, которые получили не только отпускную, но и возможность учиться в одном из лучших художественных заведений Европы, в Академии художеств Петербурга.

Одновременно с П.М. Кошаровым в Академии художеств учились братья Сорокины (инициалы неизвестны) и Бронников (инициалы неизвестны), с которыми, по его словам, он был особенно дружен. После курса черчения ордеров и линейной перспективы, «желая посвятить себя живописному художеству» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 52-К. Л. 5), П.М. Кошаров просил Совет Академии разрешить ему посещать классы профессора Карла Павловича Брюллова. У знаменитого художника П.М. Кошаров занимался до 1845 г.

В 1846 г., «удостоенный Академией художеств звания учителя рисования в гимназиях из вольноотпущенных», П.М. Кошаров обратился в департамент министерства народного просвещения определить его на работу в Симферопольскую гимназию. Для устройства на эту должность среди прочих документов художник должен был представить в Сенат главный — отпускную бывшего крепостного.

В Симферопольской гимназии П.М. Кошаров преподавал рисование, черчение и чистописание. За три года работы в Крыму он познакомился с археологом графом А.С. Уваровым и известным художником И.К. Айвазовским, в мастерской которого занимался. В последующие годы после окончания учебы в Академии художеств «ее питомец» (так называл себя П.М. Кошаров) продолжал заниматься живописью. В 1848 г. после представления Совету Академии художеств этюда, «писанного с натуры», П.М. Кошарову выдали аттестат на звание «неклассного художника».

После возвращения в Петербург в 1850 г. П.М. Кошаров возобновил занятия перспективной живописью у профессора М.Н. Воробьева. Он изучал теорию и линейную перспективу, одновременно преподавал эти же дисциплины на уроках рисования в учебных заведениях и частных домах. Результатом успешных занятий П.М. Кошарова стало составленное им «Руководство к перспективе с применением ее к практическому рисованию», одобренное профессором М.Н. Воробьевым.

Положение «вольнотпущенного», хоть и обладавшего талантом замечательного рисовальщика, тяготило его и делало зависимым от многих обстоятельств. Чтобы стать полноправным гражданином крепостнической среды, ему приходилось настойчиво напоминать о себе. П.М. Кошаров стремился к официальному признанию его высокопрофессиональным, «классным» художником. С этой целью он обратился в Совет Академии художеств с просьбой о предоставлении ему программы на звание «академика по части перспективной живописи» и предлагал для этого написать интерьер Казанского собора.

Итогом постоянного изучения пейзажной, морской и перспективной живописи стали две картины, написанные П.М. Кошаровым с натуры в Западной Сибири, в горах Алтая: Телецкое озеро и река Копша. Эти работы художник прислал в Академию художеств в 1855 г. из Томска, где жил в то время. Архивные документы, рассказывающие о томском периоде жизни живописца, свидетельствуют, что именно с этого времени свои работы он подписывал не Кошеров, а Кошаров.

Работы П.М. Кошарова экспонировались на академических выставках, их отмечали зрители. Особое значение для бывшего крепостного имело знакомство императрицы с его рисунками серии «Виды и типы Алтая». Она удостоила их своим вниманием и похвалила.

В 1883–1884 гг. П.М. Кошаров исполнил для Музея военно-учебных заведений три этнографических альбома — Сибири, Алтая и Киргизских степей. Во время пребывания великого князя Владимира Александровича в Томске художник преподнес ему альбом «Виды и типы Томской губернии». В 1883 г. П.М. Кошаров представил Совету Академии художеств эскизы видов Сибири и альбом томской флоры.

К началу 1880-х годов бывший крепостной достиг чина статского советника и был кавалером нескольких орденов. Нелегкую, но полезную художественно-научную этнографическую деятельность П.М. Кошарова Совет Академии художеств оценил в 1886 г., удостоив его лишь звания «почетного вольного общинника». Удивленный и огорченный этим, художник выразил благодарность за это звание и непонимание того, что оно означало: «Надеюсь, что его дают за художественные за-

слуги». Это звание было лишь почетным, присуждали его не только художникам, но и другим лицам «за труды на художественном поприще». Оно не давало каких-либо прав или преимуществ, лишь предоставляло возможность носить мундир VI разряда.

В 1892 г. в Совет Академии художеств пришло письмо от дочери П.М. Кошарова Екатерины. Она сообщала о себе, что рисованию ее обучал отец по программе Алексеевского реального училища. Затем она стала преподавать, готовить детей для поступления в училища. Иногда выполняла заказы, зарисовывая «сибирские древности». Приехать из Томска на экзамены она не могла «по домашним обстоятельствам отца» и потому прислала свои рисунки с просьбой рассмотреть возможность о присуждении ей звания учительницы рисования «хотя бы в низших классах женских гимназий или народных школах».

Последнее известие о П.М. Кошарове — его ответ на отказ Совета Академии художеств на просьбу дочери. В письме он хвалил ее работы «не потому, что она моя дочь» и пытался убедить тех, от кого зависело это решение, что Екатерина Кошарова достойна звания учительницы рисования.

Несмотря на то что крепостное право в России отменили в 1863 г., на судьбе и характере творчества П.М. Кошарова не могло не сказаться то, что он был бывшим крепостным. Преданность искусству, подвижничество, профессиональное мастерство не помогли художнику достичь заветного для него звания академика живописи. Совет Академии художеств не оценил его самобытности, заслуг перед искусством и наукой и счел П.М. Кошарова не заслуживающим этого звания.

Целый ряд имен художников, удостоенных в свое время звания академика живописи, помнят разве что специалисты, а творчество П.М. Кошарова было высоко оценено в последующие годы. Множество рисунков и акварелей художника П.М. Кошарова опубликованы и иллюстрируют собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова. Этнографические рисунки из альбома и тетрадей П.М. Кошарова, хранящиеся в МАЭ, спустя более века неоднократно копировали современные художники, нынешние выпускники Академии художеств. В 1987 г. при создании новой экспозиции «Хозяйство, кочевой быт и социальные отношения у киргизов в XIX — начале XX в.» Государственный исторический музей Киргизии специально направил в МАЭ научного сотрудника для организации изготовления копий с рисунков П.М. Кошарова. Так что можно с уверенностью сказать, что имя П.М. Кошарова вошло в летопись Академии художеств, в историю русской живописи, а также в историю отечественной науки наряду с крупнейшими учеными-исследователями Средней Азии.

Кроме МАЭ произведения П.М. Кошарова находятся в архиве Географического общества в Петербурге, в Томском краеведческом музее и библиотеке Томского университета, а также в фондах музея Т.Г. Шевченко в Киеве.

Среди авторов иллюстративных коллекций был **Дмитрий Алексеевич Никитин**, военный фотограф, прикомандированный к штабу группы русских войск Кавказского фронта. В 1878 г. его альбом «Коллекция этнографических и археологических фотографий» был отмечен в Русском отделе Всемирной выставки в Париже.

В числе первых собирателей коллекций МАЭ был также **Николай Карлович Зейдлиц** (1831–1907), действительный статский советник, статистик и этнограф, сын К.К. Зейдлица, доктора медицины, известного в русской истории дружбой с В.А. Жуковским. Он окончил Дерптский университет по курсу естественных наук, много путешествовал по Закавказью. По роду занятий Н.К. Зейдлиц был также военным инженером и писателем. В 1868 г. он был назначен главным редактором Кавказского статистического комитета. Комитет составлял по отдельным областям Кавказа многочисленные таблицы, обобщающие распределение национальностей, языков и религий. На их основе издавались подробные и точные этнографические карты. В 1880 г. он составил «Этнографическую карту Кавказского края» (одна из таких огромных карт в настоящее время развернута на стене кабинета этнографии народов Кавказа МАЭ и помогает в работе исследователям). В 1874 г. Н.К. Зейдлиц объехал большую часть Закавказья с целью сбора материалов по административной статистике. Он издал серию томов по народонаселению и населенным пунктам Закавказья. Н.К. Зейдлиц — автор многочисленных трудов по кавказоведению.

Он был также автором других карт, в том числе изданных в Германии на немецком языке. Его карты содержали ценные сведения о внутренних территориях изучаемых регионов. До карт Н.К. Зейдлица многие из этих районов изображались зачастую схематично и даже ошибочно. Появление карт Н.К. Зейдлица стало определенным этапом в развитии отечественной этнографии, особенно кавказоведения в 1880–1890-е годы.

Среди первых фотоколлекций МАЭ была также коллекция 1886 г. от Барщевского, или, как его фамилия была занесена в музейные документы, «Барщевского». Сам мастер обозначал себя в углах стеклянных негативов так: «собственность фотографа Барщевского». В МАЭ от него поступили фотографии археологических предметов — глиняной утвари различных форм и орнаментации с разноцветной поливой, предметы из

железа и меди из Сарайских развалин дворца Чингиз-хана, а также обломки архитектурного декора сооружений Самарканда, керамика и бронза из раскопок доктора И.-А.Э. Регеля в Кульдже² (колл. 166). Любопытно, что почти одновременно в России работали два известных фотографа с фамилией Барщевский. На коллекционных снимках и в документах МАЭ не указаны инициалы их автора.

Фотограф **Лев Семенович Барщевский**, офицер русской армии, в 1890-е годы работал в Туркестане. В Самаркандском областном музее хранится его археологическая коллекция. Он был известен также как один из корреспондентов газеты «Туркестанские ведомости».

Вероятнее всего в коллекционном фонде музея хранятся снимки **Ивана Федоровича Барщевского**, члена-корреспондента Московского археологического общества. По оценке известного критика В.В. Стасова, И.Ф. Барщевский был «нашим отличным фотографом», который постоянно предпринимал «фотографические экскурсии из Ростова-Ярославского во все края нашего отечества, результатом чего являются 25 толстых томов великолепно исполненных снимков с замечательнейших созданий искусства» [Стасов 1886: 406].

Альбомы, о которых упоминал В.В. Стасов, представляют собой объемные тома большого формата с картонными страницами, на которые наклеены фотографии, названы «Русская архитектура» и хранятся в РНБ. Подобные фотоальбомы, производимые не типографским способом, создавались очень небольшим тиражом. В состав томов И.Ф. Барщевского вошло свыше 3000 листов фотографий. В основном это были изображения древнерусских памятников архитектуры, живописи, скульптуры и образцов художественных ремесел (изделия из дерева, камня, металла, фаянса, стекла, вышивка, кружево и т.п.). Кроме того, И.Ф. Барщевский воспроизводил изображения разнообразных коллекций из собраний музеев Москвы, Ростова Великого и Киева.

Отдельный альбом многотомника фотограф посвятил снимкам коллекций музеев Академии наук. В нем представлены преимущественно изображения предметов, относящихся к культуре калмыков, монголов, Золотой орды и сибирских народов. Фотографии археологических предметов из раскопок И.-А.Э. Регеля, которые хранятся в МАЭ, в этом многотомнике И.Ф. Барщевского не представлены. Можно предположить, что автор изъезжал эти снимки из альбома с целью передачи в МАЭ.

Архивные материалы показали, что в годы, когда И.Ф. Барщевский жил в Ярославле, его фотоателье называлось «Этнографическая

² О нем и его коллекциях в МАЭ см.: [Прищепова 2000].

модельная мастерская». В оформлении бланка своей мастерской он использовал кроме эмблемы Московского археологического общества эмблему Академии художеств, в которой он мог обучаться. Многие первые фотографии происходили из среды профессиональных художников. Однако имя И.Ф. Барщевского в справочных изданиях среди выпускников Академии художеств не упоминается.

На бланке мастерской И.Ф. Барщевского были помещены изображения многих медалей, которых фотограф был удостоен на выставках или конкурсах. В 1895 г. И.Ф. Барщевский переписывался с Центральным училищем технического рисования барона А.Л. Штиглица об условиях издания 150 таблиц фотографий, собранного им «орнамента памятников древнерусских изделий» (РГИА. Ф. 790. Оп. I. № 60).

И.Ф. Барщевский был известен современникам не только как фотограф. На протяжении более десяти лет он был ближайшим помощником княгини М.К. Тенишевой, знатока русского искусства. Она своей активной деятельностью по созданию музея в Талашкино привлекала внимание многих известных личностей. Среди ее окружения были И.Е. Репин и И.С. Тургенев, С. Мамонтов и М.А. Врубель, П.И. Чайковский и К.А. Коровин, Н.К. Рерих, С. Дягилев и многие другие, которых М.К. Тенишева упоминала в своих дневниковых записках, в их числе и И.Ф. Барщевский. Соединив рассеянные в воспоминаниях М.К. Тенишевой сведения о И.Ф. Барщевском, можно многое узнать о нем.

В Ярославле И.Ф. Барщевский занимал скромную должность надсмотрщика работ при губернской земской управе, «едва зарабатывая для своей семьи». Лишь в свободное время он делал снимки с памятников искусства русского севера. Однажды фотоработы И.Ф. Барщевского — «более пяти тысяч клише с предметов русской старины» — увидела М.К. Тенишева и заказала ему шестьсот снимков с предметов своей коллекции. Ей понравилась преданность И.Ф. Барщевского их общим интересам, и она пригласила фотографа к себе в Смоленск.

Сначала в обязанности И.Ф. Барщевского входило следить за постройкой дома-музея, потом М.К. Тенишева поручила ему заниматься в керамической мастерской.

С И.Ф. Барщевским и другими своими единомышленниками М.К. Тенишева ездила в Москву по делам создания музея. В 1905–1908 гг., находясь в Париже, напуганная доходящими известиями о волнениях в России, М.К. Тенишева попросила И.Ф. Барщевского вывезти к ней из Смоленска наиболее ценные музейные собрания. Позже он же занимался их отправкой назад. Воспользовавшись прибытием коллекций из Смоленска, М.К. Тенишева с помощью И.Ф. Барщевско-

М.К. Тенишева и И.Ф. Барщевский в керамической мастерской
[княгиня Тенишева 1991]

го задумала устроить показ предметов русского искусства в залах Лувра. Выставка вызвала заинтересованные отклики. После торжественного открытия, рукоплесканий, поздравлений и обеда французское правительство отметило организаторов выставки. Кроме подарков М.К. Тенишева получила звание деятеля народного образования Франции, а И.Ф. Барщевскому был присужден орден Пальмовой ветви.

Спустя годы, после передачи музея М.К. Тенишевой Археологическому обществу, И.Ф. Барщевский был награжден знаком почетного члена общества. Это звание давало мужчинам право на чин статского советника. С этого времени между М.К. Тенишевой и И.Ф. Барщевским стали складываться сложные отношения. М.К. Тенишева была попечительницей созданного ею музея, И.Ф. Барщевский же хотел быть независимым директором музея. Позже ему удалось осуществить свою мечту. После революции 1917 г. И.Ф. Барщевского назначили директором музея М.К. Тенишевой [княгиня Тенишева 1991].

И.Ф. Барщевский вошел в историю русского фотоискусства как выдающийся фотомастер. По мнению специалиста в области научной

и прикладной фотографии А.В. Редько, И.Ф. Барщевский был талантливым фотографом конца XIX — первого десятилетия XX в., который внес большой вклад в русскую портретную и жанровую фотографию [Редько 1999: 37].

Изучение истории поступления коллекций по народам Средней Азии и Казахстана невозможно без оценки вклада в организацию планомерного пополнения фондов МАЭ директора музея академика В.В. Радлова. В целях привлечения широкого круга лиц к научному собирательству этнографического материала при МАЭ были организованы систематические занятия с демонстрацией музейного материала. Консультации проводились по методике сборов этнографических коллекций, опираясь на специально составленную В.В. Радловым «Инструкцию» [Радлов 1898].

Благодаря предварительной подготовке будущих собирателей коллекций и изданию «Инструкции» МАЭ приобрел грамотных помощников на местах, которые пополняли его фонды. В конце XIX в. корреспондентами МАЭ в большинстве случаев становились представители местной интеллигенции, русской администрации, учителя, врачи.

Так, в 1898 г. корреспондентом МАЭ стал **Константин Николаевич де-Лазари**, начальник Лепсинского уезда Семиреченской области. К.Н. де-Лазари не был этнографом, но увлекался краеведением. В свободное от службы время он посещал казахов и изучал их жизнь. В переписке с главным хранителем МАЭ Д.А. Клеменцем он сообщал о своей готовности сотрудничать: «Корреспондентом Музея я буду с удовольствием и постараюсь аккуратно и внимательно отвечать на все запросы и вопросы Музея, а также исполнять все его поручения <...> я прошу снабдить меня самыми подробными указаниями, какие именно сведения из киргизской (казахской. — *В.П.*) жизни нужны Музею, на что я должен обратить внимание и что подробно описать?» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 80–81).

В переписке с МАЭ он предлагал присылать необходимые сведения, коллекции и фотографии: «Образ жизни киргизов быстро изменится, а потому, мне кажется, нужно торопиться возможно полнее иллюстрировать жизнь кочевников в настоящее время. Ввиду этого я желал бы снять для Музея побольше фотографий, для чего не пожалю ни труда, ни личных средств насколько возможно» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 52. Л. 12–14).

В своих письмах главный хранитель МАЭ Дмитрий Александрович Клеменц просил сообщать подробные сведения о вещах, чтобы «представить возможно полнее жизнь и быт» казахов. Поэтому каждый

предмет из своих собраний К.Н. де-Лазари снабжал ярлыком с местным названием, в сопроводительных описях сообщал сведения об использовании предметов. Одна из его коллекций состояла из десяти посылок: «Прошу Музей всю присланную коллекцию принять от меня в дар, не высылая денег ни за что, если я своим трудом и пожертвованиями принесу музею хоть незначительную пользу, — то сознание этого будет для меня большое вознаграждение» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 79).

Д.А. Клеменц предлагал собирателю присылать сведения по различным аспектам материальной культуры и духовной жизни казахов, начиная от приготовления пищи до свадебных, погребальных и иных обрядов: «Наши коллекции крайне бедны. Отдел киргизов, можно сказать, почти не существует, потому можете быть уверены, что все, что Вы сообщите, будет интересно и поучительно и будет принято с глубочайшей признательностью» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 52. Л. 15–16). Однако у Д.А. Клеменца была одна мечта — получить для музея с помощью К.Н. де-Лазари свадебный наряд казахской невесты и празднично убранное седло: «Не согласится ли кто-либо из богатых и честолюбивых кочевников пожертвовать эти вещи в музей Академии наук, за это он получит медаль на Станиславской ленте. За подобные услуги музею были уже награждены многие лица» (Там же. Л. 14–15).

Коллекции К.Н. де-Лазари в музее ждали с нетерпением и признательностью: «По получении предлагаемых Вами коллекций музей по Антропологии и Этнографии сочтет своим долгом ходатайствовать перед конференцией о выражении Вам благодарности за Ваши труды и пожертвования» (Семейный архив доктора Анджея де-Лазари. Лодзь, Польша). Инвентарный список полученной в дар и поступившей в собственность музея коллекции печатался типографским способом и затем экземпляр его отправляли собирателям, в том числе К.Н. де-Лазари.

Нередко предметные коллекции поступали от собирателей вместе с фотоколлекциями, которые дополняли вещевые. К.Н. де-Лазари присылал в МАЭ не только вещевые коллекции, но и снимки: «Высылаю Музею фотографии своей работы с пояснениями снятого на обороте картона (21 шт.). На все заданные вопросы постараюсь дать обстоятельные ответы <...> постараюсь выслать еще кое-что из вещей, употребляемых киргизами. Пока я еще не нашел киргиза, желающего выслать модель свадебного убора девушки-киргизки, но надеюсь так или иначе раздобыть его для Музея» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 80).

В состав трех фотоколлекций, которые прислал К.Н. де-Лазари, входит несколько снимков свадебного наряда казахской невесты Семиреченской области (колл. № 410-1, 418-2, 3, 423-12). *Саукеле* на этих фо-

тографиях высокое, увенчанное пучком перьев. Нагрудное украшение расположено у подбородка и представляет собой небольшую прямоугольную металлическую пластину, от которой свисают ниже талии многочисленные подвески. На всех трех изображениях девушка-невеста показана в фас: «ни одного в профиль, т.е. нет ни одного бокового вида головного убора. Вид сзади хорошо бы иметь», — об этом просили собирателя сотрудники музея. Тем не менее хорошей сохранности технически прекрасно выполненные кадры казахской невесты К.Н. де-Лазари стали одними из первых и лучших фотоснимков в собрании МАЭ этого старинного убора.

К.Н. де-Лазари формировал свои коллекционные сборы по собирательской программе, изложенной в «Инструкции» В.В. Радлова, присланной ему Д.А. Клеменцем вместе с рекомендуемой литературой о казахах. Константин Николаевич придерживался методики сбора коллекций В.В. Радлова, например для изучения кочевого жилища. Среди вещей, полученных МАЭ от К.Н. де-Лазари, были предметы интерьера кочевого жилища — войлок-*сырмак*, коврик из конской шкуры, деревянные кровати, вешалка, шерстяные ленты для связывания юрты. Константин Николаевич прислал предметы по уходу за скотом, образец веревки, скрученной из конского волоса, овечьи, козы и верблюжьи пух и шерсть — продукты скотоводства, главного традиционного занятия кочевников. Он собрал разные виды казахского оружия — дубинку, пику и боевой топорик-*айбалта*. По договоренности с главным хранителем Константин Николаевич принес в дар музею предметы, связанные с домашними промыслами, такими как прядение, ткачество (веретена, ткацкие станки, образец тканой домашней армячины), и кузнечным ремеслом — меха.

Обширные вещевые сборы К.Н. де-Лазари включали старинную утварь — деревянный ковш для разливания кумыса, другую посуду, в том числе деревянную маслобойку-*саба* с пестом-*пспек*, сосуды из кожи для хранения пищевых продуктов, сумки для хранения и переноса посуды. Константин Николаевич преподнес музею одежду, мужскую (шаровары, старинные пояса ксе) и женскую (рубахи), шапки и серебряные ювелирные изделия (женские серьги, мужские перстни, пуговицы). По поводу мужского пояса с сумками Д.А. Клеменц уточнял у собирателя, действительно ли пояс без сумок у казахов считался более старинным, и эти сведения зафиксировал в коллекционной описи. В вещевые сборы К.Н. де-Лазари входят предметы культа (посох проповедника, четки, амулеты, свечи), костяшки для игры в «бабки», а также музыкальные инструменты — домбра, металлический барабан и *кобыз*, который использовали шаманы (колл. 403, 410, 411). В письмах

Д.А. Клеменц называл казахских *баксы* «кудесниками, остатком древнего шаманства». Его интересовало, сохранился ли этот важный элемент народных верований, он просил описать приемы гадания, принадлежности традиционной религиозной практики.

Часто вещевые коллекции музея дополнялись иллюстративными материалами. Практически в то же время, когда в музей поступили коллекции от К.Н. де-Лазари, в 1894 г. МАЭ приобрел собрание фотоснимков от Н. Ордэ. В его состав вошли два снимка, выполненные среди казахов Семиречья. Фотография «Киргиз-музыкант. Virtuoz» по случайному совпадению выполнена в Семиречье. Из этого же района происходит кобыз К.Н. де-Лазари.

На снимке «Киргиз-музыкант. Virtuoz» Н. Ордэ запечатлен кобыз — смычковый инструмент с двумя струнами из конских волос, в верхней части он украшен железными кольцами с подвесками, которые являлись одними из обрядовых атрибутов шамана (колл. № 255-67). Именно в наличии подобных металлических подвесок состояло отличие шаманского кобыза от кобыза, на котором аккомпанировали себе исполнители казахского героического эпоса. По внешнему виду инструмент со снимка Н. Ордэ похож на кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари [Казгулов, Шаханова 1989].

Кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари позволяет изучить этот главный ритуальный инструмент шаманского камлания казахов. В отдельных районах Казахстана с середины XIX в. его стали заменять домброй, на которой, как считалось, было легче играть. Некоторые баксы с конца XIX — начала XX в. стали вообще обходиться без музыкального сопровождения. Снимок Н. Ордэ показывает, как кобыз держали в руках, видна постановка инструмента, манера игры. Казахские шаманы нередко славились как музыканты-виртуозы, поэтому в названии фотографии подчеркнуто именно исполнительское мастерство *кобузчи*. У казахов, как и у других среднеазиатских народов, не сохранилось обрядовое одеяние шамана [Басилов, Кармышева 1997], что и отражает снимок «Киргиз-музыкант. Virtuoz». Костюм шамана на снимке состоит из белой чалмы, традиционного халата и кожаных сапог на каблуке. Таким образом, К.Н. де-Лазари прислал в музей шаманский музыкальный инструмент, а фотография из иллюстративного фонда дополнила его новыми сведениями.

Сотрудничество К.Н. де-Лазари с МАЭ началось в 1897 г. В октябре он, начальник уезда, служивший в г. Лепсинске Семиреченской области «на самой окраине нашего обширного Отечества, вблизи его границы с Китаем», отправил заявление с предложением, «насколько возможно больше, быть полезным Музею»: «Я беру на себя смелость предложить

Музею свои посильные услуги по изучению быта киргизов и по приобретению разных предметов выделяемых и употребляемых киргизами» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

К этому времени К.Н. де-Лазари уже в течение шести лет занимался фотографией, пополнив ряды любителей. Снимки из жизни казахов, выполненные им, действительно интересовали музей.

К.Н. де-Лазари стремился быть полезным для науки, используя «служебное положение, давшее мне возможность довольно хорошо изучить быт киргизов благодаря тому, что летние месяцы я провожу в степи и живу почти тою же жизнью и при той же обстановке, как и киргизы» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). Эти слова подтверждает фотография из семейного архива семьи де Лазари, на которой Константин Николаевич сидит в юрте рядом с русским чиновником, изображенным также на одном из снимков фотоколлекции К.Н. де-Лазари, хранящейся в МАЭ.

К.Н. де-Лазари в юрте. Из семейного архива доктора Анджея де Лазари.
Лодзь, Польша

В истории формирования коллекций МАЭ по народам Центральной Азии, в частности по казахам, трудно найти второго такого активного собирателя, особенно среди наиболее ранних по времени поступ-

ления коллекций, как К.Н. де-Лазари. Он сам откликнулся из далекого Лепсинска, предложил сотрудничать, изучать культуру казахов по заданию музея: «Очень прошу Музей делать мне (все) свои поручения с полной уверенностью в том, что я почту для себя за большую честь и особое удовольствие услужить Музею насколько смогу и сумею» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

При этом он грамотно предположил необходимость сначала уточнить лакуны в коллекциях и потому сразу же выслал описание вещей, которыми располагал. Будущий собиратель оговаривал, что коллекции он будет высылать бесплатно, что для музея было очень актуально во все времена его существования. Исключением были вещи «старинные, вышедшие уже из употребления <...> более или менее ценные и потому получить их можно не иначе как за деньги». Отдельной строкой Константин Николаевич оговорил стоимость медвежьей и лисьей шкуры, которые также предлагал музею. Впоследствии его современные польские потомки шутили, что их дед безвозмездно передавал в музей коллекции и только «медвежью шкуру задарма не отдавал» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). По поводу финансовых возможностей МАЭ его ученый хранитель с грустью объяснял собирателю ситуацию: «Музей наш, как это ни кажется невероятным, обладает очень скромными, чтобы не сказать ничтожными, средствами» (Там же).

В отчете Академии наук в разделе о деятельности МАЭ за 1898 г. было отмечено «новое крупное поступление в виде пожертвований» от К.Н. де-Лазари [Отчеты о деятельности Императорской Академии наук. 1894–1899: 59].

Кроме МАЭ К.Н. де-Лазари в апреле 1898 г. сотрудничал с Семиреченским областным статистическим комитетом, который находился в г. Верном. В архиве семьи де-Лазари в Лодзи хранится письмо, подписанное Григорием Ивановым. В нем выражается благодарность Константину Николаевичу за пожертвованные им в областной музей фотографии, «исполненные превосходно и представляющие собою весьма ценный вклад в бедный коллекциями такого рода туземный отдел» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

В то же время в апреле 1898 г. К.Н. де-Лазари прислал в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Омске 40 фотографий из жизни кочевников и переселенцев. Ввиду готовности Константина Николаевича впредь сотрудничать ему переслали программу для собирания этнографических предметов, в связи с чем в Западно-Сибирском отделе был поставлен вопрос об избрании его членом Географического общества.

Активное сотрудничество К.Н. де-Лазари с МАЭ в 1897–1898 гг. внезапно прервалось. Последнее письмо Д.А. Клеменца, адресованное собирателю, датировано 15 апреля 1898 г. В нем хранитель приносит «глубокую благодарность от имени администрации музея за новые пожертвования» в виде фотоколлекции и, пользуясь наступившей весной, интересовался условиями и правилами летних перекочевков. В письме также выражалась надежда на личное знакомство, т.к. Д.А. Клеменц летом 1898 г. собирался в командировку в Турфан и на обратном пути планировал заехать в Лепсинск к К.Н. де-Лазари.

В домашнем архиве семьи собирателя хранится приказ Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии барона М.А. Таубе от 17 сентября 1898 г. об увольнении Лепсинского уездного начальника титулярного советника де-Лазари в трехмесячный отпуск. Затем К.Н. де-Лазари переехал в западную губернию царства Польского, и в 1899 г. был назначен мировым посредником по Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернаторству. В 1900 г. Константина Николаевича произвели за выслугу лет в коллежские асессоры. В 1901 г. его назначили почетным мировым судьей, в 1903 г. приказом по гражданскому ведомству он стал комиссаром по крестьянским делам Новорадомского уезда Петроковской губернии и тогда же за выслугу лет его произвели в надворные советники. Послужной список К.Н. де-Лазари заканчивается декабрем 1909 г., когда он служил комиссаром по крестьянским делам Новорадомского уезда Петроковской губернии. В Радомской губернии у него было небольшое имение. Потом какое-то время Константин Николаевич жил в Петербурге и, согласно семейным преданиям, был секретарем товарища министра внутренних дел в правительстве А.Ф. Керенского. После революции 1917 г. К.Н. де-Лазари в 1919 г. удалось «на польских бумагах» вернуться в Польшу и поселиться в Лодзи, где в настоящее время живет семья его внука, профессора Анджея, который сам уже стал дедушкой и имеет внука Яцека и дочь Казимиру.

Благодаря любезности внука К.Н. де-Лазари, известного польского русиста и советолога, автора многих публикаций, профессора Лодзинского университета Анджея де Лазари (в написании его фамилии утратился дефис), предоставившего материалы из домашнего архива, удалось узнать историю семьи одного из крупнейших собирателей коллекций МАЭ. Константин Николаевич происходил из старинного итальянского рода, предки которого жили на греческом острове Закинтос. Потомки De Lazzari бережно сохраняют изображение фамильного герба.

Дмитриос де-Лазари (1755–1803), переехав в Россию в 1770 г., поступил на службу к Екатерине II, участвовал в русско-турецкой войне

1768—1774 гг. Его сын, Николай Дмитриевич (1794—1882), вместе с русскими войсками дошел до Парижа в походах против Наполеона. На фотографии из семейного архива Николай Дмитриевич изображен в окружении детей. Один из них, Николай Николаевич де-Лазари (1837—1902), был генералом жандармерии в Радомской губернии. Его потомки, Де-Лазари и семья известных гитаристов Константиновых, в настоящее время живут в Петербурге.

Брат К.Н. де-Лазари генерал-майор Александр Николаевич де-Лазари (1880—1942), был также примечательной личностью. Он автор нескольких книг о применении химического оружия на фронтах Первой мировой войны. А.Н. де-Лазари окончил Тифлисский кадетский корпус, Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, в 1909 г. Академию Генерального штаба, дослужился до звания подполковника Генерального штаба.

После революции 1917 г. военная карьера А.Н. де-Лазари складывалась удачно. Он вступил в Красную армию 23 февраля 1918 г. и сразу стал начальником оперативного отдела штаба Западного фронта, затем начальником штаба и помощником военрука Смоленского района, начальником оперативного управления, начальником штаба Западного военного округа. В 1919 г. А.Н. де-Лазари назначают начальником штаба и помощником командующего Западно-Сибирским военным округом, в 1920 г. — начальником штаба 31-й армии Восточного фронта. В 1921—1922 гг. он был редактором Военно-исторической комиссии Высшего военного редакционного совета. С 1922 по 1932 г. А.Н. де-Лазари занимался преподавательской работой на кафедре военной истории Военной академии РККА, в 1932—1940 гг. — в Военной академии химической защиты. В 1940—1941 гг. он становится профессором Военной академии химической защиты. Арестовали А.Н. де-Лазари 25 июня 1941 г., решением ОСО НКВД СССР 13 февраля 1942 г. он был осужден «как участник антисоветского военного заговора» и затем расстрелян. В 1956 г. А.Н. де-Лазари реабилитировали.

Жена А.Н. де-Лазари тоже была арестована и выслана в Красноярский край, после войны освободилась, умерла в 1949 г. Их дочери жили в Москве, одна из них, Александра Александровна (1904—2004), была замужем за Вадимом Борисовским, известным альтистом из Квартета Бетховена, учителя известного виртуоза Юрия Башмета.

У К.Н. де-Лазари было четыре сестры. Одна из них, Вера (1870—1963), вышла замуж за писателя Лухманова.

Биографические сведения о К.Н. де-Лазари (1869—1930), собирателе МАЭ, содержатся в его «Формулярном списке о службе». Согласно этому документу, по происхождению К.Н. де-Лазари был из потом-

ственных дворян Таврической губернии, православного вероисповедания. Среди фотографий из семейного архива хранятся даже его детские портреты.

В послужном списке К.Н. де-Лазари отмечено, что образование он получил в Елисаветградском Кавалерийском юнкерском училище (в Херсонской губернии, в советские годы — г. Кировоград, Украина). Это были специальные военно-учебные заведения для подготовки офицеров к службе в кавалерии, обучавшихся в них называли юнкерами. Константин Николаевич окончил училище «по первому разряду», к которому относили по успехам в науках.

В 1886 г. он поступил на службу рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 40-й драгунский Малороссийский полк. В то время драгунами называли конницу, которая действовала и в пешем строю. С 1882 г. все армейские уланские и гусарские полки были переименованы в драгунские.

В 1887 г. К.Н. де-Лазари был произведен в унтер-офицеры, он служил вахмистром Ефрейторского училища, за отличную стрельбу был даже награжден «металлическим знаком». В 1889 г. получил первый обер-офицерский чин в кавалерии — корнета. Затем его командировали в одну из саперных бригад «для обучения саперному делу». В 1891 г. К.Н. де-Лазари, по всей видимости, вышел в отставку, т.к. в «Формулярном списке» указано, что его зачислили в запас армейской кавалерии и исключили из списков полка.

По постановлению Горного департамента К.Н. де-Лазари определили на службу в число его чиновников. В 1892 г. он был назначен младшим чиновником особых поручений, что «соответствовало чину корнета в кавалерии», при Эриванском губернаторе. В 1893 г. его прикомандировали к Кавказскому окружному интендантству и назначили канцелярским чиновником. В этом же году приказом по военному ведомству за выслугу лет он был произведен в коллежские секретари.

В «Формулярном списке» оговаривалось, что служба в должностях чиновника Горного департамента и младшего чиновника особых поручений при Эриванском губернаторе не освобождала от призыва в армию из запаса. Видимо, поэтому в конце апреля 1894 г. приказом Акмолинского военного губернатора Константин Николаевич был назначен помощником Кокчетавского уездного начальника. В 1895 г. в течение полугода он временно исполнял должность уездного начальника, за что ему была объявлена благодарность. В 1896 г. за выслугу лет его произвели в титулярные советники, тогда же К.Н. де-Лазари был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

В конце октября 1896 г. Константина Николаевича назначили в Лепсинск уездным начальником, а 5 декабря он уже прибыл к месту службы. Согласно указу 1896 г., он был пожалован серебряной медалью в память царствования Александра III. (После смерти императора была учреждена памятная серебряная медаль для ношения на груди на Александровской ленте «В память незабвенного Царя-Миротворца». Ее вручали классным чином всех ведомств, которые находились на службе в царствование Александра III.)

Судьба забрасывала Константина Николаевича в разные уголки Российской империи, где он служил. Но кроме этого он много путешествовал по Италии, Германии, Греции и везде делал снимки. В наши дни наследником семейного архива Константина Николаевича, в том числе старинных фотографий, которые нуждаются в реставрации, является его внук, Анджей де-Лазари. Известный в Лодзи фотограф Павел Херцог взялся за их обработку и реставрацию.

Константин Николаевич был женат и имел дочерей, одна из которых, Александра (1900–1988), была актрисой Александринского театра. Другая дочь, Ия де-Лазари-Павловска (1921–1994), была в Польше известным профессором этики, автором многих трудов. Ее сестру Ирину Константиновну де-Лазари (1919–1992) упоминают русские дети, которых она опекала во время войны в лагере Австрии [Убитое детство 1993: 112]. От польских детей она получила «Орден Улыбки».

Сын Ирины Константиновны, Анджей, доктор гуманитарных наук, профессор Лодзинского университета и университета имени Николая Коперника в Торуне, живет в Польше. Он русист, преподает историю русской мысли и литературы, руководит Междисциплинарным центром советологических исследований. Пан Анджей стал создателем и руководителем единственного балалаечного молодежного оркестра, который недавно отпраздновал 40-летие.

После смерти К.Н. де-Лазари его семья обеднела, пришлось продать фамильные ценности, в том числе его фотоаппарат и часть негативов, которые в настоящее время хранятся в Музее кинематографии города Лодзи.

В конце 2009 г. Анджей де Лазари привез в Астану, в Музей Первого Президента Казахстана, выставку фотоколлекции К.Н. де-Лазари, организованную Посольством Польши в Казахстане. Затем уникальные фотографии конца XIX в. передали в дар музею.

В наши дни коллекции К.Н. де-Лазари в МАЭ являются богатым собранием предметов и фотографий по традиционной культуре казахов Семиреченской области конца XIX в., среди которых хранятся редкие, уникальные экспонаты. В переписке с К.Н. де-Лазари Д.А. Клеменц

подчеркивал, что «все присланное Вами представляет большой научный интерес». К.Н. де-Лазари, несмотря на все старания, не удалось прислать в МАЭ свадебный наряд невесты. «Желательно было бы узнать, во что обойдется полный свадебный костюм киргизки, — спрашивал ученый хранитель музея Д. Клеменц, — включая и парадное седло со сбруей» (семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). К.Н. де-Лазари сфотографировал казахскую невесту в богатом свадебном наряде, высоком головном уборе саукеле, сидящую верхом на коне, по-праздничному убранном. В настоящее время это единственное изображение казахской невесты верхом. Эти снимки хранятся в МАЭ. Они выполнены высокопрофессионально, технически прекрасного качества, на них отчетливо видны даже мельчайшие детали. Снимки К.Н. де-Лазари казахской невесты теперь хорошо известны этнографам и востоковедам, они вошли в число первых изображений саукеле и фактически являются визитной карточкой МАЭ в публикациях и на выставках по культуре казахов.

Фамилия собирателя коллекций музея Лютче при воспроизведении на слух предполагала разные варианты написания по-русски. На заседании Академии наук 17 декабря 1897 г. академик К.Г. Залеман представлял собранию двадцать восточных рукописей и пять литографий по истории и религии Средней Азии, которые были куплены Азиатским музеем у проезжавшего через Петербург «Я.Я. Лютша», чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске, служившего секретарем консульства в Кашгаре и политическим агентом в Бухаре [Залеман 1898: XVI]. Выплату денег за коллекцию полагалось выписать на имя его сестры Софии Яковлевны Лютш, «имеющей жительство в Измайловском полку, 12 рота, д. № 36. Приют принца Ольденбургского, квартира доктора Стуккей» [Заседание 17 декабря 1897].

В ряде литературных и архивных материалов конца XIX–XX в., а также в современных монографиях встречается имя **Якова Яковлевича Лютше (Лютше, Лютш) (Lütsch)**, статского советника, который, в 1903 г. был русским дипломатическим агентом в Бухарском эмирате. Эта должность предоставляла ему права мирового судьи по отношению к русским подданным в Бухаре. Так объясняли обязанности русского дипломатического агента в Бухаре современники, которые бывали в эмирате по служебным делам, связанным чаще всего с деятельностью министерства иностранных дел или военной разведки. Чуть позже эту должность стали называть иначе — русский политический агент.

Бухарский эмир долго пытался не допустить усиления русского контроля над Бухарой и ограничения своих прав. Русско-бухарские пе-

реговоры по этому поводу продолжались пять месяцев. Должность полицейского чиновника была учреждена в Бухаре в 1908 г. В марте 1911 г. уже функционировало русское полицейское управление со штатом в двенадцать человек. Затем политический розыск был организован в пределах всего Бухарского эмирата (см.: [Никольский 1903: 43; Тухтаметов 1977: 45–46]).

Во время пребывания в Петербурге в ноябре 1906 г. последнего бухарского эмира Алим-хана среди назначенных лиц, состоявших при высоком госте, был и русский политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш, специально для этого прибывший в столицу. Отсюда он отправился в Москву для встречи эмира и затем сопровождал его в Петербург.

Эти сведения позволяют считать, что коллекция фотографий поступила в МАЭ не от случайного собирателя по фамилии «Люч», как указано в музейных документах, а от Я.Я. Лючше (Лютш), знавшего местную жизнь не понаслышке и прожившего в Средней Азии годы.

Я.Я. Лютш, видный русский востоковед, был выпускником факультета восточных языков Петербургского университета. Он принадлежал к числу крупнейших собирателей восточных рукописей. В архиве Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург) хранится наиболее обширное ценнейшее собрание письменных памятников по истории, литературе и языкам Восточного Туркестана, полученные от Я.Я. Лютша.

В 1899–1901 гг. с МАЭ сотрудничал и фотограф **Николай Александрович Ермолин**, который присылал из г. Бийска Томской области для музея коллекции по казахам Алтая [Прищепова 2000: 38–39].

Собиратель коллекций музея **Николай Николаевич Щербина-Крамаренко** (1863–1913) по образованию был архитектором. Например, он принимал участие в постройке вокзалов в Петербурге и Царском Селе. В архиве сохранилось его метрическое свидетельство, выданное Кишиневской духовной консисторией. О его родителях в нем сказано, что отец был «колони́стом колонии Новотроян Аккерманского уезда» (РГИА. Ф. 768. Оп. 2. № 646. Л. 30). Среди документов Н.Н. Щербина-Крамаренко попутный интерес представляет «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности», выданное ему в 1884 г.³

³ За сухими выдержками из «Устава о воинской повинности» тех лет содержатся любопытные сведения исторического характера. Оказывается, что годных к службе в то время определяли на глаз, по внешнему виду. Главным была способность человека носить оружие. Н.Н. Щербина-Крамаренко был зачислен в народное ополчение ратником. Согласно законам тех лет, зачисленные в народное ополчение состояли на учете до сорока лет. Ополчение созывали лишь в условиях военного времени. Годных к службе регистрировали, а затем

С 1885 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко учился в Академии художеств в Петербурге. В 1889 г. после окончания курса наук он получил медаль. В 1892 г. ему присвоили звание классного художника 2-й степени. Среди архивных материалов хранится диплом Академии художеств, выданный Н.Н. Щербина-Крамаренко в 1893 г., о присвоении ему за отличные познания в архитектуре звания классного художника 1-й степени.

С 1894 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко пытался определиться на работу в ныне забытое Императорское Человеколюбивое общество. «Желая принести посильную пользу этому обществу, прошу зачислить меня архитектором этого общества», — писал он в заявлении на имя главного попечителя Общества сенатора А.Н. Марковича (РГИА. Ф. 768. Оп. 2. № 646. Л. 30)⁴.

Тогда же Н.Н. Щербина-Крамаренко написал прошение о назначении его на должность постоянного архитектора по заведованию недвижимым имуществом Общества с ежемесячным содержанием. Одновременно он уволился со службы подведомственного обществу Ивановского училища.

В 1894 г. за проявленное участие в благотворительной деятельности общества безвозмездными трудами Н.Н. Щербина-Крамаренко утвердили в звании члена благотворительного Санкт-Петербургского Попечительского комитета о бедных. Его назначили на должность местного техника при домах общества по улице Садовой, 60 и 66 и по дому призрения бедных женщин, принадлежавшему графу Кушелево-Безбородко, где архитектор руководил работами по ремонту зданий. Н.Н. Щербина-Крамаренко занимался и восстановлением после пожа-

они проходили жеребьевку. «Поселянина Николая Николаева Крамаренко» зачислили в ратники ополчения, и после жеребьевки ему присвоили определенный номер и выдали «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности». Этот документ был предшественником современного военного билета, и его необходимо было предъявлять при поступлении на государственную службу или вступлении в брак. На обороте «Свидетельства» были помещены выдержки из «Устава», и среди них был пункт о том, как в то время решался вопрос, например, дефицита армейской одежды. Призванный на действительную службу в постоянную армию ратник мог принести с собой пару сапог и две смены нового белья. Эти вещи зачисляли в казну, а ему выплачивали их стоимость.

⁴ При решении вопроса о трудоустройстве предварительно обычно запрашивали канцелярию градоначальника о благонадежности гражданина. Архитектор Н.Н. Щербина-Крамаренко, проживавший по Невскому проспекту в доме 14 и служивший в то время в Воспитательном доме, получил положительную характеристику, и его зачислили в штат сотрудников Человеколюбивого общества.

ра зданий бани и прачечной на так называемой «Уткиной даче» на реке Оккервиль, также принадлежавших обществу.

Плодотворную благотворительную деятельность Н.Н. Щербина-Крамаренко прервал в 1895 г., когда попросил отпуск «ввиду постановления общего собрания Академии художеств командировать (его. — *В.Л.*) в среднеазиатскую Россию для изучения древних памятников архитектуры». В 1896—1899 гг. архитектор Н.Н. Щербина-Крамаренко принимал участие в выполнении живописных изображений с мечетей Самарканда и Мерва по поручению профессора Н.И. Веселовского. В 1896 г. он опубликовал в местном издании путевые впечатления [Щербина-Крамаренко 1986].

После окончания командировки, вернувшись в Петербург, Н.Н. Щербина-Крамаренко выразил готовность «продолжить безвозмездно труды по технической части Общества». Жил он в ту пору на 1-й линии Васильевского острова в доме 46. Архитектора вновь назначили техником при домах общества по Садовой улице.

В 1902 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко пожелал определиться на государственную службу по ведомству того же общества. Два года архитектор трудился при благотворительных заведениях общества, которые находились на Петроградской стороне, в домах по улице Большой Зелениной. Он был холостяком и жил в одной из квартир этих же домов.

На этом благополучная часть биографии Н.Н. Щербина-Крамаренко, к сожалению, заканчивается. К его начальству начали поступать жалобы от заведующего одного из домов о неуплате архитектором ежемесячной квартплаты. К 1906 г. у него образовался большой долг, который удерживали из жалования. Одновременно поступали рапорты от подчиненных Н.Н. Щербина-Крамаренко, «водопроводных дел мастеров», маляров, печников, слесарей, что они «терпят от него притеснения». Архитектор задерживал, иногда по полгода, и произвольно урезал счета тем, кто отказывался войти с ним в сделку и выплачивать ему проценты с каждого счета.

Деятельность Н.Н. Щербина-Крамаренко в Попечительском комитете о бедных императорского Человеколюбивого общества, таким образом, закончилась. К сожалению, проследить его дальнейшую жизнь пока не удалось. Не у всех собирателей коллекций МАЭ судьба сложилась гладко и благополучно. Но в настоящее время имя Н.Н. Щербина-Крамаренко находится среди тех, кто своим трудом и талантом собирателя умножил собрания музея.

Две фотоколлекции поступили в МАЭ от студента-медика **Евгения Никоноровича Павловского** (1884—1965). Будущий академик, директор

Зоологического института АН СССР, основатель российской научной школы в паразитологии, лауреат многих советских высших научных наград, Е.Н. Павловский окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге [Резван 2006: 167–168]. В молодости ему довелось много ездить, в том числе побывать в Средней Азии, откуда он привез фотоматериалы и передал их в МАЭ. В 1940-е годы во время войны Е.Н. Павловский возглавлял Таджикский филиал АН СССР.

Основоположником научного этнографического фотографирования в России считается известный коллекционер, библиофил, художник, график, археолог, этнограф и фотограф **Самуил Мартынович Дудин-Марцинкевич** (1863–1929). К его наследию обращаются исследователи разных специальностей: археологи, историки, этнографы, архитекторы, специалисты по культуре народов Средней Азии, Казахстана, Дальнего Востока, Европы.

С.М. Дудин принимал деятельное участие в делах Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, Радловского кружка, сотрудничал с ведущими специалистами того времени в области археологии и этнографии. В многочисленных и длительных командировках и экспедициях С.М. Дудин был ближайшим помощником академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, профессоров Н.И. Веселовского, Л.Я. Штернберга и др.

Имя С.М. Дудина стоит в числе первых собирателей материалов по мусульманским народам. Собранные им коллекции легли в основу научных фондов Эрмитажа, Российского этнографического музея, музея Академии художеств, Музея истории Узбекистана и ряда историко-художественных музеев. С 1890-х годов С.М. Дудина связывала творческая дружба и научное сотрудничество с директором МАЭ академиком В.В. Радловым. Многие годы С.М. Дудин работал в МАЭ ученым хранителем отдела древностей Восточного и Западного Туркестана. В музее хранятся собранные им вещевые и фотографические коллекции по традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана.

С.М. Дудин был старейшим сотрудником МАЭ. Фактически начало его сотрудничества с музеем относится к 1891 г. Он принимал участие в работе Археологической комиссии, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, выставлял свои произведения на художественных выставках. С 1911 г. С.М. Дудин занимал должность заведующего фотомастерской МАЭ. Одновременно с 1914 г. он работал ученым хранителем отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, возглавлял отдел изображений, муляжно-модельную

мастерскую, в течение двадцати лет безвозмездно исполнял обязанности секретаря совета музея и Радловского кружка при МАЭ с момента его основания, с 1918 г.

В местечке Ровном Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье Мартына Тихоновича Дудина и его жены Ольги Дементьевны 19 августа 1863 г. родился сын Самойло — будущий художник и исследователь (РГИА. Ф. 789. Оп. 11. д. 164. Л. 5). Отец С.М. Дудина был отставным квартирмейстером Казанского драгунского полка. Выйдя в отставку, он поселился в местечке Селенастом Елисаветградского уезда и стал сельским учителем.

С детства С.М. Дудин любил рисовать. Сначала мелом, везде, затем более осмысленно, например эпизоды военной жизни, рассказанные отцом. По окончании школы он поступил в Елисаветградское земское реальное училище. До четвертого класса С.М. Дудин был земским стипендиатом, а потом учился за счет родителей. Но училище он не окончил. Во время учебы в последнем, седьмом, классе реального училища С.М. Дудин был арестован за народовольческую деятельность. Сначала он сидел в Елисаветградской тюрьме, затем в Московской центральной. В 1887 г. без суда в административном порядке С.М. Дудин был сослан в Восточную Сибирь. Сначала в Верхнеудинск, а потом в Кяхту-Троицкосавск Забайкальской области. В ссылке С.М. Дудин пробыл пять лет.

По воспоминаниям Э.К. Пекарского, группа украинской «громады», в которой состоял С.М. Дудин, поддерживала связь с народовольцами Киева и Харькова, устраивала чтение нелегальной литературы, занималась пропагандой среди рабочих, устраивала политические вечера. С.М. Дудин в этом кружке занимался переводами писателей-народников на украинский язык, изучал создание взрывчатых веществ. Пригодились и его художественные способности, он вырезал из дерева печати [Пекарский 1930: 344–348]. С тех пор С.М. Дудин к революционной деятельности не возвращался.

В Забайкалье С.М. Дудин при содействии Главной физической обсерватории устроил метеостанцию и вел наблюдения, собирал геологические коллекции, русский фольклор, делал этнографические зарисовки у бурят. Весь этот материал он передал в Музей Восточно-Сибирского отдела Географического общества.

В ссылке С.М. Дудин познакомился с семьей известного исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина, с которым работал в качестве художника — делал рисунки и наброски из бурятской жизни. Ученый помог С.М. Дудину переехать в 1890 г. в г. Троицкосавск, где он пробыл до 1892 г., и там поступить на работу в фотостудию также ссылкой

Н.А. Чарушина. Портреты старообрядцев и пейзажи они передали в МАЭ и тем дополнили коллекции музея по русскому населению Забайкалья [Станюкович 1972: 17; Лаврентьева 2009: 41]. На одном из заседаний Историко-филологического отделения Академии наук 1897 г. зачитывалось письмо художника С.М. Дудина, в котором он сообщал, что просит принять в дар МАЭ фотографии, собранные им во время пребывания в Троицкосавске. В коллекцию вошли снимки местностей Забайкалья, Восточной Сибири, типов населения, предметов обихода бурят, а также монголов, монгольских монастырей [Заседание 8 октября 1897].

Т.В. Станюкович, характеризуя разного рода категории собирателей коллекций музея, отмечала: «Сотрудники МАЭ охотно инструктировали лиц, интересующихся этнографией, а таких было немало, особенно из числа политических ссыльных и сельской интеллигенции <...> В числе политических ссыльных, связавших свою судьбу с МАЭ и впоследствии ставших сотрудниками музея, можно назвать фотографа музея С.М. Дудина» [Станюкович 1972: 17].

С этого времени началось увлечение С.М. Дудина фотографией, сделавшее его впоследствии известным профессионалом в этой области.

Сотрудничество С.М. Дудина с МАЭ продолжилось в Кяхте, где он в 1891 г. познакомился с директором МАЭ академиком В.В. Радловым, возглавлявшим Орхонскую экспедицию. В.В. Радлов привлек С.М. Дудина к работе в качестве рисовальщика-фотографа. Целью этой экспедиции, организованной Академией наук, было исследование бассейна реки Орхон, древнего города Каракорума и его окрестностей с памятниками VII в. Задачей участников экспедиции было составление карты исследуемых местностей и подробных планов отдельных развалин и кладбищ и проведение раскопок. На С.М. Дудина было возложено выполнение рисунков и фотографий древних памятников, изготовление точных снимков всех надписей. В 1892 г. С.М. Дудин подготовил альбом рисунков монгольских древностей, изданный в «Трудах Орхонской экспедиции».

Еще летом 1891 г., во время работы экспедиции, В.В. Радлов начал хлопотать, чтобы С.М. Дудина приняли учиться в Академию художеств. Сохранилось письмо В.В. Радлова, отправленное им в Академию художеств, с просьбой о зачислении С.М. Дудина студентом (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. Ед. хр. 164. Л. 1 об.). По ходатайству Г.Н. Потанина С.М. Дудин был амнистирован и осенью 1891 г. вместе с членами экспедиции приехал в Петербург.

В 1893 г., как было отмечено выше, С.М. Дудин вместе с В.В. Бартольдом совершил поездку в Среднюю Азию.

Летом 1894 г. он предпринял по заданию В.В. Радлова экспедицию на Украину для сбора этнографических материалов (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102). В это время будущий художник уже учился в Академии художеств, в которой поощрялись экспедиционные поездки студентов во время каникул. Студенты писали этюды и одновременно выполняли поручения музея.

По письмам С.М. Дудина к В.В. Радлову можно составить представление о том, как складывались исследовательские методы будущего известного собирателя. Письмо от 10 августа 1894 г. из Прилук содержит своего рода отчет о полевой работе в Малороссии: «Мной закуплены уже на ярмарках и по селам костюмы и вещи домашнего обихода. В настоящее время я только пополняю их недостающими образцами, исполняю кой-какие рисунки по наброскам <...> да печатаю снятые фотографии. Вещи начну высылать на днях. Пока мной (не вполне, конечно) представлены часть Полтавской и Херсонской губерний. Весь сентябрь я посвящаю Киевской и Херсонской губерниям. Харьковскую же оставляю <...> т.к. на нее у меня не хватит ни времени, ни денег» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1).

По поводу возможности приобретения для музея старинных предметов домашнего обихода С.М. Дудин сообщал, что это стоило очень больших средств: «Но как бы там ни было, я представляю все, что только возможно было достать на те средства, какие мне даны были Академией, т.е. типичнейшие и важнейшие костюмы мужские и женские, вещи домашнего обихода, т.е. утварь, украшения, рисунки вещей» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 2).

Существовали и бытовые сложности, о которых сообщал С.М. Дудин: «Съемка типов и костюмов здесь также сопряжена с большой трудной времени и не всегда удается. Надо ждать праздничных дней, когда народ свободен, в будни же о съемках нечего и думать» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1 об.). Во время командировок для сбора коллекций основное время уделялось приобретению этнографических материалов для музея, их регистрации и затем, «когда буду более свободен», выполнялись фотоработы (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 245. Л. 32 об.). В результате экспедиционной поездки С.М. Дудина в 1894 г. по Киевской, Полтавской и Херсонской губерниям в музей поступили вещевые коллекции и иллюстративные материалы по культуре украинцев (колл. 270, 5327, 1402).

Собирательская и исследовательская работа С.М. Дудина тесно переплеталась с его занятиями художественным творчеством.

Архивные материалы показали, что С.М. Дудин, выдержав экзамены, поступил в Академию художеств. После реформирования Академии

художеств в 1893 г. ее главным центром стала мастерская И.Е. Репина. Учениками известного художника были Ф.А. Малявин, А.П. Остроумова-Лебедева, Б.М. Кустодиев, Н.И. Фешин, И.И. Бродский, К.А. Корвин. В 1897 г. С.М. Дудин окончил курс Академии художеств по классу И.Е. Репина. В.В. Радлов восторгался поступком Самуила Мартыновича, когда он, уже имея возможность закончить свое обучение и получить диплом, добровольно решил остаться в классе И.Е. Репина еще на год. Высокого мнения об успехах С.М. Дудина был и его учитель. В выданных документах было указано, что «бывший ученик Высшего Художественного училища при Академии Художеств Самуил Дудин за отличные познания в живописи и научных предметах <...> во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища удостоен звания художника» (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. № 164. Л. 347).

В фондах Научно-исследовательского музея Академии художеств хранятся учебные и программные (дипломные) работы воспитанников Академии. Долгое время в составе коллекций музея находилась дипломная работа С.М. Дудин — картина «В храме Таниты». Среди описаний композиций картин, принадлежавших этому музею, содержатся сведения и о дипломной работе С.М. Дудина [Императорская Академия художеств 1915: 79.]. Полотно хранилось в отделе живописи, а затем было выдано без указания даты и места. Установить его дальнейшую судьбу не удалось.

В числе картин, находившихся в музее Академии художеств и переданных затем в другие музеи, была работа С.М. Дудина «Перед купанием». Согласно сохранившимся документам, она была передана в Елисаветградский художественный музей при Обществе распространения грамотности и ремесел в 1914 г. В случае если картина уцелела во время Гражданской войны, она могла попасть во Дворец науки и искусства, а после создания в 1929 г. Краеведческого музея с картинной галереей — в ее коллекцию. В период оккупации во время Великой Отечественной войны картинная галерея была полностью разграблена. Возможно, в это время была утрачена и картина С.М. Дудина «Перед купанием».

В январе 1898 г. С.М. Дудина направили «пенсионером Академии художеств» на стажировку за границу сроком на один год. Большую часть командировки он провел во Франции. В письме из Парижа И.Е. Репину звучит его неудовлетворенность поездкой. С.М. Дудину не удалось закончить картину или хороший этюд. Он несколько раз принимался за работу и уничтожал начатое. Не помогла и поездка в Бретань, отдых у моря (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. № 164. Л. 29—29 об.).

Но, по мнению самого С.М. Дудина, поездка не пропала для него даром. Он посетил художественные музеи Берлина, Дрездена, Мюнхена, Вены, Парижа (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 7–8 об.). Впечатлениями об этом он делился в письмах к И.Е. Репину. Основное внимание С.М. Дудина привлекали новейшие направления в живописи. Он старался осмотреть частные выставки, где чаще всего можно было встретить работы современных мастеров. Однако они разочаровали художника, и он сообщал о том, что с удовольствием побывал на русской выставке, организованной С. Дягилевым (Там же. Л. 26–27, 30–30 об.).

В письмах С.М. Дудин делился с И.Е. Репиным своими дальнейшими планами: подробнее познакомиться с Лувром, побывать в Италии. Вместе с тем чувство одиночества на чужбине не покидало Самуила Мартыновича. «Работать за границей не лучше, чем в России, — писал он, — а для знакомства с художественными ценностями Парижа достаточно и двух месяцев, а потом поехал бы на Восток, куда меня всегда тянуло. Писал бы там этюды и, почему знать, может быть, овладел бы настроением восточного пейзажа и типов и тогда мои упражнения из исчезнувшей жизни Востока не были бы натюрмортами по Перро» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 32–33).

Этой же идеей создания картин по восточным мотивам проникнуты и письма к В.В. Радлову, написанные С.М. Дудиным в это же время: «Начал небольшую картину из трех женских фигур. Она должна будет представлять уголок комнаты на женской половине финикийского дома. Две женщины слушают песню невольницы» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5 об.).

Этот замысел заставил С.М. Дудина обратиться к В.В. Радлову с просьбой порекомендовать ему специалистов по Древнему Востоку в Париже, а также литературу по истории культуры Ассирии и Финикии: «Тех ничтожных знаний, какими владею я, слишком мало, а коллекции Лувра во многом для меня все-таки немые, для того чтобы писать что-нибудь солидное» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 6 об.).

Возможно, в это время у художника складывался замысел картины «Из жизни старого Востока», которая хранилась в музее Академии художеств, а в 1918 г. ее передали в Нижегородский художественный музей. Этот музей был создан в 1896 г. и к 1909 г. состоял из трех отделов: исторического, в котором хранилось, главным образом, оружие; нумизматического и церковного, являвшимся главным. Центральными экспонатами этого отдела были картины на библейские темы. Можно предположить, что работа С.М. Дудина «Из жизни старого Востока» также была написана на библейский сюжет или близкий ему и потому тематически соответствовала требованиям Нижегородского музея. Из

письма, полученного в ответ на наш запрос о судьбе этого полотна С.М. Дудина, следует, что в настоящее время картина «Из жизни старого Востока» в Нижегородском государственном художественном музее отсутствует.

По воспоминаниям Т.В. Станюкович, другие живописные работы С.М. Дудина существовали, например, в виде панно, которые оживляли экспозицию МАЭ в 1920-е годы, в том числе, например, была его картина «Перекочевка киргиз». К сожалению, эти художественные работы С.М. Дудина также бесследно исчезли.

Несмотря на то что за границу С.М. Дудин поехал как художник, предметом его интереса была постановка музейного дела, оформление экспозиций. Переезжая из одного города в другой, С.М. Дудин посещал музеи, и свои впечатления, предложения об организации музейных выставок в России он высказывал в письмах В.В. Радлову. Так, по пути в Париж он останавливался в Вене и Мюнхене, где посетил ряд музеев и художественных выставок: «Я успел побывать в Амстердаме. Посмотрел тамошний музей и выставку Рембрандта и видел очень недурную выставку национальных костюмов Голландии и ее колоний <...> в немногих залах с пустыми стенами она производила несколько неприятное впечатление чего-то казенного и скупого, но она с избытком искупалась тем интересом, какой она вызвала, костюмы собраны превосходно, а манекены, на которые они надеты, в большей части случаев прекрасно исполнены. Я думал, глядя на них, что хорошо бы костюмы Вашего музея выставить подобным же образом, какую массу публики привлек бы тогда музей!» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5–5 об.). Позже, в 1907 г., когда художник уже работал в МАЭ, он был специально командирован за границу для работы в этнографических музеях (ЦГИА. Ф. 733. Оп. 145. Ед. хр. 124).

После окончания Академии художеств С.М. Дудин, освоив фотодело, стал известным фотографом, написал специальные статьи, посвященные методике этнографической фотографии, роли фотографии в этнографической работе, которые сохранили свою актуальность и сегодня [Дудин 1921; 1924].

На протяжении всей своей экспедиционной жизни он много работал в Самарканде. Историко-архитектурную экспедицию, которая работала под руководством востоковеда профессора Н.И. Веселовского, финансировала Археологическая комиссия. Экспедиция должна была составлять описания и фиксировать памятники Самарканда.

Во время поездки 1905–1907 гг. С.М. Дудин отснял более 1600 фрагментов декоративного убранства (изразцы и мозаики) всех архитектурных памятников эпохи Тимура и тимуридов.

В 1908 г. состоялась совместная экспедиция С.М. Дудина со знатком истории архитектуры К.К. Романовым. Месяцы пребывания в Самарканде были насыщены работой: «В ожидании постройки лестниц и других плотницких работ занят съемкой общих видов фасадов, осмотров мечетей, подлежащих фотосъемке», — писал С.М. Дудин Л.Я. Штернбергу (ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 33).

Наконец запланированная работа была выполнена: «Закончено фотографирование ряда памятников: Ак-сарай, Рухабат, Намазга, Чупон-Ата, Чиль докторон, медресе Тиля-Кари, медресе Мирза-Улугбек, Шир-дор, — писал С.М. Дудин из Самарканда. — Исполнение последних снимков для Шир-дор и Мирза-Улугбек связано с уборкой лавок и лавочек, которыми застроен в настоящее время Регистон. После этого я тотчас же перевожу леса за город и приступаю к съемке загородных мечетей. Время, которое таким образом осталось у меня и моего товарища, время до конца сентября, будет употреблено на приготовление акварелей» (ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 101). Результатом работы в экспедиции стали акварельные рисунки и фотографии старых архитектурных памятников Средней Азии.

К сожалению, акварели С.М. Дудина этого периода не обнаружены. Но об одной его живописной работе тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С.М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портик Шах-Зинда, с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майоликами» [Русский Туркестан. 1900. 11 сентября]. В настоящее время в Научно-исследовательском музее Академии художеств хранится другой этюд С.М. Дудина, выполненный маслом, «Шах-Зинде. Группа мавзолеев» (МАХ. Ж-2249).

В этот же период С.М. Дудин принес в дар Самаркандскому музею «один из роскошных своих, писанных масляной краской этюдов — “дериш”. Последний написан во весь рост на полотне размером 3×1,5 аршина и представляет живое олицетворение одного из многих в Самарканде печальных рыцарей духовного ордена накшбанди», — сообщала местная газета, с интересом наблюдая за работой известного исследователя [Русский Туркестан. 1900. 11 сентября].

Выставка фотоснимков 1906 г. в залах Академии наук возобновила спорный вопрос об охране и проектах реставрации самаркандских памятников. С.М. Дудин предлагал собрать и вывезти в Петербург декоративные украшения, отпавшие со стен зданий, а также и те, которым угрожала та же участь. Наблюдая на протяжении ряда лет разрушение и расхищение выдающихся памятников старины, особенно последствия землетрясений 1897 и 1907 гг., С.М. Дудин писал В.В. Радлову о том, что

их состояние с каждым годом ухудшается: «Нужно же решить, что делать, а не ждать у моря погоды. Ведь поступая таким образом, можно кончить тем, что Археологическая комиссия сможет издать только Тамерлановский мавзолей и Шах-Зинде. А от остального у нас останутся только груды мусора» (АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4–4 об.).

С.М. Дудин встретил много противников своей точки зрения, но в течение длительного времени отстаивал ее. Его единомышленником в решении данной проблемы был В.В. Радлов, с которым С.М. Дудин делился планами реставрации, реконструкции самаркандских памятников. С.М. Дудин горячо боролся за их сохранение, несколько преувеличивая значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников архитектуры.

Летом 1908 г. Археологическая комиссия выдала открытый лист «вследствие личного ходатайства академика В.В. Радлова <...> на право составления художником С.М. Дудиным коллекции изразцов <...> под неременным условием представления таковых полностью в Русский Комитет <...> и в Русский музей» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 7).

Но подобные действия встретили решительное сопротивление со стороны местной администрации и научной общественности Русского Туркестана. Они стремились создать свой музей, хранить и изучать на месте научный материал (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 96). Об этом С.М. Дудин срочно телеграфировал в Петербург: «Собрание мозаик не разрешают» (Там же. Л. 89). В письме он объяснил ситуацию подробнее: «При встрече с Вяткиным (известным археологом. — *В.П.*) я узнал, что местный комитет по охране памятников с губернатором во главе не разрешают увезти в Петербург обвалившиеся во время землетрясения изразцы и мозаики ни с одной из мечетей» (Там же. Л. 91). «Настаивая на мысли собрания мозаик и изразцов <...> я имел в виду сосредоточить здесь весь декоративный материал старинных сооружений Туркестана» (Там же. Л. 96). Такая позиция С.М. Дудина была ошибочной.

Работая в Самарканде, С.М. Дудин заботился и о пополнении этнографических коллекций МАЭ, о чем он сообщал его директору: «Для музея я купил несколько экземпляров росписи посуды и кое-какие мелочи» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об.); «у местных торговцев черепками и т.п. я подобрал очень хорошую коллекцию. В нее вошли черепки и посуда, не имеющиеся в собрании Вашего музея» (Там же. Л. 103). К письму С.М. Дудин приложил кальки с листов персидских книг, имея в виду возможность их приобретения для Азиатского музея (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 9).

В результате этих поездок С.М. Дудин обогатил МАЭ рядом предметных коллекций по материальной и духовной культуре населения Са-

марканда и Бухарской области, в том числе принадлежностями охоты с ловчими птицами и другими предметами, а также собранием превосходных снимков. Теоретическим итогом изучения С.М. Дудиным самаркандских памятников стала его статья «Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей», которая содержала характеристику и технические замечания по выделке керамических изразцов, основанные на литературных источниках и личном опыте автора [Дудин 1903]. Некоторые наблюдения С.М. Дудина, касавшиеся сохранения памятников архитектуры, представляли интерес для своего времени, но сейчас утратили свою актуальность.

В 1909, 1914–1915 гг. с участием С.М. Дудина состоялись экспедиции в Восточный Туркестан, возглавляемые С.Ф. Ольденбургом.

Много лет С.М. Дудин сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея, особенно в первые годы его существования, создавая его коллекционные фонды (ныне — РЭМ). По заданию Русского музея он совершил в течение ряда лет поездки во многие города и области Туркестанского края и собрал множество весьма ценных этнографических вещей: старинную одежду, оружие, ковры, посуду и другие предметы домашнего обихода. Он также приобрел разнообразную и богатую в художественном отношении коллекцию орнаментов из алебаstra. С.М. Дудин стал для этого музея первым собирателем этнографических фондов по народам Средней Азии. С 1900 по 1909 г. он почти ежегодно выезжал в Туркестанский край. В 1900–1902 гг. С.М. Дудин совершил три поездки по Русскому Туркестану и Западной части Китайского Туркестана, где собрал большие этнографические и археологические коллекции, отснял негативы. Так называемые «дудинские» коллекции в фондах РЭМ содержат свыше 4000 экспонатов (почти половина среднеазиатских фондов). В их состав входят 35 коллекций по узбекам, таджикам, сартам, туркменам, киргизам [Русяйкина 1961], кроме того, 15 фотоколлекций (свыше 1500 снимков) [Морозова 1973].

В 1920–1921 гг. С.М. Дудина приглашали в качестве эксперта по учету государственных ценностей в Государственную экспертную комиссию как специалиста в области коврового дела, керамики и других отраслей художественных ремесел. Такие организации, как Внешторг и Госторг, приглашали его для консультаций при отборе и оценке больших партий ковров для экспорта. Эрмитаж, Русский музей, Государственный музейный фонд и другие учреждения приглашали С.М. Дудина в качестве консультанта по вопросам прикладного искусства. В ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры, позже — Институт археологии, ныне Институт истории материальной культуры РАН) С.М. Дудин был оформлен как штатный «ученый сотрудник».

Все годы С.М. Дудин сохранял тесный контакт с Академией художеств и ее выпускниками. Его избирали в состав жюри Весенней выставки Академии. Он являлся председателем Общества взаимного вспомоществования русских художников. Как знаток книги, он создал в обществе библиотеку, выполнял в ней обязанности заведующего и пополнял ее. Библиотека насчитывала более 2500 томов и около 500 журналов. В ней были собраны фотографии, газетные вырезки, а также 475 картин (РГИА. Ф. 791. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–192).

С.М. Дудин усердно занимался пропагандой истории искусства, выступал на заседаниях общества. В своих докладах он знакомил слушателей с новинками книжного рынка по искусству. Некоторые из его докладов были опубликованы в периодических изданиях.

Скончался С.М. Дудин в Саблино, под Ленинградом, на университетской станции, где руководил летними практическими работами студентов, в 1929 г. от паралича сердца. Его друзья и коллеги-художники высоко оценили вклад Самуила Мартыновича в развитие отечественной науки и культуры. В 1930 г. в стенах Общества им. А.И. Куинджи была устроена посмертная выставка работ С.М. Дудина.

Начало собирательской деятельности **Клавдия Васильевича Щенникова**, «прикомандированного к МАЭ», как его называли в музейных документах, относится к первым годам XX в. Он много сделал для обогащения фондов музея предметами материальной культуры казахов, для изучения народного орнамента. К сожалению, обнаружить материалы, раскрывающие биографию этого собирателя, не удалось.

Собиратель иллюстративных коллекций по туркменам острова Челекен **Иван Николаевич Глушков** сопроводил свои дары музею рукописью, из одного замечания которой следовало, что он был горным инженером: это подпись — «Управление Горным округом. Г. Баку» (колл. 1288). Около трех лет собиратель провел на острове Челекен, на восточном берегу Каспийского моря южнее Красноводска. По роду своей деятельности, связанной с геологическим обследованием этого «самого большого острова на Каспийском море», богатого парафиновой нефтью, озокеритом и солью, И.Н. Глушкову приходилось много разъезжать. Внимание русского инженера привлекла культура местного туркменского населения и особенно необычайно массивные серебряные украшения, которые в большом количестве носили женщины. На открытках коллекции, присланной им в 1908 г. в музей, обозначено, что он был и совладельцем издательства — «Изд. Глушкова и Полянина».

В умножении фондов МАЭ принимал участие также известный востоковед-тюрколог, будущий академик и директор Института восто-

коведения АН СССР **Александр Николаевич Самойлович** (1880–1938). Он родился в Нижнем Новгороде в семье директора классической гимназии, окончил Нижегородский дворянский институт, затем факультет восточных языков Петербургского университета. Молодому выпускнику предложили остаться на кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к преподавательской деятельности [Ашнин 1978: 8].

Александр Николаевич Самойлович [Тюркологический сборник 1978]

Работая приват-доцентом в университете, А.Н. Самойлович продолжал свою исследовательскую работу, сотрудничал с рядом научных учреждений, в том числе и с МАЭ. Его приглашали в музей как консультанта-востоковеда для изучения этнографических коллекций. А.Н. Самойлович также бывал непременным участником Радловского кружка, который действовал при музее. С 1910 по 1915 г. А.Н. Самойлович состоял секретарем отделения этнографии Русского географического общества, одновременно принимая участие совместно с В.И. Ламанским в редактировании журнала «Живая старина», а также являлся одним из наиболее активных авторов многочисленных публикаций и рецензий⁵.

⁵ Материалы А.Н. Самойловича, подписываемые им часто «А. Сам-ч», публиковались практически во всех выпусках «Живой старины», особенно в 1907 г.

А.Н. Самойлович, будучи лингвистом-востоковедом, уделял немало внимания этнографическому изучению туркмен. При неоднократных посещениях Средней Азии он собрал и прокомментировал отрывки из киргизских сказаний, легенды и сказки, загадки закаспийских туркменов, туркменские заговоры, предания и скороговорки. Он же в соавторстве с В. Шнитниковым опубликовал материалы по киргизской музыке [Шнитников 1913]. Ареал исследовательских интересов А.Н. Самойловича в этнографическом плане был широким: Сибирь, Средняя Азия, Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Афганистан [Лунин 1965]. В 1908–1909 гг. от него в музей поступили четыре фотоколлажи по туркменам.

На протяжении нескольких лет с МАЭ сотрудничал **Витовд (Витовт) Давидович Пельц**. По профессии он был лесничим. В переписке с музеем В.Д. Пельц предлагал свою помощь «на поприще изучения края и коллекционирования». Он принимал участие в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, отправлялся в командировки от МАЭ и присылал коллекции. Как отмечал видный историк и востоковед Б.В. Лунин, В.Д. Пельц был одним из немногих среди живших на периферии лиц, кто выступал на заседаниях кружка со своими сообщениями о находках памятников древности, состоянии архитектурных сооружений, с проверкой по поручению кружка данных на месте [Лунин 1959: 51].

Авторы ряда парадных портретов бухарских эмиров **А. Ренц** и **Ф. Шрадер** были известными петербургскими фотографами (ЦГАКФФД. Е-8354). Выполненные ими портреты эмиров Бухары свидетельствуют о высоком профессионализме авторов. Снимки этих мастеров были представлены на выставке и удостоены награды. Сохранилась архивная фотография стендов 2-й международной фотографической выставки, которая проходила в Петербурге в апреле 1912 г. Художественные портреты мастерской «А. Ренц и Ф. Шрадер» занимали там отдельный стенд (Там же. Е-11984) [Шипова 2006; Вуори, Шрадер 2005].

На улице Большой Морской в Петербурге рядом с ателье «А. Ренц и Ф. Шрадер» находилась мастерская другого фотографа, также, видимо, известного в те годы, — **В. Ясвоина**. Портреты двух последних эмиров Бухары и их приближенных были выполнены в фотоателье «А. Ренц и Ф. Шрадер» и «В. Ясвоин». Фамилия **А.И. Ясвоина** как известного столичного фотографа встречается среди активных участников заседаний Пятого отдела светописы ИМТО — первого в России фотографического общества (1866 г.). В 1879 г. Абрам Ильич Ясвоин, по всей видимости, родственник В. Ясвоина, был не только известным фотомастером, но и личным фотографом великого князя Николая Николаевича и вели-

кой княгини Александры Петровны и их семьи. В. Ясвоин, переняв мастерство от своего родственника А.И. Ясвоина, продолжил династию придворных фотографов.

В 1946 г. от **Надежды Степановны Воронец**, «персональной пенсионерки», проживавшей в Ленинграде по адресу: Тучков переулок, дом 11, квартира 15, поступила коллекция фотоснимков конца XIX — начала XX в. по Бухаре и Самарканду (колл. И-1179). В материалах, хранящихся в отделе Центральной Азии, было указано, что Эммануил Дмитриевич Воронец был старым революционером и служил в Государственном контроле.

По всей видимости, речь идет о родственниках археолога, изучавшего Среднюю Азию, **Максимилиана Эммануиловича Воронца** (1883—1954 гг.). В 1910 г. он окончил историко-филологическое отделение Харьковского университета. С 1912 г. работал в Историческом музее в Москве младшим хранителем отдела первобытных древностей, совмещая службу с преподаванием истории в средних учебных заведениях. В это же время М.Э. Воронец выступал с докладами в Московском археологическом обществе и в Обществе любителей естествознания, антропологии и археологии при Московском университете.

В 1916 г. М.Э. Воронец был призван в армию, и после революции 1917 г. на короткое время вернулся на работу в Исторический музей. Но в 1918 г. ушел добровольцем в Красную армию и до 1936 г. «выполнял ответственные задания партии, оставаясь на работе в различных военных и специальных органах» [Бернштам 1956].

С 1937 по 1941 г. М.Э. Воронец работал в Узбекистанском комитете по охране и изучению памятников материальной культуры. Затем короткое время — в Институте языка, литературы и истории Узбекистанского филиала АН СССР. С 1944 г. и до конца жизни М.Э. Воронец являлся сотрудником Музея истории Академии наук Узбекской ССР, где создал историко-археологический отдел. В 1938—1942 гг. М.Э. Воронец сотрудничал со Среднеазиатским государственным университетом, в котором читал курс «Основы археологии». Несмотря на большой перерыв в научной работе, М.Э. Воронец опубликовал множество работ, посвященных истории и археологии Узбекистана, а также защитил кандидатскую диссертацию. В 1950—1952 гг. он возглавлял Узбекистанский отряд Памиро-Ферганской экспедиции Института истории материальной культуры, Института этнографии АН СССР и местных организаций. Вероятно, фотоколлекцию, которая хранится в МАЭ, собирал М.Э. Воронец.

В 1915 г. **Антонина Александровна Воронина-Уткина** (1884—1973), выпускница Строгановского художественного училища, вернувшаяся

из поездки в Каркаралинский уезд Семипалатинской области, передала в МАЭ рисунки и фотографии из жизни казахов.

Антонина Александровна Воронина-Уткина

В июне 1913 г. она вместе со своей сестрой Е.А. Ворониной участвовала в экспедиции известного исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина. В качестве переводчика их сопровождал студент-казак А.А. Ермаков, впоследствии ставший первым казахским профессором математики. Из Омска они отправились в степь, в родной аул А.А. Ермакова, где жила его семья, в урочище Былкылдак у притока реки Токрау. Для гостей установили палатки, одну — для сестер Ворониных, вторую — для Г.Н. Потанина. Именно здесь А.А. Воронина (Уткиной она стала в 1913 г., выйдя замуж за биолога, профессора Л.А. Уткина) зарисовывала казахские ковры и утварь [Попов 2006]. Акварельные рисунки художницы запечатлели орнамент, которым украшали различные

предметы бытового назначения: убранство юрты, посуду, одежду, музыкальные инструменты, конскую упряжь. Фотографии А. Ворониной-Уткиной показывают некоторые этапы сбора юрты; ей удалось снять отдельные виды женских ремесел. На некоторых снимках представлены одежда и головные уборы, в основном женские.

После экспедиции, по воспоминаниям самой художницы, она поехала в Семипалатинск, а ее сестра с Г.Н. Потаниным отправилась в аул его «друга Валиханова». По возвращении в Томск по предложению Г.Н. Потанина А.А. Воронина-Уткина выступала на заседании Западно-Сибирского отделения РГО 10 февраля 1914 г. с сообщением об особенностях казахского орнамента и демонстрировала свои экспедиционные рисунки. По предложению же Г.Н. Потанина А.А. Воронина-Уткина отправила собранный ею изобразительный материал в Петербург академику Орбели, который принял рисунки с фотографиями и отправил художнице вознаграждение [Попов 2006]. Затем их передали в МАЭ.

Известный в будущем востоковед-иранист **Иван Иванович Зарубин** (1887–1964)⁶ родился в Петербурге в семье врача. В 1907 г. он стал студентом Петербургского университета. С 1910 по 1934 г. И.И. Зарубин работал в МАЭ.

В 1914 г. он отправился в экспедицию на Памир под руководством французского ираниста профессора Р. Готье. Несмотря на непродолжительность поездки, молодому ученому удалось собрать интересные этнографические материалы.

В 1915 г. И.И. Зарубин уезжает на Памир на полтора года. Эта поездка для молодого ученого оказалась очень плодотворной. Этнографические сведения, собранные И.И. Зарубиным в 1915–1916 гг., стали впоследствии надежными источниками для многих его публикаций.

Известный фотограф **Михаил Антонович Круковский** (1865–1936) в 1905 г. был командирован музеем в сибирские губернии, в том числе в Оренбургскую, с целью этнографического обследования и фотографирования. В результате он пополнил фонды МАЭ фотоколлекцией [Лаврентьева 2008].

Наш обзор показал, что на всем протяжении существования Музея антропологии и этнографии с ним сотрудничали собиратели разных профессий, образования, судеб. Своим трудом они, не всегда целенаправленно, пополняли иллюстративные фонды МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана, а последующие поколения музейщиков их хранили, систематизировали и изучали.

⁶ Библиографию об И.И. Зарубине см.: [Рахимов 1989а].

Глава IV

ЭТНОТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИЙ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО ФОНДА ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ МАЭ

Представленные к рассмотрению коллекции отражают этнографию кочевого и оседлого населения региона. Как правило, каждая иллюстрация содержит информацию одновременно по нескольким темам. На данном этапе мы намерены дать этнотематическую характеристику рисунков и фотографий, распределяя коллекции по народам и темам. Рассмотрение же отдельных изображений всего фонда должно стать целью будущего каталога иллюстративных коллекций. Задача состоит в том, чтобы привлечь внимание этнографов к изобразительным материалам МАЭ, характеризующим культуру и быт народов бывшей Средней Азии и Казахстана, и показать их содержание.

Собственно этнографических рисунков по народам Средней Азии и Казахстана немного. Большую часть иллюстративного фонда составляют фотоколлекции.

Иллюстративный материал изложен в следующей последовательности: сначала коллекции рисунков, затем — фотоснимков.

РИСУНКИ

Казахи:

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. И-1415 (рисунки)

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. И-1415 (рисунки);

Представители власти:

Султан: Колл. И-1415 (рисунки)

Традиционные ремесла и промыслы:

Войлоки: Колл. 1774 (прорисовки на кальке); Колл. 2519 (рисунки);

Циновки: Колл. 2519 (рисунки);

Вышивка: Колл. 1774 (прорисовки на кальке); Колл. 2519 (рисунки);

Средства передвижения:

Конская упряжь: Колл. 2519 (рисунки);

Жилище:

Внутреннее убранство юрты: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. 2519 (рисунки);

Деревянная мебель: Колл. 2519 (рисунки);

Войлоки: Колл. 1774 (рисунки);

Средства передвижения:

Перекочевка: И-674 (фотографии с рисунков);

Одежда, головные уборы, обувь, украшения:

Мужская: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. 2519 (рисунки);

Женская: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. И-1415 (рисунки); Колл. 2519 (рисунки);

Домашняя утварь:

Посуда из кожи и дерева: Колл. 2519 (рисунки);

Народное искусство:

Орнамент: Колл. 1327 (рисунки); Колл. 1483 (рисунки); Колл. 1774 (рисунки); Колл. 1775 (рисунки); Колл. 2450 (негативы, отпечатков рисунков орнамента Колл. 2530); Колл. 2519 (рисунки); Колл. 2530 (фотографии рисунков орнамента Колл. 2450); Колл. И-1415 (рисунки);

Киргизы:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 116 (рисунки); Колл. 2643 (рисунки); Колл. И-1415 (рисунки);

Женщины: Колл. 116 (рисунки); Колл. 2643 (рисунки);

Дети: Колл. Колл. 2643 (рисунки);

Традиционные занятия, промыслы:

Скотоводство: Колл. 2643 (рисунки);

Земледельческие орудия: Колл. 2643 (рисунки);

Оружие: Колл. 2643 (рисунки);

Средства передвижения:

На верблюдах: Колл. 2643 (рисунки);

На лошадях: Колл. 2643 (рисунки);

Упряжь: Колл. 2643 (рисунки);

Жилище:

Юрта: Колл. 2643 (рисунки);

Деревянные части: Колл. 2643 (рисунки);

Войлоки: Колл. 2643 (рисунки);

Чий: Колл. 2643 (рисунки);

Тесьма: Колл. 2643 (рисунки);

Мебель: Колл. 2643 (рисунки);

Одежда, головные уборы, обувь:

Мужская: Колл. 116 (рисунки); Колл. 2643 (рисунки);

Женская: Колл. 116 (рисунки); Колл. 2643 (рисунки);

Детская: Колл. 2643 (рисунки);
Утварь, посуда, металлическая, кожаная, деревянная, керамическая:
Колл. 2643 (рисунки);
Религия:
Шаманский инструмент: Колл. 2643 (рисунки);
Футляр для Корана: Колл. 2643 (рисунки);
Игры, развлечения:
В камешки: Колл. 2643 (рисунки);
Нюхательный табак: Колл. 2643 (рисунки);
Народное искусство:
Орнамент: Колл. 2643 (рисунки);
Музыкальные инструменты: Колл. 2643 (рисунки);

Таджики:

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков);

Жилище:

Внешний вид дома: И-674 (фотографии с рисунков);

Религия:

Нищие, дервиши: И-674 (фотографии с рисунков)

Головные уборы:

Мужские: И-674 (фотографии с рисунков);

Женские: И-674 (фотографии с рисунков);

Узбеки (сарты):

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков); Колл. 2643 (рисунки)

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков);

Торговля: Колл. 2643 (рисунки)

Одежда, головные уборы, прически:

Мужские: И-674 (фотографии с рисунков);

Женские: И-674 (фотографии с рисунков);

Среднеазиатские евреи:

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков);

Головные уборы, прически украшения:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков);

Индийцы:

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Одежда, головные уборы, прически:

Мужская: И-674 (фотографии с рисунков);

Среднеазиатские цыгане:

Антропологические типы:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Женщины: И-674 (фотографии с рисунков);

Головные уборы, прически:

Мужские: И-674 (фотографии с рисунков);

Женские: И-674 (фотографии с рисунков);

Афганцы, персы, арабы:

Антропологический тип:

Мужчины: И-674 (фотографии с рисунков);

Головные уборы:

Мужские: И-674 (фотографии с рисунков);

Пейзажи, достопримечательности:

Колл. 2519 (рисунки); Колл. 2643 (рисунки); Колл. И-674 (фотографии с рисунков);

Приведенные данные о коллекциях рисунков из фондов МАЭ показывают, что не все области материальной культуры народов региона освещены в них с одинаковой полнотой. Лучше всего представлены одежда, головные уборы и орнамент. Культура некоторых народов не нашла отражения в этих изобразительных материалах.

Коллекции фотоснимков, которые занимают основное место в фонде отдела Центральной Азии, представлены собраниями не только фотографий, но и негативов.

ФОТОСНИМКИ

Оседлое население:

Антропологические типы.

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1321 (фотографии); Колл. 2020 (негативы); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2301 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. 3231 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009; Колл. И-68 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (негативы); Колл. 1718 (фотографии);

Дети: Колл. 512 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1321 (фотографии); Колл. 2189 (негативы); Колл. И-1179 (негативы);

Представители власти:

Эмир: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1695 (фотографии); Колл. И-922 (фотография);

Семья эмира: Колл. 255 (фотографии);

Эмир со свитой: Колл. 1695 (фотографии); Колл. И-68 (фотографии);

Крепость эмира в Гиссаре: Колл. 4443 (фотографии);

Дворец: Колл. 1179 (негативы);

Бек: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Хан: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии);

Ханша: Колл. 255 (фотографии);

Прием ханом: Колл. И-1718 (фотографии);

Сановники: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1403 (фотографии); Колл. 2258 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Гвардейцы, солдаты: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. И-138 (негативы); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1294 (негативы);

Судопроизводство: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Наказание: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2020 (негативы);

Традиционные занятия населения:

Орудия земледелия: Колл. И-1718 (фотографии);

Пахота и посев: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Боронование: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Молотьба: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Хлопководство, шелководств: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Охота: Колл. 2863 (фотографии);

Промыслы и ремесла:

Чугунолитейное, кузнечное, изготовление медных изделий, производство циновок, шелка, писчей бумаги, ткачество, плетение, гончарное, столярное, шорное, арбяное, коженное, сапожное: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Маслобойное, пекарное, свечное, мыловаренное, пекарное: Колл. 3009 (негативы);

Ткачество: Колл. 3009 (негативы);

Табак и наркотики: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Инструменты ремесленников: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Обряды ремесленников: Колл. И-1718 (фотографии);

Торговля:

Караван-сарай: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Базары: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1321 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. 1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Торговые лавки: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Цирюльники при базарах: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Чайхана при базаре: Колл. И-1179 (негативы);

Оружейная лавка: Колл. 1447 (фотографии);

Средства передвижения:

Способ передвижения на лошадях и перевозка тяжестей, арбы: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2189 (негативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Способ передвижения на ослах и перевозка тяжестей: Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. 1179 (негативы);

Способ передвижения и перевозка тяжестей на верблюдах: Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Способ передвижения на быке: Колл. И-1718 (фотографии);

Способ передвижения по рекам: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Сбруя и верховое убранство: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Железная дорога: Колл. И-1447 (фотографии);

Памятники архитектуры:

Общий вид городов: Колл. 166 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1775 (негативы); Колл. 2119 (негативы); Колл. 2020 (негативы); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2519 (фотографии); Колл. 3231 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-1969 (фотографии);

Мечети, медресе, мавзолеи: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 1966 (негативы); Колл. 2020 (негативы); Колл. 2124 (негативы); Колл. 2808 (фотографии); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2443 (негативы); Колл. 2481 (негативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2805 (фотографии); Колл. 2808 (фотографии); Колл. 2821 (негативы); Колл. 2827 (фотографии); Колл. 2828 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3231 (негативы); Колл. 4442 (фотографии); Колл. И-673 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы); И-1447 (фотографии);

Крепости: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. 4443 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Поливка улиц — хаузы и водоносы: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. 2808 (фотографии); Колл. 3231 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Сельские поселения и жилище:

Общий вид кишлаков: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2301 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Внутренний и внешний вид домов: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2123 (негативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. 1179 (фотографии, стереонегативы);

Одежда, головные уборы, обувь:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1403 (фотографии); Колл. 1695 (фотографии); Колл. 2020 (негативы); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. 3231 (негативы); Колл. И-138 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1447 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1403 (фотографии); Колл. 1179 (негативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Детская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы).

Украшения: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Традиционная пища и домашняя утварь:

Приготовление пищи: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1321 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. 3009 (негативы);

Посуда и утварь: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1403 (фотографии); Колл. 2122 (фотографии); Колл. 2302 (фотографии); Колл. 2554 (негативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Религия:

Религиозные обряды и обычаи: Колл. 2189 (негативы); Колл. 2208 (фотографии); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2808 (фотографии); Колл. И-1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Каляндары, дервиши и нищие: Колл. 255 (фотографии); Колл. 512 (фотографии); Колл. 1179 (негативы); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1321 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 1487 (фотография); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Намаз: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 1179 (негативы); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Служители мечети: Колл. И-1718 (фотографии);

Мазары и кладбища: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1179 (негативы); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы);

Образование:

Мусульманские школы: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1447 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии).

Студент медресе: Колл. 1179 (негативы);

Народное искусство:

Музыканты, танцоры, певцы, народный цирк, музыкальные инструменты: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И 1179 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Традиционные игры и развлечения:

Детские игрушки: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Базм и бача: Колл. 255 (фотографии); И-674 (фотографии); Колл. И-1447 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Праздничные гуляния и увеселения: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Чайхана: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 2301 (фотографии); Колл. 2696 (стереонегативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Публичные женщины: Колл. 255 (фотографии);

Народная медицина:

Табибы, цирюльники: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Прокаженные: Колл. 2189 (негативы);

Предметы туалета: Колл. 255 (фотографии).

Казахи:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 106 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 411a (фотографии); Колл. 418 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 1159 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1919 (фотографии); Колл. 3320 (фотографии); Колл. И-673 (фотографии); Колл. И-1416 (фотография); Колл. И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 106 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 411a (фотографии); Колл. 418 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 1159 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1919 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Дети: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Представители власти:

Хан: Колл. 1159 (фотографии);

Старшины: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. И-1416 (фотография); Колл. 1708 (негативы);

Общественный быт:

Судопроизводство: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы);

Традиционные занятия населения:

Скотоводство: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Овцеводство: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Земледелие: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Охота: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Промыслы и ремесла: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 3009 (негативы); Седельное: Колл. 1919 (фотографии);

Плетение циновок: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 2833 (фотографии);

Стежка одеяла: Колл. 2833 (фотографии);

Вышивка: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1707 (фотографии); Колл. 1708 (негативы); Колл. 2833 (фотографии);

Кузнечное: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл И-1718 (фотографии);

Обработка шерсти: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл И-1718 (фотографии);

Войлоки: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл И-1718 (фотографии); Колл. 1707 (фотографии); Колл. 1708 (негативы);

Столярное дело: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Сапожное дело: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Ткачество: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1707 (фотографии);

Ювелирное: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Торговля:

Ярмарка: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Базары: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1919 (фотографии); Колл. 2189 (негативы); Колл И-1718 (фотографии);

Средства передвижения:

Перекочевка: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1919 (фотографии);

Арбы: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 1919 (фотографии);

Верховая упряжь: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл И-1718 (фотографии);

Передвижение верхом на лошади, верблюде, быке, ишаке: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1919 (фотографии); Колл И-1718 (фотографии);

Жилище:

Общий вид аулов: Колл. 106 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 1919 (фотографии);

Внешний вид юрты: Колл. 106 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 411a (фотографии); Колл. 418 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1707 (фотографии); Колл. 1708 (негативы); Колл. 2662 (негативы);

Внутренний вид юрты: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 2833 (фотографии);

Сборка юрты, ее конструкция: Колл. 106 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Кочевье, зимовка, летовка: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 2833 (фотографии);

Глинобитные постройки: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы);

Землянка: Колл. 1775 (стереонегативы);

Заготовка топлива: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1775 (стереонегативы);

Одежда, головные уборы, обувь, украшения, прически:

Мужская: Колл. 106 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 410 (фотографии); Колл. 411а (фотографии); Колл. 418 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 511 (фотографии); Колл. 1159 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1707 (фотографии); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 2662 (негативы); Колл. 2833 (фотографии); И-673 (фотографии); Колл. И-1416 (фотография); Колл. И-1416 (фотография); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женская: Колл. 106 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 410 (фотографии); Колл. 411а (фотографии); Колл. 418 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 590 (фотографии); Колл. 1159 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1707 (фотографии); Колл. 1708 (негативы); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 2662 (негативы); Колл. 2833 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Детская: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы); Колл. 2662 (негативы); Колл. 2833 (фотографии);

Украшения: Колл. 106 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 1159 (фотографии); Колл. 2833 (фотографии);

Традиционная пища и домашняя утварь:

Приготовление пищи: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Посуда: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Доение овец, кобыл, коров: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Религия:

Религиозные обычаи и обряды: Колл. 106 (фотографии); Колл. 423 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 2833 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Намаз: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);

Дервиши, шаманы: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. И-1718 (фотографии);

Кладбища: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);
Воспитание, образование:
Мусульманская школа: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы); Колл. 2189 (негативы);
Колыбель: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);
Народное искусство:
Музыканты: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1708 (негативы);
Традиционные игры и развлечения:
Скачки-байга: Колл. И-674 (фотографии);
Борьба: Колл. 1199 (негативы, отпечатки); Колл. 1775 (стереонегативы);
Игрушки: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);
Игра в бабки: Колл. 1199 (негативы, отпечатки);

Туркмены:

Антропологические типы:
Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 2116 (негативы); Колл. 3320 (фотографии); Колл. И-673 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);
Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии);
Дети: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии);
Представители власти:
Хан: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. И 673 (фотографии);
Сановники: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. И 673 (фотографии);
Наказание: Колл. 255 (фотографии);
Традиционные занятия, промыслы:
Земледелие: Колл. 255 (фотографии);
Чигирь: Колл. 1398 (фотографии); Колл. 2116 (негативы);
Скотоводство: Колл. 1397 (фотографии);
Охота: Колл. 2116 (негативы);
Оружие: Колл. 207 (фотографии); Колл. 255 (фотографии);
Ремесла:
Кузнечное: Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии);
Гончарное: Колл. 2116 (негативы);
Валяние кошмы: Колл. 2116 (негативы);
Ткачество: Колл. 207 (фотографии); Колл. 2116 (негативы);
Воротничество: Колл. 255 (фотографии);
Торговля:
Базары: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2116 (негативы);
Средства передвижения:
Каюки: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии);
Мосты: Колл. 1398 (фотографии);

Способ передвижения на лошадях, верблюдах, арбы: Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 2116 (негативы); Колл. 2863 (фотографии, негативы);

Конская упряжь: Колл. 1288 (фотографии);

Жилище:

Юрта: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 2116 (негативы);

Ковры: Колл. 2123 (негативы); Колл. 2636 (негативы);

Колодцы: Колл. 1398 (фотографии);

Одежда, головные уборы, обувь, украшения:

Мужская: Колл. 121 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 207 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 2116 (негативы); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. И 673 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Женская: Колл. 121 (фотографии); Колл. 136 (фотографии); Колл. 207 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1288 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 2116 (негативы);

Детская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии);

Украшения: Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1288 (фотографии); Колл. 1288 (фотографии);

Традиционная пища и домашняя утварь:

Приготовление пищи: Колл. 255 (фотографии);

Религия:

Амулеты, талисманы, обереги: Колл. 136 (фотографии); Колл. 1288 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии);

Дувана: Колл. 255 (фотографии);

Народное искусство:

Музыканты: Колл. 136 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); Колл. 1397 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии);

Народный театр: Колл. 1398 (фотографии);

Орнамент: Колл. 2123 (негативы); Колл. 2636 (негативы);

Народные праздники: Колл. 255 (фотографии);

Памятники архитектуры:

Колл. 1397 (фотографии);

Памирские народы:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2818 (негативы);

Женщины: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Дети: Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Представители верховной власти:

Колл. 2371 (негативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2818 (негативы);

Традиционные занятия, промыслы:

Земледелие и скотоводство: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Ремесла: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2499 (негативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Средства передвижения: Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2499 (негативы); Колл. 2818 (негативы);

Жилище: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2499 (негативы);

Одежда, головные уборы, обувь:

Мужская: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2818 (негативы); Колл. 2499 (негативы);

Женская: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Детская: Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Религия: Колл. 2371 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Воспитание: Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Народное искусство:

Музыканты, танцоры: Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы); Колл. 2860 (негативы);

Традиционные игры и развлечения: Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2621 (стереонегативы);

Таджики:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 3009 (негативы); Кол. И-68 (фотографии); И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718. (фотографии); Колл. И-2205;

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205;

Традиционные занятия:

Земледелие — обработка земли и земледельческие орудия: Колл. 3009 (негативы);

Ремесла:

Чугунолитейное, кузнечное, изготовление медных изделий, производство шелка, ткачество, гончарное, столярное, шорное, арбяное, кожевенное, сапожное:

Обряды ремесленников: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Торговля:

Караван-сарай:

Базары, лавки: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Религиозные обычаи и обряды: Колл. 3009 (негативы);

Одежда, головные уборы, обувь:

Мужская: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Религия:

Религиозные обычаи и обряды: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Каляндары, дериши и нищие: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы);

Мазары и кладбища: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Служители мечети: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Намаз: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1294 (негативы);

Традиционные развлечения:

Женские обычаи: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Народная медицина: Колл. И-1718 (фотографии);

Узбеки:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 3009 (негативы); Колл. И-68 (фотографии); И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718. (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1398 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Традиционные занятия:

Земледельческие орудия: Колл. 1398 (фотографии);

Торговля:

Караван-сарай: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Базары, лавки: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Жилище:

Общий вид кишлаков: Колл. 1320 (стереофотографии);

Внешний и внутренний вид домов: Колл. 1320 (стереофотографии);

Одежда, головные уборы, обувь, прически:

Мужская: Колл. 1695 (фотографии); Колл. 2863 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-68 (фотографии); И-674 (фотографии); Колл. И-922 (фотография); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Традиционная пища:

Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Религия:

Мазары и кладбища: Колл. 1398 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Каляндары, дервиши и нищие: Колл. 1398 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Служители мечети: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Намаз: Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Киргизы:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 512 (фотографии); Колл. 3320 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Средства передвижения: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Жилище: Колл. 255 (фотографии);

Одежда, головные уборы, обувь, прически:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 512 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Традиционная пища и домашняя утварь: Колл. 255 (фотографии);

Религия: Колл. 255 (фотографии);

Среднеазиатские евреи:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. 3231 (негативы); Колл. 3317 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. 3317 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Дети: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 3317 (негативы);

Традиционные занятия:

Винокурение: Колл. И-1718 (фотографии);

Продажа тканей: Колл. 3231 (негативы)

Шелковое производство: перемотка нитей: Колл. И-1718 (фотографии);

Жилище: Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы);

Одежда, головные уборы, обувь:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. 3231 (негативы); Колл. 3317 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии, стереонегативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3317 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Детская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3317 (негативы);

Религия:

Религиозные обычаи и обряды: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. 3317 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Образование:

Школа: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3317 (негативы);

Среднеазиатские цыгане:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2498 (негативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2498 (негативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Традиционные занятия:

Выделка сит: Колл. 255 (фотографии);

Средства передвижения

Перекочевка: Колл. И-674 (фотографии)

Жилище:

Одежда, головные уборы, прически:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2498 (негативы); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 2498 (негативы); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Индийцы:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Торговля:

Караван-сарай: Колл. 1320 (стереофотографии);

Одежда, головные уборы, обувь, прически:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 1320 (стереофотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1179 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Религия:

Религиозные обряды и обычаи: Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы);

Народный театр:

Музыканты, клоуны; Колл. 255 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-1718 (фотографии);

Народные развлечения:

Курение наркотиков: Колл. 255 (фотографии);

Дунгане:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. 255 (фотографии); И-2205 (фотографии);

Женщины: Колл. 255 (фотографии); И-2205 (фотографии);

Одежда, головные уборы, обувь, прически:

Мужская: Колл. 255 (фотографии); Колл. 255 (фотографии); И-2205 (фотографии);

Женская: Колл. 255 (фотографии); И-2205 (фотографии);

Каракалтаки:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. И-673 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-2205 (фотографии);

Одежда, головные уборы:

Мужская: Колл. И-673 (фотографии); Колл. 3009 (негативы); Колл. И-2205 (фотографии);

Афганцы, иранцы, арабы:

Антропологические типы:

Мужчины: Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии); Колл. И-2205 (фотографии);

Одежда: Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Колл. И-2205 (фотографии);

Ягнобцы:

Антропологический тип: Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Одежда: Колл. И-674 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Ландшафт:

Горы: Колл. 2181 (стереонегативы); Колл. 2189 (негативы); Колл. 2258 (негативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. И-68 (фотографии); Колл. И-674 (фотографии); Колл. 1320 (фотографии); Колл. И-1718 (фотографии);

Равнины: Колл. 2258 (негативы).

Реки: Колл. 2181 (стереонегативы); Колл. 2372 (стереонегативы); Колл. 2499 (стереонегативы); Колл. 2863 (фотографии, негативы); Колл. 4443 (фотографии); Колл. И-68 (фотографии);

Степь: Колл. 106 (фотографии); Колл. 1199 (фотографии, негативы).

Приведенные сведения о коллекциях позволяют сделать вывод о многочисленности представленных в музейном фонде изображений народов и разнообразии культурно-бытовой тематики. Исходя из материалов, рассмотренных во второй главе, очевидно, что не все этносы

в иллюстративном фонде отражены достаточно полно и в равной мере. Во многом это было связано со степенью посещаемости того или иного района и изученности населявших его народов. Неравномерность изученности региона в рассматриваемый период повлекла неравномерность в накоплении коллекций по отдельным народам и районам.

На примере рисунков из фондов отдела Центральной Азии МАЭ видно, что они в количественном отношении значительно беднее фотофонда. В целом наиболее полно и подробно в иллюстративных коллекциях, рисунках и фотоснимках представлена жизнь оседлого населения региона и кочевников-казахов (их край гораздо раньше вошел в состав Российской империи, чем остальные районы).

Так называемое оседлое население, которое часто обозначали в музейных документах также «сартами», отражено в иллюстративных коллекциях по следующим районам: наибольшее количество изображений и разнообразие тематики имеется по населению Бухары и Самарканда, значительно меньше — по Сырдарьинской и Ферганской областям. В отдельных случаях присутствуют единичные материалы по Андижану, Коканду, Маргелану, Ошу, Аулие-Ате, Казалинску, Пскенту, Ташкенту, Ходженту, Чарджую, Чимкенту. Однако основное число иллюстраций по оседлому населению не содержит, к сожалению, точных указаний на географическую принадлежность.

Оседлое население по тематике и в количественном отношении в рассматриваемых иллюстративных коллекциях представлено наиболее полно. Его традиционные занятия характеризуются изображениями, связанными с земледелием, хлопководством, шелководством. В иллюстративных коллекциях нашло отражение множество видов местных ремесел. В отделе Центральной Азии хранятся изображения базаров, караван-сараяв, фотографии с типажам местных купцов, лавочников, мелких торговцев.

Среди иллюстративных коллекций по оседлому населению содержится значительное количество изображений, связанных с жизнью городов, их архитектурными памятниками, а также сельских поселений, видов кишлаков, на некоторых рисунках и снимках показано внешнее и внутреннее устройство домов. Довольно полно представлена одежда, мужская, женская и детская, практически всех социальных слоев: от нищих, крестьян, ремесленников, богатых людей, актеров, военных, мусульманского духовенства до представителей верховной власти. Содержатся изображения различных видов традиционного транспорта, фотографии с демонстрацией некоторых блюд национальной кухни, снимки, на которых зафиксированы религиозные обычаи, обряды, портреты мусульманских правоведов, мулл, дервишей. В эти коллекции

входят также изображения традиционных игр и развлечений (показаны детские игрушки, народные гуляния и т.п.), а также по народной медицине.

В рассматриваемый период смешанное по языку и культуре оседлое население крупных городов не всегда подразделяли на таджиков и узбеков¹. Отдельно таджики и узбеки представлены на незначительном количестве изображений, и к тому же без уточнения территориального происхождения коллекций. В некоторых коллекционных материалах особо представлены каратегинцы и узбеки Сырдарьинской области, Бухары и Хивы.

Культура казахов разных областей Казахстана отражена в иллюстративном фонде неравномерно. Наибольшее количество иллюстративных материалов собрано по казахам Семипалатинской области — Каркалинского и Павлодарского уездов. Меньше — по Каспийскому побережью, Акмолинской (Атбасарского уезда), Сырдарьинской и Астраханской губерниям. Отдельные изображения представляют казахов Семиреченской области Лепсинского уезда, Джизакского уезда пустыни Кызыл-Кум, озера Искандер-Куля, полуострова Бузачи, Алайской долины, Алтая, Хивинского ханства и Ферганской области. Часть иллюстраций по казахам тоже не содержит сведений о районах сбора коллекций.

Материалы музейных иллюстративных источников достаточно полно характеризуют мужскую, женскую и детскую одежду, разнообразные головные уборы казахов. Многие снимки запечатлели различные бытовые сценки, в которых кроме традиционного костюма нашли отражение занятия скотоводством, земледелием, охотой, некоторые виды зимовок, летовок, жилища, его убранство, утварь, транспортные средства. Также показаны перекочевки, конская упряжь, орнамент, некоторые виды ремесел, религиозные обычаи, общественный быт. Отдельные изображения связаны с воспитанием и обучением детей, народными развлечениями.

¹ Так, на обороте одной из фотографий, относящейся к началу XX в., но поступившей в МАЭ в 1946 г. от Н.С. Воронец и оформленной по музейным документам как коллекция по таджикам и узбекам Бухары и Самарканда, рукой фактического собирателя М.Э. Воронец написано: «Улица в сартском Самарканде» (И-1179-87). Другая коллекция, «Из старых поступлений музея» (И-1294), относится к оседлому населению. Но зарегистрирована она была лишь в 1950 г., и потому ее этническая принадлежность обозначена как коллекция по узбекам и таджикам. По содержанию же снимки невозможно разделить по этим народам. И таких коллекций множество.

В основной части коллекций по туркменам место их сбора обозначено очень пространно — как Закаспийский край. На отдельных изображениях бывает указан район сбора: Хивинское ханство (чаудоры), полуостров Челекен, Асхабад, Байрам-Али, Анау, Красноводск, Мерв (текинцы, эрсаринцы, салоры, сакары). Раздел фотоколлекций по туркменам — это снимки ювелирных украшений, оберегов, талисманов, амулетов.

Памирским народам Нагорной Бухары, долин рек Бартанга и Пянджа посвящены снимки нескольких коллекций. Некоторые изображения выделены как материалы по рушанцам, ваханцам, шугнанцам, ясинцам. В этих иллюстративных коллекциях отражены многие стороны культуры данных народов.

Иллюстративные материалы по киргизам малочисленны. В них выделены территориально лишь иссык-кульские и кашгарские киргизы, представленные в основном в рисунках. В фотоколлекциях по киргизам совсем незначительное число изображений. Образ жизни киргизов в рассматриваемый период был еще мало изучен, как и каракалпаков, которым тоже посвящено минимальное число изобразительных материалов.

По среднеазиатским евреям Бухары и Самарканда в музее тоже собрано небольшое количество изобразительных материалов — фотографий с рисунков и снимков. В них в основном показан традиционный костюм. Отдельные материалы относятся к традиционным занятиям, жилищу, религии и образованию.

Среднеазиатские цыгане (джуги, люли и мазанг) показаны на нескольких изображениях, которые входят в состав коллекций по народам Сырдарьинской области, долины реки Заравшан, Ферганской области. Кроме того, в иллюстративные коллекции отдела Центральной Азии вошли и снимки цыган Бессарабии.

Из некоренного населения региона в коллекциях в рассматриваемый период индийцы представлены несколько подробнее других народов. Кроме антропологического типа и некоторых видов одежды, в музейных материалах хранятся отдельные снимки религиозных обрядов, развлечений индийцев, проживавших на территории бывшей Средней Азии. На снимках представлены только мужчины. Это объяснялось тем, что они приезжали в Среднюю Азию на заработки из Индии без жен. Им не разрешалось (в частности, и власти Бухары это запрещали) привозить с собой женщин.

В состав первых фотоизображений по разным народам региона вошло несколько снимков по дунганам. В материалах уточнялось, что они были выполнены в Кульдже. Ягнобцы, афганцы, арабы, персы представлены лишь несколькими отдельными изображениями.

Из анализа этнотематического списка следует, что наибольшее количество иллюстративных коллекций было собрано по оседлому населению. Этот богатый и разнообразный изобразительный материал наиболее полно характеризует различные формы и эволюцию традиционного костюма и головных уборов, от периода прихода русских в регион и до более поздних лет, когда под влиянием многих факторов произошли изменения в крое, материале и деталях одежды. На примере описания отдельных наиболее ярких групп рисунков и фотографий видно, насколько ценными являются изучаемые иллюстративные этнографические источники.

Наиболее ранними в собраниях музея изображениями мужской одежды старинного покроя казахов и киргизов, в том числе длинной рубахи с отложным воротником, являются рисунки А. Померанцева 1851 г. и П.М. Кошарова 1857 г.

Полный комплект мужской национальной одежды оседлого населения Заравшанского округа Сырдарьинской области показан в «Туркестанском альбоме». На одной фотографии изображены две нательные рубахи старинного туникообразного покроя, сшитые из домотканых материй светлых тонов (колл. И-1718-101). Здесь можно увидеть полную длину одежды. Рубахи делали, как отображено на снимке, без застежки, широкими и длинными, ниже колена. На фотографии видны длинные рукава рубах. В одном случае они закрыли кисти рук. Разница между двумя рубахами состояла в покрое ворота. На одной из них вырез горловины удлиннен к плечам. На другой — вырез сделан небольшим, по линии основания шеи, но сбоку, справа, на полочке — разрез и застежка на две пуговицы. Разрез обшит тесьмой, которая внизу заканчивается кисточкой. На снимке видно, что такие рубахи могли носить поверх штанов. На этой же фотографии изображена бытовавшая обувь: высокие сапоги и калоши. Головной убор на фотографии — традиционная круглая тюбетейка. На снимке видны бритые головы мужчин, недлинные подрезанные бороды и усы.

Покрой круглого ворота нательной рубахи показан на снимке музыканта из «Туркестанского альбома» (колл. И-1718-88). Он сидит, подогнув под себя согнутые ноги и сняв верхнюю часть халата. Покрой удлинненного к плечам ворота нижней рубахи, по всей видимости, был наиболее простым при шитье и самым распространенным. Именно такие рубахи, спущенные поверх штанов, были одеждой заключенных на фотографии Н. Ордэ «Бухара. Колодники» (колл. № 255-183). Фотографии «Туркестанского альбома» показывают, что в нательной рубахе, выпущенной на штаны, в калошах и тюбетейке работали крестьяне и ремесленники — гончары, кожевенники, мастера, связанные с произ-

водством шелковых тканей, и др. (колл. И-1718-114, 116, 117, 154-157, 159-164, 197, 292, 299, 300 и др.).

На снимке «Туркестанского альбома» демонстрируется другая манера ношения рубахи — заправленной в штаны (колл. И-1718-103). Штаны показаны широкие, длинные, с низкой мотней. На одном мужчине они заправлены в сапоги, у второго, обутого в кожаные (или деревянные) калоши, спускаются почти до лодыжек.

На страницах «Туркестанского альбома» на примере двух халатов продемонстрирован свободный покрой этой верхней одежды. Один из них распахнут, и видны две завязки на груди ниже воротника. Длина халатов почти достигает лодыжек. Рукава показаны также длинными, ниже кисти рук, и широкими (колл. И-1718-102). Второй халат запахнут и опоясан несколько раз широким матерчатым кушаком — скрученным широким и длинным куском ткани. Такой кушак мог служить кошельком. В него заворачивали деньги и другие мелкие предметы. Халаты на снимке показаны нестеганные, тонкие.

В «Туркестанском альбоме» представлен и утепленный ватный стеганый халат, который носили в холодное время года, сшитый из ткани с рисунком (колл. И-1718-231). Богатые люди шили халаты из более дорогой ткани. На фотографии с рисунка В.В. Верещагина группа мужчин (колл. И-674-216). Художник расположил их так, чтобы показать со всех сторон разные способы накручивания чалмы (но независимо от способа накручивания конец головного убора всегда выпущен с левой стороны) и манеру ношения халатов, подвязанных и распахнутых.

В альбоме В.Ф. Козловского «Типы народностей Средней Азии» показаны разные типы халатов, в том числе застегнутые с правой стороны, как принято у монгольских народов, со своеобразной отделкой шнурами с пуговицами.

Во время путешествий по Туркестану В.В. Верещагина его внимание привлекли профессиональные нищие, приверженцы мистико-философских учений. Их своеобразный наряд отличался от повседневной одежды оседлого населения. Фотография с картины «Нищие в Самарканде» дает наглядное представление о костюме этой категории населения (колл. И-674-195). На переднем плане с отсутствующим взглядом стоит нищий в коротком халате с цветными заплатами. В руках он держит посох и сосуд из тыквы (*кашкуль*-чашу, одну из принадлежностей дервишского костюма) для сбора подаяний. Рядом с ним вдоль высокой стены стоят либо сидят другие нищие.

В иллюстративном фонде хранятся разнообразные изображения костюмов дервишей: снимки «Туркестанского альбома» «Типы дерви-

шей в остроконечных шапках» и «Община “Календар” нищенствующей по улице», фотографии с картины В.В. Верещагина «Диваны (дервиши)», фотоснимки Н. Ордэ «Кокан. Дуваны (юродивые)», «Дервиши (дувана). Сарты», «Текинский дувана», Я.Я. Лютша «Ферганская область. Группа дервишей», С.М. Дудина «Дуана», А.Н. Самойловича «Календар в полном дервишском одеянии», Н.С. Воронец «Дервиши на базаре» и «Дервиши» (колл. № 255-149, 150, 151; 512-143; 1199-74, 75; 1398-30; И-674-196; И-1179-16,64; И-1718-67; И-1718-331).

Кокань. „Дувана“

Коканд. Дуваны (юродивые). Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-149

На дервишах характерные высокие остроконечные шапки «кулляк», обшитые мехом, которыми они выделялись из основной массы населения (на изображениях В.В. Верещагина и Я.Я. Лютша они вышитые; у некоторых дервишей на снимках Н. Ордэ и Я.Я. Лютша головной

Коканд. Сартские дувана.

Коканд. Дувана. Сарты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-150

убор с высоким круглым верхом, остороконечный или тюбетейка без бахромы), и халаты-рубища — главная часть одежды дервишей, они шились из разноцветных кусочков и обрезков и были более короткими, чем обыкновенные.

На поясе дервишей можно увидеть чаши для сбора подаяний и милостыни. Посохи в руках не у всех изображенных на снимках. На фотографии «Община Каляндар. Самарканд» «Туркестанского альбома» большая группа дервишей обходит базар, получая от торговцев пожертвования в пользу общины (колл. И-1718-331). Е.П. Николаичева, которая в 1958 г. регистрировала коллекцию, определила понятие «Каляндар» как «ниществующие по улице» и уточнила полное название общины — «Календари кашкаль Заде нахингуфтен». На снимке впереди изображенной группы стоит в молитвенной позе старик-дервиш.

Костюм специальных поливальщиков (*машкобов*), которые относились к малоимущей части населения, показан на фотографиях Н. Ордэ «Сарты. Водоносы» и Н.С. Воронец «Водоносы» (колл. № 255-133, И-1179-47). На снимках машкобы, набрав в кожаные бурдюки воду и повесив их через плечо на ремни, разносят воду на продажу. При

Текинский дувана.

Текинский дувана. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-151

местной жары, неизбежной пыли и постоянном дефиците воды поливальщики несколько раз в день поливали городские улицы водой из *хаузов*. Хотя, по мнению очевидцев, это способствовало не только относительной прохладе, но и размножению насекомых. В некоторых случаях взрослым помогали дети-подростки, как на фотографии Н. Ордэ. Водоносы одеты в традиционный для региона запашной халат, подвязанный матерчатым кушаком, на голове небольшая чалма, тубетейка или шапка с меховой опушкой. На более ранней фотографии Н. Ордэ водоносы показаны с босыми ногами. Бедняки летом, действительно, ходили босиком. На более позднем снимке Н.С. Воронец водонос поливает в жару улицу в легких без задника башмаках, похоже — деревянных.

По данным О.А. Сухаревой, в Бухаре было большое число водоносов. Они объединялись в артели, каждая из которых носила воду из одного определенного хауза. Из самого большого хауза Девон-Беги брали воду 80 машкобов [Сухарева 1966: 317–318]. Многочисленные водоносы-машкобы, после изменения системы водоснабжения города и строительства водопровода ставшие ненужными, остались лишь на исторических кадрах.

При существовании общих черт мужской региональной одежды, включавшей туникообразные рубахи, халаты и штаны, в ней имелись различия в элементах покроя, цвете, орнаменте в зависимости от этнической и социальной принадлежности. Эти отличия в элементах костюма наглядно продемонстрированы на портретах трех последних бухарских эмиров.

На фотографии из коллекции Н. Ордэ (колл. № 255-157) эмир Музаффар сидит в шелковом или бархатном халате, вышитом золотыми крупными розетками. Рукава, по обычаю, длинные. На груди халат застегнут на крупную застежку. На голове у эмира пышная чалма. Впереди в нее вставлен султан — украшение в виде большого красивого пера. Настоящее украшение эгрет, «тодж», изготавливали из золота и драгоценных камней и втыкали в чалму спереди, прикрепляя внизу золотыми цепочками. М.С. Андреев перечислил четыре возможных случая, когда эмир мог появляться с эгретом, заменявшим европейскую корону: во время обряда «коронования» (т.е. обряда поднятия эмира на войлоке на трон), при наступлении двух больших праздников — Курбан и Рамазан, при отправлении на намаз, а также при первом вступлении в звание эмира в город Шахрисябз, почитавшийся как «ханский город» [Андреев, Чехович 1972: 45].

Среди музейных фотографий хранится парадный портрет эмира Сеид-Мирза-Абдул-Ахад-Богодур-хана. Он снят с орденами, звездами

и орденской лентой через плечо, в темном (может быть, красном?) бархатном халате (колл. № 1695-2). Этот портрет был выполнен придворным фотографом В. Ясвоиным. На портрете Абдул-Ахад в халате туникообразного покроя, манжеты рукавов и полы халата украшены широкой золотошвейной полосой и обшиты традиционной тесьмой, *джияк*. На голове — чалма из орнаментированной ткани. Поверх халата эмир опоясан двумя поясами. Один из них украшен серебряными с позолотой или золотыми нитями и массивной металлической застежкой. А.А. Семенов называл такой пояс «чиновным». Чем выше должность занимал человек, тем более широкий пояс он носил. Сабля, рукоятка которой, как показано на портрете, обсыпана драгоценными камнями, пристегивалась ко второму поясу, более узкому. У эмира этот пояс надет под широкий пояс. Узкий пояс изготавливали из особого рода местной замши. Его обычно поддевали под более широкий «чиновный» пояс.

Одновременно со съемкой парадного портрета эмира Абдул-Ахада в Петербурге в 1893 г. В. Ясвоин сфотографировал также сына эмира, его наследника принца Алима, портрет которого тоже хранится в музее (колл. № 1695-4). На нем расшитый крупным растительным орнаментом халат. Края рукавов, полы, подол халата обшиты тесьмой. Рядом с тесьмой проходит золотошвейная полоса. Халат подвязан поясом с крупной металлической застежкой. Запашной халат застегнут узкой застежкой. Из-под халата видны вышитые штанины, по краю которых и по бокам разрезов пришита орнаментированная тесьма, такого же, как на халате, но более мелкого рисунка. На голове принца — чалма из орнаментированной ткани.

Несколько сюжетов фотографий «Туркестанского альбома» посвящены одежде представителей высшего мусульманского духовенства.

На одном снимке кази (судья) одет в халат из серовато-белой полушелковой с муаровым отливом ткани, на голове — белая кисейная чалма. Такую одежду в XIX в. носили представители духовенства.

Одежда ремесленников отличалась от костюма духовенства деталями. На фотографии Н. Ордэ «Бухара. Продавцы посуды» (колл. № 255-171) показаны медники в небольших белых чалмах (в отличие от больших головных уборов духовенства). На них длинные полупелюшковые или хлопчатобумажные халаты. У одного ремесленника халат распахнут, у второго подвязан кушаком, у третьего из-под распахнутого халата виден еще один. В зависимости от достатка надевали один, два или несколько халатов. На снимке Н. Ордэ «Бухара. Бухарская арба» (колл. № 255-165) изображен состоятельный бухарец в нескольких халатах.

Малоисследованной темой в изучении профессиональной мужской одежды является костюм представителей бухарской армии. Как

видно на фотографиях Е.Н. Павловского (колл. № 1320-13, 45), гвардейцы носили белый китель русского покроя, красные сафьяновые штаны, заправленные в высокие сапоги русского военного образца. Однако на голове вместо положенных фуражек у них надеты своеобразные широкодонные шапки с матерчатым верхом.

На снимках Н. Ордэ и И.И. Умнякова показана городская стража Бухары и бухарские солдаты во время раздачи жалования (колл. № 255-181; 2020-35). Эти солдаты на снимках одеты в обычную гражданскую одежду: небольшую чалму, халаты, подвязанные матерчатыми кушаками, и длинные штаны.

В коллекциях МАЭ имеются два портрета бухарцев в военной форме работы Н. Ордэ (колл. № 255-185, 1403-107). На снимке «Ислам-бам бек кушбеги — министр Бухары» сановник изображен в меховой шапке и вышитом бархатном халате традиционного покроя. Как принято, манжеты рукавов, полы, подол халата, края и боковые разрезы вышитых бархатных штанин украшены широкой орнаментированной полосой. Грудь перекрещивает португез. В руках у бухарца длинная сабля. На втором, поясном портрете, изображен мужчина в такой же меховой шапке с широким плоским дном. Его одежда похожа на сюртук мундирного покроя, но шит он из ткани с орнаментом, изображающим длинные листья. Воротник-стойка, сюртук застегнут на правую сторону. Вдоль груди идут шесть гладких металлических пуговиц, пришитых в два ряда. Петли на сюртуке прорезные. На плечах бухарца серебряные витые эполеты с кистями. Грудь бухарского военного украшена орденами, через правое плечо проходит широкая орденская лента. Н. Ордэ подписал фотографию, обозначив, кто на ней запечатлен.

Один из видов профессиональной мужской одежды оседлого населения отражен Н. Ордэ в постановочной сценке, изображающей смертную казнь в Бухаре (колл. № 255-184). Узников сопровождают стражники. Их одежда отличается от обычных региональных халатов. Они были короче, что заметно по длине чапана осужденного, стоящего рядом с сопровождающими. При этом рукава халатов стражников были, как обычно, довольно длинными. На голове одного из стражников шапка с плоским верхом и меховой опушкой, у двоих справа — чалмы. На ногах сапоги на каблуках. По информации очевидцев, зафиксированной А.А. Семеновым, в прежние времена палач (*джаллод*) одевался во все красное. Его отличительным знаком был «короткий до колен халат на вате с короткими, почти до локтей рукавами, узбекская меховая шапка на голове, сапоги бухарского военного образца с высоким острым каблуком и загнутыми носками и короткий нож на поясе» [Семенов 1954:

52]. Это редкое описание отличительных черт костюма палача соответствует изображению Н. Ордэ.

Часть подборки фотографий из «Туркестанского альбома» посвящена музыкантам и музыкальным инструментам. Костюм музыкантов был таким же, как и у основной массы населения. Особым нетрадиционным покроем отличалась, однако, одежда артистов местного цирка, фокусников-музыкантов, клоунов. На photographиях «Туркестанского альбома» Н. Ордэ и Я.Я. Лютше показана труппа таких артистов. Они выступали без халатов, в прилегающей к телу одежде: рубашках с большим отложным воротником, со вшитыми рукавами, более короткими, чем в обычном костюме. Рубашки заправлены в короткие, выше колена, штаны. Под короткие штаны надеты другие, длинные, до лодыжки, и полностью облегающие. Головными уборами у циркачей были тюбетейки или высокие пестрые фантастической формы колпаки.

* * *

Большое количество иллюстративных коллекций относится к изображению кочевой жизни казахов. Эти коллекционные материалы, несомненно, являются богатым источником для изучения национального костюма и головных уборов. В частности, они представляют локальные различия форм и декора саукеле — свадебного головного убора казахской невесты. Не существовало двух одинаковых саукеле. Каждая невеста имела собственный убор, который переходил по наследству по женской линии. Свадебный наряд невесты носил характерные черты разных районов Казахстана.

На фотографии с рисунка В.В. Верещагина показано саукеле в виде низкого усеченного конуса (колл. И-674-172). Оно имеет невысокую тулью, которую венчают три металлические трубочки, украшенные вставками из камней, перьями птицы, возможно, филина. Поверхность тульи покрыта орнаментом. Внизу по окружности саукеле обшито бахромой. Под ней на лицевой части головного убора укреплены короткие нити с нанизанными на них бусинами. Покрывало, которое входит в состав головного убора, спускается по спине невесты и прикрывает ей плечи. На рисунке В.В. Верещагина часть покрывала опущена из-под саукеле как лицевая занавеска и закрывает лицо девушки. Покрывало прикрывает также верхнюю часть двух широких и длинных подвесок, укрепленных на головном уборе.

На акварельном рисунке А. Померанцева «Женщина, Чеке, из аулов близ г. Омска» (колл. И-1415-7) изображена богатая невеста в расшитом халате и ярком праздничном наряде, сшитом из дорогих тканей. Саукеле на этом рисунке имеет высокую тулью, на которую с правой

стороны прикреплено перо птицы. Рисунок передает цвета множества декоративных деталей, украшающих головной убор. Чем состоятельнее была семья девушки, тем богаче делался саукеле. В числе свадебных деталей одежды невесты художник изобразил еще небольшое нагрудное украшение в виде треугольника с подвесками и круглыми вставками. Под этой пластиной соединены концы вышитого покрывала.

На фотографии И.С. Полякова «Киргизы Семипалатинской области» (колл. № 106-86) саукеле показано с высокой тульей, многочисленными подвесками, украшенное ювелирными изделиями и несколькими покрывалами. Верхнее, длинное, покрывало укреплено на самой верхушке усеченного конуса головного убора. Остальные, более короткие, покрывала спускаются с наружной затылочной части саукеле на плечи невесты. Дополнительное украшение — прямоугольный нагрудник — доходит до талии. На него также нашиты украшения.

Снимок Н.К. Зейдлица «Жены Бузачинских биев» (колл. № 136-42) зафиксировал три разных саукеле, отороченных мехом, украшенных подвесками и разноцветными камнями, оправленными в драгоценный металл. Нагрудники у женщин тоже разные. У одной из сидящих девушек он не надет, а лежит на коленях.

Н. Орде сфотографировал молодуху сырдарьинских казахов в саукеле (колл. № 255-68). Ее головной убор состоит из двух частей. Нижняя часть, широкая, представляет собой большую шапку с круглым верхом, а продолжением ее является высокий усеченный конус. Саукеле имеет множество декоративных деталей. Нагрудник этого свадебного наряда сделан из широкой полосы ткани белого цвета. Его верхняя часть вырезана по линии лица, а нижняя прикрывает грудь и имеет округлый край.

Несколько снимков К.Н. де-Лазари содержат изображение свадебного наряда казахской невесты Семиреченской области (колл. № 410-1; 418-2, 3; 423-12). Саукеле на этих фотографиях высокое, увенчанное пучком перьев. Нагрудное украшение расположено у подбородка и представляет собой небольшую прямоугольную металлическую пластину, от которой свисают ниже талии многочисленные подвески.

Саукеле, которое сфотографировал Н.А. Ермолин у казахов Алтая, имело форму не очень высокого усеченного конуса (колл. № 590-33). На снимке невеста сидит в профиль, чтобы показать длинное и широкое покрывало, которое привлекло внимание фотографа. Оно укреплено на самом верху головного убора. Покрывало струится по плечам и спине густыми складками. Его верхняя часть белого цвета, а нижняя состоит из ярких материй с двумя разными геометрическими орнаментами.

В отличие от черно-белых фотографий акварельные рисунки А. Ворониной-Уткиной воспроизводят яркие цвета такого произведения прикладного искусства казахов Каркаралинского уезда Семипалатинской области, как саукеле (колл. № 2519-62). Художница стремилась с точностью передать краски, а также многочисленные детали украшений (изделия из серебра, бусы, подвески, кисти, перья, мех, вышивка) этого ритуального головного убора невесты, обозначив их буквами латинского алфавита. Некоторые из этих предметов не только имели декоративное значение, но и являлись оберегами.

При сопоставлении рисунков А. Ворониной-Уткиной с ее фотографиями оказалось, что саукеле, запечатленный на рисунке, она сфотографировала на молодой, стоящей рядом с юртой (колл. № 2833-9, 10). Художница показала головной убор с лицевой стороны и сбоку. На снимках видны всевозможные украшения на нем, длинные подвески, серебряные бляшки, шелковые кисти, бусы, ниспадающее покрывало. На фотографиях обращает на себя внимание не только богатство убранства саукеле, но и то, что носит его беременная молодая женщина. Материалы коллекции А. Ворониной-Уткиной демонстрируют манеру ношения этого головного убора в сочетании с остальным костюмом, а также иллюстрируют письменные сведения авторов о том, что саукеле носили после свадьбы в первый год замужества до рождения первого ребенка.

При сравнении рисунков и фотографий А. Ворониной-Уткиной очевидна разница в передаче предметов на рисунках и фотографиях. Например, на рисунке саукеле можно увидеть детальную прорисовку даже мелких украшений. На фотографиях художница показала лишь общий вид головного убора.

На фотографиях А. Ворониной-Уткиной казахской молодой показано свадебное нагрудное украшение, состоящее из серебряной трубочки со свисающими с нее цепочками. Рассмотренные изображения казахского свадебного головного убора предоставляют исследователям материалы об отличиях форм, убранства разнообразных саукеле и их местных особенностей. Это относится и к свадебному нагрудному украшению, которое также имело локальные различия.

В иллюстративных коллекциях содержатся изображения другого женского казахского головного убора — кимешека.

На фотографиях с рисунков В.В. Верещагина имеется изображение головного убора, который носили замужние женщины (колл. ИИ-674-172). По рисунку трудно определить, из одного или двух отрезков ткани состоит кимешек. Возможно, что ткань сначала обернута вокруг лица, а потом ее конец уложен на голове в виде тюрбана. Одним из наиболее

ранних изображений кимешека в собраниях музея является фотография с картины В.В. Верещагина «Внутренность киргизской палатки» (колл. И-674-182). В юрте сидит казашка в кимешекке, состоящем из одного полотнища, со спускающимся по спине концом белой ткани.

В фотоколлекции А. Ворониной-Уткиной имеются снимки сшитого кимешека (колл. № 2833-2, 3). Его передняя часть опускалась низко на грудь. В работах А. Ворониной-Уткиной представлен другой вид кимешека — с тюрбаном. Кимешек на снимке «Тип старухи» явно не был шит (колл. № 2833-6). Его нижняя и верхняя части состояли из одного полотнища. Этот головной убор представляет собой полосу нешитой материи. Сначала она обернута вокруг лица снизу вверх. Затем оставшаяся часть ткани уложена на голове горизонтально. На другой фотографии (колл. № 2833-8) женщина сидит так, чтобы был виден головной убор со спины: часть материи спускается с головы вниз.

Изображения с разными вариантами повязывания тюрбана поверх кимешека являются важным источником для изучения головного убора, который уже давно вышел из употребления. В музее эта верхняя часть кимешека хранится чаще всего в развернутом виде. Поэтому в настоящее время трудно в точности установить ареал распространения разных форм женского тюрбана у казахов [Захарова, Ходжаева 1964: 220].

Сшитые из нескольких деталей кимешекки без тюрбана, украшенные по линии лица вышитой каймой, показаны С.М. Дудиным на казашках Семипалатинской области (колл. № 1199-109, 186). Для этой же коллекции он сфотографировал кимешек, надетый поверх теплого стеганого халата и прикрывающий плечи, грудь и спину. На головной убор накручен тюрбан из ткани белого цвета (колл. № 1199-187).

Сохранилось мало изображений, по которым можно судить об особенностях форм и манере ношения тюрбанов у казахов. Тем более ценно, что на фотографии из коллекции И.С. Полякова одновременно показаны три варианта кимешека и разные формы тюрбанов (колл. № 106-90).

В отличие от головных уборов со снимков И.С. Полякова тюрбан поверх кимешека на фотографии Н. Ордэ повязан иначе (колл. № 255-64). К.Н. де-Лазари показал на примере четырех пожилых женщин, как носили сшитый кимешек с тюрбаном в Семиреченской области (колл. № 423-11).

Таким образом, иллюстративные коллекции представляют наглядный материал для изучения традиционных головных уборов. Музейный изобразительный материал является также источником для изучения причесок кочевого и оседлого населения региона.

Наиболее ранними коллекционными изображениями музея, на которых показаны прически женщин оседлого населения, являются фотографии с рисунков художника В.В. Верещагина, вошедшие в альбом «Туркестан». На черно-белых портретах у женщин открыты лица. Показаны главным образом головные уборы, часть причесок, если волосы были видны из-под платков, и из украшений — ожерелья. Эти детали говорят о том, что автор рисунков прежде всего стремился передать наиболее характерные детали внешности представительниц местного населения.

На ранних изображениях иллюстративных коллекций музея женщины Средней Азии показаны с открытой головой, без убора, что в мусульманской среде считалось большим грехом. Голова женщины должна была быть всегда покрыта платком, который накидывали утром, пригладив волосы рукой. Особенно большим грехом для женщины было находиться без платка в той комнате, где имелся Коран, и тем более во время его чтения. Многие женщины даже ложились спать в платке.

На фотографиях альбома «Типы народностей Средней Азии», который был составлен В.Ф. Козловским, все поясные женские портреты выполнены в двух вариантах, в фас и профиль, чтобы продемонстрировать не только антропологический типаж, но и прически. На фотографии «Сартянка 15 лет» (колл. И-2205-3) гладкие длинные волосы девушки разделены на прямой пробор до затылка и прикрывают уши. Короткие пряди от висков подрезаны. На снимке видны спереди две косы. Они расплетены от корней волос до плеч, а от плеч и до конца заплетены. От затылка волосы спускаются по спине. Возможно, их нижняя часть также заплетена в одну или две косы. Можно было бы предположить, что фотография запечатлела обычную девичью прическу из трех или четырех кос, если ли бы не распущенные сверху до плеч волосы. В литературе описана женская прическа, когда полностью или частично расплетали нижнюю часть кос с концов в дни траура, а не сверху до плеч, как показано на снимке.

На снимке альбома «Типы народностей Средней Азии» «Сартянка 16 лет» (колл. И-2205-4) у девушки небольшая челка, височные пряди более короткие, чем на предыдущем снимке, а концы распущенных ниже плеч волос заплетены в мелкие косички.

На другом снимке альбома «Таджичка 27 лет» длинные волосы женщины распущены, разделены на прямой пробор, спущены на лоб, прикрывая его часть, и приглажены. Височные пряди уложены завитками.

На фотографиях С.М. Дудина «Прическа девушки — кекаль (косы)» (колл. № 1199-183, 184) показана казахская девичья прическа

несколько иного вида: спереди челка, по бокам острижены короткие височные пряди. На макушке заплетено по одной косе, низко к шее — еще пять или шесть кос.

На фотографии из альбома «Типы народностей Средней Азии» «Сартянка 20 лет» изображена прическа из мелких косичек с двумя более крупными косами, заплетенными за ушами и оканчивающимися локонами (колл. И-2205-5). Височные пряди острижены ниже мочки и волнообразно уложены.

В городах молодые женщины до рождения первого, а иногда и второго ребенка заплетали волосы в несколько мелких косичек, от четырех до восьми. В некоторых случаях на конце каждой косы в виде украшения висела шелковая кисточка, медные или серебряные подвески, в них вплетали бусы, кораллы и прочие украшения. Концы кос всегда закрепляли шнурком, скрученным из хлопка. Существовало поверье, что если оставить концы не закрепленными, то на горячем летнем ветру волосы выпадут. В большом употреблении были фальшивые косы, которые обычно делали из своих же выпавших волос. Обычно девушки и молодые вдовы заплетали волосы в пять кос. Будничная прическа замужней женщины, имевшей детей, состояла из двух кос, пробор всегда был прямым [Маев 1876а: 306].

«Узбечка 14 лет» (колл. И-2205-23) показана с широко распространенной девичьей прической, состоящей из множества мелких косичек, плести которые начинали очень высоко, от висков. Гладкие волосы разделены на прямой пробор и убраны за уши. Височные пряди отсутствуют.

Прически казашек и киргизок на фотографиях альбома «Типы народностей Средней Азии» состояли из двух кос (колл. И-2205-8, 54). Они туго заплетены, выглядят плоскими и широкими. Это означает, что при плетении пряди волос подворачивали вниз. С такой же прической изображены в альбоме цыганки и еврейки.

Полностью расчесывали волосы женщины только в те дни, когда мыли голову, раз в неделю, обычно по пятницам, реже по четвергам или субботам. Не было принято мыть голову по вторникам (тяжелый день) и по базарным дням. Распустив и расчесав волосы, их намазывали катыком, квашеным кипяченым молоком, еще раз причесывали маленьким довольно частым деревянным гребнем и промывали водой. Зимой — теплой, летом — холодной. Мыло при мытье головы женщины никогда не употребляли. Затем выжимали волосы, скрутив в пучок надо лбом, и давали им слегка обсохнуть около получаса. Потом волосы расчесывали и заплетали в косы. Впереди по сторонам лица заплетали по одной косичке, остальные сзади и рассыпали по спине и плечам [Шишов 1904: 109].

Среди первых фотографических изображений МАЭ женщин оседлого населения хранится также несколько снимков, вошедших в «Туркестанский альбом». На них у женщин в качестве головного убора надета тюбетейка (колл. И-1718-302, 303, 305).

По мнению Е.М. Пещеревой, женщины начали носить тюбетейки с 1920-х годов, т.е. с того времени, когда стали снимать паранджу. До этого времени надевать женщинам тюбетейку считалось неприличным [Пещерева 1954: 150]. Головным убором они полностью скрывали волосы. Содержание женщин в помещениях, недоступных для посторонних мужчин, ношение одежды, закрывающей лицо, шею, руки, «свято соблюдалось в быту среднеазиатских народов», хотя обычай ношения покрывала ислам унаследовал из более ранних традиций [Пальванова 1982; Рахимов 2007: 235].

В первые годы русская администрация предпринимала попытки изменить скромное положение местной женщины, ошибочно полагая, что первым шагом к этому является необходимость открыть их лица. В литературе в связи с этим описан случай, когда одно влиятельное лицо решило дать бал. На нем представители местной власти и аристократии должны были присутствовать со своими женами и дочерьми. Непременным условием было открытые лица у женщин. Бал состоялся, местных женщин было много, они все получили подарки. Таким образом, полагали, свершилось их вступление в общественную жизнь. Но оказалось, что приехавшие на бал в качестве жен и дочерей были женщинами легкого поведения: «Человек, разрешивший своей жене ходить с открытым лицом, считался бы изменником, проклятым и никто не решится не только вести с ним какие-нибудь дела, но и даже говорить с ним» [Головнина 1902: 17]. Этот веками освященный обычай стал для местного населения законом.

На нескольких снимках первых фотоколлекций музея лица женщин закрыты специальной уличной одеждой. Так, на одной фотографии группа мужчин и женщин позирует Г.Е. Кривцову перед началом судейского разбирательства (колл. И-1718-98). На всех трех женщинах в кадре надета *паранджа*, обязательная для выхода на улицу. На другом снимке альбома женщина сидит верхом на лошади за спиной мужа в этой же уличной одежде (колл. И-1718-73).

По наблюдениям русской путешественницы, которая побывала в Самарканде в 1898 г., встречающиеся на улицах города местные женщины, пешие или едущие верхом, выглядели наглухо закутанными. Паранджа напоминала халат темно-серого или зеленого цвета, надетый на голову. Лицо, закрытое густой черной волосистой сеткой, невозможно было сквозь нее разглядеть. Откидывали сетку лишь дома. Одна русская

дама сумела подсмотреть, как группа женщин в невыносимую жару зашла за угол стены, где не было ни одного мужчины, чтобы передохнуть и лишь там открыла лица, с которых крупными каплями струился пот. Поднимать покрывало паранджи было нельзя ни при каких обстоятельствах. Такое оскорбление могло быть смыто лишь кровью [Головнина 1902: 15].

Увидеть местную женщину с открытым лицом постороннему мужчине было невозможно. По признанию одного из русских авторов, путешествовавших по Бухаре, чтобы рассмотреть домашний наряд *сартянок*, ему приходилось осторожно заглядывать «во внутренние подворотни через щели ворот или низкое место стен» [Обручев 1890: 470].

На большинстве ранних изображений музея женщины присутствуют с открытыми лицами и без головного убора. Ни один благоверный мусульманин не позволил бы своей родственнице предстать перед мужчиной, иностранцем, иноверцем, и позировать перед фотоаппаратом без паранджи и головного убора. На основании этого можно сделать предположение, что на снимках первых иллюстративных коллекций музея в качестве фотомоделей, демонстрировавших с открытыми лицами одежду, головные уборы, украшения, прически и т.д., выступали местные проститутки.

Наличие в фотоколлекциях музея снимков подобного характера позволяют коснуться вопроса существования в среде оседлого населения этой категории женщин.

По наблюдениям путешественников XIX в., которые в большинстве своем были мужчинами-европейцами, немало туркестанских женщин занимались древнейшей профессией. Некоторые авторы считали, что проституция в крае возникла лишь с приходом русских: «Ко всем порокам, гнездящимся в недрах правоверного мусульманства, прибавляется еще два: проституция и пьянство. В Самарканде существует целый квартал, в домах которого проституция обратилась в профессиональное занятие» [Соколов 1894: 51; Мусульманские училища 1871]. В Бухаре проституция запрещалась под страхом быть обезглавленной. По литературным источникам известно, что в соседней Турции в 1830-е годы существовали содержательницы публичных домов, а в консервативной Персии была широко распространена проституция. Состоятельные люди нанимали проституток на несколько суток. Их могли также держать под видом горничных и служанок [Клуг 2004: 147, 247].

А. Дониш, характеризуя времена эмира Муззафара, осуждал образ жизни правителя, который основное время проводил среди своих жен, танцоров, музыкантов и актеров. Надоедавших ему жен или наложниц эмир продавал (например, дипломату Н.П. Стремоухову предлагали ку-

пить четырех жен эмира по 150 рублей за каждую) или награждал ими своих приближенных. Случалось, что Музаффар в сопровождении огромной свиты и охраны выезжал на некоторое время в степь. Тогда по желанию эмира в лагерь доставляли проститутку [Дониш 1967: 76], что указывает на бытование этого института среди оседлого населения в период, до появления русских. Кроме того, позволяет предположить наличие в этой среде категории «элитарных» женщин, которые обслуживали верхушку общества.

В годы, предшествовавшие русскому завоеванию, в некоторых городах проституция существовала открыто: «Так, в Ташкенте проститутки не закрывали лица, их постоянно можно было увидеть прогуливающимися по улицам или проезжающими на повозках на пикники или места отдыха. В Самарканде проститутками официально могли стать достигшие 15-летнего возраста, но многие скрывали его и могли начать это занятие и в 10 лет, они также не закрывали своих лиц, у них были свои районы с борделями, с песнями и танцами» [Табышалиева 1998: 49].

В. и М. Наливкины отмечали, что в Ферганской долине в 80-х годах XIX в. открытых проститутку называли *джаляп* (проститутка), тайных — *купия* (тайная) без прибавления слова «джаляп». Таким образом, купия как бы не признавалась за проститутку. Они писали, что тайная проститутка произвела за последние 3—4 года бескровную революцию в среде значительной части мусульманского населения: «Она совсем почти изгнала бачей (мальчиков-проститутку). Редкая приятельская мужская вечеринка обходилась теперь без нее; она появляется здесь то в качестве плясуньи, то просто в роли дамы легкого поведения. На таких вечеринках <...> можно встретить в настоящее время представителей и туземной администрации, и крупного туземного купечества, и иногда даже туземного духовенства» [Наливкин, Наливкина 1886: 242—243].

Несколько портретов женщин из г. Оша поступили в музей в составе коллекции Я.Я. Лютш в 1899 г. На них также надеты тибетейки. На одном из снимков несколько женщин демонстрируют разные варианты домашней и уличной одежды (колл. № 512-137, 138, 142).

Кадры известного фотографа С.М. Дудина были сделаны в Андижане в конце XIX — начале XX в. Свои портреты он подписал: «Женщины из публичного дома» (колл. № 4516-56, 73, 74, 76). Задачей С.М. Дудина было в первую очередь показать антропологический типаж женщин в фас и профиль. На фотографиях видны их прически, головные уборы — тибетейки либо платок, свернутый гугтом и повязанный на лбу.

В 1894 г. в музей поступила фоколлекция от Н. Ордэ. На снимке под названием «Бухарцы» изображена молодая женщина с двумя сидя-

щими рядом с ней мальчиками (колл. № 255-167). Здесь представлен редкий изобразительный материал по одежде. Снимок Н. Ордэ иллюстрирует полевые материалы исследователей более поздних лет по истории бухарского костюма [Люшкевич 1976: 108–120].

На снимке Н. Ордэ «Бухарцы» молодая женщина правой рукой опирается на вышитую подушку и держит *чили́м* — прибор для курения. Его устройство было таким же, что и у турецкого кальяна (подробнее см.: [Козлов 2006]). Дым из трубки, прежде чем попасть в чубук, проходил через воду и охлаждался. Тулово чилима до половины наполняли водой. В верхнюю его часть вставляли воронкообразную трубку, в которую клали табак и раскаленный уголь. Бухарцы не знали длинных гнувшихся чубуков, их в большинстве случаев, как на снимке, делали из короткой камышинки.

Чилим обычно изготавливали из особого вида тыквы-горлянки, *чили́м-каду*. По форме он напоминал грушевидный флакон, который вставляли, как показано на снимке, в медную оправу. Иногда корпус чилима изящно окрашали бирюзой, сердоликом, серебряной инкрустацией и пр. В некоторых случаях чилимы делали из меди, сохраняя грушевидную форму, и украшали серебром, чеканными узорами. В случае необходимости чилимы носили с собой.

В литературных источниках содержится незначительное количество сведений о курении табака местными женщинами. Кокандский уездный врач С. Моравицкий отмечал, что местные женщины и юноши употребляли наркотики редко, т.к. это строго запрещалось. Он собирал сведения о распространении наркотиков среди местного населения по указанию туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и при финансовой помощи губернатора Ферганской области А.К. Абрамова. В 1885 г. С. Моравицкий писал об «обычае, распространенном среди женщин больших городов в Фергане, именно — о курении в чилиме “мазы”» [Моравицкий 1885: 7]. Это вещество получали из дубильного ореха, который продавался на базарах, толкли в порошок и курили вместе с табаком. С. Моравицкий отмечал, что в некоторых случаях это вещество использовали в медицинских целях, а «у курящих “мазы” женщин будто бы делается особенно узкой вагина» [Там же]. Нередко вместе с «мазы» курили *анаши*. Особенно распространено это было среди местных проституток [Там же].

Из наркотических средств, употреблявшихся местными женщинами, в литературе конца XIX в. упоминается также смесь *гюль канд*, которую готовили из анаши с бараньим салом и сахаром. Она имела вид твердой сахаристой массы: «Это любимое лакомство местных женщин, раз его отведавших» [Каталог Туркестанского отдела 1872: 44].

По сведениям А.Л. Крутье, которая выросла в одном из турецких домашних гаремов, женщины курили все и очень много, но не в присутствии мужчин. Курили только высококачественный табак. Считалось, что курение из длинного чубука и кальяна придавало особую элитность этому занятию [Крутье 2000: 110–111].

Н. Ордэ выполнил еще целый ряд женских портретов. Многие из моделей запечатлены с непокрытой головой либо в тюбетейках (Колл. № 255-58, 59, 124, 125, 128). Похоже, что ему и другим российским фотографам того времени позировали только женщины определенного социального положения, что в общем не вызывает большого удивления. Для проведения первых фотографических работ и составления таблиц с данными антропологических измерений среди коренного населения Средней Азии и Казахстана исследователи работали с определенной группой населения: заключенными и проститутками [Харузин 1889]. Возможно, поэтому некоторые русские, побывавшие в крае в числе первых, были невысокого мнения о тех местных женщинах, с которыми им приходилось иметь дело: «Сальности, которые говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва ли когда могут быть произнесены самыми отпетыми мужчинами европейцами» [Узбеки в наших среднеазиатских владениях 1871: 8].

На снимках Н. Ордэ «Маргелан. Сартянки на своей половине» и «Сартянки» фотограф показал досуг местных женщин (колл. № 255-126, 127). В первом случае группа девушек в разноцветных шелковых рубашках с длинными рукавами и шароварах, с тонкими косами, большим количеством нагрудных и шейных украшений сидит перед достарханом. Во втором — женщины находятся во дворе дома на специальном возвышении. От лучей солнца их защищают ширма и обширный натянутый навес. Разостланные скатерти завалены грудами лепешек, сладостей и фруктов. Здесь же находятся музыкальные инструменты. У женщин обеих групп либо не покрыта голова, либо надеты тюбетейки. Н. Ордэ запечатлел одно из традиционных женских коллективных угощений.

В литературе существует незначительное количество отрывочных описаний женских коллективных сборов в рассматриваемый период. Отдельные сведения содержатся о своеобразных женских «пирушках», «где допоздна не умолкали звуки бубна и не затихали шумные танцы и песни». Например, в Ферганской долине на них собирались жены, чьи мужья в тот же день посещали один и тот же «мужской дом» [Рахимов 1990: 53]².

² «В Самарканде и Бухаре также существовали совместные женские трапезы. Они объединяли пятнадцать-двадцать близких соседок. Отсутствуют сведе-

Из групповых женских портретов выделяются несколько фотографий Н. Ордэ, связанных с социальным положением женщин. Одну из них он подписал: «Самарканд. Публичные женщины» (колл. № 255-113). На ней четыре девушки сидят на полу, одна из них курит чилим. Пятая стоит у них за спиной. У двоих повязаны платки концами назад, у остальных видны растрепанные волосы. Любопытны также их позы. Существовали определенные этикетные нормы, связанные с этим. Женщины обычно сидели, поджав обе ноги в одну сторону, либо одну подгибали под себя, а второй, согнутой в колене и прикрытой полой одежды, опирались о пол. Поза, в которой сидят обитательницы публичного дома на фотографии Н. Ордэ — калачиком, считалась мужской. Прически, отсутствие головных уборов, позы, в которых сидят женщины, подтверждают правильность аннотации фотографа.

В результате изучения содержания иллюстративных коллекций и опубликованных материалов оказалось верным предположение о том, что для создания большинства коллекционных изображений позировали местные проститутки. Портреты этой категории женщин входят в состав наиболее ранних коллекций. Литературные источники также дают возможность утверждать, что институт проституции существовал среди оседлого населения в период до появления русских.

На снимках иллюстративных коллекций можно увидеть традиционную «прическу» мужчин — бритую голову. Прически мужчин некоренного населения — среднеазиатских евреев, цыган, афганцев — продемонстрированы в альбоме «Типы народностей Средней Азии». Здесь же представлены и портреты двух индийцев. Волосы у них довольно длинные, ниже уха. У молодого индийца ото лба волосы выбриты, на макушке оставлена длинная закрученная прядь (такая прическа была у брахманов).

ния о том, случайно или по поводу каких-либо событий собирались их участницы. Известны описания девичников, которые собирали молодухи накануне замужества, либо собраний молодых жен, вышедших замуж в течение прошедшего года. Кроме того, совместные обеды устраивали своеобразные артели женщин для приготовления обрядовой пищи» [Рахимов 1990: 54].

В.И. Массальский отмечал, что «мужчины и женщины часто порознь посещали знакомых, преимущественно в праздники. Нередко они сходились на вечеринках и посиделках, особенно в зимнее время. Женщины и девушки, как и мужчины на своих *джура* (здесь: “общество друзей”), бывало просиживали всю ночь» [Массальский 1913: 401–402].

Изучение этнических особенностей причесок народов региона конца XIX в. остается малоисследованной темой вплоть до настоящего времени. Иллюстративные коллекции музея являются одним из источников для работы этнологов в этом направлении.

Большое количество материалов иллюстративных коллекций могут оказать помощь в работе по систематизации поселений и жилища (по строительному материалу, технике, планировке, форме крыши, наличию хозяйственных построек и других элементов), особенно казахскому основному кочевому жилью — юрте.

В «Туркестанском альбоме» содержится один из наиболее ранних и редких для рассматриваемого периода снимков с натуры казахского аула и юрты (колл. И-674-86). Караван груженых верблюдов и суеящиеся вокруг них люди сфотографированы на фоне аула. Некоторые юрты разобраны: остались только деревянные жерди купола и решетчатые стены. Такой снимок демонстрировал особенности конструкции этого жилища. На двух фотографиях Н. Ордэ «Остов киргизской юрты» и «Киргизы. Остов юрты» представлены деревянные каркасы двух юрт: большей и меньшего размера. Две сфотографированные юрты различались по количеству купольных жердей, звеньев боковых решеток и ширины деревянного круга. Кроме этого на снимках отображены два разных по форме купола юрт. На одном из них — низкий полусферический купол, обод имеет больший диаметр, а жерди — изгиб в нижней части. На второй фотографии купол выше, конической формы и жерди имеют более прямой конец (колл. № 255-77).

Снимки А. Ворониной-Уткиной иллюстрируют последовательность установки юрты, что очень важно, так как бывает трудно представить себе этот процесс лишь по литературным описаниям. На одном из снимков под названием «Установка юрты» (колл. № 2833-4) группа казахов стоит перед собранным деревянным остовом жилища. Несколько женщин привязывают купольные жерди к соединенным между собой решетчатым стенкам. На другой фотографии женщины опоясывают стены юрты узорчатыми тростниковыми циновками (колл. № 2833-5).

Большая часть изображений иллюстративных коллекций показывает внешний вид аулов и юрт: Н. Ордэ «Зеравшан. Киргизский аул», К.Н. де-Лазари «Приезд невесты в дом жениха» (свадебная церемония на фоне юрты в Лепсинском уезде), «Киргизская зимовка в степи» (юрта, окруженная хозяйственными постройками), «Юрта бедной киргизской вдовы зимою» (маленькая по площади юрта, высота стен которой ниже уровня плеч хозяйки, с низким наклонным внутрь жилища входом обложена снопами соломы), «Казашка в свадебном наряде» (стены юрты утеплены снопами соломы, на заснеженный купол жили-

ща уложен также слой соломы) (колл. № 255-78; 423-12, 1, 13; 418-3). Некоторые из приведенных коллекционных фотографий свидетельствуют о том, что юрта могла служить жилищем не только в теплое время года, но и зимой.

На фотографиях 1880 г. И.С. Полякова показаны группа купольных жилищ, юрта, покрытая войлоками и обвязанная веревками, юрта с откинутым наверху войлоком для выхода дыма.

Фотография К.В. Щенникова «Группа статистов и казахов оз. Баршик» (колл. № 1707-62) зафиксировала большую юрту в Атбасарском уезде Акмолинской области с войлочным нарядно орнаментированным покрытием белого цвета. Снимок «Семья около юрты» (колл. № 1708-43), сделанный им же, показывает юрту богатого казаха, покрытую белыми войлоками. Хозяева расположились перед жилищем со стороны входа в юрту, закрытым войлочной узорной дверью. Такая мягкая дверь сворачивалась рулоном, как показано на фотографии В.Д. Пельца «Группа у юрты», выполненной среди казахов пустыни Кызыл-Кум Джизакского уезда (колл. № 2301-2). Эта юрта покрыта войлоками полностью. В более теплое время года боковые войлоки могли снимать, как на фотографии В.Д. Пельца «Группа мужчин, женщин и дети перед юртой» (колл. № 2301-1). Таким же образом сняты войлоки со стен жилища и открыта дверь в юрту на снимке Н. Ордэ «Астраханские киргизы» (колл. № 255-71). При сопоставлении двух последних фотографий очевидны различия деталей внешнего вида кочевого жилища в Джизакском уезде пустыни Кызыл-Кум и Астраханской области: в разных способах крепления купольных войлоков и в рисунках плетения боковых циновок из тростника.

На фотографии с картины В.В. Верещагина «Внутренность киргизской палатки» видно, что художник с фотографической точностью воспроизвел детали жилища (колл. И-674-182). Это было важно для научной фиксации. Выгнутые деревянные жерди поддерживают куполообразный потолок жилища. Нижнюю часть стен опоясывают деревянные решетки. Вдоль стен расставлены деревянные орнаментированные подставки и шкафчики для хранения одеял, которые сложены стопками. На полу множество ковров. С потолка свисают большие кисти, которые украшали помещение и имели, как и остальные части юрты, важное семантическое значение. На картине виден открытый дверной проем, около которого сидит замужняя казашка в кимешеке со спускающимся по спине концом белой ткани и в теплом халате с широкими и длинными рукавами. Она сидит на коленях, в одной из поз, приличных женщинам. Для среднеазиатско-казахстанского жилища было характерно разделение пространства по половому признаку. Судя по го-

ловному убору замужней женщины и ее местонахождению, женская половина обычно располагалась около очага, ближе к двери. К сожалению, фотография с произведения В.В. Верещагина, вошедшего в альбом «Туркестан», выполнена в черно-белом цвете и не передает гамму цветов картины.

Внутреннее убранство юрты отображено на фотографии Н. Орда «Киргизы-кайсаки» — перед очагом расположилось семейство (колл. № 255-70). На снимке К.Н. де-Лазари «Доктор и фельдшер в степи» показан интерьер жилища — на стенах и полу юрты находятся кошмы и ковры (колл. № 423-7).

Доктор и фельдшер в степи. К.Н. де-Лазари. 1898 г. Казахи. МАЭ. Колл. № 423-7

Кроме казахского переносного кочевого жилища в иллюстративных коллекциях МАЭ хранятся изображения и других построек. На одной из фотографий К.Н. де-Лазари «Киргизская зимовка в степи» (Колл. № 423-1) вокруг юрты расположены хозяйственные сооружения, стены которых сложены из тростниковых циновок. На другой, «Казахская девушка в свадебном наряде» (колл. № 418-2), невеста стоит на фоне

стены дома, напоминающего мазанку с плоской тростниковой крышей. Еще одна фотография — «Киргизская зимовка в сосновом лесу» (колл. № 423-6) — демонстрирует рубленые прямоугольные дома, которые возводили при наличии древесного строительного материала.

В коллекциях МАЭ содержатся фотографии туркменского переносного жилища. На снимке Н. Ордэ «Мерв. Текинский аул» (колл. № 255-201) видна сельская улица, по сторонам которой вплотную друг к другу стоят жилища круглой формы с высокими куполообразными тростниковыми крышами. Такие же постройки показаны на фото «Байрам-Али» (колл. № 255-204). В правой части изображения — фрагмент туркменской юрты: часть войлочного купола и боковых тростниковых циновок. На снимке «Асхабад. Сали-ханым. Текинская ханша» (колл. № 255-209) виден вход в юрту и дверная рама, состоящая из деревянных перекладин. На фотографии «Асхабад. Семейство ахал-текинцев» (колл. № 255-210) юрта снята с близкого расстояния, что позволяет рассмотреть более высокий по сравнению с казахской юртой купол, обложенный не войлоком, а ковровым покрытием. Стены состоят из тростниковых циновок. Со стены юрты напротив двери циновки убраны и видна боковая решетка. На снимке «Чаудорский двор. Окр. Порсу» (колл. № 1398-6) А.Н. Самойловича, сделанном в Хиве, изображена юрта с высоким войлочным куполом и тростниковыми боковинами.

В иллюстративных коллекциях нашли отражение многочисленные виды традиционных ремесел и промыслов (кожевенное, сапожное, столлярное, кузнечное, гончарное, шорное, табачное и др.). На фотографиях из «Туркестанского альбома» и Н. Ордэ зафиксированы различные этапы обработки хлопка и шелка, прядение, сучение, размотка пряжи. На большей части изображений показаны мужчины, хотя по литературе известно, что это были домашние виды ремесел и занимались ими в домашних условиях женщины. Расхождения в информации объясняются тем, что, когда изделия производились в промышленных количествах и шли на продажу, то это было работой мужчин. Другой причиной отсутствия на снимках женщин-мастериц могло быть их нежелание фотографироваться.

Исполнителями народной музыки были профессиональные народные музыканты и актеры-маскарабозы. На снимке «Туркестанского альбома» маскарабоз забавляет публику игрой на дойре (бубне) (колл. И-1718-85). Играли на бубне во время выступления бродячих артистов, плясок, как показано на фотографии.

На основе приведенных примеров этнотематической характеристики иллюстративного фонда МАЭ по народам Центральной Азии (Средней Азии и Казахстана) видно, что каждый коллекционный снимок

мок многопланов, одновременно на фотографиях представлено несколько сюжетов. Раскрытию содержания многих изображений могло быть посвящено множество страниц текста, а некоторым — целые исследования.

Кроме этнографических сведений иллюстративные коллекции содержат материал по истории народов региона.

Глава V

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

При подготовке этой главы автор столкнулся с определенными сложностями. Музейная документация об иллюстративных коллекциях МАЭ стала упорядочиваться лишь в первое десятилетие XX в., поэтому многие сведения об истории формирования этого фонда, особенно ее первых этапах, были утрачены. До сих пор в практике музейного дела и в публикациях используются преимущественно вещевые коллекции. Это было обусловлено тем, что абсолютное предпочтение как в экспонировании, так и в хранении отдавалось вещам. Иллюстративные материалы считались второстепенными, и поэтому почти не введены в научный оборот. Отведение иллюстративным материалам как музейным коллекциям второстепенной роли сказалось и на практике их хранения. Недостаточное внимание к хранению иллюстративного фонда повлекло за собой уменьшение сведений о нем.

Не всегда имеется необходимая для атрибуции информация. Встречается несоответствие между данными, имеющимися в музейной документации, и реальным составом той или иной коллекции. Кроме того, первые музейные описи часто носят фрагментарный характер, представляют собой простые списки изображений, что снижает их источниковедческую ценность. Не все иллюстративные описи в одинаковой мере содержат сведения первоначального музейного учета о коллекциях. В большинстве случаев отсутствуют данные об этнической принадлежности изображений, где, когда и кем была собрана коллекция, количество единиц хранения. Имеется целая группа ранних иллюстративных собраний, у которых отсутствуют аннотации, указывающие на их принадлежность к более мелким этническим группам, что значительно снижает научную ценность этих материалов и возможность использования их как источника.

Наиболее ранние фотографии наличествуют в фонде только в виде фотоотпечатков. В то же время значительная часть негативов не имеет отпечатков, и из кратких текстов их описей можно лишь предположить, что изображено на фотографиях. Только более поздние по времени поступления фотоотпечатки имеют негативы. Наличие негатива, как правило, но далеко не всегда означает, что в музее хранится оригинал. Наличие же одного отпечатка без негатива допускает существование копий в других музеях, библиотеках и т.п. Для того чтобы систематизировать, ввести в научный оборот подобные материалы и тем самым восполнить пробелы в этнографической изученности вопросов культуры и быта разных народов, к таким иллюстративным коллекциям необходимы дополнительные сведения. Анализ текстов, сопровождающих иллюстративные коллекции, сопоставление разных видов источников, иллюстративного материала с вещевыми коллекциями, архивными документами, данными старой периодической печати предоставляют гораздо больше информации по этнографии исследуемого региона, чем обращение к этим источникам по отдельности. Именно такая кропотливая и многосложная задача и была поставлена автором настоящей работы для того, чтобы названные источники особого характера, столь долго остававшиеся «немыми» свидетельствами, наконец «заговорили».

Изучение истории поступлений иллюстративных коллекций музея происходило различными путями. Иногда было необходимо атрибутировать коллекцию, определить время ее собирания, попытаться установить имя автора, собирателя, воссоздать бытовой или исторический фон, в некоторых случаях пояснить сюжеты изображенного. Чаще всего музейные материалы сопровождаются лишь краткими надписями и поэтому нуждаются в научном описании и необходимых пояснениях.

В ходе поисков, углубленных изысканий приходилось собирать, сопоставлять, искать аналоги изображений в дополнительных источниках: публикациях, архивных, музейных коллекциях. Исторические фотографии требовалось отобрать, обработать и осмыслить.

Краткие комментарии к коллекциям (в тех случаях, когда они были), пояснительные надписи к изображениям в музейных документах иной раз отличались неточностями, не всегда были выполнены самим собирателем, чаще относились к более позднему времени, приходилось сравнивать со сведениями из каталогов иных музеев и некогда существовавших выставок. Причиной пристального внимания к определенной коллекции могли стать именно замеченные неточности в документах, при том что ценность ее была очевидной. Например, при изучении коллекции Н. Ордэ был обнаружен весьма любопытный фотомонтаж. Казалось, что кадры из этой же коллекции, снятые с природы,

«Киргизы. Перекочевка» (колл. № 255-57), «Киргизы. Кочевка» (колл. № 255-76), «Киргизы. Обед» (колл. № 255-75), «Зеравшан. Кочевка киргиз» (колл. № 255-78) и «Киргизы. Остов юрты» (колл. № 255-77) фотограф совместил на одном пейзаже и назвал его «Зеравшан. Киргизские кочевья на озере Искандер-Куль» (колл. № 255-79).

Киргизы. Перекочевка. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-57

Предположения по поводу технических возможностей фотомонтажа в конце 1880-х — начале 1890-х годов подтвердила экспертиза сотрудников фотолаборатории МАЭ¹. С какой целью Н. Ордэ создал

¹ Заведующий фотолабораторией МАЭ Н.В. Ушаков и фотограф С.Б. Шапиро сообщили, что фотомонтаж стал возможен после изобретения фотоувеличения в 1860–1870-х годах.

Киргизы. Кочевка.

Киргизы. Кочевка. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-76

Киргизы. Остов юрты.

Киргизы. Остов юрты. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-77

Заря востана. Киргизские кочевья на озере Искандер-Куль.

Зеравшан. Киргизские кочевья на озере Искандер-Куль. Н. Ордэ. 1880-е годы.
Казахи. МАЭ. Колл. № 255-79

Киргизы. Обед.

Киргизы. Обед. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-75

Зеравшанъ. Киргизені аулъ.

Зеравшан. Кочевка киргиз. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-78

такую фотографию при наличии в составе коллекции нескольких самостоятельных снимков, зачем соединил их в фотомонтаже, можно лишь догадываться. Возможно, это была своего рода «шутка», «проба пера» мастера при изготовлении фотомонтажа, который он мог надеяться использовать при продаже своих снимков в музеи.

Работа с коллекциями нередко затруднялась и тем, что часто возникает несоответствие между данными музейных документов о составе коллекций (в описях, инвентарных книгах, книгах и актах поступлений) и подлинным содержанием ряда иллюстративных собраний.

Фактически при обращении почти к каждой из иллюстративных коллекций возникал спутанный клубок вопросов. Чтобы разобраться в сути дела, пришлось изучать многочисленные описания путешественников тех времен, к которым могли относиться изображения, записки современников той поры, обобщать сведения малоизвестных в настоя-

щее время русскоязычных публикаций, появившихся в 1860—1880-е годы, а также материалы периодической печати и в некоторых случаях архивов, обращаться к монографическим исследованиям более позднего времени. Добытая таким образом информация, иногда даже уточнение кажущейся мелочи, помогло во многих случаях придать новую ценность изобразительному фонду, являющемуся предметом нашего изучения.

Покажем, к примеру, как сделана атрибуция иллюстративных коллекций, фотографий, поступивших от Н.К. Зейдлица. Эти материалы были насыщены познавательными сведениями, но в них содержались дубликаты, а также был ошутим ряд неточностей в комментариях. Так, один и тот же снимок «Текинцы в Асхабаде. Певец и певица» дублируется в двух разных коллекциях (колл. № 136-39; 207-3). Фотография «Жена бека-туркмена Красноводского аула» сначала была подписана «Сарычка» (колл. № 136-44). Потом эта надпись зачеркнута. Этот же снимок содержится в коллекции Н. Ордэ и подписан автором «Текинцы. Иолотань» (колл. № 255-199). Позже сотрудники отдела зачеркнули текст фотографа и назвали снимок «Иомудка».

Это заставило нас заняться поисками уточнений. Сначала в результате сопоставления фотографий из коллекций Н.К. Зейдлица со снимками других коллекций удалось выявить имя еще одного местного фотографа, автора некоторых изображений — А.С. Луарсабова. Его работы были хорошо известны научной общественности конца XIX — начала XX в., т.к. встречались на страницах изданий того времени, посвященных Средней Азии.

Одна из неточностей, допущенных в коллекции Н.К. Зейдлица, заключалась в комментариях к двум снимкам: «Текинцы (жены знатных лиц) в Анау» и «Текинцы в Асхабаде». На первой фотографии группа туркмен-текинцев снята на фоне деревянных дверей в каменной стене. В заднем ряду сидят девять мужчин в халатах и барашковых шапках. У молодых мужчин короткие подстриженные бороды. Впереди в два ряда на большой подстилке, брошенной на землю, сидит группа женщин, вероятно, их жен. На них надеты платья-рубахи, подола которых натянуты на согнутые колени. Нижняя часть лиц туркменок прикрыта платками-повязками. Сверху на голову поверх повязанных платков накинута большая покрывала, спускавшаяся по спине. Перед одной из женщин стоит ручная прялка. На фотографии показано, как пряжа, сидя на земле, правой рукой с помощью рукоятки вращает колесо, а левой вытягивает из кудели нужной толщины волокно. Постепенно пряжа наматывается нить на вращающееся веретено.

Такая прялка, как видно на снимке, представляет собой кусок не толстой доски, в середине которой укреплены два бруска. Через отвер-

стие в них вставлена и вращается деревянная ось с деревянной ручкой на конце. На оси между брусками находится колесо, состоящее из нескольких пар крестообразных планок с зубцами, укрепленных с обеих сторон колеса. По зубцам крест-накрест протянута обвязка, которая образует широкий обод колеса. В доску-основание прялки вертикально вставлены два небольших колышка, в которые помещают веретено. На бороздку веретена и обод колеса надевается шнур, который служит приводом.

На второй фотографии «Текинцы в Асхабаде» сначала привлекла внимание та же прялка, что и на предыдущем снимке, ее даже не передвинули на другое место. Любопытно, что кроме нее на обеих фотографиях присутствуют также одни и те же женщины. Они даже не изменили своих поз и сидят на тех же местах. Только на первой фотографии местом проведения съемок указан Анау, а на второй — Асхабад. На снимке «Текинцы в Асхабаде» на первом плане лицом к объективу в окружении «жен знатных лиц» возлежит на боку в барашковой шапке и темном (красном?) халате, скорее всего, муж и хозяин всех этих женщин. На предыдущей фотографии «Текинцы (жены знатных лиц) в Анау» он похож на одного из джигитов в последнем ряду справа у стены. Получается, что на фотографии показан туркмен со своим домашним гаремом. Это достаточно редкий снимок, так как обычно своих жен не демонстрировали посторонним.

Снимок «Текинцы в Асхабаде» публиковался на страницах периодической печати вскоре после появления первых русских исследователей в Мерве как иллюстрация к рассказу о жизни местного населения. Так, эта же фотография была помещена в журнале «Всемирная иллюстрация» под общим заголовком «Присоединение к России Мерва. — Виды, сцены и типы Мервского оазиса» с указанием «с наброска нашего корреспондента А.М. Алиханова рисовал Н.Н. Каразин», но название у нее было другое — «Женские типы в Мерве» [Всемирная иллюстрация. 1884. № 787: 148].

Таким образом, на основании анализа содержания снимков «Текинцы (жены знатных лиц) в Анау» и «Текинцы в Асхабаде» удалось установить место съемки, а также то, что на них присутствуют фактически одни и те же лица, но при этом в пояснительных текстах к ним названы разные населенные пункты.

Надписи к фотографиям из коллекции 1883 г. Н.К. Зейдлица не только содержали некоторые неточности, но и задавали немало загадок. Так, на фотографии «Текинцы Мервской экспедиции» (колл. № 136-35), запечатлена группа из пятнадцати вооруженных мужчин, одетых в туркменские халаты и меховые шапки. Несколько человек располо-

жились на земле, остальные стоят и только трое в шапках из белого меха сидят. Интересно то, как у одного из них надета папаха: не на брови, по-туркменски, а, как картуз, сдвинута со лба назад. Да и светлые бороды этих троих мужчин обращали на себя внимание. Эти три центральные фигуры явно выбивались из всей группы запечатленных туркмен-текинцев.

Текинцы
Мервской Экспедиции
Феве.

Текинцы Мервской экспедиции. Н.К. Зейдлиц. 1883. МАЭ. Колл. № 136-35

В результате источниковедческих поисков (в периодической печати 1880—1890-х годов, воспоминаниях современников тех лет, публикациях более позднего времени) удалось выяснить, что трое сидящих «туркменов» в белых папахх действительно не туркмены-текинцы. Это (слева направо) М. Алиханов, С.Я. Косыха (Косых) и П.В. Соколов. Как удалось установить, на снимке также запечатлены Ак-Мурад-Сардар, начальник *фераджей*, и конвой из текинцев. Уточнение их имен помогло выяснить, что до 1883 г. (года поступления фотографии от Н.К. Зейдлица в музей) «Мервской экспедиции», как это указано в комментарии

к снимку, как таковой еще не было. Известно, что только 4 марта 1884 г. осуществилось «мирное» присоединение Мерва к России в результате ряда мероприятий, а не военных действий какой-либо, как указано под снимком, «Мервской экспедиции» 1883 г. Вероятно, Н.К. Зейдлиц, подписывая фотографию «Текинцы Мервской экспедиции» имел в виду события, которые предшествовали присоединению Мерва к России.

Фотография 1883 г. из коллекции Н.К. Зейдлица «Текинцы Мервской экспедиции» связана с эпизодом из истории англо-русского соперничества на афгано-персидско-туркменской границе. На протяжении нескольких десятилетий XIX в. английские политики искусственно преувеличивали значение Мерва, называя его «ключом от Индии». В России рассматривали Мерв как важный торгово-экономический центр. Кроме того, в планах царской администрации присутствовало стремление подчинить туркменские племена, центром которых в то время являлось укрепление текинцев «Хан Гечена», или, как называли Мерв арабы, «Шах-и Джиган» («Царь вселенной») [Мартиросов 1966: 29]. Российское правительство стремилось замаскировать твердую решимость присоединить Мерв. Но достигнуть этого нужно было без серьезных осложнений отношений с Персией и Англией. Англия стремилась помешать такому развитию событий, в Туркмении действовали ее агенты, которые вели пропаганду и интриги против России.

Именно в связи с событиями по присоединению Туркмении к России в русских периодических изданиях начали появляться материалы о туркменах. Например, английские офицеры давно начали посещать край, в частности Мерв. В России же вообще не имели никакого представления о Мерве, а сведения фрагментарного характера стали появляться только конце XIX в. Это же можно сказать по поводу поступления музейных коллекций по туркменам. Интерес к ним возник после Ахал-Текинских экспедиций 1879–1881 гг.

3 февраля 1882 г. в Мары (Мерв) отправился «коншинский караван». Этот караван текстильной фирмы Н.Н. Коншина имел большое значение для установления непосредственных связей ранее присоединенного к России Ахал-Текинского оазиса с Мервским оазисом. Но главной целью каравана была разведывательная. Инициатива его организации принадлежала военному министерству. Оно обратилось к главе крупной текстильной фабрики Н.Н. Коншину с предложением послать в Мерв караван. Отправка этого торгового каравана для разведывательных целей готовилась в Петербурге еще летом 1881 г. [Тихомиров 1960: 111–112].

Внедрение военных специалистов в состав торговых караванов, отправлявшихся в районы Средней Азии и сопредельные области, прак-

тиковалось и ранее. В 1856 г. Ч.Ч. Валиханов под именем Алимбая, родственника караван-баши, присоединился к торговому каравану, который принадлежал кокандским и бухарским купцам, вышел из Семипалатинска и направился в Кашгар [Валиханов 1861, II: 35].

Купец Н.Н. Коншин попытался привлечь к задуманному предпринятию другие московские текстильные фирмы, но фабриканты отказались его поддержать. Поэтому все расходы по отправке каравана он взял на себя. Мануфактурные товары разного рода водным путем были отправлены из Москвы в Красноводск, а оттуда доставлены в Ашхабад. Загрузили двадцать верблюдов «красным товаром», тканями и галантереей. Верблюдопроводными были уроженцы Мерва. По дороге караван проверяли на постах персидские чиновники. Для ограждения каравана от нападений и грабежа его сопровождали туркмены-джигиты.

Среди переодетых в приказчиков фирмы Н.Н. Коншина посланников в Мерв был Александр (Максуд) Михайлович Алиханов-Аварский (1846–1905/1907), уроженец Аварского округа Дагестана, сын одного из наибов Шамиля. В число участников русских экспедиций на территории Туркмении в начале 1880-х годов неоднократно привлекались офицеры русской службы — мусульмане по вероисповеданию, в том числе выходцы с Кавказа. В 1882 г. под начальством генерала Н.Г. Столетова служили азербайджанцы — поручик Назиров, Али Гусейн Кербалай Аскер-оглы и перс Мешели Мамед Алий Мешели Рзыоглы [Всемирная иллюстрация. 1883. 11 июня]. Их успешной работе среди туркменского населения способствовали «кровное» знакомство с мусульманскими обрядами, обычаями и знание иранских и тюркских языков. Сведения, которые получала через служащих восточного происхождения царская администрация, были особенно точны, а потому важны и заслуживали особого внимания.

Потому-то, видимо, поручик М. Алиханов и стал главным действующим лицом в коншинском караване. Образование он получил сначала в Тифлисской дворянской гимназии, затем в Константиновском военном училище. Он служил в Москве, в Сумском Гусарском полку, вращался в кругах московской интеллигенции [Васильева 2003: 56]. В 1868–1869 гг. М. Алиханов был полковым адъютантом, штаб-ротмистром, в 1870–1873 гг. — адъютантом Управления военного начальника Западного Дагестана, позже — офицером для особых поручений Главнокомандующего Кавказской армии. В январе-ноябре 1873 г. М. Алиханов принимал участие в Хивинском походе в составе Мангышлакского экспедиционного отряда. За отличие в военных действиях против хивинцев был произведен в майоры. В 1875 г. он был командирован в Красноводск для участия в рекогносцировке по Узбою.

Военная карьера М. Алиханова была внезапно прервана. В 1877 г. по решению военного суда «за покушение в запальчивости раздражения на убийство офицера» он был разжалован в рядовые с лишением чинов и наград и переведен в 18-й Драгунский Переяславский полк. Но вскоре, в годы русско-турецкой войны в 1877–1878 г., «за отличную храбрость» М. Алиханов был пожалован знаком отличия Военного ордена 4-й степени и произведен в унтер-офицеры. Он был участником похода в Туркмению в 1880–1881 г., где за проявленное «военное отличие» был произведен в прапорщики и прикомандирован к Лабинскому Казачьему полку [Басханов 2005: 12].

М. Алиханов, переодетый в туркменское платье, выступал в роли приказчика в коншинском караване или, как эту экспедицию называли в военных документах, «рекогносцировке г. Мерв (Мары)». Прапорщик М. Алиханов был к тому же и корреспондентом ряда столичных газет, подписываясь иногда псевдонимом «Арский». В них он помещал военно-исторические очерки о караване, Мервском оазисе, его населении, Хивинском ханстве, Ахал-текинской экспедиции и замечательные рисунки, поскольку к тому же еще неплохо рисовал.

Караван прибыл в Мерв 15 февраля 1882 г. Русские власти в Ашхабаде снабдили участников предприятия особым письменным обращением к текинским ханам и *кетхудам* (старшинам) племен Мерва и его окрестностей об оказании содействия и гостеприимства русским купцам в «попытке завязать торговые отношения». Несмотря на это, к появлению каравана местное население отнеслось все-таки недоверчиво [Тихомиров 1960: 113].

М. Алиханов стал единственным очевидцем, который оставил подробные описания важных исторических событий (в частности, действий коншинского каравана) и политической обстановки этого времени в Мерве [Алиханов 1883; Алиханов-Аварский 1904]. Современники называли М. Алиханова первым из русских в Мерве. Он оказал определенное влияние на совещание ханов, которое было созвано вскоре после приезда каравана в Мерв. В результате было принято решение в пользу прорусских настроений. М. Алиханов в совершенстве владел местными диалектами, неоднократно совершал тайные вылазки в отдаленные районы Туркмении, результатом которых являлись ценные сведения географического, политического и военного характера.

М. Алиханов не скрывал своих методов в завоевании расположения родовой верхушки текинцев, подкупал их путем раздачи товаров в кредит. Он пользовался большим авторитетом среди вождей туркменских племен. Тем самым ему удавалось нейтрализовать действия английских агентов, работавших в интересах своей страны. Длительные

беседы М. Алиханова с влиятельными текинцами и его агитация за присоединение к России привела за короткое время пребывания каравана в Мерве к усилению прорусской ориентации. В итоге вместе с караваном в Ашхабад отправилась и депутация из Мерва. В истории отечественного востоковедения высоко оценивается исключительно важная роль М. Алиханова в присоединении Туркмении к России, особенно Мервского и Мургабского оазисов [Басханов 2005: 12].

Из Мерва в Ашхабад караван вернулся 16 марта 1882 г. Поездка коншинского каравана, исполненная всевозможных опасностей и приключений, длилась два месяца. Увы, с точки зрения интересов торговли коммерческая деятельность каравана принесла одни лишь убытки. И поэтому вторичное обращение русской администрации к Н.Н. Коншину о посылке нового каравана не увенчалось успехом. Однако политический успех был налицо.

В марте 1882 г. представители некоторых текинских племен Мерва высказались за верность России. Таким образом, активная деятельность М. Алиханова в составе коншинского каравана стала одной из причин признания вождями текинских племен своей принадлежности России задолго до начала продвижения русских войск к Мерву.

В своих воспоминаниях М. Алиханов писал, что на время путешествия участникам каравана пришлось переодеваться в местные одежды и переменить фамилии: «Косыха назвался Северин-баем, Соколов — Платон-агой, а я — Максутом, казанским татаринном. Несмотря, однако, на всю эту комедию, мы далеко не напоминали истых номадов. В особенности наружность Косыхи невольно переносила воображение в кучачный ряд нижегородской ярмарки» [Алиханов-Аварский 1904: 8]. Вот какие персоны запечатлены на фотографии 1883 г. коллекции Н.К. Зейдлица «Текинцы Мервской экспедиции»: важные посланцы России, переодетые в туркменские костюмы и действовавшие как участники каравана.

В 1882 г. М. Алиханов после завершения работы коншинского каравана был отмечен «за отличие по службе» и произведен в поручики. В 1883 г. он совершил вторую поездку в Мерв и, возвращаясь в Ашхабад, возглавил делегацию мервских текинцев с просьбой о добровольном присоединении Мерва к России. Тогда же он стал штаб-ротмистром [Васильева 2003: 56]. Летом 1884 г. оазис мирно, без сражений был присоединен к России. М. Алиханов сначала стал исполняющим дела начальника Мервского округа, затем высочайшим приказом ему был возвращен чин майора, вскоре он был произведен в подполковники.

Весной 1885 г. М. Алиханов участвовал в бою с афганцами на реке Кушке. Несколько его опубликованных рисунков с видами Мургабско-

го оазиса, Афганского Туркестана и представителей местного населения сохранились в МАЭ в подборке вырезок из иллюстрированных изданий.

Северьян (Северин) Яковлевич Косыха представлял в караване Н.Н. Коншина текстильную фирму. Его назначили приказчиком, хотя в действительности он был «доверенным» лицом фирмы, что соответствовало должности заведующего филиалом.

С первых дней вступления каравана в Мерв его положение там было как бы нелегальным и потому очень опасным. Только после долгих обсуждений совет ханов (на который оказал давление М. Алиханов) разрешил участникам каравана начать торговлю в городе.

Деятельность С.Я. Косыхи в составе каравана сработивали с работой английских агентов, которые стремились получить разведывательные данные и препятствовать движению царских войск. Из всех английских агентов особенно выделялся корреспондент одной из газет и разведчик О'Донован, действовавший в тех же местах в Туркмении, что и С.Я. Косыха. Наш разведчик не уступал ему в смелости и находчивости. О'Донован попал в Туркмению в качестве корреспондента газеты «Дейли ньюс» после отъезда с Кавказа в качестве английского наблюдателя, сопровождавшего русскую экспедицию в Ахал-Теке. Он тоже переодевался по-туркменски, проник в Мерв. Одновременно с русскими участниками каравана О'Донован встречался с мервскими ханами, подогревая надежду некоторых текинцев Мерва на поддержку Англии, организовывал оборону Мерва против царских войск, усложняя тем самым положение русского каравана. От имени английского правительства он обещал населению Мерва помощь деньгами, оружием и войсками. Но обещаний своих не выполнил, потерял влияние среди текинцев и вынужден был уехать из города [Мартиросов1966: 36]. Частично сообщения О'Донована из английской прессы перепечатывали русские газеты. О'Донован, как и М. Алиханов, стал автором книги о событиях, свидетелем которых он стал. Отважный английский разведчик и журналист позже погиб в Алжире.

Это отступление лишь об одном из английских разведчиков, умном, находчивом, образованном, показывает, насколько сложной была работа в Туркмении, каким сильным было противостояние. Можно представить, какими способностями (мгновенной реакцией, подчас умением перевоплощаться) должны были обладать люди, в том числе участники каравана Н.Н. Коншина, на которых было возложено выполнение деликатного правительственного задания.

Текинцы называли С.Я. Косыху Сибир-нияз-баем. По сценарию военного министерства, С.Я. Косыха считался главным лицом в торго-

вом караване, хотя по действиям М. Алиханова туркмены полагали, что именно М. Алиханов, выдававший себя за приказчика, является руководителем предприятия.

Третьим из русских участников коншинского каравана на фотографии 1883 г. Н.К. Зейдлица был Платон Соколов, тоже выступавший в роли приказчика Н.Н. Коншина.

Еще одна загадка иллюстративного фонда содержалась в коллекции С.М. Дудина. Необходимо было определить содержание рисунков альбома казахского орнамента С.М. Дудина (колл. 2450, 2530), негативы и фотографии которых входят в иллюстративные коллекции. В этом помогли архивные материалы. Во время своих разъездов по Средней Азии С.М. Дудин помимо прочих материалов собирал обширный комплекс данных по декоративному искусству местных народов.

Художник так комментировал свои рисунки: «Разнообразии форм и круга предметов, украшавшихся орнаментикой, здесь может быть даже больше, чем где бы то ни было, что, конечно, и не покажется удивительным, если принять во внимание разнообразие племен, населяющих этот край, и смену различных культур на пространстве времени в несколько столетий. Однако для собирания всех этих богатств еще почти ничего не сделано, т.к. работы Археологической Комиссии включили в свой круг только памятники зодчества тамерланской эпохи <...> Понимая всю важность собирания упомянутых материалов, я в моих поездках, продолжавшихся за 7 лет около 35 месяцев, и интересуясь орнаментикой вообще, постарался заполнить, насколько это было в моих силах и позволяло время, этот пробел и исполнил ряд калек, набросков, заметок и фотографий», — писал С.М. Дудин в 1906 г. (РГИА. Ф. 789. Оп. II. № 164. Л. 41).

По замыслу С.М. Дудина, альбом орнамента должен был состоять примерно из 350 листов. Доминирующая роль в нем отводилась традиционной и современной резьбе, чеканке, росписи, керамике и т.п., т.е. прикладному искусству туркмен, узбеков и казахов. Все таблицы должны были сопровождаться пояснительными текстами. Планировалось также поместить вступительный текст к каждой из частей альбома: «У меня имеются орнаменты следующих народностей края: туркмен, киргиз, каракиргиз, сартов, узбеков. По технике и материалу они распадаются на группы» (РГИА. Ф. 789. Оп. II. № 164. Л. 41). С.М. Дудин так классифицировал типы и виды орнаментов: изразцы расписные и рельефные, резьба по мрамору и гипсу, мозаика из цветного гипса, керамика традиционная и современная, резьба по дереву, тиснение по коже, стенная роспись, ковры, вышивка, чеканка и резьба по металлу. На

каждой из иллюстраций должна была быть указана принадлежность на-
роду, функциональность предмета и ареал его распространения.

По возвращении из поездок С.М. Дудин приводил в порядок свои материалы, систематизировал их, но отсутствие свободного времени не позволило ему вести эту работу постоянно: «Она ведется урывками и за 7 лет у меня выполнено только 57 таблиц, причем **почти закончены только киргизы** (имеются в виду современные казахи; выделение мое. — *В.П.*), остальное же еле-еле намечено» (РГИА. Ф. 789. Оп. II. № 164. Л. 41).

На протяжении нескольких поездок в Казахстан (с 1899 по 1903 г. в Семиреченскую и Семипалатинскую области) С.М. Дудин составил альбом казахского орнамента, который хранится в музее Академии художеств. Он состоит из 60 рисунков, выполненных акварелью или гуашью на листах ватмана большого формата (в среднем 51×73 см) (МАХ. Отдел архитектуры. А-21646-А-21705). Это зарисовки резных и расписных украшений казахской мебели, копии вышивок, фрагменты ковров, войлоков (мешочков, футляров, чехлов), чеканка по металлу, тиснение по коже и т.п. «В целях ясности орнамента как моей основной задачи на своих рисунках я умышленно ослабил передачу материала и способов обработки, строго придерживаясь только точного рисунка и тонов. Масштаб же оставляю крупным по возможности, чтобы уменьшением его не исказить мелких деталей орнаментов», — так формулировал свою основную задачу при составлении альбома художник (МАХ. Отдел архитектуры. А-21646-А-21705).

В марте 1906 г. на заседании Совета Академии художеств С.М. Дудин представил альбом орнамента из 57 таблиц для решения вопроса о его приобретении. Совет проголосовал за выдачу художнику аванса в размере 600 рублей для окончания работ по составлению альбома. В апреле 1907 г. Советом было решено купить для библиотеки Академии художеств альбом из 60 таблиц и выдать С.М. Дудину 800 рублей.

Работу С.М. Дудина по составлению альбома казахского орнамента высоко оценили современники. Красочные рисунки, сделанные им, приобретают со временем все большую научную ценность, служат одним из главных документальных источников по изучению и сохранению прикладного искусства Казахстана.

Существенные дополнения к части фотографий С.М. Дудина, которые он выполнил во время экспедиций по Казахстану, были сделаны спустя сто лет случайно во время выставки из коллекций МАЭ и РЭМ «Казахи в Петербурге», проходившей в Алма-Ате в сентябре-октябре 1992 г. в Музее изобразительных искусств им. А. Кастеева во время работы Всемирного курултая казахов. Впервые в качестве экспонатов

были представлены фотографии коллекции С.М. Дудина и К.В. Щенникова (колл. 1199, 1707). В наши дни исторические фотографии сохранили для науки не только образы исчезнувших памятников материальной культуры, но и лица людей.

На некоторых снимках посетители выставки узнали своих родных. Чермановы, связанные семейными узами с Чоканом Валихановым, казахским просветителем XIX в., приходили на выставку несколько раз, приводили с собой родственников и приносили фотографии из домашнего альбома. Из музейных витрин на них смотрели лица их близких, такие знакомые по семейным карточкам. Растроганные потомки вместе с взволнованными посетительницами музея сличали портреты. Чермановы наперебой рассказывали историю своего известного рода, который ведут от Исы Чорманова, племянника Муссы Чорманова. Они показывали тетрадь со своей родословной, перечисляли родных, которых узнали на фотографиях С.М. Дудина, дополняли рассказами о них. Наиболее известен из этой семьи Мусса Чорманов, полковник царской службы, который занимался изучением казахской этнографии. В последние годы в Казахстане о нем стали появляться публикации. Во время экспедиции 1899 г. С.М. Дудин посетил и сфотографировал семью брата Муссы Чорманова, Исы, который был богатым скотовладельцем. Но, на наш взгляд, внимания заслуживает вся семья Чормановых.

Опись коллекции С.М. Дудина была составлена им самим и представляет собой краткие подписи к снимкам. Этих сведений оказалось недостаточно для характеристики многих сюжетов фотографий. Например, снимки С.М. Дудина сопровождали такие сведения: «Домашний костюм богатой замужней женщины», «Богатая казашка с детьми», «Свадебная сценка», «Семья богатого казаха» и т.п. При сопоставлении снимков из семьи современных Чермановых с рядом фотографий из коллекции С.М. Дудина можно определить, что на одном из музейных изображений мы видим Магиду Чорманову, урожденную Аблаеву, жену Зинды Чорманова и племянницу Чокана Валиханова (колл. № 1199-111, 292). Ее мать Бадыгул Чингизовна Валиханова вышла замуж за Аблаева (Абылай или Абышек). На других снимках, как оказалось, изображена панорама Баян-аула, вотчины Чормановых, которую посетил С.М. Дудин, а также зимовка Чормановых.

Как объясняли Чермановы, на одной из старинных музейных фотографий С.М. Дудина, технически прекрасно выполненной и такой же сохранности, в большой богатой юрте слева сидит Иса Чорманов, брат Муссы, в центре — его жена Жакай и их сын Зинда. Здесь же небольшие дети Зинды — дочь Бапык, сыновья Рахымтай и Ахуан (колл. № 1199-108). У Магиды и Зинды Чормановых было шесть сыновей и две дочери.

Домашний костюм богатой замужней женщины». 1899. С.М. Дудин. Казахи.
Казахстан. Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 1199-111

Сценка из свадебного обряда - Квил уейснине.

Сценка из свадебного обряда. 1899. С.М. Дудин. Казахи. Казахстан.
Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 1199-292

Все дети со снимка С.М. Дудина прожили долгую жизнь. Во время работы выставки в Алма-Ате в 1992 г. современные Чермановы показали семейный снимок, на котором в наши дни за столом сидят те же мальчики, которые позировали русскому путешественнику, но уже в возрасте аксакалов.

На одной из семейных фотографий современных Чермановых изображены эти же люди: Зинда Чорманов с женой Магидой, матерью Жакай и детьми. Про бабушку Жакай ее правнуки рассказывали, что она происходила из семьи богатого скотовладельца и прожила 99 лет. Они же рассказали о привычке Жакай прятать левую руку, как и на фотографии из коллекции С.М. Дудина, т.к. у нее было шесть пальцев.

Иса Чорманов занимался разведением скота. Дважды он ходил в Мекку. В семье Чермановых хранится фотография, на которой бородатый старик Иса сидит, а рядом стоят его сын Зинда и внук Рахимтай. Этот снимок сделан, по всей видимости, в начале XX в. перед его последней поездкой в Мекку, на обратном пути он умер и похоронен

в порту Джидда в Саудовской Аравии. О происхождении рода Чормановых писал Ч. Валиханов [Валиханов 1985: 308]. Сын Исы Чорманова, Зинда, который фигурирует на снимках С.М. Дудина, был, как и его отец, крупным скотовладельцем, продолжая дело отца. Он вместе с сыном Каримом, который бывал в столице, поставлял коней к царскому двору в Петербург.

Таким образом, в идентификации многих наших музейных фотографий помогли редчайший случай и уникальные документы — снимки из семейных архивов и рассказы истории рода Чормановых. Надо отметить, что в советские годы потомки Чормановых, как и многие другие потомки знати, были вынуждены изменить написание своей фамилии с Чормановых на Чермановых, чтобы не напоминать о своем байском происхождении (подробнее см.: [Прищепова, Черманова 1994]). В 1928 г. у Зинды Чорманова по постановлению Павлодарской окружной комиссии по конфискации хозяйств баев изъяли имущество, а его самого с семьей сослали в Актюбинск [КСХК 1967: 189–190]. В 1933 г. от голода умерла его жена Магида. В 1935 г. в Омской области скончался сам Зинда.

Семья Чермановых познакомила нас с рядом фотокадров из домашнего архива, в том числе показала фотографию конца XIX — начала XX в., выполненную в Баян-Ауле в большой юрте Садвакаса Чорманова, старшего сына Муссы. Известный казахский этнограф изображен в кругу своей семьи: дочь, две жены и племянник Зинда с сыном Рап-пыком.

Фотографии К.В. Щенникова 1908–1909 гг., также демонстрировавшиеся на выставке 1992 г. в Алма-Ате, продолжали тему истории этой же семьи, что помогло в уточнении лиц, изображенных на снимках, и даже исправить ошибки, допущенные при регистрации коллекции. В фотоматериалах К.В. Щенникова содержится несколько снимков с аннотацией: «Семьи султанов Аблаевых», «Султаны с женами и дочерьми», «Султаны и казаки» и т.п. (колл. № 1707-49, 46) В самом деле, на фотографиях К.В. Щенников запечатлел Султана Аблаева, племянника Чокана Валиханова, сына его сестры Бадыгул. Магида Чорманова, которая упоминалась в связи с коллекцией С.М. Дудина, была сестрой Султана Аблаева.

Во время экспедиции в Казахстан К.В. Щенников сфотографировал Султана Аблаева и его семью. Это также была примечательная личность. По сообщению его родственницы Мины Ахатовны Зиндиной, Султан окончил реальное училище, занимался в казахских аулах культурно-просветительской деятельностью, один из своих домов передал для устройства в нем школы.

Семья султанов Аблаевых. Казахстан. К.В. Щенников. 1908–1909 гг. МАЭ.
Колл. № 1707-49

Султаны с женами и дочерьми. Казахстан. К.В. Щенников. 1908–1909 гг. МАЭ.
Колл. № 1707-46

На одном из снимков коллекции К.В. Шенникова, который также выставлялся в Алма-Ате, родственники узнали в группе волостных управителей Атбасарского уезда своего предка Омарбека (колл. № 1707-57).

Группа волостных управителей. Казахстан. К.В. Шенников.
МАЭ. Колл. № 1707-57

Отец Омарбека, Мейрам (Майрам) Джанайдаров, был образованным человеком, тоже волостным управителем. Его имя неоднократно упоминается в связи с приобретением многих вещей для III конгресса ориенталистов, который проходил в Петербурге в 1876 г. От него было получено множество даров — шуба, кожаные кафтаны, тюбетейки, свадебный головной убор саукеле, седло с позолоченными пластинами и др. [Маргулан 1986: 110]. Мейрама Джанайдарова, «атбасарского жителя», упоминает Э.Э. Ухтомский при описании путешествия по Востоку в 1890–1891 гг. Николая II, когда он был еще цесаревичем [Ухтомский 1891–1897].

Именно его юрту посетили цесаревич и сопровождавшие лица. В ней были выставлены предметы казахского вооружения. В юрте почетных гостей угощали блюдами национальной кухни и демонстриро-

вали им некоторые ремесла. Во время путешествия цесаревичу делали подарки местные жители. В МАЭ хранятся казахские боевые топорики искусной работы, которые будущий император привез из путешествия. Возможно, их подарил цесаревичу сам Майрам.

Теперь стало очевидным, что, отправляясь в Казахстан, сначала С.М. Дудин, а позже К.В. Щенников заранее знали, что Чормановы и Аблаевы — родственники Валиханова.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ТУРКЕСТАНСКОГО АЛЬБОМА»

Для того чтобы определить, какой именно том «Туркестанского альбома» хранится в МАЭ, необходимо было изучить историю его создания, уточнить количество и содержание томов этого издания, сравнить их с альбомом нашего музея и прояснить спорный вопрос о количестве экземпляров альбома.

Планомерное создание «Туркестанского альбома» проводилось в рамках большой исследовательской и собирательской программы, которая осуществлялась в ходе подготовки Политехнической выставки 1872 г. в Москве и была приурочена к 200-летию со дня рождения Петра I. Экспозиция Туркестанского отдела выставки была устроена по инициативе и на средства туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана при участии членов Туркестанского отделения Общества любителей естествознания. Создателями отдельных частей Туркестанского отдела выставки были М.И. Бродовский, И.И. Краузе, Д.Л. Иванов, А.П. и О.А. Федченко.

Подготовка к выставке велась с марта 1871 г. по сентябрь 1872 г. в Ташкенте. Председателем комиссии был много путешествовавший известный ученый А.П. Федченко. Целью Туркестанского отдела выставки было ознакомление русской публики в Москве и специалистов с краем [Чабров 1958].

Используя опыт предыдущих выставок и результаты специальных исследований, устроители выставки 1872 г. сделали ее более полной и разнообразной. Фасад павильона Туркестана был расписан Д.Л. Ивановым, который использовал мотивы самаркандских мозаик. Внутри помещение украшали пейзажи, изображения памятников архитектуры и живописные панно, выполненные художниками Д.Л. Ивановым, О.А. Федченко и А.К. Саврасовым. Туркестанский отдел выставки состоял из географического, естественно-исторического, сельскохозяйственного, технического, этнографического и военного разделов.

В этнографическом разделе выставки были показаны модели жилищ, демонстрировалось большое количество одетых в подлинные костюмы манекенов. Внимание зрителей привлекали фигуры поливальщика и странствующего дервиша. Часть выставки занимал базар с лавками вышивальщика и портного, с харчевней и цирюльней, где были показаны мастера, продавцы и посетители [Каталог Туркестанского отдела 1872]. Туркестанский отдел современники признавали самым интересным из всех на Политехнической выставке 1872 г.

Критик В.В. Стасов, побывавший на выставке, писал по поводу своих впечатлений, что в художественном отношении она в целом была мало примечательной, кроме Туркестанского отдела, который был «составлен необыкновенно полно и тщательно, и здесь <...> было множество производств, доставлявших высшее художественное наслаждение. Ковры, серебряные изделия, очень значительное количество металлических и гончарных сосудов, материи, оружия, наконец, пропасть бытовых предметов блистали роскошью форм, красок и узоров, какими почти всегда красуется Восток» [Стасов 1894, I: 383]. В 1873 г. многие лица, принимавшие участие в подготовке Политехнической выставки, были награждены золотыми и серебряными медалями. Их список был опубликован в «Туркестанских ведомостях» [1873. № 11].

В создании «Туркестанского альбома» принимали участие некоторые авторы Туркестанского отдела Политехнической выставки 1872 г. Структура альбома во многом напоминала экспозицию выставки. Материалы по археологии и этнографии собирал ориенталист А.Л. Кун, делопроизводитель особого отделения канцелярии генерал-губернатора. Агроном по специальности М.И. Бродовский и ботаник И.И. Краузе — материалы по ремеслам, В.П. Иванов — по красильному производству, ротмистр М.А. Терентьев — по военной истории, участвовали в этом деле и многие другие. В результате появился не только «Туркестанский альбом», но и публикации, вошедшие в сборник «Русский Туркестан».

Руководство работ «при снятии замечательных в архитектурном отношении древностей г. Самарканда» было поручено Н.В. Богаевскому, а Л.А. Шостаков сделал акварельные копии с изразцовых украшений самаркандских зданий. Фотографии «Туркестанского альбома» были выполнены Н.Н. Нехорошевым. Вся техническая работа по подготовке альбома была возложена на А.Л. Куна. Ему, так же как и много позже участникам экспедиций в Среднюю Азию 1920-х годов, приходилось сталкиваться со многими трудностями по фотографированию местного населения, бороться с предрассудками, которые существовали в мусульманском мире против изображений людей. Кроме трудолюбия

и исполнительности от А.Л. Куна требовалось еще близкое знакомство с жизнью местного населения [Лерх 1874: 99].

В «Предисловии» к «Туркестанскому альбому», написанном А.Л. Куном, объяснялись цели и задачи этого издания: «До движения русских войск в страны, лежащие по среднему течению реки Сыр-Дарьи, круг сведений о землях, подвластных Кокандскому и Бухарскому ханам, был весьма ограничен <...> Русскими войсками была открыта для европейской цивилизации значительная часть Средней Азии. Занятие Ташкента и за ним Самарканда открыло русским исследователям Среднюю Азию, обширное поле для всестороннего ознакомления с краем, составлявшим столь долго для людей науки предмет жадных стремлений их любознательности. В видах удовлетворения общего интереса и для скорейшего ознакомления читающей публики с вновь присоединенными территориями по поручению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана среди прочих мер и был составлен фотографический альбом. Альбому этому поставлено главной задачей представить наглядно: 1) прошедшую жизнь края в сохранившихся древних памятниках (археологическая часть); 2) современную жизнь населения — типы, верования, обряды, обычаи, костюмы и виды более населенных местностей края (этнографическая часть); 3) культуры страны в промышленном, техническом отношении (промысловая часть) и 4) движение русских в эти новые страны, сгруппировав в одном целом виды местностей, где приходилось отличаться русскому оружию, и портреты тех деятелей, которые были первыми открывшими путь в Среднюю Азию (историческая часть)» (РНБ. Туркестанский альбом. Предисловие).

По замыслу составителей все четыре части «Туркестанского альбома» должен был сопровождать пояснительный текст. Автором археологического и этнографического очерков планировался А.Л. Кун, о среднеазиатских промыслах собирался написать М.И. Бродовский, а очерк о продвижении русских войск в Среднюю Азию — М.А. Терентьев. Но фактически запланированный текст подготовлен не был. Напечатана лишь работа М.И. Бродовского «Технические производства в Туркестанском крае» [Бродовский 1876]. В дальнейшем, продолжая изучение хозяйства местного населения в целях его модернизации, в частности хлопководства, М.И. Бродовский в 1877 г. совершил поездку в Северную Америку, в штат Техас, где близ города Остин на ферме изучал приемы возделывания американских сортов хлопка. Приобретенный им там опыт был использован впоследствии, когда в Средней Азии стали выращивать более качественный американский хлопок.

ВОПРОС О КОЛИЧЕСТВЕ ЭКЗЕМПЛЯРОВ «ТУРКЕСТАНСКОГО АЛЬБОМА»

Каждый том «Туркестанского альбома» представляет собой папку большого формата с вложенными в нее листами картона, на которые наклеены фотоизображения. Название альбома обозначено золотым тиснением.

По первоначальному замыслу А.Л. Куна издание должно было состоять из пяти частей: самаркандские древности, археология Сырдарьинской области, история русских завоеваний в Средней Азии, этнография и промыслы туземного населения. Отдельно должен был выйти в свет небольшой альбом с видами. Однако этот альбом отпечатан не был.

После издания полный комплект фотографического «Туркестанского альбома» состоял из четырех частей: этнографической, археологической, промысловой, исторической — и был посвящен культуре населения «завоеванной и присоединенной к России Сыр-Дарьинской области Заравшанского округа». Две части, этнографическая и археологическая, состоят из двух томов. Таким образом, полный комплект фотографического «Туркестанского альбома» содержит в себе шесть томов.

В первом томе археологической части «Туркестанского альбома» представлены исторические постройки Сырдарьинской области, в том числе города Туркестана, их интерьеры и детали убранства. Второй том посвящен главным образом древностям Самарканда. На цветных таблицах помещены рисунки изразцовых мозаик.

Среди фотографий этнографического двухтомника «Туркестанского альбома» трудно выделить наиболее яркие по содержанию и редкие. Этнографическую часть «Туркестанского альбома» продолжала промысловая часть. Она состоит из одного большого тома. В нем особенно полно отображена трудовая жизнь городского населения, преимущественно торговцев и ремесленников, которые изображены на снимках практически всех местных производств: хлопкового, ситценабивного, кузнечного, медного, столярного, гончарного и т.д., а также сельскохозяйственных работ и мелких кустарных промыслов.

Составители альбома старались придать ему наибольшую полноту, поэтому на его страницах нашли место не только отдельные портреты мужчин и женщин, представителей народов, населявших Сырдарьинскую область и Заравшанский округ, кочевников и оседлого населения, но и их одежда, ювелирные украшения, музыкальные инструменты,

сценки из домашнего быта и общественной жизни. Таким образом, благодаря иллюстрациям «Туркестанского альбома» научная общественность России получила возможность составить достаточно ясное впечатление о новых присоединенных землях.

В исторической части «Туркестанского альбома» представлены портреты русских генералов, обер-офицеров, особенно отличившихся, награжденных орденами и золотым оружием во время экспедиций в Среднюю Азию. В этот же альбом вошли виды местностей, где происходили важнейшие битвы во время присоединения края.

Полный комплект «Туркестанского альбома» должны были напечатать в семи экземплярах: пять предназначались для распространения по России, два — для Туркестана. Три из них должны были быть подарены царю, наследнику престола и военному министру [Каримова 1956: 27].

Судя по имеющейся документации, в конце XIX в. один экземпляр полного комплекта «Туркестанского альбома» поступил в Императорскую Публичную библиотеку. К нему было приложено письмо К.П. Кауфмана, в котором он повторял основные положения «Предисловия», написанного А.Л. Куном: «Считая одною из главных обязанностей первой администрации в наших среднеазиатских владениях всестороннее ознакомление России с этим новым малоизвестным краем, я в числе многих мер <...> предпринял составление фотографического альбома» [Стасов 1874]. Альбом должен был сопровождать текст, «который бы служил подспорьем при рассмотрении рисунков, ибо некоторые из них по новизне своего содержания могут быть не совсем понятны для незнакомой с краем публики» [Там же].

Далее в письме К.П. Кауфман сообщал: «Полный альбом состоит из 1400 рисунков, по дороговизне своей составлен лишь в семи экземплярах, и один из них я решился поднести Государю Императору <...> Поднося другой экземпляр цесаревичу, я предоставил остальные экземпляры: Императорской Академии художеств, Политехническому музею в Москве, Ташкентской Публичной библиотеке, а предлагаемый экземпляр имею честь <...> принести в дар Императорской Публичной библиотеке» [Стасов 1874]. Поднося экземпляр «Туркестанского альбома» императору, К.П. Кауфман оговорился, что считает качество фотографий неудовлетворительным и объяснял это «странствованием составленной с большим усилием фотографии по малоустроенным местам в течение двух лет» [Стасов 1874]. (Время, однако, показало, что даже спустя почти полтора столетия фотографии альбома не поблекли, не выцвели, сохранили фон и позволяют отчетливо рассмотреть подробности.)

Как видим, в письме К.П. Кауфман упоминал семь экземпляров альбома, хотя при пересчете их оказывается шесть. Шесть экземпляров альбома называет и другой автор, но перечисляет иные адреса: император Александр II, наследник цесаревич Александр Александрович, великий князь Владимир Александрович, Академия наук, Публичная библиотека и Географическое общество [Л.К.Ю. 1899]. Любопытно, что каждый экземпляр альбома отличался цветом: темно-красный, голубой и т.д.

До сих пор так и остается неизвестным точно, в каком количестве экземпляров был подготовлен альбом. Вскоре после его выхода в 1873 г. «Туркестанские ведомости» лишь упомянули, что «большой и роскошный “Туркестанский альбом”, изготовленный по поручению генерал-губернатора А.Л. Куном, был отпечатан в весьма ограниченном числе экземпляров» [Туркестанские ведомости. 1873. № 4]. В более поздней статье 1880 г. В.В. Стасов при упоминании «Туркестанского альбома» называл шесть экземпляров [Стасов 1894, II: 694]. Н.В. Дмитриевский, один из ближайших помощников генерал-губернатора, упомянул о «Туркестанском альбоме» как «о величайшей художественной редкости, которой могут похвалиться только три библиотеки в России — Императорская Публичная, Академии наук и Туркестана» [Лунин 1958: 203].

Как следует из вышеупомянутого письма К.П. Кауфмана, среди получателей полного комплекта альбома не были упомянуты Этнографический музей (как в то время назывался МАЭ) или Академия наук. В то же время в одном из обзоров деятельности МАЭ «Туркестанский альбом» назван одним из наиболее ценных поступлений музея в 70-е годы XIX в. [Императорская Академия наук 1917]. Однако там не называется источник его приобретения. В МАЭ хранится небольшой сборный том альбома, а не один из полных экземпляров.

К.П. Кауфман преподнес в дар Публичной библиотеке Петербурга вместе с экземпляром альбома также подлинные негативы фотографических стекол, выполненные Н.Н. Нехорошевым и Г.Е. Кривцовым: «В видах сохранения целостности собраний, коллекцию негативов “Туркестанского альбома” как материала одного труда <...> чтоб все негативы хранились в одном учреждении» [Стасов 1874].

Дорогостоящий и потребовавший огромных трудов от его создателей «Туркестанский альбом» вызвал небывалый интерес, в первую очередь в высшем свете, «в виду полного незнакомства правительственных и ученых учреждений Европейской России» со Средней Азией [Л.К.Ю. 1899]. Заботясь же о том, чтобы собранный материал «Туркестанского альбома» «не остался бесследным для общества», К.П. Кауфман просил

«принять на себя труд по изданию отдельных альбомов по подлинным негативам, Географическое общество — этнографического, промыслового и исторического, Археологическое общество — археологического» [Стасов 1874].

По сведениям П. Лерха, К.П. Кауфман передал Географическому обществу «часть фотографического альбома», а также предоставил ему право на издание и научное использование негативов альбома [Лерх 1874: 97].

В феврале 1930 г. часть стеклянных негативов была передана из Публичной библиотеки в фотоотдел Государственной академии истории материальной культуры (ныне — ИИМК РАН) (Фототека ИИМК. К. 229).

Вторую часть стеклянных негативов передали из Публичной Библиотеки в ГАИМК в 1932 г. На этих негативах сняты жители Средней Азии, представлявшие разные антропологические типы (Фототека ИИМК. Ф. 19). Таким образом, в фототеке ИИМК хранятся две коллекции стеклянных негативов 1871–1872 гг. фотографий «Туркестанского альбома».

Фотоальбом сразу попал в разряд изданий «крайней редкости». Современники оценивали появление «Туркестанского альбома» как одно из важнейших событий научной и художественной жизни России. До появления «Туркестанского альбома» ни одна часть России не была представлена в такой систематической полноте и точных снимках с натуры: «Если этот альбом и касается преимущественно только Сырдарьинской области и Зеравшанского округа, то он зато для народного и культурного быта этой западной половины Русского Туркестана представляет такой богатый материал, который — это можно смело утверждать — путем фотографии никогда не был собран ни для какой части Российской империи» [Лерх 1874: 97]. Создание «Туркестанского альбома» было оригинальным, единственным, даже по сравнению с европейскими изданиями, в которых также были представлены изображения быта и занятий народов. Не существовало таких полновесных всеобъемлющих альбомов фотографий, снятых с натуры.

По оценкам того времени, в альбоме была представлена многонациональная «туркестанская народная галерея» [Стасов 1894, II: 862]. По мнению современников, «Туркестанский альбом» ожидал лишь «добросовестного издателя <...> чтобы пустить этот богатый материал в общее употребление: ученых — чтоб его разъяснить, художников — чтоб воспользоваться им для созданий искусства» [Там же]. Однако «Туркестанский альбом» до сих пор остается доступным лишь немногим специалистам. Его переиздание так и не осуществилось.

Спустя почти четверть века после появления на свет «Туркестанского альбома» его значение было оценено следующими словами: «Все, кому дороги интересы описательной этнографии, должны питать полнейшую признательность к виновнику этого альбома, генералу Кауфману» [Л.К.Ю. 1899]. К фамилии генерал-губернатора по праву должны быть добавлены имена А.Л. Куна и других создателей «Туркестанского альбома».

Изучение истории создания «Туркестанского альбома», содержания его томов и вопроса о количестве выпущенных экземпляров позволяет сделать вывод о том, что в МАЭ хранится сборный том альбома, в который вошли фотографии из этнографического и промыслового томов этого издания.

Глава VI

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО В ФОТОКОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ

При детальном изучении иллюстративного фонда отдела Центральной Азии из общего массива выделяются материалы, относящиеся к Бухарскому ханству. Некоторые из них входят в состав смешанных коллекций. Другие в музейных документах зарегистрированы как фотографии по «оседлому населению Средней Азии». Все вместе фотодокументы по Бухарскому ханству составляют значительную часть иллюстративных коллекций дореволюционного периода.

Фотоколлекции МАЭ о Бухарском ханстве до сих пор не рассматривались в комплексе как новый визуальный источник, который расширяет представления о культуре этого региона. Изучение и выявление исторических фотографий по эмирату затруднялось не только их разбросанностью по разным коллекциям, но и отсутствием необходимых пояснений, первичной документации о поступлении в музей. В фотофонд входят изображения архитектурных памятников, народных бытовых сценок, портреты первых лиц государства. Они, как красочная мозаика, помогли составить цельную картину об истории ханства, жизни его населения, прежде известные по слухам и описаниям путешественников.

В наши дни трудно себе представить, что земли Бухарского ханства были незнакомы россиянам и европейцам. Вплоть до середины XIX в. Российское государство имело лишь эпизодические взаимоотношения с Бухарским ханством. Бухарские купцы торговали на российских ярмарках еще в XVI–XVII вв. Известный специалист по нумизматике и археологии П. Савельев отмечал, что, несмотря на постоянные торговые отношения России с Бухарой, ни один европейский путешественник не посещал этого города после английского посла А. Дженкинсона времен Иоанна Грозного «в продолжение слишком двух с половиною столетий» до посольства 1820 г. А.Ф. Негри [Савельев 1835: 261]. Однако политические, межгосударственные связи налаживались с большим трудом. Бухарские эмиры неохотно пропускали русских представителей

в пределы своих владений. Все это не способствовало знакомству россиян с жизнью населения ханства.

В печати о бухарцах сообщали удивительные вещи, еще более редко встречались изображения, относившиеся к эмирату или его населению. В 1845 г. на страницах журнала «Иллюстрация» был помещен рисунок «Начальники Бухарского народа» [Иллюстрация. 1845. № 280]. На нем восседает мужчина, сложив ноги, на мягком возвышении, другой с поклоном передает ему бумагу, третий стоит рядом. Это изображение должно было иллюстрировать рассказ о пребывании в «Бухарии» во времена эмира Насруллы английского миссионера Ю. Вольфа, который пытался спасти от смерти двух плененных офицеров-соотечественников.

Примером того, что еще в 1859 г. среди отечественных читателей было распространено смутное представление о Бухаре, может служить заметка «Город и крепость Бухара», опубликованная в еженедельнике «Иллюстрация». Географическое определение местонахождения Бухары и скудная информация о ней как о «благоустройнейшей из всех независимых татарских владений» создавало туманное представление у читающей публики об этом крае: «посреди пустыни в роскошном оазисе лежит Бухара, столица и резиденция Бухарии» [Иллюстрация. 1859. № 212]. Не прояснял картину и рисунок, сопровождавший текст. На нечетком изображении просматривался лишь холм, на котором виднелись силуэты высоких глинобитных стен с вершинами минаретов. Подобного рода информация могла вызвать лишь усиливающийся интерес к Бухарскому ханству.

Даже в 1860-е годы Бухарское ханство называли «заколдованным царством». Россия была единственной европейской страной, с которой эмират поддерживал торговые и государственные отношения. После того как Бухарское ханство превратилось в вассальное от России государство, вековой изолированности Бухары от внешнего мира пришел конец. Это вызвало значительное увеличение интереса к Бухаре, древнейшему городу, который называли «жемчужиной Востока» и матерью азиатских городов. Бухара стала обобщенным образом всего региона. За сравнительно короткое время в отечественных публикациях появилось огромное количество разнообразного материала, в том числе рисунков и фотографий.

Поступление в МАЭ самой ранней фотоколлекции по Бухарскому ханству относится к 1894 г. от Н. Ордэ (колл. 255, 1403). Снимки Н. Ордэ, побывавшего в эмирате во второй половине 1880-х годов, помогали полнее представить жизнь его населения, стали дополнительным источником для дальнейшего изучения культуры региона. В Бу-

харском ханстве, как и в некоторых других районах Средней Азии, специфика местной культуры проявлялась в архитектуре, costume, украшениях, наиболее типичных занятиях населения, видах ремесел и т.п. Здесь также сохранялись отдельные явления социальных институтов, таких, например, как бачи, существовавшие до прихода русских на территории Западного Туркестана и затем запрещенные русской администрацией. Все эти сюжеты нашли отражение в коллекции Н. Ордэ. Для своего времени собрание фотографий Н. Ордэ стало своего рода энциклопедией Бухары.

В 1908 г. студент-медик Е.Н. Павловский передал в музей коллекцию стереоскопических снимков по Бухаре (колл. 1320). На снимках коллекции Е.Н. Павловского можно увидеть памятники мусульманской средневековой архитектуры, уличные сценки, эмирских солдат, нищенствующего дервиша, группу бухарских евреев.

В начале XX в. в музее было обнаружено несколько художественных портретов двух последних бухарских эмиров и их сановников, выполненных известными петербургскими фотографами А. Ренцем, Ф. Шрадером и В. Ясвоиным, которые были зарегистрированы как поступление «Из старых коллекций» (колл. 1695).

Видный ученый И.И. Умняков в 1912 г. передал коллекцию с видами Бухары (колл. 2020). Несколько фотоизображений по Бухарскому ханству, в том числе «Гарем эмира», поступило в 1921 г. от В.М. Иеромузо. При более пристальном изучении этого фотокадра выяснилось, что автором его является Н. Ордэ (колл. 2805). В 1913 г. состоялась командировка в Бухару художника Б.Ф. Ромберга для фотографирования мечетей и сбора этнографических предметов. Он побывал в Яккобакском бекстве и сфотографировал бека и его сановников (колл. № 2258-91, 92).

В 1921 г. библиотека Петроградского района передала в музей фотографии с иллюстраций по архитектуре Бухары (колл. 2808). Виды и интерьеры летнего дворца эмира Ситоре-и-Мохасса запечатлены на изображениях, которые поступили в 1920-е годы от Таланцева (инициалы неизвестны) (колл. 3231). Собиратель Мирза-Ибрагим Мамед-заде сотрудничал с музеем в конце 1920-х — начале 1930-х годов и передал несколько изображений архитектурных достопримечательностей столицы ханства, в том числе Гиссарской крепости (колл. 4442).

В 1932–1934 гг. в Ленинграде в связи с 10-летней годовщиной образования республик Средней Азии (1924–1934 гг.) проводились конференции по изучению производительных сил региона. МАЭ подготовил ряд выставок, одна из них называлась «Производительные силы Таджикистана». На выставке демонстрировались не только фотографии

по Бухарскому ханству из собрания музея, но и другие снимки, пополнившие фонды музея после ее закрытия. Среди них — фотокопия с книжного издания «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями», как удалось установить, С.М. Прокудина-Горского (колл. И-68). Определить изображенного на этом снимке последнего эмира Бухары помогло знакомство с фотографиями известного мастера С.М. Прокудина-Горского (1863—1944), который в начале XX в. неоднократно посещал Бухарское ханство и оставил портреты Алим-хана.

Снимок газетной вырезки, на котором последний бухарский эмир изображен кадетом во время учебы в Петербурге, был передан в МАЭ из Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ) (колл. И-922).

В 1946 г. от Н.С. Воронец поступила коллекция старых фотографий 1898—1902 гг. из жизни бухарцев, в том числе стереоскопических. На снимках видов Бухары — *хаузы*, из которых водоносы брали воду, кишлак, караван-сарай, расположенные в окрестностях столицы, загородный дворец эмира Шир-будун, тронный зал в нем, учащийся медресе, дервиши, сценки на базаре, продавцы, женщины в уличной одежде, еврейский квартал и его обитатели (колл. И-1179).

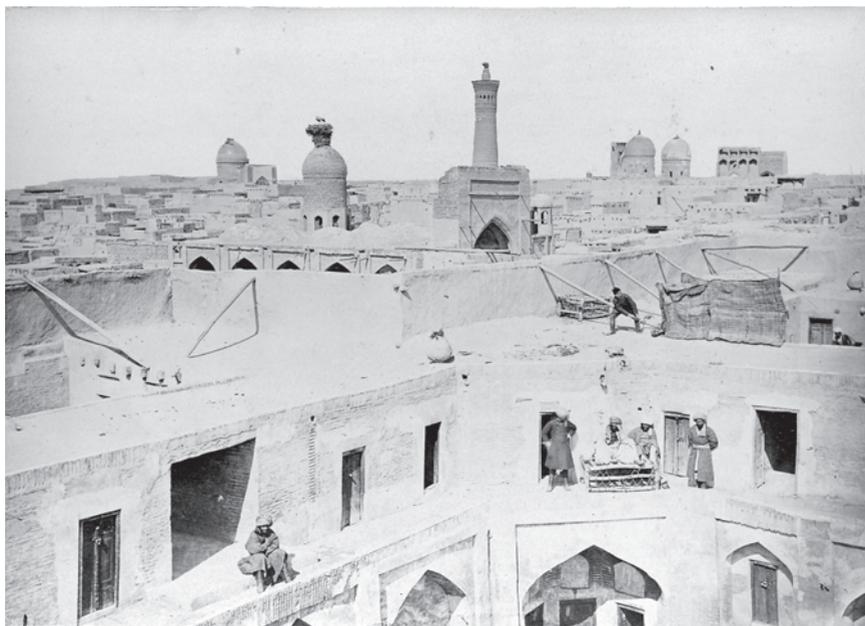
В 1950-е годы среди музейных материалов были выявлены фотографии, выполненные известным фотографом А.Н. Энгелем. На одном из снимков можно увидеть, как выглядела станция Закаспийской железной дороги, здесь же показаны лавки торговцев на базарах, мусульманское кладбище, «бухарская палатка» (колл. И-1447). В 1931 г. от Среднеазиатской экспедиции АН СССР в музей передали фотографию с картины художника Белько (инициалы не указаны) «Взятие 2 сентября 1920 г. г. Бухары революционными войсками» (колл. 4527). Последнее поступление по Бухаре относится к 1969 г. от В.П. Ивашкевич. На фотографии 1920-х годов снят общий вид Бухары, ее здания, уличные зарисовки (колл. И-1969).

В фотоколлекциях МАЭ по Бухарскому ханству собиратели-путешественники главное внимание уделяли знакомству с достопримечательностями его столицы — Бухары. На снимках «Ворота Шейх-Джелаль» и «Кара-Кульские ворота» показана высокая зубчатая глинобитная стена с выступами вроде башен и несколькими воротами, которая окружала столицу ханства. Обычно каждый среднеазиатский город имел цитадель и крепостную стену, которая защищала от набегов соседних народов. В литературных источниках указывалось, что высота бухарской стены была около 10,5 м, длина с 11-ю воротами почти 15 км. К концу XIX в. городская стена утратила прежнее значение крепостного ограждения, а на рубеже веков она начала осыпаться и растаскиваться жителями города для строительных нужд. Поэтому снимки 1898—1902 гг.

с изображением сохранившихся ворот и части крепостного сооружения содержат ценную информацию по истории Бухары.

По воспоминаниям очевидца, известного востоковеда А.А. Семёнова, такие, как на снимках, двусторчатые деревянные ворота, окованные железом (толщиной около 13 см, высотой до 4 м и 6 м в ширину) запирали толстыми засовами и замками редкой величины. Ключи ото всех ворот после вечернего намаза, с 9 до 10 часов вечера, относили в Арк (цитадель), где жил эмир, и передавали *кушбеги* (высшему сановнику ханства). По утрам ворота открывали очень рано, после первого намаза, т.е. до рассвета. До прихода русских опоздавшим приходилось ночевать за воротами. Считалось, что порядочные мусульмане не ездят по ночам. С появлением русских привратники за обещанное вознаграждение бегали в любое время за ключами и открывали ворота [Семенов 1960: 1006].

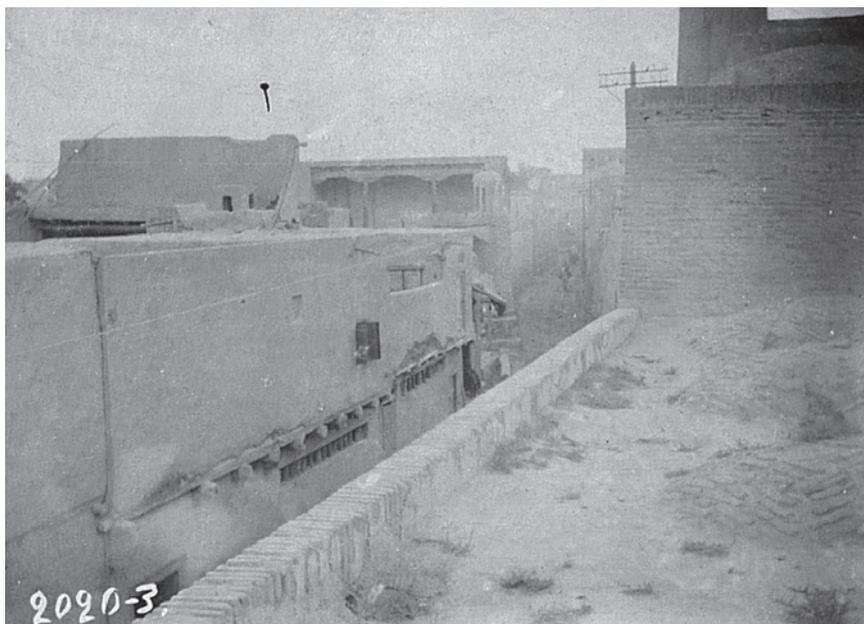
На фотографиях из коллекции МАЭ снята панорама Бухары (колл. И-11799; И-1969-5).

Общий вид Бухары. В.П. Ивашкевич. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1969-5

Над низкими глинобитными постройками с плоскими крышами поднимаются купола мечетей и вершины минаретов. В воображении

европейцев облик Бухары и вообще восточных городов представлялся в блеске и величии, связывался с описаниями «Тысячи и одной ночи». На самом деле Бухара была застроена довольно тесно и во внешнем облике напоминала многие среднеазиатские города, как это показано на снимке «Главная улица» (колл. № 2020-3). Улицы без тротуаров и мостовых «головоломным лабиринтом» вились среди серовато-бурых высоких заборов — *дувана* — и производили впечатление длинных и пустынных коридоров. Среди описаний Бухары часто встречались упоминания о том, что на узких улицах города было не разъехаться двум арбам.

Главная улица. Бухара. И.И. Умняков. Конец XIX — начало XX в.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-3

Фотография «Сельская усадьба» воспроизводит вид одного из кишлаков, расположенных в окрестностях столицы (колл. И-1179-45). Стены большого числа разных строений плотно примыкают друг к другу, жилые постройки располагаются в глубине дворов. Исследователь Бухары А.А. Семенов отмечал, что ориентироваться на однообразных улицах по зданиям было невозможно. Требовалось несколько раз проехать по селению, чтобы найти нужный дом. В некоторых случаях только лавочки, мечети, арыки вдоль улиц и плохие мосты служили отличительными знаками.

Бухара и ея окрестности. Сельская усадьба (кишлак). Н.С. Воронец 1898–1902 гг.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1179-45

Среди фотоснимков по Бухаре немало места отводилось изображениям исторических и архитектурных памятников — мечетей, медресе, мавзолеев, которыми славилась столица. В Бухаре, одном из центров мусульманской учености, насчитывалось около сотни медресе, которые являлись училищами высшего мусульманского образования. На снимке показано медресе Кукульташ, известное большим количеством учащихся, проживавших в *худжрах*, кельях и комнатках (колл. № 2020-20). Учащиеся медресе нередко были приезжими, и комнатки-кельи снимали не только в медресе, но и в квартальных мечетях, семейных мавзолеев и даже в лавках торговцев [Сухарева 1958: 72]. В медресе находился зал для лекций, библиотека, мечеть, а также общая кухня.

В Бухаре имелись сотни медресе, но, по данным О.А. Сухаревой, в конце XIX — начале XX в. занятия проводились лишь в пятой части. Остальные были приспособлены под общежития, «обитатели которых могли не иметь к медресе никакого отношения» [Сухарева 1958: 97].

Сохранилось описание скромного жилища бухарских студентов: «Роскошь у них не одобряется, т.к. они обучаются не только наукам, но и нравственности. Полутемные комнаты шагов в семь в длину и столько же в ширину. Маленький каменный столик и несколько ниш в стенах — для книг, пищи, а одно — специально для кипячения воды и вообще стряпни» [Никольский 1903: 37]. Англичанин А. Борнс, посетивший Бухару в начале 1830-х годов, впервые описал систему преподавания

Фасад мадрасе Кукельташ. И.И. Умняков. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-20

в медресе: «По приказу эмира все училища закрываются на полгода, чтобы дать возможность живущим в них обработать свои поля и тем прибавить что-нибудь к своему содержанию». При этом он добавлял: «Что сказали бы наши оксфордские и кембриджские юноши, если бы им пришлось жать пшеницу?» [Борнс 1849: 432].

В Бухаре отсутствовали государственные учебные заведения, медресе возникали и поддерживались только на частные пожертвования. Считалось, что покровительствовать науке — дело почетное и благородное, поэтому эмиры всегда поощряли медресе. По установившемуся издавна обычаю, эмир и народ ежегодно жертвовали значительную сумму в пользу духовенства и учащихся. В медресе получали не только религиозную подготовку. Кроме духовенства в медресе учились клерки, каллиграфы; *табибы* овладевали врачебным делом, изучая медицинские сочинения, приобретали знания и опыт; получали образования люди, интересовавшиеся литературой и наукой [Сухарева 1962: 24–25].

На стереофотографии изображение студента медресе — *мулло-бачи* (колл. И-1179-4). В число учащихся медресе мог быть зачислен любой

желающий, окончивший начальную школу *мактаб*, т.е. получивший начальное образование. В Бухару стремились молодые люди со всех концов страны, чтобы получить там законченное образование в мусульманском правоверном духе.

Бухара. Студент медресы. Н.С. Воронец. 1898–1902 гг. МАЭ. Колл. И-1179-4

Ученики медресе изучали богословские дисциплины, арабский язык как язык священных книг. На персидском и арабском языках изучали физику, химию, логику, метафизику и другие науки. Многие бухарские ученые впоследствии стали знаменитыми.

В медресе, как в мактабе, не было строго регламентированного срока обучения [Рахимов 1989: 17, 131]. Программа обучения в медресе разделялась на низший, средний и высший курсы. На курсе студент обязан был пробыть не менее трех лет, но позволялось и больше. Поэтому в медресе среди учеников встречались «личности почтенные», 35–45-летнего возраста. Экзаменов в медресе не было. Изучив одну книгу, приступали к изучению другой и т.д. Переходили с курса на курс, закончив изучение очередной книги.

Слушатели жили на стипендию, размер которой зависел от дохода медресе. Студенты старших курсов получали более высокую стипендию. П. Шубинский в 1892 г. отмечал, что бухарские студенты в общем жили безбедно. Кроме того, они использовали длинные каникулы (учебный год длился шесть месяцев, с 22 сентября по 22 марта) [Сухарева 1966: 301], чтобы заработать частными уроками, преподавали в окрестных кишлаках или отправлялись к кочевникам, у которых всегда были же-

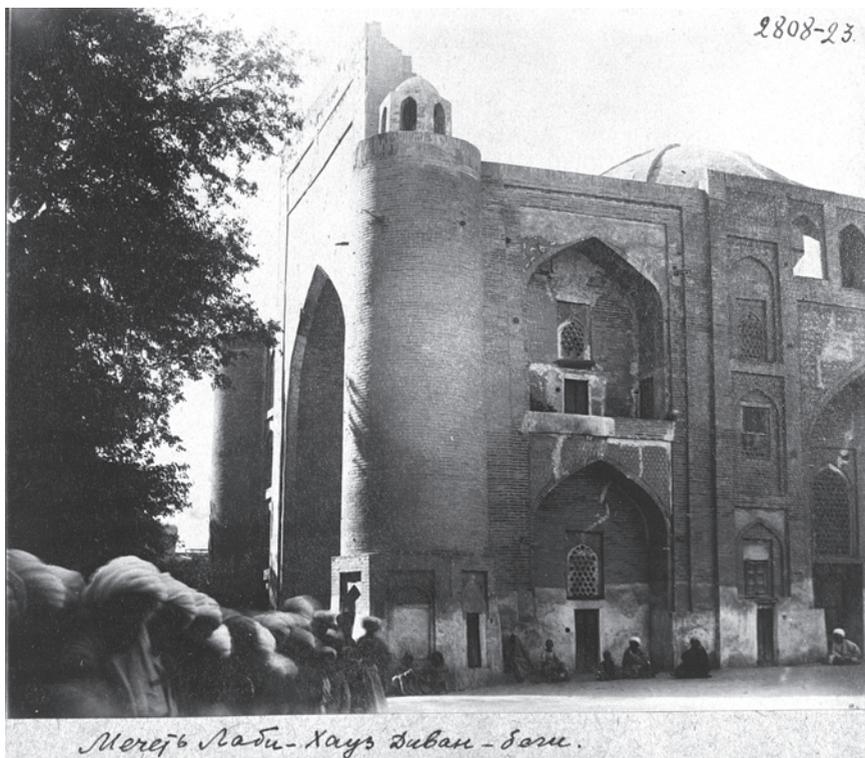
ланними гостями. Среди бухарских мулл выделялись преподаватели медресе, *мударисы*, которые, по словам современников, как и их ученики, тоже были вполне обеспеченными людьми: «Их материальному достатку может позавидовать любой из наших тружеников науки» [Шубинский 1892: 72].

В Бухаре действовало более трехсот мечетей, по числу улиц. Судя по фотографиям, над городом возвышался минарет Калян (колл. № 1320-15). Месджити Калян была главной мечетью, в которой эмир по пятницам присутствовал на молитве, намазе. С высоты минарета Калян муэдзины созывали по пятницам на молитву жителей столицы. Круглый минарет Калян находился рядом с мечетью. По сведениям П. Пославского, П. Шубинского, Н.П. Стремоухова и других авторов XIX в., с верхнего яруса вершины минарета сбрасывали приговоренных к смерти преступников на вымощенную каменными плитами площадку. На глазах собравшей толпы и сотен воспитанников медресе осужденных, которые были завязаны в мешок, клали на особую доску и выдвигали за окно [Пославский 1891: 482; Шубинский 1892: 73; Стремоухов 1875: 684]. Последний преступник был казнен таким образом в 1871 г.

На другом снимке «Мечеть Лаби-хауз Диван-беги» показано известное культовое сооружение и рядом пруд— хауз (колл. № 2808-23). В этой мечети собиралось на намаз, молитву, большинство жителей Бухары, а пруд считался одним из наиболее значительных бухарских водоемов. На снимке другой коллекции на берегах хауза и на крышах ближайших построек расположились ожидающие намаза. Двор с прудом посредине был обязательной принадлежностью каждой мечети. Обычно хаузы обсаживали деревьями. Под их сенью расстилали ковры и циновки, на которых сидел, отдыхая, народ. Рядом могли находиться чайханы. На берегу хауза пили чай, слушали рассказы сказителей о жизни святых. Некоторые люди наполняли водой из прудов *турсуки*, кожаные сосуды, и уносили ее домой для хозяйственных нужд. Из-за плохой обеспеченности водой в Бухаре для экономии она сохранялась также в дворовых прудах. Вода в них застаивалась, гнивала и была источником распространения различных заболеваний.

Из хаузов брали воду также *машкобы*, чтобы поливать улицы, как показано на снимках водоносов (колл. И-1179-47, 46; № 255-133; 3231-13). Водоснабжение даже Арка в Бухаре было организовано так, что водоносы брали воду в пруду и везли ее на ослах к воротам Арка. Во время военных действий существовал тайный водопровод в виде подземного канала.

Для мусульман Бухара была своего рода меккой. Здесь многие места почитались и привлекали паломников. Бухарцы считали, что

Мечеть Лаби-хауз Диван-беги. Конец XIX — начало XX в. МАЭ. Колл. № 2808-23

«если повсюду свет шел сверху с высоты небес, то в Бухаре он исходил снизу, из почвы самого города» из-за обилия святых мест и святых людей [Семенов 1960: 1006]. «Святость города» увеличивало необыкновенно большое количество кладбищ в городе и отдельных могил во дворах. По наблюдениям П. Пославского в 1890-х годах, фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома. Факт захоронения при домах, когда человек завещал похоронить себя в своем доме, отмечала также О.А. Сухарева [Сухарева 1966: 85–86].

Примером святого места в Бухаре была гробница особо почитавшегося покровителя Бухары Баха ад-дина. Его гробница находилась в окрестностях столицы ханства. На фотографии второй половины 1880-х годов снят старинный кишлак Баха ад-дин, как называли гробницу шейха и окружавшие ее постройки (колл. № 255-173). На снимке можно увидеть, что по внешнему виду кишлак Баха ад-дин почти ничем не отличался от других селений. Его жилища, мечеть, дома для палом-

ников утопали в зелени деревьев. Вдоль улиц кишлака тянулись постройки для нищих, в которых обитало до нескольких сот человек, живших и питавшихся бесплатно. Пищу в приюте для странствующих дервишей готовили ежедневно в четырех огромных котлах. Улица нищих вела к воротам исторического кладбища, где покоились потомки Баха ад-дина, некоторые выдающиеся личности и общественные деятели разных эпох существования Бухары [Шубинский 1892: 95].

Бухара. Кишлак Бугоэдин.

Бухара. Кишлак Бугоэдин. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-173

Недалеко от гробницы мазара Ходжа-Баха ад-дина находился святой ключ с чистой и вкусной водой. К могиле Ходжа-Баха ад-дина ежегодно стекались сотни тысяч паломников, профессиональных нищих, представителей мусульманских орденов. Они совершали религиозное хождение вокруг могилы, читали молитвы, просили о своих нуждах.

Бухарские эмиры перед вступлением на престол совершали паломничество в кишлак и делали значительные пожертвования. Двукратное или трехкратное посещение места захоронения святого равнялось паломничеству в Мекку.

Кишлак представлял собой «нечто вроде независимого городка, у ворот которого оканчивается сфера влияния светской власти, где духовенство является полновластным распорядителем» [Сухарева 1966: 85–86]. Это был своеобразный мусульманский монастырь, *токие*. Внутренняя организация дервишских монастырей и их социальное значение были основаны на совершенно других началах, чем европейские монастыри.

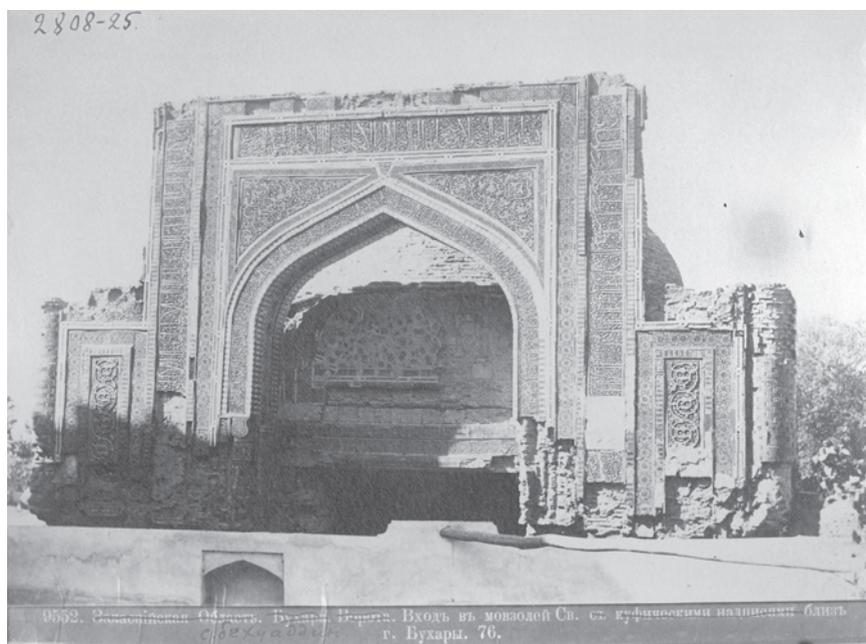
Подробно жизнь Баха ад-дина одним из первых отечественных востоковедов изучал по персидской рукописи А.А. Семенов [Семенов 1914]. Накшбанд Баха'ад-дин Мухаммад-ал-Бу-хари (1318–1389) широко известен как крупнейший представитель среднеазиатского суфизма времен Тимура. От его профессии (*накшбанд* — чеканщик) происходило название братства *накшбандийа*. Баха ад-дин не был его основателем. Он заложил организационные основы будущего ордена, названного его именем, дополнил рядом положений теории и практики. Последователями братства были многие выдающиеся деятели, в том числе известный поэт Алишер Навои.

Баха ад-дин родился в семье таджика, ремесленника ткача и чеканщика. Основную роль в его судьбе сыграл дед, имевший связи с *суфиями* и пробудивший у внука интерес к мистике. Почти всю жизнь Баха ад-дин прожил в Бухаре и окрестных селениях. Он был проповедником и жил в добровольной бедности. После смерти его канонизировали. Культ Баха ад-дина получил широкое распространение в Средней Азии, во многих странах Востока, а братство *накшбандийа* считалось одним из наиболее распространенных, влиятельных и могущественных дервишских орденов в мусульманском мире [Ислам 1998: 78–80].

Братство *накшбандийа* не имело единого общего центра. Погребальный комплекс Баха ад-дина, покровителя ордена, был местом поклонения всех членов *накшбандийа*. Традиционно братство отрицало аскетизм, большинство «братьев» были женаты. По преданию, Баха ад-дин оставил после себя многочисленное потомство, которое обосновалось в окрестностях его мазара. Со временем обитатели кишлака Баха ад-дин, которые происходили по мужской линии от Баха ад-дина, были освобождены от повинностей и пользовались большим уважением среди народа. По словам А.А. Семенова, здесь же жил руководитель общины братства главный шейх *рас-уль-мешейх*, считавшийся потомком Баха ад-дина. Изучая историю ордена в начале XX в., А.А. Семенов писал,

что «среди современных накшбендиев Средней Азии можно встретить людей, принадлежащих к самым разнообразным профессиям и классам общества, которые в повседневной жизни приносят дань всем ее разнообразным проявлениям. И лишь случайно из разговора или присутствия на *зикрах* узнаешь их принадлежность к названному ордену» [Семенов 1914: 209].

Место захоронения Баха ад-дина, привлекавшее мусульманских паломников, вызывало интерес также у путешественников-европейцев в более поздние времена. В собраниях МАЭ хранится снимок, поступивший в музей в 1921 г., но сделанный, по нашим предположениям, в начале XX в. «Вход в мавзолей с. Бехуаддина» (колл. № 2808-25). Исторические фотографии позволяют сравнить их с современным состоянием этого культового места [Аверьянов, Башарин 2009].

Вход в мавзолей с. Бехуаддина. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2808-25

После «открытия Бухары» тема этого древнейшего центра торговли и ремесел, куда стекалась масса ремесленников и купцов, была традиционной для литературы XIX в. о Средней Азии. Авторы публикаций сообщали, что в городе было около 40 караван-сараяв.

На снимках показано, как во дворе караван-сарая отдыхают его обитатели, мусульманский торговый люд (колл. № 255–280). В караван-сараях сидели их владельцы, встречая прибывших, принимая товары. Караван-сарай были складскими помещениями по видам товаров. В один привозили мануфактуру, в другой — шерсть и т.д. Караван-сарай были не только оптовым складом для некоторых товаров, но и пристанищем для приезжих купцов. По определению О.А. Сухаревой, многие из специализированных караван-сараяв принадлежали купцам, которые приезжали из какого-нибудь места, имевшего с Бухарой постоянную связь, например хивинцам [Сухарева 1958: 96].

Товары, поступавшие в караван-сарай, прибывали на верблюдах и арбах. По воспоминаниям Л.И. Ремпель, один раз в год каждую весну из Бухары отправлялись большие караваны по трем главным маршрутам — на Оренбург, Троицк и Красноводск. В каждом караване было несколько сот груженых верблюдов. В назначенный день и час они собирались в условленном месте [Ремпель 1981: 53]. В Бухару шли более мелкие группы вьючных животных, по 10–15 верблюдов, направляясь в караван-сарай. Туда непрерывно привозили и увозили кипы товаров, которые разбирали во дворе и уносили в помещения. После разгрузки товаров верблюдов сразу уводили в специальные караван-сарай, которые находились за городскими воротами. Если двор караван-сарая был большим, то посреди него бывал навес для вьючного скота. Во дворе караван-сараяв имелись колодцы, которые тщательно поддерживались.

Как показано на фотографиях, караван-сарай имели внутренние дворы, обстроенные зданиями (колл. № 2805–52). Нижние этажи в них занимали лавки, кладовые, а верхние сдавались внаем приезжим. Караван-сарай разделялись на большое количество маленьких комнат с отдельной дверью, которая выходила на площадку. В комнатах был каменный пол, в их дальней части обычно лежала циновка. Балки, соединяющие стены, служили вешалками для одежды, седел и сбруи [Обручев 1890: 428]. В таких каморках купцы не только жили. Здесь хранили наиболее ценный товар — шелка, кисеи, чай, сахар, опиум. В караван-сараях многие купцы имели своеобразные конторы, в которых вели деловые переговоры и совершали торговые сделки, как показано на одной из фотографий (колл. И-1447-15) [Сухарева 1958: 107]. На другом снимке около двери одной из комнат нагромождены мешки и тюки, возможно, с сухофруктами или другим товаром (колл. № 255–280). Здесь же, на площадке, сняв туфли, расстелив халат и обратившись в сторону Мекки, купцы совершали намазы.

В караван-сараях собиралось много народа, кто покупал, кто пришел посмотреть и узнать новости. В таких же караван-сараях и на спе-

циальных невольничьих базарах до прихода русских проходила торговля невольниками. Например, молодых женщин на продажу не выставляли, а держали в каморках караван-сараяв, куда и приходил покупатель. Но осматривал их не он, а опытные пожилые знахарки.

Лучшие караван-сарай строили из плоского квадратного кирпича (колл. № 255-280). Обычно они располагались в центре города вдоль базара. В более простых караван-сараях, располагавшихся ближе к окраинам (один из них показан на снимке — колл. И-1179-40), можно было останавливаться приезжим крестьянам, дехканам с лошадьми и ишаками, что не допускалось в караван-сараях в центре города. Здесь же могли жить бухарские солдаты.

На территории обширных караван-сараяв производилась оптовая торговля хлопком, шерстью и красным товаром, местными тканями и кисеей. Продажа муки, зерна, леса производилась в более отдаленных частях города. Караван-сарай были обращены к улице лавками и составляли часть базарных рядов.

В Бухаре было множество базаров: кроме главного еще до 50-ти более мелких, крытых и некрытых. Бухарские базары изобиловали шелковыми тканями, хлопчатобумажными материями, коврами, изделиями из золота и серебра. Базары были наиболее людной и оживленной частью города.

По фотоснимку «Крытый базар» можно представить, что бухарские лавки по своему внешнему виду напоминали длинный на всю улицу сплошной навес (колл. № 255-170). Благодаря циновкам, протянутым от лавки к лавке, на базарных улицах было прохладно. Сплошной крытый базар разделялся, как показано на фотографии, на отдельные лавки. В таких небольших сарайчиках, чуть приподнятых от земли, на деревянных полках или на кольях, вбитых в стену, были развешаны и разложены различные товары. Рядом с выставленными в лавках товарами на полу на коврик или войлоке обычно сидел продавец. Возле него мог стоять небольшой сундучок (окованный железом) с деньгами. Чаще всего лавочники целыми днями сидели и пили чай. В отличие от мелких торговцев, весь день сновавших по улицам и громко расхваливавших свой товар, лавочник сидел неподвижно и безучастно смотрел на прохожих. Он не зывал покупателей, т.к. это было не принято [Никольский 1903: 15].

Дверей в таких лавках не было. На ночь их закладывали досками и подпирали запором. Мелочные торговцы на ночь уносили весь товар домой. Спустя два часа после заката солнца все лавки в городе запирались, и всякого, кто осмеливался в это время суток ходить по улице, забирали, ночные сторожа. «Как только стемнеет, благочестивый набож-

ный мусульманин должен сидеть дома, в семейном кругу. Ночью больной может умереть без доктора и лекарств. В соседнем доме может случиться пожар или убийство — никто не явится на помощь, не отзовется на крики жертв», — писал о бухарских порядках очевидец [Обручев 1890: 429].

Торговцы делились на крупных купцов и лавочников. Были еще мелкие, торговавшие вразнос. По мнению художника В.В. Верещагина, побывавшего в Туркестане в конце 1860-х годов, местные жители любили именно мелкую торговлю. Эту особенность подметил в 1903 г. также М.Э. Никольский: «Надо только удивляться, с какими незначительными товарами принимаются бухарцы за торговлю. Имея несколько рублей, бухарец уже становится купцом. Торговля для него любимое почетное занятие» [Никольский 1903: 21].

Ежедневная торговля на базарах велась вяло. Базарные дни, которые чаще всего бывали два раза в неделю, превращались в праздник для местного населения. На Востоке базар имел большое общественное значение. В базарные дни толпы окрестных жителей с рассветом собирались на базар. Жизнь в столице начиналась рано. В летнее время базары начинали торговлю в пять утра. К этому времени уже открывали городские ворота, поток людей наполнял улицы, теснота и давка не давали двигаться вперед.

Чаще всего людям не надо было ничего ни покупать, ни продавать. Они хотели пообщаться, побыть в народе, зайти на базар по дороге в мечеть, побывать на молитве, послушать какого-нибудь рассказчика. «Вскоре после полудня оживление, суета, давка и шум достигают наивысшей точки. Вам каждую минуту угрожает опасность быть опрокинутым ослом или раздавленным верблюдом» [Верещагин 1874: 48]. Зрелище пестрого шумного восточного базара дополнял разнородный этнический состав толпы. По бухарским базарам распространялся характерный аромат Востока, запах пряностей и баранины. На базаре проводили весь день. Здесь муллы произносили проповеди, сюда приходили заклинатели змей, фокусники, танцовщики и актеры.

На базаре узнавали все новости, передавали и обсуждали разные слухи. Все новости базара разносились по городу и окрестным кишлакам с быстротой телеграфа. Даже способ получения базарных новостей имел характерное название — «узун кулак», «длинное ухо» [Шишов 1904].

Непривычных европейцев в первую минуту гам, шум базаров оглушал и ошеломлял, поражало разнообразие и обилие товаров. «Бухарские базары подавляют своей грандиозностью. При сравнительно небольшой численности населения столицы ханства базарные ряды в ней

занимают первенствующее место. Если бы расположить их в одну линию, она растянулась бы на десятки километров» [Семенов 1960: 1008].

За правильностью весов и других мер на базарах наблюдал *раис*. Тут же совершалась палочная расправа над провинившимся продавцом. Многие авторы отмечали, что стоило с приходом русских упразднить эту должность в других городах края, как на базарах стали обмеривать и обвешивать. Все, кто бывал в Бухаре, удивлялись, как во время очередного намаза, когда лавочки оставались открытыми на 20—25 минут, из них ничего не пропадало.

Среди музейных фотографий хранится снимок «Горшечный базар» (колл. № 255-168). Кроме посуды, которая на изображении разложена прямо на земле, в Бухаре в небольшом количестве производили цветные, покрытые глазурью изразцы для облицовки зданий. В прошлом изготовление гончарных изделий, главным образом глиняной посуды, являлось одним из важных промыслов. Бухара была одним из древних центров художественного ремесла, в том числе гончарного, где оно процветало уже в конце XIV в.

Глиняная посуда получила широкое распространение главным образом благодаря своей дешевизне. Это были разнообразные кувшины, блюда, миски, тарелки, чашки, подсвечники и т.п. Посуду делали глазурованной с цветными узорами на лицевой стороне. Однако гончарный круг использовался не повсеместно. Иногда посуду лепили вручную из кома хорошо вымешанной глины, который мастер держал левой рукой, а правой придавал изделию желаемую форму. Затем сосуд подвергался обжигу [Фридрих 1910: 36].

С тех пор как в Среднюю Азию стали завозить более дешевые товары фабричного производства из России, жители охотно стали их покупать, и местные кустарные мастерские, оставшись без работы, закрывались. Поэтому к концу XIX — началу XX в. в Бухаре наблюдался упадок гончарного дела.

Часто лавки были в то же время мастерскими (шорные, токарные, плотничьи, кузнечные и др.). На photographиях с изображениями ремесленников показано, как они работали на виду у всех, разложив рядом свои изделия (колл. № 255-168).

Многочисленные бухарские ремесленники и мастера были объединены в профессиональные корпорации, цехи (*рисоля*). О.А. Сухарева отмечала, что для бухарской торговли конца XIX — начала XX в. типичными были объединения среднего и низшего купечества, как и ремесленников, по торговым рядам [Сухарева 1962: 20].

Часто ремесленные мастерские отдельных цехов располагались рядами вдоль улиц. Встречались целые ряды медников, кузнецов, порт-

ных, сапожников и т.д. На небольших базарах продовольственные товары перемежались с мануфактурными или мастерскими ремесленников. На большом базаре каждый товар помещался в отдельных рядах. За соблюдением такого порядка строго следили, нарушение не допускалось. Занятие торговлей определенным товаром, по мнению О.А. Сухаревой, было наследственным [Сухарева 1966: 236]. Существовали целые улицы, где находились лавки, торговавшие определенными товарами. По впечатлениям приезжих, торговля была любимым занятием бухарских городов.

Главный базар Бухары находился в центре города и занимал несколько улиц. На фотографии «Бухара. Продавцы посуды» трое медников стоят со своим товаром, кувшинами для воды, *кумганами*, чеканными плоскими блюдами, подносами, чилимами, ритуальными предметами, сосудами для омовений с высокими узкими горлышками и длинными красиво изогнутыми носиками (*офтоба*) и другими бытовыми предметами (колл. № 255-171). С давних пор Бухара славилась изделиями из бронзы и меди. На фотографии показаны бухарские торговцы и ремесленники в небольших белых чалмах (в отличие от больших головных уборов, которые носили представители духовенства). Одевались они в полушелковые и хлопчатобумажные из *алачи* халаты, обувались в сапоги на тонкой подошве без каблуков (*ичиги*), поверх которых надевали кожаные туфли (*кафи*).

Лавки, мастерские, караван-сарай и чайханы занимали улицы и переулки, прилегавшие к центральной площади Бухары — площади Регистан. Сама площадь почти сплошь была занята навесами и подвижными лавочками торговцев и заполнена массой народа. С одной стороны возвышалась цитадель с дворцом эмира, с остальных ее окружали мечети и медресе. Цитадель была построена на искусственном холме, обнесенном стеной. В ней располагались многочисленные постройки — дворец эмира со многими службами, дома важнейших сановников, монетный двор, тюрьма, цистерны для хранения воды и т.п.

На снимке показан вход в Арк с деревянными брусчатыми воротами, к которым вел широкий и длинный пандус (колл. № 1320-13). По сторонам ворот сооружены две круглые башни. За воротами продолжался подъем на вершину холма по изогнутому коридору со сводами. Под сводами коридора в нишах по сторонам всегда сидели писцы, которые тут же писали за плату просьбы для эмира.

По определению М.С. Андреева, который детально исследовал историю жизни Арка, общее число людей, постоянно находившихся в нем во время пребывания здесь эмира, в том числе стражников, слуг, жен эмира и пр., не превышало 600–700 человек, а в его отсутствие —

400–500 человек [Андреев, Чехович 1972: 19]. Например, эмир Абдул-Ахад появлялся в Бухаре редко, в основном он жил в другой резиденции. В Арке оставались его бывшие жены и некоторые царедворцы. По рассказам очевидцев, записанным М.С. Андреевым, в одной из стен дворца, со стороны площади, на недосягаемой высоте было маленькое окно. Когда в нем появлялся эмир, народ падал на колени.

Вокруг Арка располагался караул. На фотографиях «Бухарская гвардия» и «Арк в Бухаре» показаны бухарские солдаты (колл. № 255-181; 1320-13, 45). После превращения эмирата в вассальное государство России царское правительство всячески препятствовало усовершенствованию бухарской армии. Фактически армия эмира утратила боеспособность. По впечатлениям русских военных, во второй половине XIX — начале XX в. бухарская армия представляла собой своеобразное явление. Она пополнялась добровольцами, или в нее набирали осужденных преступников. Солдатами были лица от 15 до 50–70 лет. Срок службы фактически был пожизненным. Обмундирование отчасти состояло из старых русских мундиров. Команды нередко звучали по-русски. Учения почти не проводились, наказания были частыми, отсутствовала воинская дисциплина [Рожевиц 1908: 621; Крестовский 1887: 111; Фридрих 1910: 77–79; Семенов 1902: 969 и др.].

При особе эмира состоял конвой, сформированный из части бухарской армии, кавалерии. У всех были шпаги и орден «Бухарской звезды» [Семенов 1902: 969]. После получения эмиром звания атамана Терского казачьего войска гвардейцы стали одеваться в военную форму терских казаков.

Приезжие иностранцы обращали внимание на то, что в некоторых случаях караульные солдаты спали около Арка, оставив свои кремневые ружья в козлах, или часовые у ворот дворца распивали чай в кругу друзей. В свободное от службы время солдаты могли заниматься торговлей [Рожевиц 1908: 621]. В этом случае пехотинцы ходили в повседневной гражданской одежде. «Принято было <...> форменную одежду надевать поверх обычной, всовывая халаты в штаны, а стеганные рукава халатов — в рукава курток. Поэтому пехотинцы казались толстяками, а вся пехота — неповоротливой и неуклюжей» [Айни 1954: 196–197].

Пути сообщения в Бухарском ханстве служили колесные дороги. Они были узкими, пыльными летом, грязными зимой, местами их пересекали довольно глубокие арыки. Ездить по ним было возможно только на местных повозках с двумя огромными колесами, арбах. Колесные дороги связывали города и другие населенные пункты ханства. Также были караванные пути для верблюдов. В горных местах ханства,

где отсутствовали колесные дороги, население не знало арб. Но все-таки бухарцы чаще ездили верхом на лошадях.

По мнению приезжих, конструкция арбы была вполне приспособлена к состоянию местных путей сообщения [Маев 1876: 123–124]. Как показано на снимке, колеса у арбы были деревянными, без железных шин, на тонкой деревянной оси (колл. № 255-165). Большие колеса арбы были очень легкими, сильно пружинили, меньше вязли, шли легко. Для песчаной почвы вполне подходили колеса без шин. При изготовлении деревянного обода для одного такого большого колеса его гнули одновременно человек десять в течение целого дня. Ось делали из пород очень твердого дерева. Вся тяжесть двухколесной повозки приходилась на ось, и одна лошадь свободно везла груз, который иногда равнялся грузоподъемности верблюда [Там же: 125]. Но такой груз был доступен не каждой лошади. Чаще всего на арбу накладывали груз около 400 кг.

Тяжелые оглобли арбы шли на уровне спины лошади и оканчивались хомутом. Лошадь седлали седлом местной разновидности, на котором лежал толстый ремень, соединявший оглобли. Над осью, как показано на снимке, помещалась плетенная из ивовых прутьев платформа. Для перевозки людей над арбой устраивали закрытый полукруглый навес из камышевой циновки для защиты от солнца и непогоды.

В арбу впрягали оседланную лошадь. Возницы (*арбакчи*) сидели на коне (осле, муле) на седле на корточках, поставив ноги на оглобли. Управляли лошадей не вожжами, а поводьями уздечки. Очевидцы отмечали, что непривычному к бухарским седлам человеку езда в них казалась неудобной.

По мнению, например, приезжей светской дамы, подобное устройство этой местной телеги вызывало музыкальные ассоциации: «Даже к скрипучей своей арбе сарты пристраивают палку так, чтобы она задевала за спицы колеса и производила барабанный бой своеобразного ритма; под этот аккомпанемент сарт тянет высоким фальцетом свою монотонную песню» [Духовская 1913: 21–22]. Постоянно раздававшийся на улицах скрип арбы (колеса арбы не смазывали) был одним из аккордов в местной симфонии, который прерывали пронзительный рев верблюдов и вой бездомных собак.

На этом же снимке рядом с запряженной арбой стоит мужчина в распахнутом длинном халате. В зависимости от достатка бухарцы надевали один, два или несколько халатов из местной ткани. Халаты изготавливали широкими и длинными традиционного туникообразного покроя. Под халат надевали длинную, ниже колен, рубаху с длинными рукавами и широкие штаны. Рубаху подпоясывали цветным длинным

матерчатым кушаком. На ноги надевали ичиги, высокие сапоги с тонкой подошвой без каблука, часто украшенные пестрой красной или зеленой вышивкой. Сверху на сапоги надевали кожаные калоши, которые снимали при входе в мечеть, дом, чайхану. Бедняки летом ходили босиком.

Среди фотографий хранится снимок «Бухара, арба эмира» (Колл. № 255-164). Внешне, по конструкции, судя по снимку, она не отличалась от традиционной. Но обод колес у арбы на снимке покрыт шинами из тонких полос железа. Вместо незатейливого сооружения от солнца на этой арбе устроено более сложное укрытие. Края крыши легкой кабинки украшены узорным резным орнаментом. Ее боковые стенки задрапированы однотонным шелком или тонкой кожей. Снимок сделан так, чтобы была видна открытая часть повозки. Внутри лежат вышитые подушки и ковры, которые способствовали комфортному путешествию в ней эмира. На этом же снимке едва заметна богатая упряжь коня с дорогой сбруей и вышитой попоной. Такая повозка предназначалась только эмиру. На другом снимке из коллекций МАЭ показана лошадь эмира в нарядном уборе (колл. № 255-163).

Получить представление об арбе эмира можно из описания В.В. Крестовского, который в 1882 г. был членом посольства князя Витгенштейна в Бухару. Гостям предложили пересечь из тарантаса в эмирскую коляску. Ее сидение было застлано шелковым ватным одеялом, «в ногах лежал лисий мех, на спинке — большие бархатные подушки — вальки. Сели и провалились в пуховую мякоть <...> бережно и тщательно укутывали нас мехами и одеялами, как того требовали условия местного этикета» [Крестовский 1887: 91]. На каждой лошади сидело по одному ездому в чалме и халате с нагайками. Козлы оставались незанятыми, т.к. считалось неприличным, чтобы кто-то сидел в одном экипаже спиной к важным людям. Везли гостей трусдой, потому что ездить быстро солидному человеку было тоже неприлично.

На снимке «Бухарская детская арба» изображены девочки с открытыми лицами, сидящие на арбе, запряженной небольшой лошадкой, в роли возницы выступает мальчик (колл. № 255-166). Эта сцена указывает на одну важную особенность повседневной жизни бухарцев. Как известно, женщина вне дома должна была появляться только в парандже, скрывающей фигуру и лицо. Это правило не распространялось на детей. Правда, как видно на снимке, с головного убора девочек спускается белая кисея, которой в случае необходимости можно было прикрывать лицо. Девичью паранджу изготавливали из красной или бело-красной полосатой ткани, черную вуаль заменяли белой кисеей. Это красиво

одетые дети из состоятельной семьи. За их прогулкой следит мужчина в халате и чалме, стоящий в тени деревьев.

Определенная часть фотографий музейного собрания относится к этнической характеристике бухарцев. Население Бухары было неоднородным, результатом смешения в основном таджиков и узбеков. Таджики составляли важную часть в этническом составе города конца XIX — начала XX в., их было подавляющее большинство. Бухарские ремесленники пользовались таджикским языком. Тем не менее тюркоязычные узбеки составляли видный компонент бухарского населения. На протяжении веков правящие династии, в том числе и последняя, *мангытская*, были узбекскими. Из узбеков формировалась высшая власть. Узбеки занимали привилегированное положение, им принадлежали лучшие земли в ханстве. При этом узбекский язык в Бухаре был распространен мало. Государственным языком, языком делопроизводства, домашним языком эмиров оставался таджикский/персидский [Сухарева 1958: 79; 1962: 12, 13; 1966: 123, 128, 132, 134, 138, 140, 142].

О.А. Сухарева и Б.Х. Кармышева описывают случаи, когда носители таджикского языка назвали себя узбеками, и наоборот. Видимо, это объясняется многовековым слиянием различных этнических элементов, в результате чего возникло неоднородное по происхождению население Бухары. Кроме таджиков и узбеков здесь жили казахи, туркмены, арабы, хазары, афганцы, евреи, индийцы, цыгане.

* * *

В состав иллюстративных коллекций по мусульманскому, особенно городскому, населению Средней Азии в основном входят изображения его мужской части. Женщины позировали редко. Поэтому их портреты представляют отдельный интерес. На снимке «Бухарка» показаны прическа, украшения и одежда женщины (колл. № 255-58). Она в длинном платье с рукавами, закрывающими кисти рук, и нагрудных украшениях.

Бухарка на фотографии без головного убора, что в мусульманской среде считалось большим грехом. Голова женщины должна была быть покрыта платком, завязанным сзади таким образом, чтобы оба его конца были видны. В данном случае фотограф хотел продемонстрировать характерную местную женскую прическу — разделенные на прямой пробор длинные волосы, заплетенные во множество мелких косичек.

Портрет бухарки сделан в конце 1880 — начале 1890-х годов. Она в туникообразном платье с воротником-стойкой и суживающимся

к концам рукавами. Фотография подтверждает данные других источников о распространении именно этого фасона на территории Бухарского оазиса в конце XIX столетия.

На снимке «Бухарцы» изображена молодая женщина с двумя сидящими рядом с ней мальчиками (колл. № 255-167). Приезжим иностранцам трудно было судить о красоте местных женщин и описывать ее. Женщины были отделены от мужского общества, в домах жили на своих половинах, и даже если откидывали иногда с лица сетку паранджи, то прикрывались рукой или рукавом. Но на музейных фотографиях можно увидеть их лица. Те, кому удавалось увидеть бухарок без паранджи, описывали красоту брюнеток с большими блестящими глазами. Местные кокетки часто пользовались косметикой, употребление которой не запрещалось шариатом. Чаще всего как пудра применялись белила из риса или яичной скорлупы. Брови подкрашивали черной растительной краской усма, часто соединяя их, как это показано на снимке, черной полосой, глаза подводили сурьмой. Напрасно в начале 1830-х годов английский путешественник, не имея возможности наблюдать быт женщин, считал, что у бухарок отсутствовало «шегольство красотой, занимающее столь много времени у женщин других стран»: «Здесь никто не смеет говорить с ними; если же проходит кто-нибудь из царского гарема, то встречающимся предписывается смотреть в сторону, а в противном случае удар по голове напомнит им об исполнении: так недоступны даже для взора красавицы в Бухаре» [Борнс 1849: 394].

Платье бухарки на снимке сшито из ткани светлого тона. Обычно при выборе расцветки ткани учитывался возраст, более светлые шли на одежду молодых женщин. Каждая категория населения имела свою особую традиционную манеру одеваться. При этом одежда различалась по цвету и материалу. Домашняя одежда обеспеченной женщины состояла из туникообразного длинного шелкового или полшелкового платья-рубахи до пят, как на фотографии, и таких же очень широких наверху и узких внизу штанов.

На бухарке надето очень широкое платье. Традиционная одежда местных женщин была очень широкой, что было связано с обычаем надевать, особенно в парадных случаях, по два, а на невесту сразу несколько платьев [Люшкевич 1976: 108–120]. Рукава платьев, как видно на снимке, были прямыми и широкими. К концам рукавов подшивались вышитые вставки. Длина рукавов с надставками доходила почти до земли, что заметно по фотографии. Особенность оформления ворота бухарского платья-рубахи — вертикальный разрез спереди, который доходил, как на кадре, почти до подола. Если платье шили из дорогих тяжелых тканей, то вокруг ворота нашивались две полосы бархата с зо-

лотным шитьем, которые соединялись на груди и спускались вниз вдоль разреза платья [Там же: 108, 110].

По интерьеру и одежде женщины можно считать, что на снимке зажиточная бухарка. Поверх платья она носила верхнюю одежду. На платье надет распахнутый широкий халат — камзол, расходящийся спереди и позволяющий видеть надетое под ним шелковое золотошвейное платье-рубашу.

На фотографии у бухарки головной убор, характерный для ирано-язычного населения Бухары: мягкая шапочка с чехлом для кос сзади, которая закрывала лоб, голову и волосы, налобная повязка и платок [Люшкевич 1976: 123]. Головной убор бухарок отличался в зависимости от возраста и семейного положения. После рождения ребенка женщина переходила в другую социальную группу. Она начинала носить новое шелковое платье и меняла однотонную тюбетейку молодых женщин на сложный убор, состоявший из шапочки с *накосником*, платка и налобной повязки [Там же: 115].

Ф.Д. Люшкевич, изучавшая особенности одежды населения Бухарского оазиса конца XIX — начала XX в., отмечала, что «характерной для зажиточных семей являлась высокая налобная повязка с золотошвейной вышивкой спереди», как у бухарки на снимке [Люшкевич 1976: 116]. Эта повязка могла быть шелковой или бархатной. К шапочке она крепилась декоративными булавками [Там же: 75–76]. Головное украшение также могло иметь вид золотой диадемы. Это была лента с подвесками из камней, пластин и цепочек, которые спускались на лоб до глаз. Закрепляли диадему поверх шелкового платка, сложенного по диагонали, внутрь которого иногда вкладывалась бумага [Там же: 74]. На снимке на головной убор бухарки наброшен большой платок, концы которого закинута за спину. Из украшений на женщине надето множество ожерелий, которые часто изготавливали из золотых подвесок с кораллами.

На фотографии женщина держит в руке чилим. При его описании авторы XIX в. отмечали, что чилим подавали уже раскуренным: «Нужно иметь очень сильную грудь, чтобы быстро натянуть дыму из трубки и затем, втянув его в себя, выпустить и повторить затяжку 3–4 раза» [Каталог Туркестанского отдела 1872: 62]. Местное население употребляло также нюхательный табак. Чаще табак жевали, заложив его за щеку. Эти виды табака отличались от курительного. За ним иначе ухаживали, убирали и перерабатывали [Там же: 43].

На снимке «Бухарцы» у ног молодой женщины сидят, по-восточному поджав под себя ноги, два мальчика. Младший в однотонном халате и шапке сферической формы с меховой опушкой. Длинные рукава

халата скрыли кисти рук, как того требовал этикет. На старшем мальчике полосатый халат, из-под его длинных рукавов видны лишь пальцы рук. На нем чалма из тонкой кисеи, халат, подобный тем, которые носили молодые мужчины, из кустарной полушелковой полосатой ткани алача, мальчика готовили к обряду обрезания. Тогда же происходило торжественное надевание в первый раз чалмы белого цвета [Люшкевич 1976: 104].

На улице женщина была обязана накинуть поверх домашнего платья паранджу. На старых фотографиях сняты женщины в парандже на улицах Бухары (колл. И-1179-53). На улицах и базарах Бухарского ханства в основном встречались мужчины. Женщины закутанные с ног до головы в паранджу, появлялись изредка. Паранджа была распространена главным образом в городах и была обязательной для женщин всех возрастов. Без покрывала могли ходить по городу только нищие старухи, вдовы и проститутки, женщины, не имевшие средств к пропитанию [Никольский 1903: 30]. «Мужчины про женщин, которые ходят на базар <...> говорят, что это дурная женщина <...> Ни одна порядочная женщина не пойдет в публичное место, на базар, а пошлет за покупкой кого-нибудь», — так писали о бухарках в конце XIX в. [Маев 1876а: 305].

Паранджу обычно шили из хлопчатобумажной алачи синего или серого цветов. В Бухаре и Самарканде — из ткани в узкую черно-серую полоску и украшали тесьмой и вышивкой черного цвета по подолу, полам, вороту, на концах рукавов. К XX в. паранджу стали шить из разных по качеству и цвету тканей и украшать вышивкой и тесьмой, чаще всего белого цвета. Паранджа представляла собой широкий и длинный халат туникообразного покроя с очень узкими длинными ложными рукавами. Рукава внизу сшивали между собой и забрасывали за спину. Паранджу накидывали поверх головного убора. С ее верхнего края опускали на лицо густую черную сетку (*чашибанд*), которую делали из черного конского волоса. Долго находиться в парандже было трудно, в ней становилось душно.

В европейской литературе XIX — начала XX в. преобладало мнение о затворнической жизни местных женщины, которая «служит лишь вещью гарема, созданной для наслаждения правоверных» и т.п. И все же среди авторов встречались такие, кто пытался изучить положение женщины в рамках шариата. Из музейных фотоколлекций можно подобрать галерею портретов местных женщин с открытыми лицами, снятых группами, в кругу семьи, занятых работой и т.д., которые могут рассказать многое об их жизни (см.: [Прищепова 2007]).

Как уже отмечалось выше, по этническому составу население Бухары было многонациональным. Этнический состав Бухары А.А. Семе-

нов характеризовал как «калейдоскоп наций». В Бухаре, так же как и в других азиатских городах, имелись особые кварталы для иноверцев: евреев, персов, индийцев и т.п. [Средняя Азия. 1910, I: 148]. Бухарские базары были разделены не только по видам товаров, но и по национальности купцов. До появления в крае русских торговля в значительной степени, особенно внешняя, была сосредоточена в руках бухарских евреев [Фридрих 1910: 38]. Среди них были люди, известные своим богатством и ученостью. Евреи жили в городах Бухарского эмирата с незапамятных времен. В литературе местных евреев называли «элементом туземного населения, который более всего имел основания приветствовать приход русских» [Бартольд 1963: 374]. Несмотря на гонения, бухарские евреи отличались зажиточностью, «при господстве мусульман достигли значительного благосостояния» и после завоевания края русскими местные евреи, как представители крупного капитала, продолжали играть важную роль в торговле [Логофет 1911: 183].

Еврейское население не смешивалось с мусульманами. Хотя были и евреи, обращенные в мусульманство, также селившиеся обособленно, по соседству с еврейскими слободами [Сухарева 1958: 89]. Это была особая группа населения, состоявшая из нескольких сот еврейских семейств, к которым все относились с презрением. Они не могли заключать браки с таджиками или узбеками, а лишь с персидскими рабами. Разговаривали туземные евреи на особом таджикско-еврейском диалекте и имели мало общего со своими европейскими соплеменниками, в том числе из Европейской России.

В состав коллекций по Бухарскому ханству входят фотографии местных евреев. На одном из снимков показана молодая состоятельная еврейская семья с тремя детьми (колл. № 255-174).

На снимке видно, что одежда женщины имела некоторое отличие в покрое и расцветке платья по сравнению с традиционным среднеазиатским костюмом. В отличие от местных мусульманок бухарские еврейки свои лица не закрывали, как и показано на снимке. Судя по фотографии, мужской костюм бухарских евреев напоминал одежду основного населения, за исключением головного убора. Мужчины, как и мусульмане, брили голову, оставляя две длинные пряди — локоны на висках (пейсы), которые на снимке видны у мужчины и мальчика. По впечатлениям приезжих иностранцев, долготелее пребывание среди мусульман наложило на их внешность отпечаток, хотя они отличались от остального населения [Логофет 1911: 182].

Как иноверцы, бухарские евреи пользовались ограниченными правами, так же как и другие немусульмане. Им было разрешено носить лишь темные однотонные халаты, как на мужчинах на снимках (колл.

Бухара. Евреи.

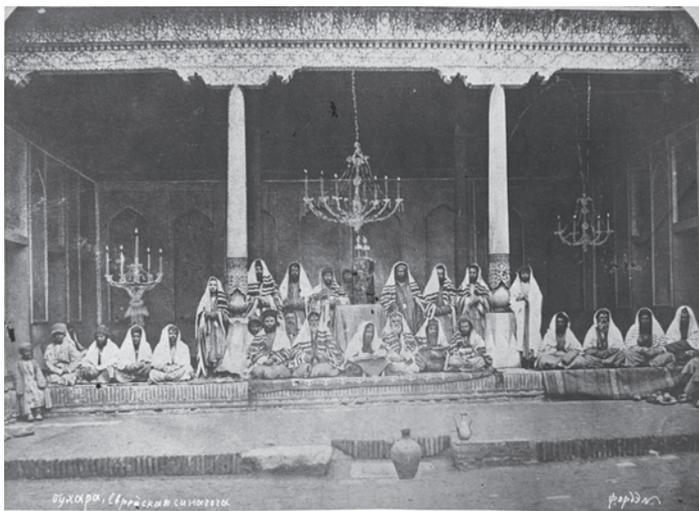
Бухара. Евреи. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-174

И-1179-65; 1320-41, 42). Им запрещалось носить чалму. Вместо нее они использовали меховой головной убор установленного образца, *тильпак*, небольшую четырехугольную шапку из черного сукна, отороченную ка-

ракулем, как у мужчины со снимка; подпоясываться куском ткани или носить пояс, подобно мусульманам, они тоже не могли. Халаты мужчины должны были подпоясывать веревкой, что выделяло их среди мусульман. Эти детали одежды указывали правоверным на немусульман. Они также не имели права носить сапоги. В некоторых городах ханства бухарские евреи могли разезжать только на ослах, в других — должны были постоянно ходить пешком, что было значительным лишением в стране, где пешком почти никто не ходил [Соколов 1894: 45].

Иноверцы не имели права селиться вне своего квартала. На фотографиях показана улица еврейского квартала Бухары, своего рода восточное гетто. Она представляла собой узкий коридор с высокими стенами. По свидетельству очевидца, жилые дома еврейского квартала «были втиснуты в крохотные участки и потому вытянуты вверх до необычайности» [Ремпель 1981: 12]. Дома местных евреев не разделялись на внутреннюю женскую и внешнюю мужскую половины, характерные для мусульманских жилищ.

Восприняв от местного населения образ жизни, одежду и даже во многом нравы, бухарские евреи строго придерживались законов иудаизма. Синагоги существовали почти во всех городах Бухарского ханства. В Бухаре были две действующие синагоги. На фотографии показан интерьер и предметы культа старой синагоги в Бухаре, возраст которой почти триста лет (колл. № 255-175).

Бухара. Еврейская синагога.

Бухара. Еврейская синагога. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-175

Синагоги зального типа, как на снимке, имели плоские потолки. В стене, ориентированной к Иерусалиму, находился шкаф, в котором хранились свитки Торы, трубы и другие принадлежности богослужения. На фотографии в центре зала видна *тэва* — кафедра на помосте, расположенная недалеко от шкафа для свитков Торы. Иногда залы синагоги имели несколько опор в центре. Как показано на снимке, две опоры расположены около кафедры. Опоры в синагогах обычно не декорировались. В синагоге на фотографии у колонн разные основания. Роспись на стенах отсутствовала [Вышенская 1995].

На фотографии синагоги в зале вдоль стен и вокруг кафедры находятся длинные сидения, устланные коврами. На них могли сидеть молящиеся. Внутреннее убранство синагоги было очень скромным. Лишь по верхней части стены проходит широкий бордюр, украшенный геометрическим узором. Старая бухарская синагога, которая, видимо, и показана на фотографии, славилась дорогими коврами, богатыми вышивками в технике сюзане, украшавшими шкаф для хранения Торы. По воспоминаниям европейских путешественников, старая синагога в Бухаре находилась в хорошо сохранившемся здании. На снимке также показаны ритуальные предметы, среди которых кувшин для омовения рук, стоящий в центре зала [Дворкин 1995]. Справа стоит мужчина, который держит посох, использовавшийся во время богослужений, справа и слева расставлены светильники, слева — еще подсвечник.

Синагоги были центром духовного сплочения, общения, культуры. При синагогах имелись библиотеки, книги в которые чаще всего доставляли из Палестины [Логофет 1911: 204]. Здесь детей обучали языку, традициям, оказывали помощь нуждавшимся. На снимке еврейская школа в Бухаре (колл. № 255-176).

Фотографу удалось собрать огромное количество детей. В нижней части снимка разместились дети разных возрастов. Они выглядывают и с верхней галереи. На детях обычная среднеазиатская одежда, халаты, или платья-рубашки — на девочках. У большинства детей на головы надеты тюбетейки, лишь у девочек постарше повязаны платки концами назад.

Бухарские евреи кроме занятий торговлей (продажи чая, шелка-сырца, «красного товара») работали в производстве шелка, им принадлежали заведения по окраске шелка и пряжи. Тех, кто был связан с красильным делом, обычно узнавали по рукам, слегка окрашенным синькой. Женщины из еврейского квартала в отличие от других бухарок наравне с мужчинами занимались торговлей. Они скупали модные товары и разносили их по женским половинам домов для продажи [Верещагин 1883: 84].

Бухара. Еврейская школа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-176

В материалах О.А. Сухаревой отмечалось, что в еврейских слободах забивали скот и торговали мясом. Кроме того, местные евреи были производителями запрещенных мусульманским правом спиртных напитков и тайными торговцами ими. Они владели хлопкоочистительных заводов, были перекупщиками. В ростовщичестве с ними конкурировали индийцы.

Индийские ростовщики играли большую роль в системе кредитования местного населения Бухары в конце XIX — начале XX в. Когда человек нуждался в мелком кредите, он обращался к ним. Ростовщики выдавали деньги под высокие кредиты.

Индийские ростовщики и менялы обычно размещались на городских базарах в специальных рядах, прячась от солнца под зонтами. В лавочках менял, *sarraf*, возвышались груды мелких медных монет [Обручев 1890: 430]. Ростовщики вели расчеты с помощью особой па-

лочки — бирки. Зарубками на них отмечали очередные расчеты. Их должниками были как крупные купцы и богатые горожане, так и мелкие бухарские ремесленники. Наиболее значительную группу их должников составляли солдаты эмира. В дни, когда эмир выплачивал солдатам жалование, ростовщики с самого утра шли на Регистан, к цитадели эмира, чтобы собрать долги.

С. Айни вспоминал, как в 12 часов дня индийцы надевали черные стеганные халаты, которые бухарским правительством были им «назначены для ношения как неверным», подпоясывались веревкой и надевали на голову особую четырехугольную тюбетейку, не обшитую по краю тесьмой (в отличие от тюбетеек местного фасона). Каждый из них клал несколько десятков счетных палочек в мешок, засовывал его за пазуху таким образом, чтобы были видны концы этих палочек, на которых были записаны имена должников. Профессия мелкого ростовщика считалась среди приезжих индийцев самой легкой и спокойной.

Бухарские индийцы были большей частью приезжими из пограничного с Афганистаном города Пешевара в Индии. Э. Реклю называл бухарских индийцев *мультианцами*, т.е. выходцами из города Мультиан [Реклю 1898: 461]. Они жили, придерживаясь своих обычаев, не смешиваясь с местным населением. Индийцы селились не только в Бухаре, но и в других городах ханства, Гиждуване, Вабкенте, Карши и др., где многие из них приобрели собственность в виде земли, домов, караван-сарая [Логофет 1911: 181]. Издавна Бухарское ханство, лежащее на древнем торговом пути, ведя торговлю с Индией, разрешало индийским купцам устроить здесь караван-сарай, склады и жить в ханстве. Большой спрос на индийскую кисею, парчу, чай и краску привлек в ханство много индийцев. Сначала они занимались только торговлей, а затем перешли к деятельности менял и ростовщиков.

Некоторые из индийцев занимались торговлей драгоценными камнями, которые покупали у них ювелиры и медники. Каждый индеец имел свое «место», которое, покидая Бухару, он передавал вместе со своими делами родственнику. Если умирал кто-нибудь из индийцев и у него не оставалось наследников, то все его состояние переходило бухарскому правительству.

На музейных фотографиях показана одежда бухарских индийцев. Н. Ордэ снял с натуры сценку «Индусы-музыканты» (колл. № 255-182).

В Индии существовало множество бродячих музыкантов, которые пели и играли в людных местах или по приглашению в домах. На снимке они раскинули на земле коврики, сняли обувь, сели и взяли в руки инструменты. Рядом с ними стоит кальян. Вероятно, в центре сидит пе-

Индусы-музыканты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-182

вец. Он поет и бьет в такт руками в барабанчики. Двое других музыкантов играют на струнных инструментах. Исполнитель справа установил инструмент на колено и играет на нем с помощью смычка. На двоих исполнителей надета чалма. Такая уличная сценка с выступлением бродячих индийских музыкантов вряд ли была возможна в Бухаре. Вероятно, этот кадр случайно оказался в составе фотоколлекции Н. Ордэ по средней Азии. Но и в Индии Н. Ордэ (на основании изучения его четырехтомного альбома изображений из собрания РНБ) не был. Таким образом, получается, что сценку «Индусы-музыканты» Н. Ордэ увидел где-то вне Индии.

В музее хранится редкая фотография «Карка. Индусы, курильня» (колл. № 1403-112). На снимке можно увидеть, что одежда бухарских индийцев состояла из халата, который напоминал местный, и довольно узких штанов. На некоторых из них вместо халата надет кафтан, видны рубахи с косым воротом.

Фотограф снял бухарских индийцев, курящих чилим. По всей видимости, это курильщики опиума. В ряде стран наркотики издревле использовали в традиционной медицине в малых дозах для поддержания сил. По сведениям некоторых авторов, относящимся к 1872 г. и более

Карка. Индусы.

Карка. Индусы. Курильня. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-112

позднего времени, например, 1885 г., составленным на основе опросов местных врачей (*табибов*), опиум в Бухаре и Русский Туркестан привозили контрабандой из Индии через Афганистан и продавали небольшими шариками [Каталог Туркестанского отдела 1872: 44; Моравицкий 1885]. Авторы публикаций о Бухаре конца XIX — начала XX в. писали о существовании специальных притонов наркоманов, ночных *опикуррилен*. Один из приезжих иностранцев описывал обед у бухарцев. Хозяева постоянно раздували кальян с опиумом и подносили его гостям, которые по очереди делали одну затяжку и передавали следующему [Фридрих 1910: 23].

С. Моравицкий отмечал, что в Фергане опиум употребляли в виде таблеток, кашец с примесью других наркотиков и курили [Моравицкий 1885: 15]. Как видно по снимку «Карка. Индусы. Курильня», кальян для курения наркотика был похож на обычный, но чубук был толще, тулово круглее и глиняная чаша для табака вместительнее.

По словам известного историка Бухары Л.И. Ремпелья, до сорока процентов взрослых мужчин в Бухаре употребляли разного рода вещества, содержавшие опий. Он писал о существовании в прошлом опиекурилен, называя их вместе с игорными домами и *бачебази* «наиболее темной стороной быта старой Бухары» [Ремпель 1981: 65]. Внешне опиекурильни походили на обычную чайхану. Их называли *опиум-ханэ* или *токия-ханэ* и, по словам С. Моравицкого, обычно в этих заведениях на полу был разостлан войлок и положена подушка. Возле них горела лампа, лежали принадлежности для курения опиума — трубка, железные спицы и щипчики. В «*наша-ханэ*» посетители могли покурить анашу, в *кукнар-ханэ* желающие пили дурманящий напиток, при этом им предлагали чай и еду. В отличие от этих заведений в опиум-ханэ продавали только трубку, и они считались самыми дорогими. Курильщик вдыхал в себя дым зажженного опиума раза два-три, затем ложился. В некоторых случаях опиум соединяли с табаком.

В рассказах о бухарских индийцах авторы писали, как вечерами из специально привезенных из Индии металлических стаканчиков они пили напиток, вероятно, с сильным опьяняющим действием, т.к. после этого между ними происходили ссоры и драки. По сведениям С. Моравицкого, индийцы Ферганы пили напиток под названием *сабз-аб*. Его готовили из листьев конопли.

В некоторых описаниях местного быта XIX в. встречается изображение сцен курения гашиша. В.В. Верещагин рассказывал, как в приюте для странствующих нищих курили анашу, пили наркотический напиток *кукнар* и принимали опиум [Верещагин 1883: 61–62]. П. Маев наблюдал, как во время праздника, *тамаша*, «принесли чилим, и в воздухе понеслись клубы удушливого сладковатого дыма. Это анаша, которую положили вместе с табаком в трубку» [Маев 1876: 303]. С. Айни отмечал, что находилось немало охотников покурить такую трубку: «Когда вся трубка наполнилась дымом, он поднес отдушинку ко рту одной из собак и через чубук вдунул дым в пасть собаке, с наслаждением выдохшей этот дым. Так дал он покурить второй собаке <...> затем дали во второй раз покурить собакам» [Айни 1954: 196–197].

На фотографии «Карка. Индусы. Курильня» бухарские индийцы сидят в помещении на фоне стены, на которой видны надписи и рисунки фигурок лошади, солнца, человечка.

Литературные сведения о жизни индийской колонии в Бухаре бедны. Поэтому особую значимость приобретает такой источник, как музейные фотографии, относящиеся к концу 1880-х годов. По сведениям А. Борнса, трижды посетившего Бухарское ханство с 1831 г., количество индийцев в Бухаре с начала 1830-х годов значительно увеличилось

[Борнс 1849: 408]. Это было связано, возможно, с неудачами работы первых английских разведчиков в Средней Азии, одним из которых был сам А. Борнс. Вместо разведчиков-англичан (некоторые из них были казнены в Бухаре — Вейберг, Стодарт, Аббот, Шекспир, Конолли) в Среднюю Азию стали засылать под видом купцов индийцев-разведчиков, особенно после 1844 г. [Соколов 1965: 130]. С появлением в крае русских индийцы стали исчезать и возвращаться на родину, постепенно транзитная торговля из Индии стала переходить в руки русских фирм.

Среди иноверческого элемента в Бухаре индийцы составляли все же небольшое число [Бартольд 1963: 374]. По сведениям А. Борнса, в 1830-е годы индийская колония Бухары насчитывала 100—150 человек. Это были исключительно мужчины. Им не разрешалось привозить в Бухару своих жен, а различие религий не давало им возможности жениться здесь: «Они не могут покупать невольниц, дабы правоверная женщина не была осквернена неверующими и, наконец, им не позволено перевозить свои семейства» [Борнс 1894: 407]. Бухарская администрация назначала среди них главного, который надзирал за всеми и выведывал, кто сколько заработал.

Как писал А. Борнс, индийцы не могли носить мусульманское платье, а должны были ходить в особенном платье иноверца: «Индус в одежде, столько же несвойственной ему самому, сколько и его отчизне: небольшая четырехугольная шапка и шнурок вместо пояса отличают его от магометан и <...> предостерегают правоверных от осквернения их обычного приветствия» [Борнс 1849: 391]. До прихода русских они, как и бухарские евреи, должны были одеваться в черные халаты и подпоясываться веревкой, *зуннар*, символом неверия. С. Айни отмечал, что индийцы отличались не только внешним видом, но и специфическим запахом, т.к. смазывали тело особым маслом [Айни 1954: 426].

Если судить по фотографиям Н. Ордэ, внешне бухарские индийцы выделялись также и тем, что на лбу у них красной краской была сделана метка. Это заметно на снимках. Некоторые авторы считали это обозначением символа «священного пламени» [Реклю 1898: 461]. На снимке видно, что индийцы носили подстриженную в кружок бороду, а голову чаще всего брили, оставляя на затылке длинные волосы.

В названии одного из снимков Н. Ордэ подчеркнул, что бухарские индийцы были огнепоклонниками (колл. № 1403-110).

Индийские огнепоклонники, парсы (парси), считались выходцами из Персии. В Индии последователи древнего культа поклонения огню, солнцу, небу, жили главным образом в Бомбее, среди них было много богатых купцов. Они были грамотными людьми, энергичными, предприимчивыми, зачастую получали хорошее образование. Они при-

Бухара. Индусы-огнепоклонники.

Бухара. Индусы-огнепоклонники. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-110

возили в Бухару из Индии с собой книги. На фотографии один из индийцев держит в руках раскрытую книгу. Индийские парсы, сохраняя родной язык, перешли на новоиндийский гуджаратский язык, на котором была написана и их богословская литература. Со снимков Н. Ордэ смотрят серьезные лица парсов. А. Борнс так характеризовал бухарских индийцев: «Поведения они вообще самого трезвого и хорошего. Судя по их неизменной важности, можно думать, что они дали обет никогда не смеяться» [Борнс 1894: 406].

На фотографии «Бухара. Карка. Индусы. Обед» (колл. № 1403-111) присутствуют те же пять человек с кадра «Бухара. Индусы-огнепоклонники». На этой фотографии тоже можно заметить метки на лбу у индийцев, которые могли изображать знаки солнца, огня и язычок пламени [Логофет 1911: 181].

Бухара. Индусы.

Бухара. Карка. Индусы. Обед. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-111

Н. Ордэ сфотографировал индийцев, сидящих, подогнув под себя ноги, на ковре, один из них курит чилим. Он в чалме, трое других — в маленьких круглых шапках, похожих на тубетейки. Один без головного убора, показана его прическа с довольно длинными волосами впереди. На двоих надеты цельнокроенные халаты без плечевого шва с длинными рукавами, широкими наверху и узкими у кисти, напоминающие по покрою одежду местного населения. На фотографии видно, что у индийца в чалме с чилимом или кальяном верхняя одежда опоясана трижды широким матерчатым кушаком, а у других халаты распахнуты. На индийцах нижние белые рубахи с длинными рукавами и вырезанной по шее линией горловины, длинные и довольно узкие штаны.

На снимке «Бухара. Карка. Индусы. Обед» перед индийцами стоят металлические сосуды (посуда из глины считалась нечистой). Бухарские индийцы были богаты, но жили просто, отказывая себе во всем. В кара-

ван-сараях каждый из них имел свою темную, но чистую комнату. Они не ели мяса, сами готовили себе еду. По закону своей веры, индийцы не ели пищу, приготовленную чужими руками. Приверженность своим обычаям у бухарских индийцев проявлялась в том, что они бросали или разбивали свои кальяны, посуду и другую утварь, если к ней прикоснулся человек другой веры.

А. Борнс считал, что в Бухаре индийцы пользовались веротерпимостью, хотя им не разрешалось строить храм и проводить религиозные процессии, они не имели права ездить верхом по городу, могли жить только в своих караван-сараях, построенных по особому образцу [Борнс 1894: 406; Фридрих 1910: 48]. На снимках «Бухара. Карка. Индусы. Обед» и «Бухара. Индусы-огнепоклонники» показано, что мебели в жилищах индийцев не было никакой, они сидели на возвышении.

Внешностью парсы напоминали персов. Мужская одежда бухарских индийцев-огнепоклонников состояла из широкой рубахи белого цвета, которую носили прямо на теле и потому считали самой священной частью костюма. Сверху надевали длинные кафтаны с пуговицами и застежкой спереди или халаты с широкими и длинными рукавами. Индийские парсы носили тюрбан. В Бухарском ханстве этот убор запрещался немусульманам, поэтому на снимке видны небольшие шапки, на ногах сафьяновые башмаки. Непонятно, зачем парсы приезжали в Бухарское ханство, ведь со своей исторической родины, Персии, они уехали, спасаясь от мусульманского фанатизма. По всей видимости, в эмират приезжало незначительное количество индийцев-огнепоклонников, потому что фотография «Индийские похороны (сожжение трупа на костре), парзада (жрец), читающий молитву» не имеет к ним отношения.

Парсы выставляли тело умершего человека в особом сооружении и считали, что сожжение оскверняет огонь и воду.

В Индии этот обряд обычно проходил на берегу реки. Бедняки совершали его на соломе или просто на земле. Только зажиточные люди сжигали своих родственников. Обычно обнаженное тело покойного укладывали на приготовленный костер, как это показано на снимке. Его сжигали не всегда полностью, обугливали, затем снимали с костра и бросали в воды реки. На этом же снимке можно рассмотреть одежду бухарских индийцев, халаты и узкие длиннополые наглухо застегнутые сюртуки, головной убор — шапку с отворотом, закрывавшую уши и затылок.

На протяжении предыдущих десятилетий в отечественной научной литературе не было принято привлекать в качестве исторических

Индусские похороны. Сожжение трупа.

Индусские похороны. Сожжение трупа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ.
Колл. № 1403-109

или этнографических источников портреты приближенных бухарских эмиров, их родственников и самих эмиров. Эти материалы не изучали, при музейной регистрации не уточнялось, кто запечатлен на них.

Самой сложной и неясной по содержанию является серия фотографий Н. Ордэ с портретами сановников. Датировать время выполнения фотографий коллекции сложно, хотя это важно для установления имен конкретных исторических лиц, которые изображены на снимках и были первыми лицами эмирата.

В коллекцию Н. Ордэ, например, входят снимки с комментариями фотографа: «сын эмира», «братовья эмира» (неизвестно, какого), — что также затрудняет датировку коллекции. Кроме того, существуют разночтения в названиях самих фотоснимков. Например, одна фотография в музейных документах была зарегистрирована под названием «Бухарцы», при этом отсутствовала какая-либо информация о содержании

снимка. В подписи же Н. Ордэ, читаемой на негативе этого изображения, его содержание раскрывается следующим образом: «Брат эмира бух. Теперь паж» (колл. № 255-155). Поэтому при изучении данной коллекции необходимо придерживаться не только аннотаций, написанных музейными регистраторами, но и тех названий фотоснимков, которые дал им собиратель, Н. Ордэ.

Портреты высших чиновников эмирата содержатся также в другой коллекции, в которую входит фотография 1893 г., выполненная в Петербурге придворным фотографом В. Ясвоиным во время приезда бухарской делегации во главе с эмиром Абдул-Ахад-ханом (колл. № 1695-3). Обращение к этому снимку может помочь и в изучении коллекции Н. Ордэ.

Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой. В. Ясвоин. 1893 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-3

Так, в коллекции Н. Ордэ хранятся портреты двух эмиров: Музафара и его сына Абдул-Ахада. Изображение эмира Музафара из коллекции Н. Ордэ знакомо по публикациям о Бухаре конца XIX — начала XX в. По этому снимку видно, что он является пересъемкой с другой

фотографии. Например, наиболее ранней публикацией этого портрета эмира, 1887 г., стала книга В.В. Крестовского [Крестовский 1887]. Из этой книги, видимо, фотографию и переснял Н. Ордэ. Об этом портрете эмира Музаффара А.А. Семенов писал, что он был выполнен с редкой раскрашенной фотографии, принадлежавшей генералу от инфантерии Н.И. Гродекову (туркестанскому генерал-губернатору). На негативе переснятой фотографии Музаффара Н. Ордэ сделал приписку: «Покойный эмир Бухары Музаффар» (колл. № 255-157).

Эмир Бухарский. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана.
МАЭ. Колл. № 255-157

Этот снимок и слова собирателя на нем могут помочь в датировке всей бухарской коллекции, что важно при определении исторических персоналий на бухарских фотографиях. С учетом того, что эмир Сеид-Музаффар-Эддин-Богодур-хан правил с 1860 по 1885 гг. можно предположить, что остальные изображения коллекции Н. Ордэ относятся к периоду после 1885 г., но до 1894 г. (время поступления коллекции в музей), т.е. к начальным годам правления следующего эмира, Абдул-Ахада, к концу 1880-х — началу 1890-х годов.

Один из первых русских очевидцев, участник посольства в Бухару 1865 г. А.С. Татаринов описал внешность Музаффара: эмир с черной бородой, в белой чалме и красном халате сидел напротив дверей в глубине двора, боком у окна. А. Татаринову показалось, что Музаффару было лет сорок [Татаринов 1867: 157].

На снимке из коллекции Н. Ордэ эмир Музаффар изображен с небольшой черной бородой, подстриженными над губой усами и «большими черными глазами», которые он, «вероятно по привычке более, оставляет слегка прищуренными, и только изредка, вскидывая на кого-либо взор, раскрывает их в полную величину» [Крестовский 1887: 135]. Иностранцы отмечали, что борода у эмира была подкрашена по персидской моде и при лучах света отливала красноватым цветом. Щеки его были напудрены и подрумянены, а брови и глаза слегка подведены. А. Дониш отмечал, что эмир Музаффар просыпается около десяти часов утра и после утренних процедур «в течение получаса смотрится в зеркало, причешивается, накрашивается сурьмой и румянами» [Дониш 1976: 81].

В 1874 г. директор азиатского департамента тайный советник Н.П. Стремоухов посетил ханство. По его описанию, эмир Музаффар был небольшого роста, «чрезмерно толстый» (что заметно и по его портрету из коллекции Н. Ордэ). На приеме эмир был одет в простой шелковый халат. Несмотря на подкрашенную бороду, брови, глаза и щеки, «все в нем обличало человека, истощившего силы на плотские удовольствия. Может быть, когда-то и очень красивый, он теперь имел вид весьма неприятный» и возлежал на шелковых подушках [Дониш 1976: 647]. Эмир приветствовал гостей медленно и очень тихим голосом, что Н.П. Стремоухов объяснял одышкой от тучности.

В январе 1880 г. эмир Музаффар принимал Г.А. Арндаренко, служившего Самаркандским уездным начальником и часто посещавшего Бухару: «Среди огромной залы, оклеенной обоями и устланной паласом соответствующих размеров, на широком кресле, обитом кумачом, сидел в шубе, покрытой канаусом, повелитель ханства — красивый, пухлый, солидный годами брюнет с мягкими темно-карими глазами, с небольшой узбекской бородой, со спокойными манерами» [Бухара и Афга-

нистан 1975: 32]. Ответив на поклон гостя улыбкой, пожатием руки и приветствием, Музаффар-хан предложил ему единственное в комнате кресло. Во время аудиенции Г.А. Арендаренко обратил внимание на дрожание голоса, рук и трясущуюся голову эмира.

В 1882–1883 гг. после аудиенции у эмира Музаффара писатель подполковник В.В. Крестовский отмечал, что эмир был одет просто и «совсем не пестро» «в обыкновенный шаиновый халат темных красок, подбитый мехом». В Бухару посольство прибыло зимой, на голове у эмира была белая чалма из кашмирской шали.

По словам В.В. Крестовского, лицо эмира сохраняло остатки прежней красоты. Другие присутствовавшие на приеме отмечали, что голова и руки у эмира временами тряслись. Н.П. Стремоухов указывал, что эмиру 56 лет, а спустя десять лет В.В. Крестовский давал ему 54 года. Эти приезжие иностранцы не знали точного возраста Музаффара. Но описания внешности эмира у них совпадают, т.е. за десять лет эмир не изменился. К моменту посещения эмира русским посольством, в состав которого входил В.В. Крестовский, в зале для приема гостей заметно прибавилось мебели европейского образца: кроме кресла, которое эмир предлагал Н.П. Стремоухову, появились диванчик и три табурета. Но их было недостаточно: «...мебель путешествует с нами от самой русской границы: как только посольство выезжает куда-либо с официальным визитом, тотчас же несколько местных приставленных к нам джигитов забирают в охапку все находящиеся у нас венские стулья и табуреты и взапуски, перегоняя друг друга, пеше и конно спешат в тот дом, куда предстоит нам ехать, чтобы предупредить там наше прибытие... При возвращении посольства домой повторяется та же история» [Крестовский 1887: 152].

По впечатлениям людей, встречавшихся с эмиром Музаффаром, выражение его лица было весьма приветливым и даже благодушным. Рассказывали, что при этом у него был один условный кривой взгляд исподлобья, и горе было тому, на кого он упадет: «Палач поволочет его на веревке, накинутой на шею, через весь город к базарной площади, обыкновенно служащей местом публичных казней» [Крестовский 1887: 173].

Эмир Музаффар, как верховный правитель, имел право объявлять приговоры осужденным. Иностранцы, посещавшие Бухару, отмечали, что никакая инквизиция не в состоянии была сравниться с жестокостями во времена Музаффара. По мнению ряда авторов, местные нравы во многом напоминали средневековые. Они описывали торговлю невольниками, тяжелое положение осужденных преступников, быт бухарской тюрьмы, места содержания заключенных, наполненные клещами, скорпионами и прочими гадами, всевозможные пытки.

После прихода русских первым из принятых эмиром Музаффаром законов была отменена продажа невольников и освобождены рабы, что расценивалось как смелый поступок для страны, где рабство существовало издавна. Затем были отменены пытки и ограничено применение смертной казни.

На снимке из собрания МАЭ бухарских фотографий Н. Ордэ показана группа колодников, арестантов, с ошейниками, прикованными цепями друг к другу (колл. № 255-183) На другом снимке снято здание бухарской тюрьмы *зиндан*, страшного подземелья, в котором томились закованные в кандалы осужденные.

В Бухарском ханстве смертная казнь чаще всего производилась через повешение, либо приговоренного просто резали ножом или вспарывали ему горло перед входом в Арк. Перерезывание горла и отсечение головы считалось самой обычной казнью.

На фотографии Н. Ордэ запечатлена смертная казнь в Бухаре (колл. № 255-184). Руки трех узников связаны, у одного — за спиной, у двоих — спереди. Это означало, что жить осужденному осталось считанные минуты. Узников сопровождают стражники. В руке у левого стражника большая палка, у среднего — сабля.

Смертная казнь в Бухаре. Н. Ордэ. Середина XIX в. МАЭ. Колл. № 255-184

Писатель А. Аини оставил подробное описание казни в Бухаре. За соблюдением порядка казни строго следил первый визирь. Один из палачей «ударял небольшой дубинкой по голеним осужденного, тот падал лицом вниз <...> и с силой прижимал его голову к земле. Второй палач вынул из ножен коротенький нож с узким лезвием. Убив узника, он вытер нож о халат казненного и убрал его в ножны» [Аини 1954: 2]. На фотографии показано, как одному осужденному, стоящему на коленях со связанными впереди руками, подняв за подбородок голову вверх, палач перерезает ножом горло, другой, уже казненный, лежит на полу. По качеству снимка заметно, что он ретуширован. Возможно, даже подрисовано растекающееся пятно крови. Третий осужденный со связанными сзади руками ожидает своей участи.

Столь яркое описание казни нечасто встречается в литературных источниках, тем более среди документальных изображений. М.С. Андреев в своей монографии об устройстве и жизни бухарского Арка привел описание подобного вида казни. Но при публикации основного текста книги редакторы его опустили из этических соображений, как они сами это отмечали, оставив лишь несколько строк: «Вытащив нож из горла казненного, палач, как и всякий среднеазиатский палач или часто и простой убийца, слегка слизывал кровь с ножа, делая это, чтобы отвратить пагубное влияние убитого им человека, голос его крови» [Андреев, Чехович 1879: 88]. Другие очевидцы подобных сцен добавляли, что «бухарцы ухитряются соединить обезглавление с повешением». Осужденному сначала перерезали горло, а потом вздергивали за шею на виселице [Туркестанские ведомости. 1906. № 114]. Глядя на фотокадр Н. Ордэ, можно лишь надеяться, что для документальной съемки казни автору изображения с его габаритной и тяжеловесной фотоаппаратурой потребовалось бы много времени, в том числе и для наведения «резкости». Вряд ли бы непривычный к подобным сценам фотограф смог бесстрастно через объектив аппарата наблюдать жуткую картину казни людей, думая в это время лишь о качестве и достоверности съемки. Возможно, это павильонная съемка инсценировки казни «по всем правилам», сделанная Н. Ордэ для того, чтобы добавить яркости сюжетам своей фотоколлекции из жизни эмирата.

Музаффар был единственным сыном бухарского эмира Насруллы. В последние годы царствования отца Музаффар находился в Кермине. До этого, как наследник престола, он правил в качестве бека в Карши. Здесь он организовал заговор против отца. Заговор был раскрыт, его участников казнили, а Музаффара перевели в Кермине, ближе к отцу. Здесь он жил в опале. Музаффар начал править после смерти эмира Насруллы.

С правлением эмира Музаффера связано покорение Бухарского ханства Россией. В 1868 г. русские взяли Самарканд, и эмир Музаффар потерял лучшую половину своего ханства в долине реки Заравшан, которая вошла в состав Российской империи. Бухара оказалась в руках русских. Когда запирали каналы, проведенные из Заравшана, город лишился воды.

Правление эмира Музаффера длилось 26 лет. Современники отмечали, что во время эпидемии холеры, которая вспыхнула в Бухаре и ее окрестностях, когда пустели целые кишлаки, Музаффар находился в Карши. Там он заболел и умер. Придворные вызвали его наследника Абдул-Ахада и привезли в Арк [Шубинский 1892: 6–7].

Вероятно, переснятым портретом покойного эмира Музаффера Н. Ордэ решил дополнить фотоколлекцию по Бухаре, которая поступила в музей в 1894 г.

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. Н. Ордэ. 1880-е годы.
Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-156

Портрет эмира Абдул-Ахада из коллекции Н. Ордэ «Эмир Бухары Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан» (колл. № 255-156) по окружающему интерьеру и костюму эмира полностью совпадает с аналогичным портретом из другой музейной коллекции, выполненным фотографами А. Ренцем и Ф. Шрадером в Петербурге (колл. № 1695-5).

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. А. Ренц и Ф. Шрадер.
После 1890-х годов. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ.
Колл. № 1695-5

На этих снимках эмир изображен в парадной форме с царскими наградами на груди, орденой лентой через плечо и погонами (нашитыми на халат!). Обе фотографии выполнены на фоне дверного проема и открытых резных створок деревянных дверей. Судя по фрагментам рисунка ковра на полу и дверям, портреты были выполнены не в Петербурге, скорее всего, в Бухаре, несмотря на то что на фирменном паспорту А. Ренца и Ф. Шрадера указан адрес их фотоателье в Петербурге. Разница между снимками состоит в том, что у Н. Ордэ Абдул-Ахад сидит в кресле (на троне — ?), а у А. Ренца и Ф. Шрадера стоит около него. Обе фотографии без даты. В коллекцию А. Ренца и Ф. Шрадера вошел еще один парадный портрет эмира Абдул-Ахада со свитой и сыном, а также отдельно выполненные портреты главы государства и его наследника.

В уточнении времени создания фотоколлекции Н. Ордэ и в определении важных лиц, изображенных на снимках, может помочь портрет Н. Ордэ «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж» (Колл. № 255-155). Одновременно можно попытаться проверить достоверность комментариев собирателя к фотоматериалам.

Действительно, у эмира Абдул-Ахада был родной брат Сеид-Мир-Мансур, который жил в России и учился в Петербурге в Пажеском корпусе. По сведениям В.В. Крестовского, посетившего Бухару в 1882—1883 гг., Мансур в это время жил в Петербурге [Крестовский 1887: 101]. К 1892 г., времени приезда бухарской делегации в Петербург, Мансур после окончания Пажеского корпуса в 1886 г. уже служил в кавалерии и жил в Москве. В связи с приездом в Россию бухарской делегации во главе с эмиром в 1892—1893 гг. и возросшим в печати интересом к этому событию был опубликован его портрет. В бравом драгуне с густой черной бородой невозможно узнать юного принца со снимка Н. Ордэ [Московский листок. Иллюстративное прибавление. 1893. № 2]. Таким образом, фотографию из коллекции Н. Ордэ «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж» можно датировать периодом до 1886 г., а портрет покойного эмира Музаффара — периодом между 1885 г., годом его смерти, и 1894 г., годом поступления коллекции в МАЭ. Получается, что Н. Ордэ посетил Бухару в конце 1885 (наследник Музаффара взошел на престол 12 ноября) — первой половине 1886 г. (год окончания принцем Мансуром Пажеского корпуса).

В коллекции Н. Ордэ хранится фотография «Бухарские сановники» (колл. № 1403-107). На возвышении, покрытом орнаментированным ковром, расположились высшие чиновники государства. За их спинами на стене висит еще один ковер, а в центре стены находится проем с распахнутыми створками дверей. Интерьер помещения убеждает в том, что Н. Ордэ выполнял бухарскую серию снимков непосредственно на местах, в самой Бухаре.

Брат эмира бух. Теперь паж. Бухара. Ос. Нас. Зап. Туркестана Н. Ордэ. 1894 г.
МАЭ. Колл. № 255-155

Крупнейший специалист по Востоку М.С. Андреев, используя материалы З. Мухиддинова, А.А. Семенова и С. Айни, упоминал об этикете расположения бухарских сановников рядом с эмиром в зависимости от ранга: «Существуют “опоры эмиров”, кои в присутствии государя ислама имеют определенные места для сидения». Однако порядок рассаживания этих чинов он не указал. Далее востоковед продолжал, что,

Бухара. Сановники Эмира.

Бухара. Сановники эмира. Бухара. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1403-107

когда все группы сановников после окончания приветствий удалялись, церемониймейстер отводил их на двор, «в парадной части которого был установлен трон эмира, и рассаживал их по рангам на выложенной кирпичом, но не покрытой коврами суфе» [Андреев, Чехович 1972: 36]¹. На снимке Н. Ордэ сановники сидят в отсутствие эмира и на ковре.

В настоящее время трудно предположить, кто именно изображен на фотографии Н. Ордэ «Бухарские сановники». В правой части снимка

¹ Н. Остроумов писал о помосте во дворе эмира, устроенном в 1669 г. во время приема русских послов в Бухаре, Бориса и Семена Пазухиных. На нем сидело более 100 человек высших бухарских сановников, а сам эмир сидел на четырехугольном возвышении с шестью ступенями, покрытыми золотой парчой. В 1721 г. во время приема русского посла в Бухаре Ф. Беневени хан сидел на подушках на престоле, на возвышении. К престолу с двух сторон вели ступени, и посол взшел на вторую ступень, на которой сидел кушбег. Приблизиться к хану ближе было нельзя [Бухарские и хивинские посольства 1907].

ниже остальных чиновников сидит бухарец в расшитом халате с погонями и в высокой меховой шапке. Под его изображением по негативу снимка рукой фотографа сделана подпись: «Военный министр». В историко-этнографической литературе (описаниях современников и монографиях более поздних лет) не сложилось четкого представления о разделении функций многих чинов и должностей эмирата. По одним сведениям (например, сообщениям дипломата конца XIX в. Н.П. Стремоухова), в Бухарском ханстве часто одно лицо соединяло и военные, и гражданские обязанности [Стремоухов 1875: 685]. Известные же исследователи А.А. Семенов, Н.А. Кисляков утверждали, что военные и гражданские чины различались [Кисляков 1962: 36–37].

Чтобы приблизиться к разрешению загадки, обратимся к другой фотографии из коллекции Н. Ордэ «Ислам-бамбек куш-беги. Министр Бухары» (колл. № 255-185), который изображен в одежде, похожей на военную. Возможно, он же присутствует и на фотографии «Бухарские сановники» и выделен фотографом как военный министр. Костюм этого бухарца в военной форме на портрете скорее похож по описанию на костюм начальника артиллерии бухарской армии, тупчибаши, который встречал в 1882–1883 гг. русское посольство.

Его описание имеется у В.В. Крестовского: «Это был худощавый мужчина лет 50-ти, с лицом персидского типа, в бобровой шапке и фиолетовом бархатном сюртуке мундирного персидского покроя. Рукава, грудь и полы были украшены серебряным шитьем, изображавшим длинные листья лилии. Вдоль груди шли два ряда по шесть гладких медных пуговиц. На плечах — серебряные витые эполеты со штаб-офицерскими кистями. На поясной серебряной портупее висела богатая кривая сабля в золотых ножнах, украшенных бирюзой и сердоликами» [Крестовский 1887: 110].

Крупнейший знаток бухарского административного управления А.А. Семенов отмечал, что существовало два тупчибаши. Один был начальником гарнизона Бухары и являлся как бы военным министром. Ему подчинялись начальники всех военных частей. Другой тупчибаши являлся комендантом Арка, «начальником артиллерии ворот высочайшей цитадели». В случае необходимости он замещал кушбеги в отсутствии эмира [Семенов 1954: 59]. Возможно, поэтому Н. Ордэ назвал портрет тупчибаши «кушбеги», имея в виду его как заместителя кушбеги. Среди наиболее влиятельных лиц при бухарском дворе в начале 1890-х годов П. Шубинский называл после кушбеги начальника артиллерии бухарской армии, тупчибаши, Мулла Махмуда и начальника гарнизона резиденции эмира во дворце Шир-Будун Хал-Мурад-Бека [Шубинский 1892: 25].

Ислам-бам бек кушбеги — министр Бухары. Н. Ордэ. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-185

Обратимся вновь к фотографии «Бухарские сановники». Если предположение о том, что часть коллекции Н. Ордэ со снимками бухарских чиновников выполнена (как изображение «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж») не позже 1886 г., верно, то в период до 1889 г. «верхним кушбеги» был Мулла Мухаммед-бий (Мулло Мухаммади). Его портрет имеется в книге В.В. Крестовского и относится к 1882–1883 гг. [Крестовский 1887]. В 1892 г. П. Шубинский упоминал 72-летнего Муллу Мухаммед-бия [Шубинский 1892: 6]. Можно предположить, что на снимке Н. Ордэ «Бухарские сановники» сидящий на возвышении старец с седой бородой и есть Мулла Мухаммед-бий.

Его биография служит иллюстрацией известного в истории Бухарского ханства факта о том, что персидские невольники, которых продавали в рабство туркмены, впоследствии занимали важные должности при бухарском дворе [Там же]. С первой половины XIX в. бухарские

эмиры стали привлекать к управлению страной, ставить на высшую административную должность кушбеги иранцев-шиитов: «По традиционным соображениям повелитель Бухары на должность, где более полезна покорность и преданность престолу, назначает <...> узбека, на ответственные места, где нужен большой политический такт и осторожность, в большинстве случаев назначаются <...> таджики или их сородичи из Ирана» [Семенов 1902: 973].

При эмире Насрулле был куплен раб-перс по имени Мухамеди [Стремоухов 1875: 660]. Затем он стал чиновником и возвысился. При Музаффаре он стал уже Мухамеди-бием кушбеги. Когда в 1874 г. Бухару посетил русский дипломат Н.П. Стремоухов, сын Мухамеди-бия, Мухаммед-Шариф, являлся нижним кушбеги [Семенов 1954: 66]. Как писал Н.П. Стремоухов, отец и сын возвысились, «женившись на оставших женах эмира» [Стремоухов 1875: 662]. Ахмад Дониш, таджикский просветитель XIX в., наблюдавший придворную жизнь в Бухаре, отзывался о Мулле Мухаммед-бие так: «хороший человек, но неграмотный» [Дониш 1967: 42, 61, 62, 85].

В коллекции Н. Орде хранится портрет одного из бухарских чиновников высшего ранга. Он запечатлен сидящим в кресле с орденом на левой стороне груди. Портрет называется «Бухара. Кушбеги. Первый министр» (колл. № 255-158). При сравнении этой фотографии со снимком «Бухарские сановники» становится очевидным, что на них запечатлен один и тот же бухарец.

На основании анализа опубликованных исследований, отдельных упоминаний, разрозненных сведений о жизни бухарского двора² можно попытаться сделать ряд предположений по поводу определения личности человека, изображенного на портрете «Бухара. Кушбеги. Первый министр».

После смерти кушбеги Муллы Мухаммед-бия в 1889 г. на должность кушбеги был назначен Ша (Джан, Джон) Мирзо (Мирза). А. Дониш писал, что «эмир Абдул-Ахад передал визирство всей Бухары в руки невежественного Шах Мирзы, инака своего» [Дониш 1967: 113]. При эмире Музаффаре Ша Мирзо сначала был у него слугой, потом при Абдул-Ахаде был назначен казначеем, затем беком в Хатырчи, а позже — беком в Шахрисябз [Шубинский 1892: 24].

² Н.А. Кисляков, Н.П. Стремоухов, А.А. Семенов, П. Шубинский, В.В. Крестовский, В.В. Бартольд, В.И. Липский, А. Борнс, В.И. Массальский, Д.Н. Логофет, А. Дониш, С. Айни, Б.И. Искандаров, Л.И. Ремпель, Л. Маджи, М.С. Андреев, О.Д. Чехович, М.Э. Никольский, Н. Фридрикс, В. Духовская, Н.И. Веселовский, Т.Г. Тухтаматов, В. Обручев и др.

Бухара. Первый министр.

Бухара. Кушбег. Первый министр. Н.Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население
Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-158

В 1892 г. Ша Мирзо было лет 40. Он возглавлял бухарское посольство, посланное в Петербург для передачи благодарности эмира за проведение через его владения железной дороги, в ответ на что царь подарил посланнику богатую шашку и наградил орденом св. Станислава. В Бухаре Ша Мирзо вместе с семьей и слугами постоянно жил в Арке в отдельном доме. Ша Мирзо исполнял обязанности кушбеги до своей смерти в 1905 г. [Тухтаметов 1977: 31].

Известно описание Ша Мирзо: он был «красивой наружности типичного персиянина, чрезвычайно словоохотливым» [Шубинский 1892: 24]. Но характеристика «красивая наружность» вряд ли подойдет к кушбеги на рассматриваемой фотографии.

В литературных источниках указывается, что в бухарском просторечии различали двух кушбеги. «*Куш-беги-йи-боло*» («*кулли-кушбеги*») называли «верхним кушбеги», т.к. он всегда жил в Арке, цитадели столицы, стоявшем на высоком холме [Андреев, Чехович 1972: 19]. В отличие от него «нижним кушбеги», который жил у подножия Арка, называли «*куш-беги-йи-пойон*» («*кушбеги-йи-калон*»). Но «нижнего» кушбеги обычно называли главным или верховным зякетчи, ведавшим налогом, девон-беги. Этот чин или звание был ниже, чем верхний или просто кушбеги и, по мнению многих авторов, «соответствовал европейскому министру финансов» [Семенов 1954: 54–57].

Пытаясь приравнять бухарские административные должности к европейским, приезжие иностранцы называли кушбеги («верхнего» кушбеги) первым лицом государства после эмира, первым министром. Некоторые исследователи называли кушбеги канцлером либо (как в Турции) великим визирем, комендантом Арка, губернатором города, хранителем личной печати и казны эмира. Кушбеги ежедневно представлял доклады эмиру в письменной или устной форме. По мнению А.А. Семенова, бухарскому управлению не было свойственно распределение функций государственного аппарата по отдельным ведомствам или министерствам, и чины не были связаны с определенными должностями [Семенов 1954: 64]. Отсюда такое разнообразие государственных дел, возложенных на кушбеги.

При описании центрального административного управления Бухарского ханства А.А. Семенов указал на факт существования в стране нескольких кушбеги и главного среди них — «кушбег-йи-калон» [Семенов 1954: 54]. Однако в других своих работах он подчеркивал все же, что «в Бухаре было два кушбеги. Один живет в самой столице ханства, ему подчинены провинции западной Бухары, другой живет в Хисаре и начальствует над областями восточной Бухары» [Семенов 1902: 974; 1900: 3]. Можно было бы предположить, что на портрете «Бухара. Кушбеги.

Первый министр» и в центре группового снимка «Бухарские сановники» Н. Ордэ сфотографировал известного и могущественного эмирского родственника гиссарского бека и кушбеги Астанкула (Остан-куль, Астан-кул, Останакул) [Семенов 1954: 54; Административное устройство Гиссарского бекства 1908].

Литературные источники сообщают, что рядом с эмиром Абдул-Ахадом находился его дядя, брат эмира Музаффара Астанкул, которого называли не иначе, как кушбеги, но кушбеги гиссарским. Он был беком гиссарским и обладал неограниченной властью в бекстве. После смерти Музаффара Астанкул возглавлял бухарскую делегацию в Петербург и в числе прочих бухарских сановников был награжден российским орденом. В описаниях авторов имя гиссарского кушбеги Астанкула часто упоминается среди имен лиц непосредственного окружения эмиров Музаффара и Абдул-Ахада.

По определению современников, бек гиссарский (хисарский) кушбеги Астанкул был одной из выдающихся личностей среди бухарских сановников. На страницах российских изданий сообщали, что Астанкул родился в 1829 г. у эмира Насруллы от персиянки, которую затем выдали замуж за одного из придворных. В детстве Астанкула забрали у матери и воспитывали вместе с будущим эмиром Музаффаром. Оба мальчика вместе играли и учились. Говорили даже, что эмир Насрулла колебался, кому из сыновей отдать престол. После вступления в 1860 г. на престол Музаффара братьев продолжала связывать тесная дружба. Астанкул также начал свою административную карьеру. Сначала его назначили *амлякдаром* (уездным начальником), через три года — беком. Астанкулу был пожалован чин *токсаба*, а затем в короткое время он получил и более высокое положение по службе [Астанакул-бек 1906].

Парваначи (парваначи) был одним из высших чинов Бухары. А.А. Семенов определял функции сановника в чине парваначи «выдавателем» писаного эмирского указа [Семенов 1954: 60]. В 1882—1883 гг. В.В. Крестовский приравнивал его полному генералу: «В этот чин могли быть повышаемы только родовитые узбеки, предки коих ознаменовали себя постоянною службою» [Крестовский 1887: 108] — и называл термином парваначи родственника эмира Астанкула (Останакула): «Благородный и дородный мужчина хорошего среднего роста лет за 50 <...> человек этот не только умен, но и знает себе цену» [Там же: 140].

В 1887 г. «Астанакул-бек-бий-кулли кушбеги получил чин аталыка, т.е. полного генерала» [Хамраев 1959: 30]. А.А. Семенов отмечал: «Чин аталыка давался редко (при последних двух эмирах его никто не имел, кроме гиссарского кушбеги Астанакула) и притом лицу особо по-

четному, пожилому и уважаемому, в знак особого уважения и расположения» [Семенов 1954: 59].

При восшествии на престол эмира Абдул-Ахада Астанкул сыграл важную и значительную роль, поддерживая своего племянника. В 1883 г. он присутствовал в качестве представителя Бухары в Москве на коронации Александра III [Дониш 1967: 111]. Тогда же вместе с ним приезжал молодой принц — наследник, будущий эмир Абдул-Ахад. Ранее Астанкул неоднократно приезжал в качестве бухарского посланника к представителям русской администрации в Ташкент и Самарканд [Астанакулбек 1906].

Астанкул бывал в Петербурге и был знаком со многими из российских высших чинов [Липский 1907]. В 1885 г. он был назначен беком Гиссара с титулом кушбеги — самым высшим чином и считался первым из вельмож Бухарского ханства [Административное устройство Гиссарского бекства 1908]. В его распоряжении имелся многочисленный штат чиновников (см.: [Туркестанские ведомости. 1906. № 112, 114; Хамраев 1959]). Таким образом, гиссарский кушбеги Астанкул принадлежал не только к знатнейшим, но и богатейшим людям во всей Бухаре. В Бухаре кроме эмира даже юридическим правом казни владел лишь гиссарский кушбеги Астанкул.

По воспоминаниям полковника Л.С. Борщевского его встреча с гиссарским беком Астанкулом происходила, когда тому было 77 лет. (Умер гиссарский кушбеги в 1906 г.) Старцем называл гиссарского Астанкула в 1894 г. и Б.Н. Литвинов. Сохранились его описания внешности Астанкула, «благообразного старца, бодрого, с умными глазами, с негустой бородой»: «На нем был шелковый стальной халат, дивной белизны чалма. На левой стороне груди сиял великолепный бриллиантовый вензель. Он хорошо понимал по-русски, и только этикет не позволял говорить не по-персидски» [Литвинов 1904: 328; Туркестанские ведомости. 1907. № 183]. Российские же представители поначалу, обращаясь к Астанкулу, называли его просто беком, полагая, что это не играет роли.

В 1898 г. гиссарский кушбеги принимал А.А. Семенова: «На тронобразном кресле сидел сам кушбеги, благообразный старец в роскошном светло-сером шелковом халате, усеянном крупными синими цветами. На левой стороне груди у него был приколот какой-то туземный орден в форме золотой броши с драгоценными камнями. Индийская кисея на его тюрбане была усеяна едва заметными золотыми мушками» [Семенов 1900: 21]. Описание внешности Астанкула как «благообразного старца» не подходит для характеристики персонажей портрета Н. Орде «Бухара. Кушбеги. Первый министр». Исходя из приведенных

словестных портретов бухарских сановников периода конца 1885 — начала 1886 г. для определения запечатленного на снимке Н. Ордэ «Бухара. Кушбеги. Первый министр» более всего подходит описание В.В. Крестовского внешности гиссарского кушбеги Астанакула.

Можно высказать еще одно предположение по поводу снимка Н. Ордэ. Фотограф не придавал значения существованию в Бухаре двух кушбеги: «верхнего» и «нижнего» — и назвал чиновника на снимке просто «кушбеги». Если придерживаться той датировки, что исполнение рассматриваемых фотографий относится к концу 1885 — началу 1886 г., то в этот период должность «нижнего» кушбеги, главного зякетчи, можно сказать казначея, занимал Мухаммед-Шариф, сын «верхнего» кушбеги Муллы Мухаммед-би, того, которого в 1874 г. упоминал Н.П. Стремоухов [Семенов 1954: 66]

Обратимся к другим фотодокументам. На обороте коллекционной фотографии В. Ясвина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» (Колл. № 1695-3) аккуратной скорописью указана дата: январь 1893 г.

Здесь же поименно перечислены восемь человек из одиннадцати изображенных на фотографии: «Эмир, его сановники, представители мусульманского духовенства, бухарского купечества. 1893. Январь. Бухарский эмир Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богадур-хан. Род. 1857, вошел на бухарский престол 1885, 12 ноября. Сын его Мир-Сеид-Алим-Джан-Тюря 12 лет. Сановники его: 1) первый министр Дурбын-кушбеги; 2) заведующий таможенными сборами Астанакул-парвоначи-зекет; 3) Таранкул-парваначи; 4) исп. обязанности церемониймейстера Азрет-Кул-Токсооба-Удачи; 5) глав. секрет. эмира Мирза-Ахмет-Мушриер; 6) представ. мусульм. духовенства Бухары Мулла Абдул-Феиз-Хадуса-Урак-Магомет-Юнус-Мирахур; 7) предст. бухарского купечества Абдраур-караван; 8) воспитатель принца Осман-Бек-караул-Беги». В списке после эмира и его сына указан «первый министр Дурбын-кушбеги».

В 1875 г. Н.П. Стремоухов упоминал имя Дурбин-бия как младшего советника и младшего казначея эмира. В 1882—1883 гг. В.В. Крестовский писал о Дурбин-инаке, что он был главным казначеем эмира и имел влияние на финансовые дела ханства. В последние годы правления эмира Музаффара Дурбин-инак был в качестве шигаула (вроде обер-церемониймейстера, придворного, в обязанности которого входило принимать послов и иностранных представителей) и считался одним из самых приближенных к эмиру лиц. «Самый близкий к его особе человек» — как называл Дурбин-инака В.В. Крестовский — был по происхождению иранцем. В то время ему было за 50 лет, он производил впечатление человека бодрого, среднего роста, несколько худощавого, с иранским типом лица [Крестовский 1887: 133, 162—164, 170]. Бухар-

ского сановника, ближайшего советника эмира Музафара Дурбин-бия упоминал и Г.А. Арендаренко [Бухара и Афганистан 1974]. А. Дониш тоже упоминал кушбеги времен эмира Абдул-Ахада Дурбин-бия, называя его гулямом, любимцем эмира Музафара [Дониш 1967: 113]. В 1892 г. в связи с приездом бухарской делегации П. Шубинский называл Дурбин-бия советником эмира.

Если вернуться к портрету Н. Ордэ конца 1885 — начала 1886 г. «Бухара. Кушбеги. Первый министр» и предположить, что на снимке изображен Дурбин-бий кушбеги, то он должен был бы присутствовать также на фотографии В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» 1893 г. Но на этом снимке его нет.

В 1954 г. выдающийся востоковед А.А. Семенов с сожалением отмечал, что «ни русские, ни иностранные исследователи Бухары в свое время не отнеслись с должным вниманием к изучению административной машины этой страны, и она остается невыясненной не только в литературе, но и в обширных архивных материалах, касающихся сношений России с Бухарой за последние 50 лет (1867—1917)» [Семенов 1954: 18].

Продолжая изучение портретов представителей высшего бухарского чиновничества по коллекции Н. Ордэ, обратимся к портрету молодого бухарца, который стоит, опираясь рукой о спинку кресла. Она имеет название «Парваначи» (колл. № 255-162). В левом нижнем углу фотографии мы обнаружили фрагмент еще одной надписи, сделанной Н. Ордэ на стекле негатива: «Братовья эмира». Начало этого текста находится на другой фотографии также молодого сановника, сидящего в кресле. Она названа фотографом «Министр финансов» (колл. № 255-161). При совмещении этих двух фотографий, которые были наклеены на одно паспарту (на одном из снимков указан их общий коллекционный шифр МАЭ «255-161-162»), читается текст Н. Ордэ целиком: «Бухара. Братовья эмира».

На обороте упоминавшегося выше снимка В. Ясвоина 1893 г. «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» (колл. № 1695-3) второй в списке лиц свиты эмира стоит как «зав. таможен. сборами Астанакул-парваначи-зякет». Согласно достоверным источникам, с конца 1880-х годов обязанности главного зякетчи (министра финансов) исполнял парваначи Астанакул [Шубинский 1892: 24; Тухтаматов 1977: 31; Семенов 1954: 66].

Дед и отец этого Астанакула служили эмирам. Его могли считать в какой-то мере родственником, даже братом эмира, т.к. его дед и отец были женаты на бывших эмирских женах. Дед Астанакула Мулла Мухаммед-бий при эмире Музаффаре, как уже отмечалось, был кушбеги. Отец Астанакула, Мухаммед-Шариф, был главным зякетчи. Самого

Министр финансов. Бухара. Братовья Эмира. Н.Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-161

Бухара. "Парваначи"

Парваначи. Братовья Эмира. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-162

Астанакула называли умным, хитрым и властолюбивым. Эти его качества проявились после смерти кушбеги Ша Мирзо, после 1905 г., когда в руках Астанакула сосредоточилась вся власть в стране [Бухарская смута 1910: 82]. Он имел огромное влияние на эмира. А.А. Семенов отмечал, что продолжительное время имя Астанакула (Астана-кул, Остона-кули) — «раб высочайшего порога» — как бы указывало на его происхождение из эмирских рабов, и предостерегал, что не следует его «смешивать с гиссарским кушбеги, тоже Астана-кулом» [Семенов 1954: 66].

О часто встречающихся одних и тех же мужских именах среди населения Средней Азии Н.С. Лыкошин писал: «Всегда нужно знать точно, к кому они относятся. Но это знать трудно, т.к. у них нет фамилий, а только отчества, которые сравнительно редко произносятся наряду с именем самого человека. При таких условиях очень трудно разобраться в массе одинаковых имен и решить, о ком идет речь» [Лыкошин 1915: 78]. Во время пребывания бухарской делегации в 1893 г. в Петербурге журналисты, действительно, перепутали двух Астанакулов.

Газета «Новое время» напечатала фотографию под названием «Первый министр Бухары» со следующим комментарием: «Астанакул-кушбеги самый приближенный к эмиру сановник, бывший председатель ханского совета. Пользуется большим влиянием на народ и духовенство, сторонник русского влияния в Бухаре. В 1886 г. был в Петербурге во главе чрезвычайного бухарского посольства. По исполнению возложенной на него эмиром <...> был назначен беком (наместником эмира) в Гиссаре, впоследствии возведен в высшее звание кушбеги (первого министра). Ныне он сопровождает эмира в Петербург» [Новое время. 1893. №].

В приведенном отрывке называется дата приезда бухарского посольства во главе с дядей эмира Астанкулом, правителем Гиссара, гиссарским кушбеги, и приведена его биография. В заметке перепутаны должности кушбеги, или первого министра Бухары, как называли эту должность европейцы, т.е. «верхнего кушбеги», которого действительно приравнивали к премьер-министру, и кушбеги гиссарского. Освещая в 1892 г. в прессе приезд эмира, П. Шубинский упоминал имя Астанакула, сопровождавшего в поездке по России эмира Абдул-Ахада, но называл его парваначи и главным зякетчи, добавляя: «молодой перс». В состав свиты эмира 1893 г. входил, таким образом, «нижний» кушбеги, молодой главный зякетчи Астанакул, а газета опубликовала биографию гиссарского кушбеги.

Сравним фотографию сановника, который стоит третьим слева в первом ряду на снимке 1893 г. «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой»,

с портретом Н. Ордэ «Министр финансов». Их сходство очевидно не только в чертах лица, но и в полном совпадении рисунка ткани на чалме и в деталях манеры ее повязывания. Если предположить, что на снимке Н. Ордэ «Министр финансов» Астанакул зякетчи, то в свите эмира в непосредственной близости к Абдул-Ахад у рядом с сидящим принцем мог стоять он же. Московские газеты в конце 1892 — начале 1893 г., перечисляя свиту эмира, которая сопровождала его во время приезда в Россию, также называли Астанакула главным зякетчи, вторым лицом ханства после кушбеги [Московский листок. 1892. 27—28 декабря].

Кроме заметки о «Первом министре Бухары» в газете «Новое время» был опубликован и портрет этого участника свиты эмира. При сравнении фотографии В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» 1893 г. со снимком «Первый министр Бухары», напечатанном на страницах «Нового времени» получается, что на газетный снимок немного может быть похож только сановник, стоящий крайним слева (т.е. далеко от эмира), в скромном халате в поперечную «елочку». Логичнее предположить, что Астанакулом, главным зякетчи, является сановник с портрета Н. Ордэ «Министр финансов», который присутствует также на снимке 1893 г. в составе свиты эмира Абдул-Ахада.

Аннотация к фотографии Н. Ордэ «Бухара. Брат эмира. Министр финансов» также не содержит точной информации (колл. № 255-159). При сравнении этого снимка со следующими: «Бек чарджуйский со свитой» (колл. № 255-197) и «Сын эмира Бухары» (колл. № 255-160) возникло предположение, что на них изображен один и тот же бухарец. Снимок «Бек чарджуйский со свитой» ретуширован. Портрет бека чарджуйского встречается в литературе, изданной до 1917 г., в виде литографии [Дмитриев-Кавказский 1898].

По сообщениям П. Шубинского, до конца 1870-х годов беком чарджуйским был сын эмира Музаффара Сеид-Нур-Эддин. После его смерти эмир назначил беком другого сына, Сеид-Садыка. Эмир Абдул-Ахад отозвал его в Бухару [Шубинский 1892: 5]. А.А. Семенов называл чарджуйским правителем Мир-Хайдар-кула [Семенов 1954: 22]. Это же имя приводится и в книге В.Д. Соколова: «Он отлично понимает и только из скромности не говорит по-русски и поддерживает самые дружеские отношения со многими из русских» [Соколов 1894: 43].

Фотоматериалы иллюстративных коллекций связаны с именами конкретных исторических личностей и имеют отношение к истории русско-бухарских отношений, пребыванию бухарской делегации в России в 1892—1893 гг. Это нашло отражение в бухарских снимках коллекции Н. Ордэ и фотографии 1893 г. В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад хан с сыном и свитой».

Бухара. Брат Эмира. Министр финансов. Н. Ордэ. 1880-е годы.
МАЭ. Колл. № 255-159

Бек чарджуйский со свитой. Бухара. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-197

Как упоминалось выше, на обороте снимка поименно перечислены восемь человек свиты из одиннадцати изображенных на фотографии. Кроме «зав. таможен. сборами Астанакул-парваначи-зекет» названы «первый министр Дурбын-кушбеги» и «Таранкул-парваначи».

Изучение музейной фотографии 1893 г. эмира со свитой, сопоставление ее с более ранними снимками коллекции Н. Ордэ, попытка определить состав бухарской делегации, процедуру ее приема в Петербурге вызвали необходимость обращения к дополнительным литературным, архивным источникам и периодическим изданиям того времени. Комплексное привлечение этих материалов, «живое» прослеживание почти каждого дня пребывания эмира в Москве и Петербурге выявило некоторые детали истории русско-бухарских отношений начала 1890-х годов, политики контроля царской администрации за действиями Абдул-Ахад-хана и его министров. Знакомство с новыми источниками позволило обратиться к некоторым эпизодам исторического характера.

Приезд в Россию бухарского посольства 1893 г. явилось продолжением истории отношений между Россией и Бухарским ханством в изме-

Бухара. Сын Эмира.

Сын эмира Бухары. Н. Ордэ. Конец 1885— начало 1886 г. МАЭ. Колл. № 255-160

нившихся политических условиях. После начала русскими военных действий по завоеванию края в 1860-е годы натянутые отношения Бухары с Россией обострились. После учреждения Туркестанского генерал-губернаторства начался иной период взаимоотношений Бухары с Россией.

Для сравнения приема в 1892—1893 гг. главы эмирата в России с практикой приема посланцев в прежнее время необходимо обратиться к краткой истории отношений между двумя странами и принятыми правилами обращения с бухарскими гостями. Считается, что официальный обмен посольствами между Бухарой и Россией установился в царствование Федора Иоанновича, в 1589 г. В XVII и первой половине XVIII в. между русскими правителями и бухарскими ханами существовали обмены посольствами. Кроме особых гонцов, нарочных, приезжали послы с многочисленной свитой и обыкновенно подолгу жили в России, иногда даже годы. Поэтому русское правительство вынуждено было принимать разные меры к ограничению столь частого приезда послов, но посольства продолжали приезжать [Остроумов 1907. № 96].

В XVII в. содержание бухарским послам отпускалось натурой. На продовольствие в дороге от Астрахани до Москвы выделялось по восемь копеек в день. Кроме этого по три чарки вина и три кружки меда. Свите и конвою также полагалось содержание. По прибытии в Москву послу отпускали «барана с шерстью», говяжью ногу, три курицы, хлеба, калачи, три кружки вина и пять ведер меда на определенное время. Для отопления помещения, в котором располагалось посольство, отпускалось по два воза дров в неделю. Размеры выдачи на содержание посольств нередко служили предметом серьезных переговоров послов с русскими властями [Остроумов 1907. № 89].

Аргамакам, которых во все времена бухарцы привозили в подарок, выделялись сено, овес и солома до тех пор, пока их не передавали в царскую конюшню [Остроумов 1907. № 89]. Среди разного вида ханских подарков Н. Остроумов называл в числе даров Петру Первому, например, обезьян и барсов, но они не перенесли дороги, и в Петербург доставили лишь их чучела [Там же. № 96]. Н. Остроумов отмечал, что по прибытии в Москву особой встречи посольству не устраивали. Когда гости уже находились на посольском дворе, к ним приходил русский пристав [Там же. № 89]. Представление царю происходило по определенному церемониалу. За послом присылали пристава и лошадь с санями из царской конюшни. Государь ожидал посла в золотой палате в царском одеянии, диадеме, со скипетром и державой. Возле него стояли стольники в белых костюмах, бояре, дворяне и дьяки в золотых и черных шапках. Сначала посол проходил в посольскую палату, где дожидался, пока дум-

ный дьяк доложит о его прибытии. Во время аудиенции посол передавал через дьяка царю грамоту от хана и устно «приказ». После этого думный дьяк представлял царю «поминки», подарки от хана. Здесь же послу объявляли о жаловании ему и количестве выделяемых продуктов на все посольство [Остроумов 1907. № 89].

Прощальный прием гостей проходил в той же золотой палате в прежнем порядке. Посол благодарил, и посольский дьяк вручал ему ответную грамоту хану. Согласно обычаю отвечать на «поминки» посольств, царь отправлял с послом подарки хану, послу, его свите и конвою. При царе Федоре Алексеевиче обмен посольствами между Россией и Бухарой был прекращен и возобновился с 1705 г., при Петре Первом [Остроумов 1907. № 89].

В XVIII в. под влиянием европейских обычаев изменился внешний характер приема бухарских послов по сравнению с «московским периодом» истории российского государства. Вместо саней за послами отправляли кареты, запряженные шестериком, а впереди ехали драгуны [Остроумов 1907. № 96]. В новой столице, Петербурге, послам устраивали торжественный въезд. Сначала посла принимал вице-канцлер, а затем было представление государю. Переводчик приезжал к дому посольства, передавал приглашение на аудиенцию, и посольство отправлялось в поданных каретах с соблюдением церемониала. Во дворце посол ожидал приглашения на аудиенцию, входил в зал вместе с переводчиком и купцами, положив ханскую грамоту на чалму. После приема посол передавал присланные ханом подарки. В некоторых случаях кроме подарков ханы передавали через своих посланников пожелания личного характера. Например, в 1642 г. в письме среди желаемых предметов в подарок хан просил прислать ему «девку черкаску добрую», а в 1761 г. бухарский посланник просил прислать хану девять шведок. В некоторых случаях в числе ханских подарков послы доставляли русских пленных [Остроумов 1907. № 89].

Если посольство оставалось на длительное время, то просило разрешения увозить с собой калмычек и татарок, на которых участники посольств женились в России. Н. Остроумов приводит пример, как в XVIII в. один из послов вследствие смутных обстоятельств в Персии прожил в России 19 лет, сначала в Самаре, потом в Астрахани. Несмотря на неоднократное требование его правительства выслать посла, русские власти отвечали, что сделать этого против его воли не могут. Однако к прибытию послов относились строго. Бывало, что посланник приезжал с грамотой без ханских печатей или приложенных не в тех местах. Однажды бухарцы нарушили важную формальность, не обозначив титул русского царя в грамоте от хана [Остроумов 1907. № 89].

В другой год посольство обнаружило неосведомленность относительно происходящих событий в России, о кончине одного самодержца и вступлении на престол следующего, при этом документы адресовались предыдущему главе государства. В таких случаях посла к царскому двору не пропускали или задерживали в Астрахани [Там же. № 92].

При отправке ответных русских послов их подробно осведомляли, как вести себя в чужой земле, что говорить, как отвечать, какое место за столом занимать и т.п. С ними же передавали хану грамоту и подарки. Бывали случаи неудачных посольств. Так, в 1613—1615 гг. один из русских послов в Персии по возвращении в Москву был наказан за то, что он, «неведомо кого послушав» и забыв о своих чинах, в пьяном виде, надев на себя два «кафтана азиатских», «был у шаха то ли посланником, то ли шутом» (см.: [Остроумов 1907. № 86, 89, 92, 96, 99, 100]).

По установившемуся обычаю дипломатических отношений между Бухарой и Россией, посланники приезжали по случаю кончины одного или вступления на престол другого государя, для обсуждения продления сроков торговли, свободного пропуска мусульман в Мекку и по другим вопросам. Все посольства сопровождалось привозом подарков.

К сожалению, далеко не обо всех посольствах сохранились подробные сведения. Н. Остроумов отмечал, что «из конца XVIII и первой половины XIX столетия у нас нет описаний русских посольств в Бухару и бухарских в Россию» [Остроумов 1907. № 100]. Из примеров XIX в. он привел описания трех русских посольств в Бухару, из бухарских упомянул лишь проезд в 1883 г. эмира Абдул-Ахада, когда он был еще наследником престола [Там же. № 86]. Для истории взаимодействия двух различных культур все посольства заслуживают подробного описания и изучения.

Визит эмира Абдул-Ахада с наследником престола и высокопоставленными чиновниками в конце 1892 — начале 1893 г. в Москву и Петербург занимает особое место в истории российско-бухарских отношений. В предыдущие годы, как следует из краткого экскурса в историю отношений, обмен делегациями приходил на уровне послов. В конце 1892 — начале 1893 г. был первый проезд бухарской делегации после большого перерыва в отношениях между государствами, прерванных по причине исторических обстоятельств, и впервые в России принимали главу Бухарского ханства. Поэтому проезд эмира бухарского в Россию получил довольно подробное освещение в российской печати. Ежедневные материалы, посвященные этому событию, столичные газеты публиковали под рубрикой «Приезд эмира бухарского».

До визита Абдул-Ахад-хана в Россию в 1893 г. образцом приема восточного государя при европейском дворе могли служить первые

приезды восточных монархов в Россию — в 1867 г. турецкого султана Абд-ул-Азизи, затем в 1873 г. персидского шаха Насср-Эддина [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227]. Путешествие в Европу шах-ин-шах начал с соседней ему России и Москвы. Схема маршрута Абдул-Ахад-хана и оказывавшиеся ему почести напоминали следование по России персидского шаха. Внимание, которое в русской периодической печати уделялось приезду эмира бухарского, ненамного уступало освещению приезда шаха, оценивавшееся современниками как «политическое и историческое событие первостепенной важности». При этом нельзя забывать, что в 1870—1880-е годы русско-персидские отношения переплетались с англо-афганскими, возникали конфликты. Возможно, подчеркнутым вниманием к особе шаха царское правительство стремилось в какой-то степени нейтрализовать или смягчить политическую ситуацию.

Эмира бухарского принимали с почестями по придворному протоколу почти как главу иностранного восточного государства. Но ему часто давали понять, что над ним есть еще более могущественный государь, а Абдул-Ахад лишь его вассал.

В настоящее время достаточно трудно представить, как принимали эмира в России, в Петербурге, какие церемонии устраивались по случаю его приезда в декабре 1892 — январе 1893 г. Практически это единственный приезд высокого бухарского гостя, получивший подробное освещение в прессе. Последующие визиты бухарских эмиров в российские столицы журналисты столь пристально не отслеживали. Поэтому любопытно проследить одно из путешествий эмира бухарского глазами столичной печати, изучить литературные сведения, фотоматериал коллекций МАЭ. Эти источники могут сослужить нам особую службу — предоставить новые данные о коллекциях, переданных в МАЭ из Зимнего дворца в 1920-е годы. Предметы из этих коллекций в разные годы эмиры бухарские преподносили в качестве подарков царю и членам его семьи, например богато украшенное конское убранство и образцы кустарных бухарских шелковых, полушелковых и бархатных тканей (колл. 3687, 2916, 2917, 2918, 2920, 2935, 2936) (см.: [Рахимов 2006; Царева 2006]).

Материал российской периодической печати о приезде в Москву и Петербург бухарской делегации может оказаться интересным и полезным также при изучении Бухары второй половины XIX и начала XX в. М.С. Андреев писал в монографии «Арк Бухары»: говорить о внутренней «стороне жизни эмира, запрещенной для посещения посторонними в зоне Арка, бухарцы бы не смогли, а русские ее не знали...» [Андреев, Чехович 1972: 11—12]. Современная пресса конца XIX в. позволила в какой-то мере приоткрыть завесу тайны.

Кроме результатов политического характера приезд бухарской делегации, церемония приема и размещения эмира и его свиты в Петербурге в 1893 г. послужили образцом для разработки канцелярией царского двора постоянного протокола последующих приемов бухарских эмиров и хивинских ханов.

Сведения, которые публиковала столичная пресса о приеме бухарской делегации, не всегда были точными. Особенно это касалось написания имен собственных и названий чинов и должностей, видимо, малознакомых русским журналистам, писателям и даже сотрудникам министерств. Так, при характеристике состава свиты эмира петербургские газеты сообщали, что в столицу прибыли «министр Дурбан-кушбеги, военные: Астанакул перваначи и Турабнул перваначи и офицеры» [Новое время. 1893. 2 января]. По всей видимости, буквальный перевод бухарского чина парваначи как военного звания сбило с толку журналистов, и они причислили Астанакула к военным. Получалось, эмира сопровождали один министр, два высших военных чина и несколько офицеров.

П. Шубинский писал в 1893 г., что эмира сопровождает «большая свита должностных лиц разных категорий, выдающимися представителями которой являются бухарский кушбеги (некто вроде первого министра), дурбин, уже бывший в Петербурге во главе посольства в 1881 г., и заведующий казной эмира Астанакул-парваначи. Оба они — персияне по происхождению — есть ближайшие помощники эмира» [Всемирная иллюстрация. 1893. № 53]. При сравнении лишь двух столичных публикаций — в газете «Новое время» и П. Шубинского (в рассматриваемый период сообщений в периодике было множество) — очевидны несоответствия. «Дурбин» написано с маленькой буквы, не как имя собственное, год посещения Петербурга кушбеги указан в первом случае 1881, во втором — 1888 г. Совпадают сообщения печати о втором лице эмирата в составе делегации, кушбеги, но разнятся указания его имени: в одном случае «Дурбын-кушбеги», в другом — «почтенный Ша-Мирзо». По характеристике Н. Веселовского, известный журналист П. Шубинский не имел специальной востоковедческой подготовки и не был знаком с историей Бухары и Средней Азии [Веселовский 1893: 159]. И все же публикации и корреспонденции П. Шубинского в наши дни являются редким свидетельством очевидца о первом визите эмира Абдул-Ахада в Россию.

Кроме коллективного снимка «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» из собрания МАЭ В. Ясвоин выполнил индивидуальный парадный портрет «Эмир бухарский Абдул-Ахад-хан» (колл. № 1695-2). Сеид-Мирза-Абдул-Ахад (Абдул-Ахад)-Богодур-хан (1885–1910) сфотогра-

фирован с орденами, звездами и орденской лентой через плечо, в темном бархатном халате. При сопоставлении этой фотографии с другими снимками Абдул-Ахада из коллекции музея удалось установить, что портрет был сделан во время пребывания эмира в Петербурге в январе 1893 г.

Русские посланники в Бухаре познакомились с Абдул-Ахадом еще в 1874 г., когда он был подростком. Им понравился любимый сын эмира Музаффара, умный, развитой и бойкий мальчик. Посадив гостей на стулья, что не было принято в Бухаре (даже эмир принимал всех по-восточному, чаще всего все сидели на полу, на коврах) принц расспрашивал их о России [Стремоухов 1875: 694]. Позже, когда стали выпускать первую в крае газету «Туркестанские ведомости», приложение к которой с 1870 г. выходило на узбекском и казахском языках, редакция в числе своих первых подписчиков называла Мир-Абдул-Ахад-ханатюря-джана (титул «тюря-джан» носил наследник престола).

Абдул-Ахад-хан не сразу стал «тюря-джаном». Порядок престолонаследия в Бухарском ханстве не был определен законами, хотя чаще всего наследником становился старший из сыновей, а Абдул-Ахад им не был. После того как выбор эмира Музаффара пал на Абдул-Ахада, сына эмира отправили в 1883 г. в Петербург для представления в звании наследника и он присутствовал на коронации Александра III [Шубинский 1892: 5–6].

Абдул-Ахад вззошел на престол в возрасте 28 лет. Он родился в Кермине в 1857 г. Писали, что детство и первые годы юности он провел при дворе отца. Абдул-Ахад получил обычное для бухарского принца воспитание. Его обучили персидскому и арабскому языкам, образцам восточной литературы, познакомили с Кораном и шариатом. День Абдул-Ахада обычно начинался с восходом солнца. Подробно его распорядок и некоторые особенности частной жизни описал М.С. Андреев [Андреев, Чехович 1972].

При Абдул-Ахад-хане в ханстве появилось множество нововведений. Одним из них была железная дорога, которая в 1887 г. пересекла его государство. Эмир был зачислен в Терское казачье войско, имел чин генерала, звание генерал-адъютанта и титул «его высочество».

Из 27 лет своего правления Абдул-Ахад провел в Бухаре в общей сложности не более четырех лет. Одна из причин этого заключалась в конфликтах эмира с влиятельным духовенством Бухары. Когда эмир находился в столице, то редко занимал дворец в Регистане, Арк, проживая большей частью в одной из загородных резиденций [Андреев, Чехович 1972: 131]. За три года до смерти Абдул-Ахад построил новый загородный дворец, где и умер.

В МАЭ хранится портрет эмира Абдул-Ахада в белой большого размера чалме, расшитом халате, с двумя поясами, широким и узким (колл. № 1695-1). Он сфотографирован без наградных знаков, с саблей в руке. Происхождение, авторство и время создания этого снимка не указаны. Внизу под фотографией находится текст, написанный арабской вязью. На обороте снимка карандашом от руки с сохранением старой русской орфографии со знаком «ъ» написано: «Эмиръ славной Бухары Сеид Эмир Абдул Ахад в месяц Реджоб года 1310». Эта дата по хиджре соответствует январю 1893 г. европейского летоисчисления. Поэтому можно предположить, что портрет был выполнен в 1893 г. во время первого после рождественского поста бала в Зимнем дворце, который состоялся 19 января.

Эмир славной Бухары Сеид эмир Абдул-Ахад в месяце Реджебе года 1310. 1893 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-1

Одновременно с парадным портретом эмира Абдул-Ахада в Петербурге В. Ясвоин сделал фотографию 12-летнего наследника престола Алима (колл. № 1695-4). Мир-Сеид-Алим-хан (правил с 1910 по 1920 гг.) был последним эмиром Бухары. Он воспитывался в России. Как и его отец, Алим-хан не любил долгое время жить в Бухаре и в основном находился в загородном дворце. Он тоже часто приезжал в Россию. Для него в Петербурге недалеко от Петропавловской крепости была построена большая мечеть, а на Каменноостровском проспекте дом, в котором Алим-хан останавливался, известен как «дом эмира бухарского». При последнем эмире Среднеазиатская железная дорога связала Бухару с центральными районами России. Тогда же в Бухаре появились телефон, хлопкоочистительные заводы, гостиницы и пр.

Принц Алим. В. Ясвоин. Санкт-Петербург. Январь 1893 г. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-4

В иллюстративных коллекциях МАЭ хранится еще один портрет последнего правителя Бухарского эмирата (колл. И-922-1). Эта фотография переснята из газеты. Под ней напечатан текст: «Новый бухарский эмир Сеид-Мир-хан, которому 26-го декабря Высочайше пожалован титул высочества». На снимке эмир изображен еще кадетом. Внизу подпись молодого эмира.

Алим хан изображен также на снимке «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями» С.М. Прокудина-Горского (Колл. И-68-204)

Эмир бухарский со свитой и русскими гостями. С.М. Прокудин-Горский. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-68-204

Однако вернемся к описанию поездки бухарского эмира в Петербург.

Дневник пребывания бухарской делегации в Москве и Петербурге в декабре 1892 — январе 1893 г. (по материалам периодической печати)

По сообщению «Нового времени», в ноябре 1892 г. эмир Абдул-Ахад вернулся в Бухару из своей резиденции в Кермине [Новое время. 1892. 30 ноября]. Он собирался посетить Россию еще год назад, но из-за эпидемии холеры поездка была отложена. Действительно, еще в начале декабря 1892 г. газеты сообщали о съезде врачей в Петербурге, которые вернулись из губерний, охваченных эпидемией. Заболевание холерой коснулось и Петербурга, особенно пострадал Васильевский остров

[Новое время. 1892. 9 декабря, 13 декабря]. Как только эмир получил известие о том, что сроки его поездки согласованы, он отправился в путь. В Бухаре в это время года стояла теплая и ясная погода, а петербуржцы, как отмечали газеты, давно не помнили таких морозов, 12-го декабря было минус 28 градусов. Такой холодной зимы не отмечали с 1739 г., когда на Неве был построен Ледяной дом [Новое время. 1892. 9 декабря, 13 декабря].

Эмир Абдул-Ахад выехал из Бухары 7 декабря 1892 г., 14-го — из Чарджуя, затем прибыл в Асхабад, где встречался с начальником Закаспийской области генералом А.Н. Куропаткиным. Из порта Узун-Ада эмир отправился в Баку на военном пароходе Каспийской флотилии [Новое время. 1892. 21 декабря]. В Петербург Абдул-Ахад должен был прибыть 2 января 1893 г. Несмотря на длительность переездов, организаторам поездки удавалось просчитывать дорогу эмира с точностью до одного дня. По мере приближения Абдул-Ахада к российским столицам главной новостью всей центральной прессы становилось освещение в разделах «Внутренние известия» и «Хроника» визита эмира бухарского. Как отмечали газеты, «эмир совершал путешествие со всею восточной роскошью», он вез багажа до двух тысяч пудов и 36 лошадей в подарок.

Интересно сравнить церемонию встречи персидского шаха и его маршрут с приемом в России бухарского эмира. При описании прибытия персидского шаха в пределы России корреспонденты газет также в подробностях сообщали, что багаж Насср-Эддина и его свиты «весил более 1500 пудов, не считая семи лошадей, нескольких баранов и двух собак». Из его багажа наблюдатели особо выделяли «12–15 небольших довольно тяжелых кожаных мешков, в которых, по предположению, заключены те драгоценности и золото, о которых столько пишут и говорят» [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227]. Часть груза бухарского эмира была отправлена еще в конце лета, а остальной груз и лошади шли отдельным караваном.

Из Баку эмир выехал в царском поезде в Тифлис 18 декабря. Караван с подарками и лошадьми доставили на пароходе из Узун-Ада в Баку, а оттуда в Батум, затем на пароходе перевезли в Одессу и Петербург. При багаже состояли русский врач и офицер. Для наблюдения за животными и 50-ю большими тюками с предметами бухарских ремесел находились трое высокопоставленных приближенных эмира. В Тифлисе эмир пробыл несколько дней, отдохнув и осмотрев достопримечательности. По Военно-Грузинской дороге Абдул-Ахад переехал во Владикавказ, а оттуда добрался до Москвы [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227].

С момента въезда эмира в пределы России при нем находились чиновники Туркестанского генерал-губернаторства, среди них врач Писаренко и старший переводчик при Туркестанском генерал-губернаторе ротмистр казахский султан Асфендиаров³. На музейной фотографии 1893 г. среди свиты эмира крайний справа в военной форме стоит переводчик Асфендиаров.

По сведениям журналистов, в поездке конца 1892 — начала 1893 г. эмира окружала блестящая свита, состоявшая из знатнейших чиновников Бухары. На время отсутствия эмира в Бухаре было установлено управление из трех сановников. В дневнике Абдул-Ахад писал, что он «поручил исполнение обязанности бухарского закятчи (министра финансов) Астане-Кул-бий-Перваначею, едущего с нами, младшему его брату, чарджуйскому беку Хайдар-кул-бий-дадхе» [Гаспринский 1894: 6]. В то время, когда эмир уже находился в пределах России, газета «Новое время» сообщала, что «эмира сопровождает большая свита, выдающимися представителями которой являются бухарский кушбеги, почтенный Ша Мирза, уже бывший в Петербурге в 1888 г., и заведующий казной эмира Астанакул-парваначи. Оба эти лица — персияне по происхождению — есть ближайшие помощники эмира по управлению ханством» [Приложение к «Новое время». 1892. № 10]. Статья была подписана «П.Ш.». Скорее всего, ее автором был современник описываемых событий П. Шубинский, опубликовавший несколько исторических обзоров о Бухарском ханстве.

В такой информированной газете, как «Правительственный вестник», были перечислены высшие лица, приехавшие с эмиром в декабре 1892 г: «чиновники эмира Дурбан-Куш-Беги, Тураб-Кул-парваначи, Астанакул-парваначи». Таким образом, везде встречаются разночтения: и в указании имен участников поездки, и в написании их чинов и должностей.

Эмир Абдул-Ахад отправился в Петербург со своим старшим сыном, которого хотел оставить на воспитание в России. Предполагалось, что он будет зачислен в Пажеский корпус, в котором ранее учился брат эмира принц Мансур.

Первый раз отправляясь в Россию в 1883 г., Абдул-Ахад в качестве наследника престола проезжал через Ташкент на скромных почтовых

³ В некоторых случаях перед фамилией Асфендиарова слово «султан» писали с большой буквы как имя собственное, в других — с маленькой. Тогда это означало, что «султан» — это должность, правитель, либо указывало на потомка по прямой линии от Чингиз-хана, т.е. на аристократическое происхождение Асфендиарова, «белую кость», как говорили казахи.

лошадях. В декабре 1892 г. он ехал как глава государства поездом, при этом в роскошном вагоне [Приложение к «Новое время». 1892. № 101].

Во всех городах, через которые проезжал эмир, ему оказывали встречу, соответствовавшую сану. Предполагалось, что в Петербурге он пробудет около двух недель, а в общем в России эмир должен был провести около двух месяцев.

В конце декабря из Батума на пароходе доставили в Одессу подарочных лошадей, в сопровождении одетых в национальные костюмы бухарских конюхов, рассчитанных по одному человеку на каждого скакуна. Железнодорожный состав, на котором эмир ехал в Москву, состоял из десяти вагонов. Один занимал эмир, другой — его сын. В двух вагонах находились сановники, еще в двух ехали сопровождавший конвой и кухня, два вагона были заняты багажом (один — с ценными подарками) и один вагон был служебным.

Эмир бухарский начал официальную часть своего визита в Россию с посещения Москвы в декабре 1892 г., где находился несколько дней проездом в Петербург, повторив маршрут 1873 г. персидского шах-ин-шаха.

Недалеко от Москвы, на станции Фаустово Рязанской железной дороги, для встречи эмира выехала довольно многочисленная депутация одетых в традиционные одежды бухарцев (человек тридцать), живших в Москве и окрестностях, которая затем вместе с эмиром в одном поезде возвратилась в Москву. Этот прием по описаниям напоминал приезд персидского шаха в мае 1873 г., когда в половине восьмого утра его встречали под персидский марш тоже на станции Фаустово Рязанской железной дороги. Следом за консулом Персии на платформе тогда появилась депутация персов, торговавших в Москве, которые громко приветствовали своего повелителя. В отличие от шаха бухарский эмир в поездку в Москву и Петербург никого из членов семьи кроме сына не брал. Шаха в 1873 г. сопровождали три жены, «покрытые с головы до ног черными легкими покрывалами», шествие которых возглавлял евнух с булавой [Всемирная иллюстрация. 1873. № 229, 230]. Персидских гостей в 1873 г. в Москве встречали толпы людей, на вокзале были установлены персидский и российский флаги.

Бухарское посольство прибыло в Москву 27 декабря 1892 г. в восемь часов утра. На вокзале кроме официальных лиц и московского начальства эмира встречал его брат, ротмистер драгун Сеид-Мир-Мансур. После остановки поезда в вагон, занятый эмиром, вошли встречавшие и через переводчика приветствовали его. При выходе эмира Абдул-Ахада из вагона встречавшие его бухарцы во главе со старшим ахуним Х.Р. Агеевым низко поклонились и приветствовали эмира громкими восклицаниями.

Столичная печать отмечала, что на вокзал была подана великокняжеская карета для эмира с сыном, переводчика и сопровождавших их представителей московской администрации. В остальных экипажах разместились свита эмира. В Большом дворце Кремля эмира встретили русские чиновники во главе с генерал-адъютантом А.Д. Столыпиным. Для Абдул-Ахада были приготовлены в бельэтаже апартаменты наследника-цесаревича, которые граничили с Оружейной палатой. Здесь, отдыхая после утомительной дороги, эмир долго беседовал с братом, принцем Мансуром. После осмотра привезенных лошадей, которых доставили к нему во двор Кремля из Сумского полка, где служил принц Мансур, эмир отобрал двух. Как подчеркивали газеты, «второе лицо ханства после кушбеги», главный зякетчи Астанакул (которого «Новое время» называло «Астанакул-Парванази-Закетчи») от имени эмира доставил скакунов в Нескучный сад великому князю, губернатору Москвы.

После приветствия эмира московскими чиновниками он в сопровождении нескольких своих сановников направился в Нескучный сад, в Александринский дворец, для представления московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. За эмиром следовали три экипажа с подарками. В их числе были сабля, украшенная драгоценными камнями, и всевозможные изделия бухарских мастеров, ткани, ковры и пр. Абдул-Ахад также поднес великому князю бриллиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей звезды». Остальные подарки эмира для царской семьи и русских высокопоставленных лиц должны были прибыть на следующий день вместе с остальной свитой Абдул-Ахада.

В дни пребывания в Москве бухарский эмир осмотрел Оружейную палату, расписавшись в книге почетных посетителей. Вместе с сыном он фотографировался у известного московского фотографа Г.В. Трунова, разрешил ему именоваться «фотографом его высокостепенства» и пожаловал серебряную звезду [Санкт-Петербургские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московский листок. 1892, 27—29 декабря; Новое время. 1892, 27—29 декабря].

Абдул-Ахад вел крупные торговые дела, скупал каракуль и ежегодно отправлял его в Москву. Его называли третьим на мировом рынке в торговле каракулем. Он также был владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов. Поэтому с большой заинтересованностью встречался с председателем среднеазиатской выставки, московским купечеством, банкирами, коммерсантами, промышленниками, которые поднесли эмиру образцы своих производств — серебряные изделия, шелковые и парчовые материи, шали, часы и пр., а также редкий для

того времени подарок — музыкальный ящик, шкатулку, исполнявшую сорок восемь пьес.

С особенно большим интересом эмир отнесся к посещению Трехгорной мануфактурной фабрики братьев Прохоровых, которая выдывала ткани, находившие широкий сбыт в Бухаре. После пышной встречи высокого гостя под торжественный марш, который играл оркестр, эмир начал осмотр фабрики. Абдул-Ахад внимательно следил за работой в ткацком корпусе, в мотальной, печатной, красильной и промывочных мастерских, много расспрашивал о деталях производства, хорошо знакомого ему по хлопчатобумажному и шелкоткацкому ремеслам в Бухаре [Санкт-Петербургские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московский листок. 1892. 27—29 декабря; Новое время. 1892. 27—29 декабря]. Вечером после просмотра выступления цирка эмиру со свитой предложили посетить только что роскошно отделанные московские центральные бани.

Для подростка принца Алима в Москве была подготовлена другая программа. В сопровождении А.Д. Столыпина, переводчика и шести человек свиты он побывал в Большом театре на утреннем спектакле балета «Конек-Горбунок». Наследник бухарского престола с удовольствием посетил детские гуляния в Манеже, просмотрел представление «Основание Москвы», ему понравились народные танцы, пляски, с интересом мальчик наблюдал за работой художника, слушал детский хор, гармонистов и балалаечников.

Накануне отъезда эмира в Петербург в Офицерском Собрании Хамовнических казарм, где располагался Третий Сумской драгунский полк, в котором служил принц Мансур, в 2 часа дня был устроен торжественный прием. Зал убрали коврами, тропическими деревьями, всюду были расставлены угощения, сласти. Эмиру представили присутствовавших офицеров полка, в небольшой гостиной, украшенной в восточном стиле, был сервирован чайный стол.

В неофициальной части раута для высоких бухарских гостей пели и плясали цыгане и венгры, играли полковые трубачи, что особенно пришлось по вкусу эмиру и его свите. В Бухаре вечерами эмир любил отдыхать под пение, танцы мальчиков-бачей и аккомпанемент тамбуров, домбр, барабанов, бубнов и сурнаев. Абдул-Ахаду также очень понравилось выступление простого небольшого русского странствующего цирка. После концерта присутствовавшим офицерам подавали шампанское, а эмиру и его свите — лимонад. Принца Алима в сопровождении воспитателей в это время развлекали, знакомя с коллекциями Оружейной палаты.

Лошади, которые предназначались в подарок августейшим особам, на время пребывания эмира в Москве были помещены в полковом манеже. Эти великолепные «не очень большие, с широкой грудью и жилистыми тонкими ногами» лошади были покрыты красными попонами, чтобы не замерзали в русские морозы. По сообщению газет, конюхи-бухарцы, одетые в среднеазиатские стеганые халаты с белыми тюрбанами на головах и в шубы поверх халатов, непрерывно дрожали от холода. Двое из привезенных коней, которых звали Текин и Араби, в пополах, вышитых золотом, предназначались императору, а две маленькие белые лошадки — великой княжне Ксении Александровне.

Газетчики внимательно следили за передвижениями высокого бухарского гостя, сообщая об этом в подробностях, иногда с точностью до минуты. Так, в 3 часа 15 минут эмир покинул Офицерское Собрание, поблагодарив за прием, и на обратном пути нанес визиты. Затем катался по центральной части вечернего города. В девять часов вечера в генерал-губернаторском дворце состоялся прием в честь важного гостя, на котором присутствовала «вся Москва» [Московские ведомости. 1892. 31 декабря; Московский листок. 1892. 31 декабря; Санкт-Петербургские ведомости 1892. 31 декабря]. Во время приема, например, пела известная за пределами России капелла знаменитого в те годы Д.А. Агренева-Славянского. Со своими концертами коллектив объездил разные страны и города, побывав даже в Бухаре [Всемирная иллюстрация. 1881. № 671]. Возможно, эмир слушал выступление капеллы у себя в резиденции.

В последний день пребывания в Москве, 31 декабря 1892 г., после обмена подарками с великим князем и ряда прощальных визитов эмир Абдул-Ахад посетил московскую биржу и ипподром, где следил за рысистыми бегами. Как эмиры прежнего времени, Абдул-Ахад-хан с удовольствием принимал участие в конной игре. Он ценил лошадей и считался одним из наиболее ловких, смелых и хороших наездников ханства. Современники писали, что однажды он неудачно упал с коня и с тех пор не принимал участия в состязаниях, а только наблюдал за ними.

В девять часов вечера эмир со свитой отправился на Николаевский вокзал, где к тому времени был приготовлен экстренный поезд. Провожать эмира в Петербург прибыли московские начальники, именитое купечество, члены бухарской колонии, а также принц Мансур. В десять часов вечера поезд тронулся в путь.

Как сообщали центральные газеты, в ночь с 31 декабря 1892 г. на 1 января 1893 г. поезд эмира находился в пути. В начале двенадцатого часа ночи все сопровождавшие эмира собрались в директорском вагоне встретить европейский Новый год. Уезжая из Москвы, эмир Абдул-Ахад отправил новогодние поздравительные телеграммы в Ташкент

и Петербург. В Твери поезд эмира остановился на три часа для ночлега. В восемь часов утра 1 января на станции Бологое эмир завтракал, а в Окуловке пил чай. В это же время ему вручили ответную новогоднюю поздравительную телеграмму из Петербурга. Почти через сутки пути в восемь часов вечера 1 января 1893 г. поезд эмира благополучно прибыл из Москвы в Петербург.

Для встречи в Петербурге высоких гостей на Николаевском вокзале были открыты царские комнаты. Прибытие в Петербург бухарского эмира с сыном и свитой было для жителей и властей событием выдающимся. Эмира встречали представители столичной администрации, министерств, ведомств и Главного штаба. Здесь же находилось мусульманское духовенство Петербурга. Несмотря на мороз, у Николаевского вокзала собралось довольно много публики посмотреть на приезд необычной делегации [Санкт-Петербургские ведомости. 1893. 4 января; Правительственный вестник. 1893. № 2].

Столичные газеты пристально наблюдали за перемещениями бухарского эмира. После обмена приветствиями Абдул-Ахад отправился в помещения вокзала, где произнес приветственную речь, выразил благодарность за радушный прием его по всей территории России от самой Бухары. По впечатлениям встречавших, эмир был «высоким, красивым мужчиной, слегка смуглым, с правильными чертами лица и черной бородой»: «Эмир, мужчина несколько выше среднего роста, крепкого и сильного телосложения, обладающий весьма красивой наружностью типичного таджика. Он чрезвычайно жив, деятелен и подвижен», — отзывались об Абдул-Ахаде наблюдательные газетчики [Всемирная иллюстрация. 1893. № 52].

Журналисты помнили внешность Абдул-Ахада, когда он присутствовал на коронации 1883 г. С тех пор, по их мнению, «красавец восточный принц» лишь пополнел. Из вагона эмир вышел, одетый в верхний шелковый коричневый халат. На широком золотом поясе с бляхами с боку была подвешена сабля. На голове была белая чалма. Под верхним халатом виднелся парадный халат, на котором сияли бухарские награды и через плечо была надета русская орденская лента. Выглядел эмир для сумрачного зимнего Петербурга весьма экзотично [Санкт-Петербургские ведомости. 1893. 4 января].

После непродолжительной беседы в комнатах вокзала Абдул-Ахад вместе с сыном, «мальчиком с бойкими умными глазами», одетым так же в нарядный халат, свитой в пестрых парчовых и шелковых халатах и белых у большинства чалмах в сопровождении российских военных чинов отбыли в придворных экипажах в Зимний дворец. С эмиром в Петербург прибыли 22 человека прислуги и 30 конюхов.

После приезда в Петербург Абдул-Ахад, которого до тех пор титуловали в России «его высочайшее достоинство», с нового 1893 г. был высочайше удостоен титула «его светлость».

Для проживания эмира в Зимнем дворце рядом с Эрмитажем были отведены те же помещения, в которых в 1873 г. останавливался персидский шах. Помещение для Абдул-Ахада, принца Алима и «министра Дурбан-куш-беги» было отведено у Советского подъезда Зимнего дворца⁴. Остальная свита была размещена в «Гранд-отеле». В покоях дворца для гостей по восточному обычаю был накрыт стол, дастархан. В этот день к эмиру с визитами приезжали несколько официальных лиц.

На другой день после прибытия в Петербург Абдул-Ахада московским поездом приехала остальная свита, в том числе караул-беги и секретари эмира, а также багаж и 28 подарочных лошадей. «Лошади — все жеребцы разных пород и различных мастей, преобладают серая и рыжая. По породам главным выделяются текинские и туркменские» [Новое время. 1893. 8 января]. Для жителей Петербурга эти животные тоже выглядели непривычно — в нескольких пополах, в том числе яркой верхней, ковровой или войлочной, покрывавшей круп с хвостом.

Как сообщали столичные газеты, в течение дня 3 января эмир не выезжал из Зимнего дворца, ему представлялись высокопоставленные лица. Бухарские сановники по его поручению развозили должностным лицам подарки — халаты, ковры и шелковые ткани.

В понедельник 4 января эмир вместе с наследником выехал в половине третьего дня в Аничков дворец для представления императору и его семье. В те годы Аничков дворец являлся любимой резиденцией императорской семьи. Александр III, как и его семья, во время пребывания в Петербурге обычно жил в Аничковом дворце [Попова 1998].

Эмир ехал во дворец в отдельной карете. Как отмечали наблюдатели, на нем был халат, затканый крупными букетами, орденская лента и орден Александра Невского, украшенный бриллиантами. На груди эмира сияли и другие российские и бухарские знаки отличия. На широком золотом поясе была неизменная сабля, на голове — белая чалма. Принц также ехал в отдельной карете. Далее в ряде экипажей следовали бухарские сановники, тоже в богатых халатах, и прочие чины, состоявшие при эмире. Немного раньше во дворец были доставлены на нескольких подводах подарки эмира и приведены 17 лошадей в драгоценных уборах, предназначенные царю и членам его семейства.

⁴ Мраморная Советская лестница, устроенная в 1850-е годы по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера, получила свое название от находящегося слева от вестибюля зала, в котором с 1828 г. заседал Государственный совет.

В Аничковом дворце эмира встретили придворные и проводили гостей наверх. Здесь депутация увиделась со столичными чиновниками. В Голубой гостиной бухарцев ожидали военный министр, директор Азиатского департамента, представитель Главного штаба и политический агент в Бухаре. До начала приема гостей Александром III гости пили чай и беседовали.

В три часа эмира с сыном, военным министром и переводчиком Асфендиаровым пригласили в кабинет, где находились Александр III и члены августейшей фамилии. После представления все вышли в Голубую гостиную, где императора познакомили с бухарскими сановниками. Как подчеркивали газеты, при этом государь удостоивал каждого из них разговором.

В столовой на двух больших столах были разложены дары эмира. Среди них для государя предназначалась, например, золотая сабля в золотых ножнах с обсыпанной крупными бриллиантами рукояткой, пояс с драгоценными камнями и «шатер из редких кашмирских шалей». Государыне и великим княжнам Ксении и Ольге Александровнам Абдул-Ахад подарил серьги и несколько ожерелий с драгоценными камнями бухарской работы, дамский шитый жемчугом зонтик с обсыпанной бриллиантами ручкой. Цесаревичу были подарены сабля и пояс, украшенные драгоценными камнями. В числе подарков были также ножи, украшенные камнями, серебряные с чернью ларцы, братины, вазы и т.п., а также роскошные ковры и материи ручной работы.

Во время осмотра подарков эмир просил принять от него также 17 лошадей, которых к этому времени разместили в конюшнях Аничкова дворца. Обойдя два раза столы с подарками, по замечанию столичной печати, Александр III и его семья простившись с эмиром и свитой, удалились во внутренние покои, а гости прошли в гостиную. В три часа сорок минут бухарская делегация отбыла из Аничкова дворца, чтобы в четыре часа нанести визит великому князю Владимиру Александровичу. Ему эмир также поднес ценные подарки и трех скакунов с полным убранием.

Проследить дальнейшую судьбу подарков эмира бухарского практически невозможно. В сентябре 1917 г. императорские драгоценности были вывезены из Камерального управления Кабинета Аничкова дворца, в котором они хранились. В конце февраля 1918 г. в Москву были отправлены вещи из золота, платины и серебра, принадлежавшие Марии Федоровне: 84 ящика и 9 сундуков. Осенью 1918 г. при обходе помещений дворца были обнаружены 9 сундуков с предметами и документами (см.: [Попова 1998: 22–24]). В эти годы участились грабежи особняков бывшей придворной знати. С 1918 г. Аничков дворец был передан

учрежденному Музею города. В 1920-е годы в музеи стали поступать вещи из Государственного музейного фонда, деятельность которого фактически способствовала рассеиванию редчайших собраний, превращая их из богатейших коллекций в разрозненные предметы, разбросанные по разным музеям и другим учреждениям. Фонд передавал имущество бывших дворцов и особняков в том числе и в такие музеи, которые просуществовали короткое время. Большая часть уникальных собраний исчезла бесследно. В настоящее время в собраниях некоторых музеев присутствуют фрагменты подарков эмира бухарского, но каким образом они сохранились, какой путь прошли, оказавшись в хранилищах, теперь не установить (см.: [Прищепова 2000: 85–110]).

На другой день после приема императором эмира, 5-го числа, Абдул-Ахад с одиннадцати часов утра в сопровождении своих ближайших сановников посещал особ царской семьи. Он поднес им бриллиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей звезды», изделия бухарского производства, а также коней в роскошных уборах.

В среду 6-го января, в праздник Богоявления (Крещения), в Зимнем дворце происходили высочайший выход на Иордань и крещенский парад. К половине одиннадцатого утра залы Зимнего дворца наполнились придворными дамами, высокими военными и гражданскими чинами, приглашенными на церемонию. В одиннадцать часов последовал выход к литургии в церковь Зимнего дворца.

Иордань напротив дворца возвышалась на Неве в виде восьмигранной часовни с голубым со звездами куполом. Верх ее осенял сиявший крест. Она располагалась выше уровня тротуара набережной на покрытом красным сукном помосте. Внутри Иордани был устроен спуск к проруби на льду реки. Газетчики заметили, как во время литургии Абдул-Ахад с сыном и свитой в нарядных халатах прошли в Петровский зал, где ожидал следовавший через этот зал на Иордань крестный ход. Затем гостей пригласили пройти в Николаевский зал, из окон которого можно было видеть, как происходило водоосвящение. Туда же были также приглашены иностранные послы и лица дипломатического корпуса, которые тоже смотрели из окон на выход к Иордани.

Вечером того же дня эмир со свитой был приглашен на раут, устроенный в его честь строителем Закаспийской железной дороги генерал-лейтенантом М.Н. Анненковым. Сослуживцы восхищались энергией М.Н. Анненкова, называя его «тружеником идеи»: «Богатый человек, воспитанный в роскоши и барстве, здесь (во время строительства Закаспийской железной дороги. — *В.П.*) он работал как вол или простой чернорабочий. Вставать в 4 часа утра и проводить весь день на работе под палящими лучами тропического солнца <...> а вечером, когда все отды-

хают, работать за письменным столом до полуночи — это не только труд, но и подвиг» [Зноско-Боровский 1889: 6]. М.Н. Анненков был давно знаком с Абдул-Ахадом, со времен строительства дороги. Востоковед Н.И. Веселовский считал, что присутствие М.Н. Анненкова во время восшествия на престол Абдул-Ахада было своевременной поддержкой будущему эмиру. Как считал исследователь, это усилило не только торжественность обряда. Именно въездом эмира в Бухару в сопровождении русского генерала и его свиты из казаков Н.И. Веселовский объяснял необычайное спокойствие среди жителей города. Во время раута 1893 г. хозяин дома М.Н. Анненков стремился, чтобы убранство комнат, а также картины «Река Аму-дарья» и «Укладка шпал на Закаспийской дороге» напоминали эмиру Бухару и время их знакомства.

По описаниям современников, все помещения дома генерала были убраны бухарскими тканями, персидскими коврами, восточной посудой, седлами, чепраками, которые эмир подарил М.Н. Анненкову прежде, мягкой восточной мебелью, среди которой располагались карточные и чайные столы. Эмир с сыном и свитой из четырех человек прибыли на прием в 10 часов 20 минут вечера. Пресса отмечала, что на вечере присутствовало много влиятельных лиц, а также дам. В гостиной проходили оживленные танцы. В зале, уставленном тропическими растениями и цветами, был накрыт дастархан.

Журналисты обращали внимание на то, что во время бала Абдул-Ахад некоторое время наблюдал за танцами. Особенно они понравились принцу Алиму, который поэтому отправился спать поздно, лишь около полуночи. Во время ужина Абдул-Ахада усадили между двумя светскими дамами. Стол, за которым он сидел, был накрыт на 24 персоны. За этим же столом ужинали и бухарские придворные. По всей видимости, им впервые пришлось сидеть за одним столом со своим господином, что противоречило бухарским правилам приличия. В Бухаре эмир всегда ел один. После ужина Абдул-Ахад еще раз вернулся в бальный зал посмотреть на танцы и затем уехал.

Столичная печать отмечала, что 8-го января эмир принимал великих князей и посещал их сам. Принца Алима в этот день знакомили с экспонатами Петровской галереи и хранилищем драгоценностей Эрмитажа.

В воскресенье 10 января в девять часов вечера в честь бухарского эмира был дан торжественный прием в здании военного министерства на Исаакиевской площади. Накануне, в субботу и весь день в воскресенье, в здании шли приготовления. Залы министерства стали неузнаваемы. Декорирование помещений было возложено на полковника Чеховича. Даже вешалки в прихожей были скрыты шпалерами оранжерейных деревьев.

На стене лестницы был установлен огромный щит с изображением Георгия Победоносца, окруженного сиянием из штыков и клинков сабель. Окна были закрыты, в нишах установлены манекены рыцарей в шлемах с забралами, взятых, как писали газеты, из Артиллерийского музея.

Описание приема эмира, опубликованное в газете, иллюстрировал рисунок, специально выполненный с натуры К.О. Брожем [Всемирная иллюстрация. 1893. 23 января]. Площадка лестницы была оформлена в виде аллеи сада, зал заседаний военного совета превращен в гостиную и буфетную, посередине которой раскинуло ветви гигантское дерево. Отдельные группы растений, среди которых красовались пальмы, окружали диванчики. Деревья подсвечивали электрическими лампочками, люстрами и канделябрами, задрапированными бухарскими тканями. Кабинет военного министра напоминал восточный шатер из кашмирских шалей, константинопольских вышивок, всевозможных турецких, персидских, текинских ковров, японских, китайских шелков, индийской парчи. Окна задрапировали кашемиром, золотой парчой и бархатом. Вокруг расставили тахты, парчовые кушетки и другую мягкую мебель, вазы в восточных рисунках. На столиках из слоновой кости с инкрустацией лежали фрукты, сласти, мороженое.

По сообщению прессы, на прием в честь эмира в военное министерство съехались члены Государственного совета, министры, члены Военного совета, масса генералов, командиры полков и представители гвардии. Залы наполнили более трехсот человек.

Во время раута играл оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. В разгар вечера оркестр исполнил марш, написанный руководителем оркестра Шинделяром в честь бухарского эмира. Абдул-Ахад немного говорил по-русски и даже провозгласил тост.

На следующий день царь с семьей в присутствии эмира и его свиты осматривал в Манеже подаренных эмиром лошадей. Абдул-Ахад, как знаток, объяснял породу каждой лошади. Все скакуны были под роскошными, шитыми золотом чепраками и драгоценными седлами. По желанию царя бухарцы сели на лошадей и проехали на них по Манежу. В этот же день царь осмотрел шатер, поднесенный в подарок эмиром и раскинутый во дворе Зимнего дворца. Вечером эмир с сыном и свитой слушали в Мариинском театре оперу Массне.

Вечером в 7 часов 12 января в концертном зале Зимнего дворца состоялся парадный обед в честь эмира. Как отмечала светская хроника, сюда съехались придворные дамы, генералитет и прочие приглашенные чины. Бухарский гость прибыл на обед в парчовом халате со знаками орденов Белого орла и Александра Невского. Свита эмира также была с орденами, только что пожалованными царем. Царь в ответ надел брил-

лиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей Звезды». Чтобы подчеркнуть особое уважение к почетному гостю, во время выхода к столу в первой паре шли государыня с эмиром и только во второй — царь с великой княжной. Далее следовали особы августейшей фамилии. Во время обеда играл придворный оркестр.

В один из дней эмиру нанес визит петербургский мусульманский ахун Баязитов, состоявший переводчиком МИДа. Он поднес Абдул-Ахаду несколько книг религиозно-философского содержания, написанных им на русском языке, и прочел стихи в честь эмира на персидском. Эмир Бухары, куда с древних времен стеклись со всех концов мусульманского мира люди, жаждавшие наук и знаний, должен был оценить уровень образования петербургского мусульманина.

Среди прочих визитеров Абдул-Ахаду был представлен также директор Николаевского кадетского корпуса, которому вверялось образование сына эмира, принца Алима. После подготовки принца должны были перевести в Пажеский корпус. Перед отъездом эмира его сын с воспитателем, переводчиком и прислугой были помещены в Николаевский кадетский корпус.

Во время пребывания в Петербурге бухарские гости посещали Петропавловскую крепость, Монетный двор, типографию ценных бумаг, осматривали залы Зимнего дворца. Эмира приветствовала депутация Думы и поднесла ему альбом видов Петербурга. Вечерами гости принимали приглашения на званые вечера.

Утром 16 января эмир осматривал столичную пожарную команду. На Дворцовой площади были построены все части с оркестром. По команде градоначальника они прошли маршем, затем разными аллюрами, шагом, рысью и т.п. Во время смотра оркестр играл бухарский марш, написанный на темы бухарских народных мотивов капельмейстером оркестра Миллером.

Среди многочисленных ответных подарков эмиру, его сыну и свите царь через заведующего Азиатской частью Генерального штаба передал Абдул-Ахаду панаш (эгрет) на чалму, богато украшенный бриллиантами с крупным изумрудом посередине. Все особы императорской фамилии, которым эмир поднес подарки, также прислали ему ценные предметы — вазы, серебряные сервизы, позолоченные и прочие изделия, украшенные эмалью.

На первый в 1893 г. бал в Зимнем дворце, который состоялся 19 января, было приглашено, как об этом извещала пресса, 3375 персон. Эмир в сопровождении своих придворных прибыл в начале десятого вечера. Он вошел во внутренние покои, где собирались члены царской семьи. Свита и сопровождавшие лица во главе с военным министром

остались в Николаевском зале. В половине десятого оркестр заиграл полонез и под его звуки последовал выход царской семьи из внутренних покоев в Малахитовую гостиную и Николаевский зал. Затем прошел эмир и только после него — иностранные послы. В час ночи началось шествие к ужину, сервированному во многих залах. В первой паре шла царская чета, за ними — эмир и члены царской семьи. В Гербовом зале на небольшом возвышении был сервирован дугообразной формы стол. Император, как хозяин дома, во время ужина обходил помещения и беседовал с гостями. Императрица сидела в центре, справа от нее было место эмира. Возможно, именно в этот день был выполнен фотопортрет Абдул-Ахада, хранящийся в нашем музее (колл. № 1695-1).

Утром 20 января эмир со свитой посетил училище глухонемых. Это казалось неожиданным поворотом в праздничной программе гостей. На следующий день эмир был на учениях лейб-гвардии Павловского полка. Затем несколько дней эмира были посвящены приему ряда должностных лиц (среди них были помощник начальника Главного штаба, директор Николаевского кадетского корпуса генерал-майор Я.А. Дружинин, под руководством которого должен был воспитываться принц Алим, и др.) и нанесению ответных визитов.

Второй бал в концертном зале Зимнего дворца, на котором также присутствовал эмир со свитой, состоялся 24 января. Утром следующего дня эмир посетил Николаевский кадетский корпус, где должен был получить первоначальное образование его сын. Для проживания в корпусе принцу должны были отвести особое помещение. Его воспитателем был назначен полковник Демин. В благодарность за заботу о сыне эмир подарил одного из замечательных коней министру двора.

В одиннадцать часов утра 26 января в Аничковом дворце состоялась прощальная встреча эмира с сыном у царя в присутствии министров, которая длилась около часа.

В обратную дорогу эмир выехал из Петербурга по Варшавской железной дороге в Киев в семь часов вечера 28 января. Часть состоявших при нем лиц провожали эмира до Баку, остальные — до Бухары. Маршрут обратного следования Абдул-Ахада был следующим: Киев — Одесса — Крым — Батум — Тифлис — Баку, затем Каспийским морем до Узун-Ада и по Закаспийской железной дороге до Бухары.

Проводить высокого гостя на вокзал прибыли высшие должностные лица. Во время пребывания бухарской делегации в Москве и Петербурге все, кому удавалось общаться с гостями, отмечали их умение держать себя корректно. Бухарцев характеризовали как людей в высшей степени тактичных. Приверженность бухарцев тонкостям правил приличия подчеркивали все иностранцы, приезжавшие в ханство. А.А. Се-

менов, который присутствовал на приеме у кулябского наместника, писал о том, как свита бесшумно раздвигается перед ним и удаляется за своим господином с теми красивыми манерами, которые сделали бы честь любому изящному воспитаннику салонов галантного восемнадцатого столетия [Семенов 1902]. Население мусульманского востока строго избегало торопливости в своих движениях: «Торопливость есть свойство дьявола» [Лыкошин 1915: 43]. На коллективной фотографии Абдул-Ахада с сыном и свитой 1893 г. из музейной коллекции сановники учтиво держат на животе сложенные руки. Такая поза соответствовала мусульманским правилам приветствия старшего не поклоном, а складыванием рук на животе.

До наших дней сохранилось немного описаний XIX–XX вв. о пребывании среднеазиатских делегаций в России или Европе и о том, как они жили на чужбине. Например, любопытно было бы узнать, как был оформлен Среднеазиатский отдел на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, какие были выставлены фотографии во «Дворце Азиатской России», кто его создавал. Эти сведения были бы необходимы в связи с историей ряда иллюстративных коллекций МАЭ, некоторые из них удалось обнаружить.

Спустя несколько месяцев после официального открытия выставки ее Среднеазиатский отдел посетил туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской. Он встретился с М.И. Шанявским, по всей видимости, представителем русской администрации, который находился в сопровождении группы бухарцев и «декоративного» туркмена [Духовская 1913: 84]. Бухарцы были командированы в Париж, говоря словами очевидца, для наблюдения за богатыми экспонатами, присланными эмиром, «а также служить декорацией в Среднеазиатском отделе, в котором видное место было отведено Бухарскому ханству».

По описанию посетелей выставки, внутри здания Среднеазиатского отдела издали при входе была видна громадная панорама работы художника Коровина, изображавшая площадь перед мечетью в Самарканде с пестрой живой толпой. В разных углах зала, где было разрешено устроить лавочки и мастерские, находились живописные фигуры бухарцев и саргов-купцов. В Среднеазиатском отделе были выставлены ковры, богатое оружие, посуда, сосуды, коллекция сельскохозяйственных продуктов, наибольшее внимание привлекали восточные ткани, седла, конская сбруя, украшенные драгоценными камнями, от эмира бухарского. Эту часть выставки современники характеризовали как «сказочный уголок восточной роскоши в самом центре европейской жизни».

Во время приезда эмира бухарского со свитой в 1892–1893 гг. в Петербург их роскошные костюмы повсеместно обращали на себя внима-

ние публики. По впечатлению немецкого путешественника Й. Тrolла, совершившего в 1884–1892 гг. путешествия в Азию и побывавшего в Бухаре, ярко-красные, желтые или в цветах халаты, чапаны местной знати напоминали ему «длинное и обширное одеяние, подобное спальному сюртуку» [Janata 1984].

В 1900 г. в Париже, в котором до сих пор никогда не было ни одного бухарца, они произвели сильное впечатление, когда разгуливали по городу в своих национальных костюмах. Чаще всего они одевались скромно, чтобы меньше привлекать внимания, но когда наряжались в свои богатые наряды, то их принимали за восточных принцев. Поэтому при посещении ими магазинов продавцы сразу заламывали цены. В одном крупном магазине директор провел их по всем отделам мебели, шелков, ковров, галантереи и проч., «но экономные бухарцы спросили лишь полдюжины эмалированных тарелок».

В Париже иностранные колонии, в том числе Азиатской России, занимали часть садов Трокадеро [Путеводитель по Парижу 1900: 77]. Маленькая среднеазиатская колония вместе с М.И. Шанявским поселилась в одном доме. Бухарская делегация состояла из бухарского полковника, капитана, переводчика и привезенной прислуги. Бухарский купец Ата-ходжа выступал в роли переводчика и одновременно ведал коллективным хозяйством. Он каждое утро отправлялся за продуктами, выучившись необходимым французским словам, и сам готовил обеды.

Судьба некоторых экспонатов Среднеазиатского отдела известна. Можно предположить, что на Всемирной выставке 1900 г. в Париже демонстрировалась фотоколлекция по культуре казахов С.М. Дудина 1899 г. (отпечатки которой в настоящее время хранятся в МАЭ, о ней мы уже рассказывали), после чего, видимо, ее стеклянные негативы оказались в Музее Гамбурга, в Германии. Часть экспонатов из предметов кустарного производства Среднеазиатского отдела Всемирной выставки «раздали даром», образцы продуктов съели мыши: «Завели огромных котов, но, привыкшие к домашнему покою, они не переносили дневной суеты и ночного одиночества и сбежали» [Духовская 1913: 87]. Отправлять сартовскую арбу с колесами выше человеческого роста назад стоило дорого, пробовали ее подарить какому-нибудь музею, но никто не брал, поэтому ее вывезли на дорогу и бросили.

Приезд в Петербург эмира бухарского и хана хивинского в 1898, 1906, 1913 и 1916 г. (по архивным материалам)

Детальная фиксация в средствах массовой информации и других документах церемонии приема эмира бухарского в Петербурге в 1893 г.

послужила образцом для разработки последующего протокола приема эмира Абдул-Ахада, затем и эмира Алим-хана и хивинского хана.

Сеит-Магомет-Рахим-Богодурь
Ханъ Хивинскій. -

Сеит-Магомет-Рахим-Богодур. Хан хивинский. Н. Ордэ. 1880-е годы.
МАЭ. Колл. № 255-187

В 1898 г. канцелярия министерства императорского двора рекомендовала управлению гофмаршальской частью по случаю приезда эмира Абдул-Ахада в Россию во второй половине мая «придерживаться тех же распоряжений <...> которые были в 1893 году» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 1).

В 1898 г. эмир Абдул-Ахад должен был пробыть в Петербурге две недели, т.е. 14 дней. Сначала сановников эмира хотели разместить в здании Нового Эрмитажа. Но позже было «высочайше повелено» поселить их вместе с миром в Зимнем дворце, а некоторую часть прислуги, десять-двенадцать человек, семь конюхов при подарочных лошадях и других, разместили в гостинице военного министерства.

По протоколу, во время пребывания эмира Абдул-Ахада в Петербурге при нем должны были находиться представители военного министерства, генштаба и туркестанской администрации, в том числе постоянные переводчик и врач.

С министерством императорского двора, военным министерством, генштабом и туркестанским генерал-губернатором заранее согласовывались не только время, сроки и состав бухарской делегации, но и ее действия: «Вследствие последовавшего Высочайшего соизволения на разрешение эмиру Бухарскому взять с собою кроме орденов подарка к Высочайшему двору» исправлявший дела туркестанского генерал-губернатора «уведомлял, чтобы эмир вез с собой подарки для поднесения императору, императрице Александре Федоровне, вдовствующей императрице Марии Федоровне, братьям и сестрам императора и великим княжнам Ольге и Татьяне Николаевнам» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 4).

Представители российской стороны, назначенные состоять при эмире, должны были проживать вместе с гостями в отведенных для них помещениях и распределить комнаты для свиты эмира.

Придворные служители гофмаршальской части, находившиеся «в наряде» на службе по случаю пребывания эмира, были поименно распределены по дням дежурства в Зимнем дворце: в день приезда эмира — 16 мая 1898 г., 18 мая — в день торжественного приема гостей императором в Царскосельском дворце, в день приема в Гатчинском дворце, а также в течение всего срока пребывания эмира и т.п. Штат прислуги включал шесть человек камер- и гофкурьеров, десять мужчин официантов, троих скороходов, четырех старших «арабов» (скорее всего это название одной из должностей служащих), тридцать пять лакеев, шесть рабочих, одиннадцать швейцаров, четыре повара, канцелярских служащих, повесточных, парикмахера, двоих портных, двух комнатных женщин, кухонных и буфетных служащих в количестве тринадцати человек.

В списке свиты эмира Абдул-Ахада в 1898 г. были Астанакул-бий Диванбеги, главный бухарский зякетчи, Мирза Насрулла-бий, бывший воспитатель брата эмира Сеида-Мир-Мансура, и др. (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 5).

Следующий визит эмира Абдул-Ахада вместе с наследником тюрежданом принцем Алимом в Петербург состоялся с 31 октября по 19 ноября 1906 г. Эмир следовал через Москву, и канцелярия императорского двора повелела на случай остановки его и свиты в Москве разместить гостей «по прежним примерам», т.е. как это было в 1893 г.: в Москве — в апартаментах Большого Кремлевского дворца, в Петербурге, как и в 1893 и 1898 гг., в новых комнатах Эрмитажа. Экипажи предоставлять от высочайшего двора, оказывать «при следовании в Петербург и обратно, а равно при остановках в попутных городах все те почести, какие оказывали ему в предшествовавшие приезды в Петербург» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 1). В 1906 г. эмира с сыном сопровождали четыре сановника, восемь старших и младших чиновников и двадцать шесть человек прислуги и конюхов.

В списке лиц свиты эмира с наследником в ноябре 1906 г. среди четырех сановников первым в списке назван парваначи Мирза Насрулла, Шахриябский бек (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 4). Таким образом, по архивным документам можно проследить политический рост этого приближенного эмира.

По литературным источникам известно, что Насрулла-бий был воспитателем принца Мансура. Публицист П. Шубинский называл его в числе лиц, наиболее приближенных к эмиру [Шубинский 1892: 26]. В архивных материалах, относящихся к приезду эмира Абдул-Ахада в Петербург в 1898 г., в списке чинов свиты Мирзо Насрулла-бий был назван бывшим воспитателем принца Мансура (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 5).

Перестав находиться непосредственно возле своего питомца, Мирзо Насрулла-бий все же продолжал оставаться в ближайшем окружении эмира. Во время приезда эмира Абдул-Ахада в Петербург в 1906 г. Мирзо Насрулла парваначи, он же Шахриябский бек, числился самым приближенным лицом к главе ханства (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 4). В дальнейшем Мирзо Насрулла-бий-ходжа-кул (Мирзо Насруллах-бий кул) стал кушбеги (с 1909 г.), т.е. вторым лицом после эмира. Этот пост он занял после смещения прежде могущественного Астанакула кушбеги. С Мирзо Насрулла-бием был знаком А.А. Семенов, который в августе 1917 г. находился в Бухаре в качестве советника при проведении реформ центрального административного аппарата. В 1917 г. Мирзо Насрулла лишили должности, в 1918 г. он умер.

М.С. Андреев писал, что кушбеги Мирзо Насрулла по происхождению был бухарцем, таджиком, из небогатой семьи. Его отец имел в Бухаре лавочку, в которой торговал чугунными котлами [Андреев, Чехович 1972: 48, 84; Ремпель 1981: 68]. Выдвинулся Мирзо Насрулла сначала на службе у эмира Музаффара, потом при эмире Абдул-Ахаде успешно продолжил служебную карьеру.

Подобная возможность карьерного роста людей низкого происхождения вплоть до первого сановника государства или, наоборот, внезапная утрата достигнутого были характерны для бухарского общества: «Бывший владетельный бек, потеряв свое звание, может сидеть в лавке и торговать мелким товаром или даже нищенствовать, а ломовой извозчик исполняет его обязанности в результате ловкой интриги» [Стремоухов 1875: 647]. Современники объясняли это укоренением недоверия и подозрительности в бухарской среде.

В числе лиц, назначенных состоять при эмире Абдул-Ахаде в 1906 г. с российской стороны, был и действительный статский советник, политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш (один из собирателей фотоколлекций МАЭ). В 1906 г. из Кермине эмира сопровождал среди других назначенных русской администрацией чиновников переводчик Диваев. Возможно, это был тот самый известный исследователь-тюрколог и фольклорист А.А. Диваев. В Петербурге переводчиком эмира был, как и в 1893 г., сфотографированный вместе со свитой эмира в Зимнем дворце в Петербурге С.Асфендиаров. К 1906 г. он уже стал подполковником.

При сравнении состава свиты эмира 1893, 1898 и 1906 гг. очевидно, что количество его приближенных во время приездов сокращалось, а вот список обслуживавших придворнослужителей в Петербурге становился больше. Появились несколько кондитеров, двое «погребщиков» — рабочих при винном погребе, которые не числились в списках прежде, кроме одного парикмахера добавились еще двое его подмастерьев.

Во время визита 1906 г. эмир Абдул-Ахад также посетил Царско-сельский, Петергофский и Гатчинский дворцы. Во время этого приезда Абдул-Ахад преподнес членам царской семьи дорогие подарки, в том числе несколько образцов предметов золотошвейного конского убранства, которые ныне хранятся в МАЭ. К сожалению, относительно большинства экспонатов из этой коллекции нет сведений об их происхождении. Лишь на трех предметах сохранились бирки, на которых указано время, когда они были подарены «ея величеству императрице Марии Федоровне» (вдове Александра III): вышитые золотом чепрак и потник — 28 ноября 1906 г. Еще один золотошвейный чепрак — 2 февраля

1910 г. Остальные предметы подарочной конской упряжи и коллекция кустарных шелковых, полушелковых и бархатных бухарских тканей, которые также хранятся в музее, могут быть связаны с визитами эмира либо посольств в разные годы, в том числе и с его приездом в Петербург в 1893 г.

В мае 1911 г. была выработана программа встречи и пребывания в России эмира бухарского и хана хивинского. В нем предусматривался порядок их встречи и проводов, в том числе в городах, через которые они проезжали. Выбор городов, т.е. маршрута их поездок, по-прежнему решался по усмотрению командующего войсками Туркестанского военного округа. В документе особо оговаривалась процедура встречи гостей на вокзале Петербурга, порядок подачи экипажей, устанавливалась очередность нанесения визитов в министерства и ведомства, определялся срок пребывания в столице посланников до десяти-четырнадцати дней «по примеру предыдущих приездов» (в 1893 г., например, эмир находился дольше, с 1 по 27 января). Также оговаривалось обязательное наличие парадной формы для присутствующих на церемониях приема эмира бухарского и хана хивинского. Награжденные бухарскими орденами должны были их надеть.

В 1913 г. проходили торжества по случаю празднования 300-летия дома Романовых. В феврале 1913 г. прибытие эмира бухарского в Петербург совпало с приездом хана хивинского. Эмир Алим-хан приехал 14 февраля, а 16 февраля — хан хивинский. По-прежнему, как и в 1893 г., врачом, состоявшим при эмире, был Писаренко, а переводчиком — состоявший при командующем войсками Туркестанского военного округа дослужившийся к тому времени до полковника Асфендиаров.

Эмир и хан поселились в соседних апартаментах: «Главный штаб просит не отказать в разрешении свободного прохода внутренними покоем Зимнего дворца из помещения эмира бухарского в помещение хана хивинского и обратно» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 9 об.). Эту фразу, написанную на бланке Главного штаба военного министерства, министр подчеркнул и поставил знак вопроса. Видимо, такая просьба была неожиданной.

В 1913 г. эмира сопровождали три сановника и шесть чиновников. Высочайший прием устраивали сначала эмиру, через пару дней — хану, видимо, соблюдая очередность их приезда. Принимали гостей в Большом Царскосельском дворце, на приемы приглашали лишь по три человека из свиты эмира и хана. Из Петербурга до Царского Села добирались по Варшавской железной дороге. В целях безопасности об отправлении экстренных поездов сообщали телеграфом в Зимний дворец, коменданту в Царское Село, министру путей сообщения, в управ-

ление железных дорог, командиру железнодорожного полка, начальнику Северо-Западной железной дороги и т.д.

В одном поезде ехал эмир со свитой и состоящими при нем лицами, всего около двадцати пяти человек. Во втором — столько же приглашенных гостей. Второй поезд выезжал на полчаса позже первого, в двенадцать часов дня. Третий поезд был обратным и общим для всех. Он отправлялся от павильона в Царском Селе в два часа дня до Петербурга.

После приема в Царском Селе под звуки оркестра гостей ждал дастархан. В архиве сохранилось приглашение в Большой Царскосельский дворец «к Высочайшему завтраку в 12¹/₂ часов», которое производит скромное впечатление простой записки (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 29).

В один из дней императрица Мария Федоровна в Аничковом дворце принимала эмира бухарского вместе с одиннадцатью особами из свиты и назначенных чиновников. Дастархан должны были накрывать в двух смежных залах, отдельно для эмира и для свиты, либо в одном зале, но на двух разных столах, придерживаясь обычая, при котором эмир должен находиться за столом один.

Об этом визите последнего эмира бухарского Сеид-Алим-хана напоминает в собрании МАЭ небольшой матерчатый кошелек ручной бухарской работы — хальта (колл. № 6867-1). Он полукруглой формы, в верхней части продета тесьма с кисточками. Как указано в приложенной к кошельку записке, этот кошелек с вложенными внутрь золотыми монетами эмир подарил горничной Анне Михайловне Михайловой, которая прислуживала Алим-хану в его покоях гостиницы Петербурга, где он останавливался во время торжеств по случаю 300-летия дома Романовых в 1913 г. Записка была составлена в 1946 г. К.Б. Старковой. По ее словам, в 1939 г. кошелек подарила ей колхозница деревни Большой Беленец Мошенского района Боровичского округа Ленинградской области А.М. Михайлова. В 1946 г. К.Б. Старкова подарила кошелек академику И.Ю. Крачковскому. Затем в 1982 г. из фонда И.Ю. Крачковского, хранившегося в Ленинградском отделении Архива АН СССР, кошелек передали в МАЭ.

В разгар Первой мировой войны с 1 по 6 сентября 1916 г. состоялся последний приезд последнего бухарского эмира Алим-хана в Петроград. Несмотря на то что чиновники гофмаршальской части старались сохранить прежний порядок встречи почетного гостя, эта процедура была значительно упрощена. В этот приезд с эмиром были лишь два сановника, четыре чиновника, четверо слуг, пять казаков, врач Писаренко и еще пара человек obsługi.

В Петрограде эмир пробыл четыре дня. Поезд эмира отбывал 6 сентября 1916 г. в десять часов сорок пять минут вечера с Николаевского вокзала.

Таким образом, значение приема первой бухарской делегации во главе с эмиром в конце 1892 — начале 1893 г. можно оценить, учитывая сложившуюся в то время обстановку. Этот визит эмира бухарского занимает особое место в истории отношений среднеазиатских ханств с Россией, став важной вехой сближения двух стран. Прием бухарских гостей был первым практическим результатом налаживания межгосударственных связей после прерванных отношений между двумя странами в предыдущий период. К сожалению, русская периодическая печать и архивные документы оставили свидетельства лишь внешней канвы событий пребывания делегации в Москве и Петербурге. В приведенных материалах отсутствуют сведения о возможных дипломатических, политических, экономических переговорах между сторонами. Тем не менее данные русской прессы и архивов о визитах эмиров бухарских в Петербург имеют отношение к истории иллюстративных коллекций МАЭ и познавательное значение для изучения посольских связей Бухарского эмирата с Россией.

Глава VII

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МАЭ)

Расширить и дополнить иллюстративный фонд отдела Центральной Азии МАЭ, ввести в научный оборот новый ценный и интересный материал позволяют вырезки из русской периодической печати конца XIX — начала XX в., которые многие десятилетия, а возможно, и столетие, хранятся в отделе Центральной Азии музея. Но при этом они не были (по разным причинам) зарегистрированы как музейные коллекции. При обзоре этого материала необходимо установить, когда, где и кем были созданы иллюстрации, тем более что для этого их авторы должны были находиться какое-то время в Средней Азии. Ответы на эти вопросы непосредственно связаны со становлением отечественного востоковедения.

Судя по сохранившимся уточнениям, сделанным от руки карандашом под некоторыми изображениями вырезок («Оренбургь» или «Туркестань»), начало их сбора было положено еще до 1917 г. Эти иллюстрации в количестве более двухсот штук вложены в картонную папку, на которой красным карандашом написано «Вырезки». К сожалению, отсутствуют ссылки на печатные источники, из которых вырезаны эти иллюстрации, и не всегда указано имя автора снимка либо рисунка.

По времени исполнения эти иллюстрации относятся в своем большинстве к 1880-м годам. В некоторых случаях год можно было установить по фрагментам текстов на оборотной стороне изображений, вырезанных из газет или журналов, в которых описывались современные политические события. Иной раз даже удавалось определить печатный орган, в котором была опубликована иллюстрация («Нива», «Живописная Россия», «Всемирная иллюстрация», «Новь», «Сын отечества»). В данном обзоре сохраняются географические названия и имена соб-

ственные в том виде, как они указаны в первоисточниках. Среди изображений встречаются дубликаты. Иногда это вырезки из одного и того же издания, но встречаются одни и те же литографии, опубликованные в разных печатных изданиях. В таких случаях названия иллюстраций, если они сохранились, несколько отличаются. По размеру все вырезки разные. Кроме вырезок иллюстраций конца XIX в. в этой же папке хранятся несколько страниц из журнала «Народное творчество» 1937 г. Это свидетельствует о попытке кого-то из сотрудников отдела в советские годы пополнять подборку вырезок из периодики.

Сначала эта россыпь вырезок воспринималась как любопытные, редкие по содержанию, на первый взгляд не связанные между собой картинки, с не всегда понятными сюжетами. В процессе их изучения, привлечения научной литературы, справочников, сопоставления с иллюстративным материалом МАЭ, знакомством с периодическими изданиями второй половины XIX — начала XX в. удалось выявить круг авторов изображений и систематизировать их по темам.

В 1880-е годы полиграфические возможности позволяли воспроизводить рисунок или фотографию в виде литографии, появившейся в России в 1816 г. Она пришла на смену трудоемкому гравированию и была в то время новым средством художественного воспроизведения [Чабров 1946: 92]. В некоторых случаях изображения литографических иллюстраций совпадали с фотоснимками МАЭ. Это позволяет сделать вывод о том, что воспроизводили оригиналы фотографий в виде литографий опытные мастера — профессионалы, возможно, даже выдающиеся граверы своего времени.

Под иллюстрациями обычно сначала указывали фамилию художника рисунка, позже фотографа, затем рисовальщика по дереву и потом гравера. Например, иллюстрация из вырезок «Мечеть в Ташкенте» была выполнена с рисунка В.В. Верещагина, вырезал ее по дереву Н.И. Соколов, а гравировал Л.А. Серяков. Еще один пример, изображение «Внутренность двора мечети в городе Ташкенте». Оно было сделано с фотографии Г.Е. Кривцова. Перевел снимок на дерево А.К. Беггров, гравировщиком был Э. Даммюллер. Но такое точное указание авторства всех трех исполнителей печатной иллюстрации встречается не всегда. Иногда называется только фамилия гравера, имя же автора оригинала, художника или фотографа отсутствует. В других случаях в вырезках фигурирует исполнитель рисунка с оригинала. Эти особенности создания литографии затрудняют определение авторства иллюстраций периодической печати, хранящихся в музее.

Среди авторов изображений, собранных в МАЭ в виде вырезок, были художники Г. Бролинг, Н. Муравьев, П.М. Кошаров, В.В. Вер-

цагин, Н.Н. Каразин, Э. Соколовский, Н. Гречанинов, М. Алиханов, Бальдингер (инициалы неизвестны), В. Павлов, А.К. Бегров, П.П. Хржановский, В.И. Навозов, И.К. Агапи, Д.В. Вележев, Клерже (инициалы неизвестны), А.Н. Нисченков, Н.И. Соколов, А. Шильдер, В. Адан, А. Сотенский, Иванов (инициалы неизвестны), М.О. Вольф, Шепмен (инициалы неизвестны), А.О. Адамов, С. Шамот, Дикгоф (инициалы неизвестны, поручик, затем штабс-капитан), Г.Л. Тайлор, С. Животовский, А. Колуччи, Терон (инициалы неизвестны), О. Май, П.Я. Пясецкий, Г. Глушков, В. Поляков, А.О. Адамов, П.Ф. Борель, Н.Н. Юмудский (Июмудский), Ф. Кондопуло, Шрадер (инициалы неизвестны, возможно, впоследствии он стал фотографом и его работы хранятся в собраниях МАЭ, или это родственник известного петербургского мастера), Г.Л. (инициалы не расшифрованы), «С. и Ко»; фотографии Г.Е. Кривцов, П.П. Хржановский, А. Бутурлин, братья Кондратенко (инициалы неизвестны), А. Энгель, Эд. Гоппе, А.У. Маурер, Селянинов (инициалы неизвестны), Л.П. Полторацкая, И. Толшин, Фишер (инициалы неизвестны); граверы Э. Даммюллер, Сташковский (Сташевский — ?; инициалы неизвестны), В. Матэ, Флюгель (инициалы неизвестны), Ю. Шюблер, Боярский (инициалы неизвестны), Л.А. Серяков (возможно, обозначение «С. и Ко», стоявшее в углу некоторых его изображений, расшифровывалось как «Серяков и Компания?»), А. Зубчанинов, Ольшевский (инициалы неизвестны), Ключевский (инициалы неизвестны), А. Даугель, К. Вейерман, барон П.К. Клодт, А. Шлипер, Пуц (инициалы неизвестны), Б. Томашевич, Шредер (инициалы неизвестны), М. Рашевский, Лаплант (инициалы неизвестны), Бертран (инициалы неизвестны), Э. Бэрэнс, К. Крыжановский, Скржимовский (инициалы неизвестны), И. Конден, Меоль (инициалы неизвестны), Гильдебрандт (инициалы неизвестны), Д. Янке.

Работы многих из этих авторов публиковались на страницах русской военной периодики, так как практически все исследования современной Центральной Азии планировались и организовывались Главным управлением Генерального штаба и штабами округов. При внимательном знакомстве со списком авторов изображений, хранящихся в МАЭ в виде вырезок, обращает на себя внимание присутствие среди фотографов единственной женщины — Л.П. Полторацкой.

Таким образом, можно вспомнить имена хотя бы части тех путешественников, которые в числе первых побывали в крае и оставили первый изобразительный материал по культуре и истории народов бывшей Средней Азии. В большинстве случаев это были военные специалисты, которые участвовали в походах по присоединению этих террито-

рий к Российской империи, из тех, кто умел хорошо рисовать, в первую очередь топографы. Авторами рисунков были также и участники экспедиций — профессиональные художники, прикомандированные к штабам русских войск в Средней Азии — баталлисты В.В. Верещагин, Н.Н. Каразин и др.

Тематика изображений отвечала политическим и военным интересам царской администрации. Вслед за продвижением русских войск начиналось естественно-историческое освоение присоединенных территорий, в том числе и народоведческое. Как отмечал С.А. Токарев, в Средней Азии научные экспедиции 1870—1880-х годов шли «буквально по следам военных походов или даже сливались с ними: либо офицеры производили научные наблюдения — в том числе этнографические, — либо ученые прикомандировывались к отрядам» [Токарев 1966: 312].

В последние годы в истории отечественного востоковедения появились солидные работы, на страницах которых стали справедливо оценивать колонизаторские заслуги русского правительства и уделять заслуженное внимание забытым именам русских офицеров, внесших значительный вклад в изучение новых азиатских владений России: «Первыми вступали на азиатскую землю русские военные. Подавляющая часть людей в военных мундирах была не “вояками” и “завоевателями”, как их сейчас пытаются представить некоторые авторы, а элитой российского общества того времени. Военные открывали никем не изведанные ранее территории, создавали географические карты, прокладывали дороги. Их градостроительству обязаны многие города современной Центральной Азии. По их чертежам возводились храмы и дворцы, ставшие сегодня архитектурными памятниками столиц независимых центральноазиатских республик. Они строили в Азии железные дороги, каналы, водохранилища» [Ош глазами русских исследователей 2003: 8].

В связи с этим особый исторический интерес представляют литографии из подборки вырезок с изображениями памятников на могилах русских, погибших во время военных походов, а также первых деревянных церквей, которые возводились на новых территориях, не сохранившиеся до настоящего времени («Памятник над могилами русских близ Самаркандской цитадели», «Русская церковь в Самарканде», «Деревянная церковь в Кизыл-Арвате», «Бендессеп (гора, на которой убит доктор Студицкий)» и др.).

Основная часть вырезок по Средней Азии посвящена достопримечательностям и жизни городов так называемого Русского Туркестана, Хивинскому ханству, туркменам (знакомство с их бытом произошло

через зарисовки участников Самарской, Ахалтекинской экспедиций и строителей Закаспийской железной дороги), казахам, киргизам, бухарцам. Публикации рисунков знакомили читателей с непривычными для жителей европейской части России пейзажами, постройками, населением. Особенно интересными для русского читателя были изображения старинных зданий мусульманской архитектуры. На фоне достопримечательностей, улиц с глухими высокими заборами, жилых построек с плоскими крышами показаны средства передвижения, способы переноски клади на лошадях, верблюдах, ишаках, арбах, изображены местные жители в традиционных костюмах и т.п.

В вырезках иллюстраций, которые хранятся в МАЭ, представлены Самарканд, Хива, Ура-Тюбе, Ходжент, Ташкент, Бухара, Наманган, Чимкент, Куныя-Ургенч, Тюря-Курган, Керки, Беурма, Анау, Кызыл-Арват, Каракол, Семиречье, Закаспийская область, Асхабад, Дурун, Мерв, Байрам-Али, Султан-Санджар. Кроме того, здесь же содержатся рисунки, относящиеся к пограничным районам и странам: Кульджа, Кашгар, Тянь-Шань, Персия, Афганистан, Аджикабул, Джелалабад, Пешавер, а также несколько изображений по Тунису и Сирии.

* * *

К сожалению, о многих авторах иллюстраций не удалось установить какие-либо биографические сведения, либо они минимальны.

Наиболее ранним изображением из подборки вырезок является литография «Из Средней Азии. — Ворота города Хивы» 1822 г. с рисунка Г. Бролинга, гравёр Л.А. Серяков, опубликованной в книге капитана Н.Н. Муравьева [Муравьев 1822]. Николай Николаевич Муравьев (1794—1866) совершил одним из первых в начале XIX в., в 1819 и 1820 г., путешествие в Хиву. Он начал военную службу в 17 лет, стал генералом, участвовал в войнах с Ираном, Турцией, служил на Кавказе, откуда по распоряжению генерала А.П. Ермолова дважды отправлялся на восточный берег Каспийского моря и в Хиву [Маслова 1955: 30—33; Васильева 2003: 37—38].

В Хиве Н.Н. Муравьев собрал новые сведения о ханстве, составил подробное описание его истории, хозяйства и культуры. Рисунок из подборки вырезок, хранящийся в МАЭ, иллюстрировал жизнь хивинцев, которую наблюдал Н.Н. Муравьев. За высокими крепостными стенами видны башни минаретов, круглые купола мечетей, ворота города открыты и туда направляется вереница груженных верблюдов, которых ведет проводник, купец — хозяин каравана — сидит на первом из них, два всадника галопом скачут из Хивы, на берегу арыка люди в характерной одежде — длинных халатах и чалмах.

Литографии с рисунков 1873—1874 гг. о Хивинском походе составляют целую подборку иллюстраций из русской периодики, хранящихся в МАЭ. Их авторами были Н.Н. Каразин, Дикгоф (инициалы неизвестны), И.К. Агапи, А.О. Адамов, А. Колуччи, С. Животовский, Г. Бролинг, Э. Даммюллер, К. Вейерман, Л.А. Серяков, а также художники, которые подписывались «Г. Л.» и «С. и Ко». В 1873 г. в русской и зарубежной печати постоянно обсуждались слухи о русском походе в Хиву, его возможных последствиях. В газетах публиковались сообщения о военных действиях, материалы, посвященные ханству, а также иллюстрации к ним — серии рисунков «из путевой книжки русского офицера». Известие о занятии русскими почти без боя Хивы произвело необычайно сильное впечатление в Европе [Всемирная иллюстрация. 1873. № 223].

Авторы изображений были участниками научных экспедиций, которые проводились во время Хивинского похода. В рисунках из подборки вырезок, хранящихся в МАЭ, запечатлена глинобитная городская стена Хивы, которая опирается на монументальные башни. На деревянных створках ворот чернеют металлические бляхи. В одни наружные ворота вступает пехота Туркестанского отряда, около других расположились Кавказско-Оренбургские войска. На изображении показана также внутренняя сторона ворот с полуразрушенными башнями. Внешнюю стену стали крушить в годы становления советской власти и на ее месте строить новые дома. Эти изображения городской стены, ворот и многих других сооружений, которые впоследствии исчезли или были перестроены, являются культурной памятью, немногими свидетелями исторического облика старой Хивы.

На литографиях показана еще одна высокая стена с массивными воротами, окружавшая ханский дворец, расположенный внутри городской стены Хивы. На рисунке изображена территория сада ханского дворца, которую в момент вступления русских войск занимал князь Е.М. Лейхтенбергский. Видны открытые *айваны*, выходящие в сад, в их глубине находились жилые помещения, резной орнамент украшает стройные деревянные колонны дворца.

На литографиях запечатлены широкий недостроенный минарет Кальта-минар, медресе Рахим Бердий бия в Хиве. На нескольких изображениях одна из главных достопримечательностей города — «Хазрет-Полван» — мавзолей Пахлавана Махмуда (сокращенно Полван), который был прославленным силачом своего времени, поэтом и музыкантом и после смерти стал хивинским святым.

Русские офицеры, участники Хивинского похода, зарисовали и другие почитавшиеся святыми места — могилы Абдалы-бея-Обма и святого на Карак-Ата. Авторы изображений обращали внимание на

здешние кладбища, часто расположенные в пределах города. На литографиях показаны широкие надгробия, высокие, сложенные из крупных камней. Здесь хоронили не в землю, а над землей, поверх каменного основания, из-за близко расположенных грунтовых вод.

Кроме иллюстраций, которые знакомили читателей с жизнью столицы ханства, в подборку вырезок входят литографии с видами других населенных пунктов — Ильгельды и медресе в Хазараспе. У городских стен тянутся торговые караваны, на берегу пруда беседуют жители, в арбе под легким навесом из циновок сидит пассажир, всадники в халатах и тюрбанах направляются по своим делам и т.п. Среди вырезок имеются два рисунка небольшой мечети и кладбища с мазаром в виде минарета в Куня-Ургенче. Эти иллюстрации были опубликованы во «Всемирной иллюстрации» в 1878 г. Об этом можно судить по отрывочным сведениям фрагментов статей, сохранившихся на обороте изображений. Авторы литографий и оригинальных рисунков не указаны, но можно предположить, что Куня-Ургенч посетили участники Туркестанского отряда экспедиции, связанной с хивинским походом 1873 г. В ее состав входили зоолог М.Н. Богданов, ботаник И.И. Краузе и востоковед А.Л. Кун. В одной из своих публикаций, написанных по результатам поездки по Хивинскому ханству, А.Л. Кун описал путь с этнографическими и историческими сведениями, приводя данные о городах и населенных пунктах, в том числе о селении Куня-Ургенч и его древних широко известных святынях и памятниках [Кун 1876].

Автором изображений, хранящихся в МАЭ в виде вырезок, был известный фотограф Г.Е. Кривцов, фотоальбом которого «Виды и типы Хивинского ханства» хранится в собраниях МАЭ.

Как участник хивинской экспедиции 1873 г., Г.Е. Кривцов не обошел вниманием события, связанные со вступлением в город русских войск, показал исторические здания, в которых располагались русские солдаты, эпизоды из их жизни. Среди вырезок иллюстраций хранится литография К. Вейермана по рисунку Г. Бролинга, выполненная с фотографии Г.Е. Кривцова. На ней представлен русский походный лазарет, приспособленный к условиям Средней Азии, как его называли в печати тех лет, «русские походные лазаретные койки». Солдат под уздцы держит верблюда, по обеим сторонам спины которого укреплены носилки. На них лежат больные, а над ними устроен полог из простыни, защищающей от палящего солнца.

В настоящее время мало внимания уделяется периоду присоединения Средней Азии к России, несмотря на то что это значительный отрезок времени. Поэтому рисунки, хранящиеся среди подборок иллюстраций, связанные с жизнью русской армии в боевых условиях,

представляют определенный исторический интерес. Один из рисунков — «Переправа русских войск через Аму-дарью». Не случайно художник выбрал сюжет именно на этой реке. Амударью называли безумной рекой, она могла внезапно менять свое русло километра на два, судоходство по ней было затруднено из-за быстрого течения и постоянно возникавших отмелей. Художник Н.Н. Каразин показал, с каким трудом люди загружают лошадей, вкатывают пушки и полевую кухню на лодки и ладьи с развернутыми парусами. В руках у команды видны длинные шесты, с помощью которых удерживали судно в нужном направлении. Здесь же у берега купаются солдаты, сюда же привели на водопой лошадей.

Другой рисунок из подборки вырезок называется «Лагерь Туркестанского отряда под стенами Хивы». На нем отчетливо нанесены мелкие подробности, что делает его похожим на схему расположения палаточного солдатского лагеря русской армии, который раскинулся у крепостных стен столицы ханства. Пять палаток, а вернее длинных шалашей, сооруженных, видимо, из перевязанных пластин местного тростника, расставлены рядами. Между ними имеется плац для проведения занятий с солдатами. В центре его стоит скамья, по всей видимости, для публичного наказания провинившегося. Перед шалашами устроено место хранения винтовок, установленных козлами. Здесь же показаны армейские будни. Справа на рисунке одна рота солдат идет без оружия, а другая, слева, стоит строем перед командиром. Рядом с оружием и палатками несет службу часовая, для которого установлен специальный грибок от солнца. На переднем плане рисунка видны фигуры местных жителей, одетых в халаты, один из них в белой чалме, остальные в остроконечных шапках. Они, видимо, подвозят в русский лагерь на верблюдах и арбах, запряженных лошадьми, показанных здесь же, фураж или продовольствие и с любопытством наблюдают за действиями русских солдат на плацу. Знаменитый исследователь Н.М. Пржевальский тепло отзывался о солдатах и казаках, которые были неизменными спутниками в его поездках: «Пусть же эти немногие строки будут хотя слабым указанием на заслуги, оказанные русскими людьми делу науки, как ровно и ничтожным выражением той глубокой признательности, которую навсегда сохраню о своих бывших сотоварищах» [Пржевальский 2008: 365].

Подборка вырезок из русской прессы по истории и этнографии Хивинского ханства дополняет фотоколлекционные материалы МАЭ.

* * *

В первой половине XIX в. большинство казахов перешло в русское подданство, была уничтожена ханская власть. В русской периодической

печати и отдельными изданиями выходит целая серия историко-этнографических работ о казахах, в некоторых случаях сопровождавшихся иллюстрациями. Среди вырезок, хранящихся в МАЭ, имеется лишь несколько, посвященных этой теме. На литографии, выполненной с фотоснимка «Киргизы» (старое название казахов. — *В.П.*) семья разбила юрту в степи и встречает гостей, приехавших на верблюдах. У входа стоит самовар, рядом пасется домашний скот.

На других рисунках показаны казахские всадники, остановившиеся около кладбища у колодцев Карашак, а также женщина верхом на верблюде у гробницы бека. На одной из вырезок, литографии с рисунка, внимание художника Н.Н. Каразина привлекло кладбище кочевников, расположенное в окрестностях Ходжента. Кроме мусульманских могил он изобразил мазар — массивное здание, увенчанное полукруглым куполом. Могилы устраивали в полу, и сверху закладывали их плоскими плитами. Н.Н. Каразин показал на примере измученных от жажды верблюда и лошадей, что казахи доставили покойника далеко от мест кочевий. Еще на одном рисунке Н.Н. Каразин изобразил гробницу батыра Илешеса около реки Темири и скопировал с натуры роспись, которая украшала внутреннюю сторону стены одного из мазаров кладбища в Каракумах, недалеко от Аральского моря. Она представляет собой ряд полос с изображением фигур людей, птиц, зверей, походных и охотничьих сцен, идущих караванов. Это кладбище кочевников Н.Н. Каразин заметил с большой почтовой дороги, проходившей неподалеку.

Изображения внешнего и внутреннего вида почтовых станций Кара-Сай, Истемес, Кум-Сой, Николаевская, Джалангаф, Джулюс представлены среди вырезок, хранящихся в МАЭ. Одни из них напоминают избы с камышовыми крышами, другие — землянки, третьи, забытые всеми, превратились в руины. Станция Чулак-Кайракты изображена сначала снаружи в виде двух юртообразных построек, спрятавшихся в снегах. На втором рисунке показано тесное помещение с русской печкой, находящееся в юрте. Из мебели видны лишь две застеленные бельем койки и письменный стол, за которым сидит русский станционный смотритель в форме. Почтовые станции с переменными лошадьми существовали не только для перевозки почтовых отправок, но и для пассажиров. В России перевозка людей почтовыми экипажами в местностях, где отсутствовала сеть железных дорог, имела большое значение. Для проезда по почтовым дорогам прежде требовалась подорожная, выдача которой производилась по определенным правилам. При этом число лошадей назначалось по чину и званию каждого. На почтовой станции подорожная записывалась в шнуровые книги. Позже почтовые лошади стали отпускаться проезжавшим только по их требованию.

В наши дни значительный интерес представляют литографические рисунки из подборки вырезок с видами русских пограничных укреплений конца XIX в. Рисунок «Казала, церковь в форте № 1-й» изображает церквушку с камышовой крышей, с покосившимися стенами с подпорками и колоколом, висящим низко от земли на двух столбах с перекладиной. Недалеке видны мазанковые строения. Форт № 1 (Казала) на Оренбургско-Ташкентском почтовом тракте был основан в 1853 г. близ реки Казалы как пост Аральского укрепления Сырдарьинской наступательной и оборонительной линии. Позже он был преобразован в казахский город Казалинск.

Форт № 2 по дороге в Ташкент был построен недалеко от урочища Кармакчи. На рисунке показана пустынная широкая степь и развалины мазара — могилы казахского святого батыра Кармакчи. На иллюстрации форт Александровск раскинулся на высоком холме на берегу Каспийского моря за высокими крепостными стенами. Видны несколько построек, в том числе купол и колокольня церкви. Этот пост на полуострове Мангышлак был основан в 1846 г. Позже он стал известен как казахский город-порт Шевченко.

Вырезка из журнала «Сын отечества» «Город Верный. Землетрясение» является документальным свидетельством последствий разрушений города. Литографии, помещенные на развороте листа, воспроизведены по наброскам В. Полякова. Русское укрепление Верное было устроено в 1854 г. с целью защиты казахов Большой орды от нападения горных киргизов на месте бывшего здесь прежде поселения Алма-Аты (Яблонное). Город стал административным центром Семиреченской области. Во время сильнейшего землетрясения 28 мая 1887 г. Верный сильно пострадал. В центре литографии здание полуобвалившегося Покровского православного собора с толпой прихожан. Рядом — изображение небольшой мечети с рухнувшим минаретом, разрушенные дома губернатора, архиерея, мужская и женская гимназии, показана панорама города и лагерь беженцев, раскинувшийся за чертой города.

В 1860-е годы начался новый этап в колониальной политике России, вызванный соперничеством с Англией в Азии. После овладения казахскими степями царское правительство стремилось продвинуться вглубь Средней Азии и завоевать Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. В июне 1864 г. отряд царской армии выступил из крепости Верный, был завоеван кокандский город Аулие-Ата. Почти одновременно из форта Перовского выступил отряд, занявший кокандские Туркестан и Чимкент.

Среди вырезок иллюстраций хранятся несколько рисунков, связанных с войной с Кокандом. Один из них — «Бухарский базар в форте

Перовском». По содержанию рисунка было бы трудно определить, что он относится к периоду колонизации, если бы не русское название крепости, настолько типичными для среднеазиатского города XIX в. выглядят торговые лавочки под легкими навесами, немногочисленные продавцы и посетители в длинных халатах и чалмах, обменивающиеся новостями. Кажется, ничто не изменилось в их привычной жизни. Сначала в этом месте на реке Сырдарье в 1820 г. была основана крепость Кокандского ханства Ак-Мечеть. В 1853 г. ее взяли русские войска и на месте павшей крепости заложили новое укрепление — форт Перовский. В советские годы в 1925 г. город Перовск переименовали в Кызыл-Орда (Красная столица), который до 1929 г. был столицей Казахстана.

На другом изображении цитадель Чимкента с крепостными стенами на высоком холме показана, по всей видимости, до занятия города русскими войсками. После падения в июле 1864 г. Туркестана и Аулие-Ата кокандцы начали укреплять Чимкент. Значительный торговый центр Наманган был взят приступом и сожжен после нескольких дней упорного сопротивления русскими войсками 26 сентября 1875 г.

После взятия Чимкента русские пытались занять Ташкент, но потерпели неудачу. Весной 1865 г. русские войска предприняли поход на Ташкент. Почти полтора месяца жители города обороняли его, но после штурма он был взят. В 1866 г. царское правительство продолжило наступательные походы. После упорного сопротивления в результате осады и штурма русскими был взят древний кокандский Ходжент, цитадель которого долгое время считалась неприступной. На рисунках изображены одноэтажные жилища с плоскими крышами, городская улица среди разрушенных башен и торговые лавки.

В 1867 г. из присоединенных к России территорий было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Вскоре рядом со старым, типично среднеазиатским городом (на рисунках показаны мечеть Хаджи-Ахрал, медресе Бегляр-Беги) началось строительство новой его части. На литографиях с рисунков и фотографий В.В. Верещагина, Д.В. Вележева, Н.Н. Каразина, Г.Е. Кривцова, А. Бутурлина и др. показаны вновь проложенные улицы (многие из них существуют и в современном Ташкенте) и построенные русскими казенные здания (большинство их не сохранилось).

Благодаря историческим рисункам из русской периодики сегодня можно увидеть, как выглядела в первые годы своего существования русская часть Ташкента — Константиновская площадь, Соборная улица, Военная церковь с высокой колокольней, окружное интендантское управление, канцелярия генерал-губернатора, контрольная палата, военное собрание, окружной штаб, женская и мужская гимназии. На ри-

сунках сохранилось изображение временной церкви с крышей из соломы, по виду напоминавшей избу. Около ее крыльца устроена звонница — на врытых в землю столбах с перекладинами подвешены большие и маленькие колокола. Виды Ташкента на рисунках стали фоном уличных сцен из жизни его обитателей — джигит на иноходце, возница (*арбакеш*), ночные сторожи, казах-продавец дров, ведущий лошадь, тяжело нагруженную вязанками камыша или саксаула, торговцы лепешками, канаусом и платками, мулла, зажав уши и обратив лицо к востоку, выкрикивает призыв к намазу и др.

На одной из вырезок «Базом, пляска бачей в Ташкенте» изображено такое традиционное общественное развлечение оседлого населения, как базм, пляска бачей, мальчиков, переодетых девушками. На рисунке под открытым небом в тени раскидистых деревьев в центре ковра танцует бача. Во время танца бача под одобрительные возгласы присутствующих подражал женским движениям. Он одет в длинный широкий халат, из-под которого видна лишь босая нога, на нем налобная повязка, платок. Здесь же сидит целый оркестр. По мнению приезжих, не меньший интерес, чем бача, представляли музыканты, которые с учащением ритма, как и зрители, приходили в экстаз.

Европейский путешественник в Самарканде наблюдал базм и характеризовал его как «блестящий момент — это танец бачей, стройных мальчиков с красивыми лицами, прекрасными глазами, с ухоженными руками, с длинными спадающими сзади волосами, в женской одежде, в красных штанах и рубашке, на которые сверху надет пестрый бухарский халат. Он танцует босяком, но танец состоит больше из ходьбы, мимики, вибрирующих движений тела и грациозных движений рук. У зрителей при этом отсутствующее выражение лица до тех пор, пока под быструю музыку бача не стаскивает халат» [Janata 1984: 6].

Толпа мужчин собралась вокруг, некоторые расположились сидя, и аплодируют, замороженные зрелищем. Эта сценка, очевидно, относится к периоду истории Ташкента до прихода русских. Визуальные материалы на эту тему достаточно редки, т.к. институт бачей как один из элементов местной культуры исчез с появлением в крае русских. Обычай держать бачей начал исчезать к концу 1890-х годов под давлением русской администрации. Литография «Базом, пляска бачей в Ташкенте» дополняет серию фотографий конца XIX в. из собраний МАЭ, относящихся к этой теме [Прищепова 2007].

После вторжения царских войск в Бухарское ханство были заняты города Ура-Тюбе, Джизак, вскоре была завоевана значительная часть эмирата с Самаркандом и Ката-Курганом. На литографиях из вырезок, хранящихся в МАЭ, один из древнейших городов Средней Азии — Са-

марканд. Русские войска заняли город 2 мая 1868 г. О том, каким был Самарканд незадолго до его присоединения к России, можно судить по рисункам с видами высоких крепостных стен с бойницами, башнями и воротами, показана узкая небольшая улица. На одном из них огромный отвесный утес, который высится посреди ущелья «Тамерлановы ворота» близ Самарканда, на другом — кирпичная арка древнего моста-вододелителя через Зеравшан. На рисунке площадь Регистан, еще не вымощенная каменными плитами, окружена монументальными медресе, Улугбека и Шир-дор. У входа на площадь тянутся ряды деревьев сквера. По вырезкам из русской периодики конца XIX и начала XX в. можно судить о Регистане того времени. На литографиях — одна из главных достопримечательностей Самарканда — гробница Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир.

В подборку вырезок входят две фотографии сохранившейся части секстанта, главного инструмента обсерватории, которым определяли основные постоянные величины астрономии, — «Квадрант обсерватории Улуг-бека». Траншея, высеченная в скале, уходит вниз двумя рядами каменных ступеней. Между ними вверх устремляются две дуги гигантского квадранта/секстанта. При его помощи наблюдали прохождение звезд. После убийства Улуг-бека обсерватория была разрушена, постепенно превратившись в груду развалин, ее точное местонахождение осталось неизвестным.

Находящийся в траншее инструмент, открытый в 1908 г. самаркандским археологом В.Л. Вяткиным, был определен им как «часть гигантского квадранта». При раскопках 1908—1909 гг. были обнаружены следы круглой стены и часть главного инструмента. Среди подбора вырезок сохранилась серия чертежей на эту же тему: «Контур холма обсерватории с восточной стороны», «Контур холма с северной стороны», «План площадки обсерватории», «Поперечный разрез траншеи с квадрантом», «Размеры дуг» и «Деталь (желобок, уширение для скобок и места для гвоздей)».

Среди вырезок хранится лист с несколькими рисунками, объединенный общим названием «Виды Средней Азии». Два центральных изображения показывают многочисленные развалины крепости, минаретов, мечетей и стен древнего города Термеза, расположенного близ границы с Афганистаном. Здесь же можно увидеть могилу шейха Аби-Абдуллы-Мухаммеда, жившего в IX в. На другой литографии запечатлена река Амударья недалеко от Паттагиссара, где находился таможенный пункт и место пребывания русского военного отряда. Паттагиссар соединялся с Чарджуем пароходным сообщением. В XIX в. между Паттагиссаром и Термезом возникло русское поселение на реке Амударье.

Иллюстрации, изображающие равнину Зеравшана около Самарканда, горные ледники, в которых берет начало река, остатки древних крепостей, летние шалашеобразные жилища в Кохистане и вид озера Искандеркуль, напоминают путевые впечатления участников Искандеркульской экспедиции 1870 г. Это была военная экспедиция, снаряженная с целью составить точное представление о малоизвестной горной местности в верховьях Зеравшана Кохистане и его населении. Конечным пунктом исследований было озеро Искандеркуль на северном склоне Гиссарского хребта в Самаркандской области. В экспедиции принимали участие известный ориенталист А.Л. Кун, капитан Гребенкин, А.П. Федченко с женой.

Среднеазиатское население по изображениям русской прессы 1880-х годов можно было представить в основном по изображениям местных мужчин, занятых повседневной работой. Силуэты женщин, закутанных в верхнюю глухую одежду, изредка пробегавшие по улицам, встречаются на единичных рисунках. Из всего количества иллюстраций в подборке вырезок присутствует лишь одна литография с фотоснимка 1872 или 1873 г. А.У. Маурера, на котором представлена женщина (рисовал П.Ф. Борель, гравировал К. Крыжановский) — «Курбан-хан, первая певица и танцовщица в Самарканде». На портрете подробно показаны женский костюм, головной убор, прическа, украшения.

Лицо танцовщицы открыто, по плечам спускаются множество туго заплетенных мелких косичек. В прошлом строго различалась прическа девушек и замужних женщин. Молодым женщинам заплетали в парадных случаях до 20–30 кос, как показано на рисунке. Большой платок свернут по диагонали полосой в виде высокой налобной повязки в 15–17 см, надвинут на лоб и туго завязан узлом на затылке. Полосатый халат на Курбан-хан старинного покроя с длинными и широкими рукавами. Но они откинута и видны кисти рук с широким браслетом и кольцами. По старым традициям считалось недопустимым постороннему видеть обнаженную руку женщины [Широкова 1993: 23]. Если женщина шла на базар или в лавку и протягивала за чем-нибудь руку, она обязательно закрывала ее рукавом платья, а если протягивала голую руку, то на ней был браслет из черных с белыми пятнышками бусин — *чашми* (от *сглаза*) [Наливкин, Наливкина 1886: 94].

Тема различного положения мужчин и женщин в восточном обществе всегда привлекала внимание европейских наблюдателей. В фонде МАЭ хранится ряд фотографий конца XIX — начала XX в. представительниц оседлого населения, которые нарушили традиционный запрет появляться в обществе посторонних мужчин с открытыми лицами. На коллекционных снимках лица мусульманок открыты. Трудно

Курбан-Хан, первая певица и танцовщица в г. Самарканде. С фот. А.У. Маурера, рис. П.Ф. Борель, грав. К. Крыжановский. Газетная вырезка. МАЭ

представить, чтобы семья разрешила женщине позировать перед чужим мужчиной, к тому же неправоверным, да еще для портрета (против фотографии долгое время существовало предубеждение, воспроизводить изображение человека считалось грехом). Предстать перед иностранцами для показа типажа или костюма могли женщины, которые не имели семьи, от которых отказались близкие. Но благодаря этим молодым дамам, в том числе и танцовщице из Самарканда, запечатленной на фотографии и литографии, наука получила возможность изучать женские наряды, прически и украшения мусульманок Средней Азии [Прищепова 2007].

На других изображениях — культовые сооружения столицы Бухарского ханства — медресе Мир-Араб и Кукуль-Таш. Авторы иллюстраций, как непосредственные участники поражения главных военных сил эмира 2 июня 1868 г., запечатлели Зерабулакские высоты, где произошло это событие.

Художник Н.Н. Каразин в своих ранних рисунках (некоторые из них в виде вырезок хранятся в МАЭ) изобразил эпизоды из военной жизни. На них нет эффектной победы русского оружия над «полудиким» неприятелем с большим количеством жертв и крови. Н.Н. Каразин решил показать не массовые сцены неравного боя, а его отдельных участников, запечатлеть подвиг, ужас, безысходность и трагедию смерти одного из солдат. На рисунке «Пленный» показан русский солдат, сидящий верхом на лошади в разорванной одежде со связанными руками и ногами. Он окружен всадниками в чалмах и пестрых халатах, один из которых избивает пленника ременной плетью.

Н.Н. Каразина интересовала и позиция врага, у которого в войне были личные интересы отстаивать свою территорию, свободу и религию. На рисунке «Враждебные России Беки» туземные военачальники наблюдают за происходящим боем и торопят своего главнокомандующего с принятием очередного непростого решения.

Один из первых рисунков Н.Н. Каразина, хранящийся в виде литографии среди вырезок в МАЭ, называется «Выставка голов военнопленных в Бухаре». Согласно местному обычаю, головы убитых врагов считались почетными трофеями. Такой способ отмечать победу производил неизгладимое впечатление на многих очевидцев: «Головы русских, павших при штурме Ташкента, были посланы в Коканд и там выставлены на шестах перед дворцом. Затем эти головы были препровождены в Кашгар на показ тамошнему владельцу Якуб-беку» [Гейнс 1893: 322]. Подобные события в действительности имели место: 1 октября 1864 г. восемь рот русских при 12-ти орудиях встали лагерем в местности Ак-Курган. Гарнизон Ташкента занял оборону. В Коканд

поскакал гонец с сообщением о подходе отряда генерала Черняева. Атаку отразили, Черняев отступил. Кокандцы подобрали шесть убитых солдат, сняли одежду и отрубили им головы. Нацепив «трофеи» на пики, они торжественно пронесли их по улицам Ташкента, празднуя победу.

Н.Н. Каразин был художником-этнографом, он наблюдал будничную жизнь среднеазиатских народов, среди которых оказался, и не мог не выразить это в своих произведениях. На одном из рисунков он изобразил несущийся в степи табун лошадей, подгоняемый всадниками-казахами, вдалеке на горизонте видны силуэты юрт. В другом случае художник показал пасущийся табун, расположившийся на отдых недалеко от жилища людей. На рисунке можно различить юрты, в одной из них топится очаг, женщины по хозяйству хлопочут рядом, одна из них стоит с маслобойкой.

Об авторе изображений, которые сохранились в виде вырезок из периодической печати, Дмитрию Васильевиче Вележеве (в иллюстрациях он указан как «Н. Вележев») (1841–1867), удалось узнать очень мало. С 1863 по 1866 гг. он учился в Академии художеств как пейзажист. В 1866 г. Д.В. Вележев сопровождал востоковеда П.И. Пашино в поездке в Туркестанский край. Они доехали до Казалинска, затем по Сырдарье до Ходжента и оттуда в Ташкент. Д.В. Вележев получил популярность благодаря своим рисункам с натуры, опубликованным в виде литографий после его смерти в книге А.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году». [Маслова 1956: 59]. Несколько литографий с набросков Д.В. Вележева (гравюры на дереве А. Даугеля и И. Кондена по рисункам А.Н. Нисченкова) были опубликованы в 1870 г. на страницах журнала «Всемирная иллюстрация» [1870. № 76].

Среди подбора вырезок хранятся несколько работ Д.В. Вележева, в том числе виды Казалинска, Ташкента («Медресе Бегляр-Беги в Ташкенте»), базары в Туркестане, в форте Перовском и др. На одной из литографий показан внешний вид женской уличной одежды оседлого населения — паранджи.

Имена некоторых авторов вырезок из периодической печати известны по истории формирования иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ. Например, в музее хранится альбом этнографических рисунков художника Павла Михайловича Кошарова (1824 — после 1892), который во время экспедиции П.П. Семенова на Тянь-Шань 1857 г. наблюдал жизнь киргизов и казахов. П.М. Кошаров в 1880-е годы сотрудничал в популярном журнале «Всемирная иллюстрация» в качестве корреспондента. Среди хранящихся журнальных вырезок конца XIX — начала XX в. есть литографии с рисунков П.М. Кошарова. Одна из них — «Виды Заалийского края: Тянь-Шань-Заукинский

проход с площади ледяных озер» работы А.Н. Нисченкова и А. Даугеля — выполнена по впечатлениям художника во время экспедиции 1857 г.

Серия литографических рисунков П.М. Кошарова, объединенных общим названием «Долина рек Или и Коксу», содержит изображение переправы паромом через реку Илли в районе хребта Кунугес-Аллатау по дороге к городу Верный. На противоположном берегу видны юрты и дома с двускатными крышами. Художник запечатлел живописные виды Иллийской долины в дневное и ночное время, мост, пикет и поселок на берегу реки Коксу. Из этнографических наблюдений П.М. Кошарова на рисунках представлены охотничье оружие, рыболовные снасти, трофеи местного населения, горный киргиз с мултыком на плече, горный калмык у очага.

Оригинал карандашного рисунка П.М. Кошарова «Киргизы на утренней или вечерней молитве», опубликованный в виде литографии, содержится в альбоме художника 1857 г., который хранится в МАЭ. Наблюдатели, посетившие Тянь-Шань в XIX в., отмечали, что мусульманство не проникло в жизнь киргизов столь глубоко, как у оседлого населения Средней Азии. Однако П.М. Кошаров в этом рисунке хотел подчеркнуть принадлежность киргизов к исламу.

Среди вырезок, хранящихся в МАЭ, есть литографии «Улица в Ходженте» и «Мечеть в Ташкенте» (вырезал по дереву Н.И. Соколов, гравировал Л.А. Серяков), выполненные с рисунков выдающегося художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842–1904). Одна из иллюстраций, хранящихся в МАЭ среди вырезок из периодики, называется «Дуван у дикокаменных киргизов». На ней изображен среднеазиатский дервиш в красочном лоскутном халате рядом с нищенкой. Эта картина напоминает туркестанскую серию В.В. Верещагина, несмотря на то, что в нижнем углу она подписана другим именем, возможно, гравировщика. В фонде иллюстративных собраний МАЭ хранится альбом фотографий с рисунков и картин В.В. Верещагина «Туркестан», выполненных им во время пребывания в Туркестане в 1867 г.

Одним из авторов литографий «Минарет в городе Кульдже» и «Мечеть Кон-Гумбес в Ура-Тюбе» с фотографии капитана Г.Е. Кривцова был художник А.К. Беггров. Его имя указано на титульном листе фотоальбома «Туркестан» с произведений В.В. Верещагина из собраний МАЭ как владельца книжного магазина в Петербурге в начале Невского проспекта.

В библиографических справочниках о русских художниках упоминается Беггров Карл-Иоахим Петрович, уроженец Риги (1799–1875), возможно, отец А.К. Беггрова. Он был художником-пейзажистом, ли-

тографом, выпускником петербургской Академии художеств, одним из главных авторов литографических изданий 1821–1826 годов «Виды Санкт-Петербурга и окрестностей», альбома 1822 г. «Народы, живущие между Каспийским и Черным морями».

Многие рисунки на дереве для публикации иллюстраций (некоторые из них хранятся среди вырезок) были выполнены известным в 1870-е годы художником, ставшим литографом, П.Ф. Борелем (1829–1898). Он был автором альбома архитектурных памятников Хивы, отпечатанном в Петербурге в 1875 г.

* * *

В МАЭ хранятся несколько путевых рисунков участников Ахалтекинских экспедиций 1879–1881 гг., опубликованных в русской периодической печати. К сожалению, материалы этих экспедиций практически не используются исследователями региона в качестве исторических и этнографических источников. Упоминание об Ахалтекинских экспедициях 1879–1881 гг. отсутствует даже в фундаментальном издании О.В. Масловой «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию».

Первая Ахалтекинская экспедиция 1879 г. закончилась неудачей для царских войск после поражения при штурме текинской крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе). Завоеванию этого укрепления придавалось огромное значение в истории русской колонизации Закаспийского края. На литографии «Ахал-Текинская экспедиция. — Улица в текинской крепости Сунче» вдоль высоких стен и башен укрепления, прорезанных бойницами, движется караван верблюдов с поклажей, рядом с ним всадник. На мужских фигурах можно рассмотреть длинные запашные халаты и высокие меховые шапки. Участники кампании 1879 г. наряду с изучением рельефа местностей, определением стратегических точек попутно обращали внимание на местную народную архитектуры, что отражено на их рисунках. Среди изображений виды Ахалтекинского оазиса, его отдельных местностей, текинских крепостей Бами, Ходжикала, Бебридеп, Кизил-Чешме, Шильган, мечети в Байрам-Али.

В Петербурге, в Главном штабе деятельно разрабатывались военные планы по поводу Ахалтекинского оазиса. Император предоставил начальнику второй экспедиции генералу М.Д. Скобелеву право самостоятельно действовать в зависимости от обстоятельств. В начале 1880 г. М.Д. Скобелев из Петербурга выехал в Тифлис, оттуда к Каспийскому морю, затем на пароходе прибыл в Чикишляр. При снаряжении второй Ахал-Текинской экспедиции генералы М.Д. Скобелев и М.Н. Анненков подняли вопрос о необходимости организовать коммуникационные

пути и строительстве участка железной дороги от восточного берега Каспийского моря до Ахалтекинского оазиса через безводную и труднопроходимую пустыню. Дорога должна была обеспечить военному отряду перевозку тяжестей, верблюдов, доставку материалов, продовольствия и всего необходимого. Эта дорога в дальнейшем во многом способствовала военным успехам русской экспедиции.

Сохранившиеся в МАЭ вырезки из периодической печати иллюстрируют историю строительства Закаспийской (Среднеазиатской) железной дороги, начальный этап которой проходил во время военных действий второй Ахалтекинской экспедиции. В связи со строительством железной дороги было сделано много пейзажей, видов населенных пунктов и бытовых сценок из жизни народов, проживавших на территории, через которую прокладывали путь.

На литографиях с рисунков Э.О. Соколовского 1889 г. показан порт Узун-Ада на восточном берегу Каспийского моря, начальный пункт железной дороги. Сначала дорогу строили от Михайловского залива, но в 1886 г. ее начальный пункт перенесли в более удобный Узун-Ада. Н.Н. Каразин изобразил усилия строителей по возведению дамбы в прикаспийских дюнах и уставших рабочих, которые под палящим солнцем очищают постоянно заносимые песком пути перед идущим паровозом. На участках дороги, идущих по пескам, одной из главных задач строителей, к решению которой привлекали инженеров, ботаников и людей различных специальностей, была борьба с песками, укрепление их саксаулами, деревянными щитами и прочими мерами.

Строительство Закаспийской железной дороги отличалось от возведения других железных дорог России по истории, скорости и условиям сооружения. Первый участок протяженностью более 26 километров был проложен за 10 дней. Вскоре линию продолжили до Кызыл-Арвата, несмотря на огромные трудности в климатических условиях и водоснабжении. Возникновение дороги было связано с военными нуждами Ахалтекинской экспедиции 1880 г., поэтому первоначально она называлась Закаспийской военной железной дорогой.

Как показано на рисунках из вырезок, поезд по участку построенной дороги подвозил рельсы, шпалы и другой материал. В доставке всего необходимого при строительстве использовали лошадей и верблюдов. На литографиях солдаты железнодорожных батальонов тут же разгружали состав и продолжали сооружение рельсового пути. На других изображениях Н.Н. Каразина железнодорожный путь, по сторонам которого пасутся верблюды, проходит среди песков близ хребта Копет-Даг, паровоз везет длинный состав платформ. На них установлены деревянные цистерны с водой, здесь же едут рабочие. Такой состав называли

«водяным поездом». В конце 1890-х годов при торжественной встрече туркестанского генерал-губернатора в Красноводской гавани на берегу Каспийского моря подали экстренный поезд с вагоном-буфетом и вагоном с водой, «которую привезли сюда за сто верст. Поезда-“водянки” Закаспийской области в чанах развозят воду по линии для надобностей железной дороги» [Духовская 1913: 7].

По мере строительства участков путей и открытия станций все должности на них занимали офицеры и рядовые железнодорожных батальонов. Возведению Закаспийской железной дороги в современной периодической печати уделялось много внимания, публиковали даже рисунки разреза вагонов рабочего поезда. Так, на одном из них показано устройство вагона-кухни, двухэтажных спальных вагонов, вагонов-гостиных, вагонов с телеграфом, кузницей, мастерскими. Для солдат железнодорожных батальонов был сформирован состав из 27 таких вагонов, приспособленных для жилья и работы. Другой похожий состав был оборудован для начальника строительства М.Н. Анненкова.

Среди вырезок находится литографический портрет генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова, руководителя строительством Закаспийской железной дороги, выполненный В. Матэ с фотографии А. Энгеля и опубликованный в журнале «Всемирная иллюстрация». М.Н. Анненков (1835–1899) происходил из старинного дворянского рода. Сначала он воспитывался в Пажеском корпусе, затем окончил Академию Генерального штаба. Еще в 1867 г. М.Н. Анненков опубликовал ряд статей о применении железных дорог к военному делу. В дальнейшем он был назначен членом-управляющим комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Перед началом второй Ахалтекинской экспедиции, когда было принято решение о строительстве участка железной дороги, на М.Н. Анненкова было возложено ее сооружение. В это время он был начальником военных сообщений Закаспийского края. У текинского укрепления Янги-Кала М.Н. Анненков был ранен и вынужденно возвратился в Петербург. Но в 1885 г. он снова командирован на строительство Закаспийской железной дороги, которая была открыта летом 1888 г. На рисунках Н.Н. Каразина 1888 г., опубликованных на страницах «Нивы» и хранящихся в МАЭ, показаны виды построенных среди гор и песков станций Кодж и Бами, около которых проходят железнодорожные пути. Работы автора портрета М.Н. Анненкова фотографа А. Энгеля также хранятся среди иллюстративных коллекций музея.

Присоединение к России Ахалтекинского и Мервского оазисов, политические и торговые интересы вызвали продолжение строительства дороги, сначала до Ашхабада, потом до Мерва, затем, пройдя самый трудный участок среди песков пустыни Каракум, в 1886 г. — до

Амударьи. Для переправы дороги через реку и продолжения ее через бухарские владения до Самарканда был построен мост. На рисунке «Мост через Аму на Чарджуе» Н.Н. Каразин отобразил пустующие суденышки на берегу реки на фоне мчащегося по ровному и прямому, как стрела, деревянному мосту протяженностью более двух с половиной километров пассажиро-товарного состава. Этот мост был построен за 124 дня. В период строительства дороги был популярен рисунок Н.Н. Каразина «Конкуренты», похожий на агитационный плакат, воспевавший победу техники над природой. Он воспроизводился в разной периодике, есть он и среди вырезок — идущий на большой скорости железнодорожный состав разгоняет перепуганных верблюдов.

Рисунки Н.Н. Юмудского (Иомудского) 1887–1888 гг. запечатлели солдат железнодорожного батальона и туркменских рабочих на постройке дороги. Без какой-либо техники огромный объем работ они выполняли с помощью молотка, кирки и лопаты. Авторы публикаций о строительстве дороги отмечали, что большинство рабочих, особенно в ее западной части, были персы. Среди вырезок, хранящихся в МАЭ, есть литография с рисунка Н.Н. Каразина «Перс, железнодорожный сторож». Сохранился рисунок совместного отдыха рабочих разных национальностей, например лезгин в бешмете с кинжалом на поясе танцует под туркменскую зурну. На нескольких литографиях показаны временные жилища, в которых жили строители дороги — туркменские юрты либо холщевые палатки.

На одном из рисунков, хранящихся в МАЭ, показано, как на берегу Каспийского моря в Михайловском порту от пристани с парохода груз перевозят по шпалам паровозом с несколькими вагонами и платформами. Солдаты, рабочие — туркмены и персы — ожидают стройматериалы и, сгрузив их, продолжают укладку рельсов. Вдоль путей раскинулся «лагерь Анненкова», юрты и палатки-шатры, в которых жили строители.

Рисунок «Аппарат Нобеля, в лагере генерала Анненкова» по содержанию является продолжением предыдущего. Справа видны деревянные сваи, укреплявшие берег, куда причаливали грузовые суда, отсюда начинались первые метры железной дороги. Одновременно со строительством начального участка железной дороги здесь же, на берегу, велась добыча нефти новым способом, внедренным Нобелем, с помощью парового насоса. На рисунке дым от него поднимается из высокой трубы, рядом видны огромные железные резервуары, предназначенные для хранения нефтяных продуктов. Прежде нефть с места добычи на завод доставляли в бочках на арбах, что было очень дорого и хлопотно. Нефть из Баку отправляли водным путем в эмалированных бочках на парусных

судах. Нобель заменил примитивный нефтяной промысел с помощью живой силы рациональным устройством — трубой и паровым насосом, а также организовал перевозку нефтепродуктов с места добычи на заводы пароходами, парусными судами и железнодорожными вагонами-цистернами.

На одном из рисунков показано, как выглядели лагерь и склад провианта в местечке Эмбенский пост, расположенном недалеко от станции Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Юрты с провизией и медикаментами, экипажи и повозки обнесены защитной стеной, на берегу степной реки Эмбы пасутся кони. Эта река считалась рыбной, что составляло предмет обширного промысла местных жителей. Пост был построен в 1862 г. Здесь было бойкое место пересечения степных дорог в Кунград и Хиву. В 1879 г. Эмбенский пост перенесли в Темир, стоящий на одноименной реке, притоке реки Эмбы.

Будничная жизнь русского военного отряда, разбившего лагерь у стен покоренной текинской крепости Беурма, отражена на рисунке из подборки вырезок. Здесь показана организация продовольствия в полевых условиях, хранения оружия, проживания в шатрах и палатках. Особый интерес представляет форма, в которую одеты военные, белого цвета, облегченная, приспособленная к тропическим условиям. На другом рисунке показан русский сторожевой пост близ реки Терсаккан, шатер, сооруженный из шинели, накинута на воткнутые в песок винтовки, защищавший солдат от палящего солнца.

На литографическом рисунке «Кизил-Арват» изображена станция Закаспийской железной дороги Кизыл-Арват с деревянной церковью, возвышавшейся над местечком, расположенном недалеко от Асхабада, а также запряженный экипаж с извозчиком, совершавшим переезды между Асхабадом и Сераксом. Кизыл-Арват был основан вскоре после покорения в 1881 г. Ахалтекинского оазиса и до 1886 г. являлся конечным пунктом Закаспийской железной дороги. Здесь находились ее центральное управление, мастерские, на которых работали жившие здесь русские. Позже контору дороги и мастерские перевели в Асхабад.

Виды новых прямых улиц Асхабада, проложенных русскими, — Офицерской, Базарной, деревянной церквушки с крышей из камыша над колоколом и ступеньками, ведущими к нему, представлены на рисунках подборки вырезок.

Закаспийская железная дорога, создававшаяся с военными и стратегическими целями, в последующие годы, по замыслу ее строителей, должна была соединиться с сетью ост-индских железных дорог. Началось, что эта дорога станет кратчайшим путем в Европу, имевшим для России громадное значение. Армия вместе с провизией и водой могла

бы легко передвинуться в Центральную Азию. Новая дорога, конечным пунктом которой стал Самарканд, приобрела огромное значение для всей Средней Азии, связав ее с Европейской Россией.

После завершения постройки Закаспийской железной дороги возник новый жанр дневников путевых записей, которые вели редкие путешественники (пассажирское движение было незначительным), наблюдая происходящее из окон вагона поезда. В 1891 г. экспозиция одного из залов Железнодорожного и Этнографического отделов Среднеазиатской выставки, которая проходила в Москве, даже была построена по принципу Среднеазиатской железной дороги. Посетителей как бы приглашали совершить прогулку на поезде и познакомиться с жителями тех мест, которые они проезжали [Среднеазиатская выставка 1891]. В центре зала на возвышении был установлен макет паровоза с груженым составом. По сторонам этой железной дороги с помощью манекенов были развернуты типичные эпизоды народного быта. Например, цирюльник-*сартарош* бреет правоверному голову, несколько мужчин сидят в чайхане, им прислуживает мальчик-*бача*, в стороне стоят женские фигуры в парандже, чуть подальше замужняя казашка в белом кимешеке сидит верхом на верблюде и т.д. [Там же].

На Всемирной выставке 1900 г. в Париже просторы Азиатской России также воспроизводились в виде панорамы, которую можно было видеть из вагонов роскошного поезда Сибирской железной дороги. Публика, удобно расположившись в вагонах и выходя из них на станциях с буфетами, наблюдала справа и слева картины из жизни народов, населявших территории между Москвой и Пекином. Полная иллюзия подлинности впечатлений достигалась «посредством громадных полотен, развешивавшихся сложным механизмом» [Путеводитель по Парижу 1900].

* * *

Автором ряда полевых зарисовок, опубликованных на страницах русской периодики и хранящихся в МАЭ, был подполковник Александр (Максуд) Михайлович Алиханов-Аварский (1846–1905/1907). Его имя известно по истории иллюстративных коллекций МАЭ. М. Алиханов запечатлен на одном из снимков коллекции 1883 г. Н.К. Зейдлица «Текинцы Мервской экспедиции», на котором фигурирует как главное действующее лицо сюжета о присоединении к России Мерва.

В 1882 г. М. Алиханов после завершения работы разведывательно-го каравана, о котором уже шла речь в связи с коллекцией Н.К. Зейдлица, был отмечен «за отличие по службе» и произведен в поручики. В 1883 г. он совершил вторую поездку в Мерв. Штаб-ротмистр М. Алиханов вместе с текинским майором Махтум-Кули-ханом отправился

в Мерв с предложением к жителям города принять русское подданство по поручению начальника Закаспийской области и командующего войсками генерал-лейтенанта А.В. Комарова. Дипломатические действия М. Алиханова увенчались успехом. На общеплеменном собрании мервских текинцев 1 января 1884 г. было принято решение о присоединении Мерва к России. В Асхабад М. Алиханов и Махтум-Кули-хан вернулись 25 января вместе с делегацией, состоявшей из ханов и старшин четырех племен мервских туркмен.

Изображение этого исторического события в виде литографии К. Брожа с рисунка П.П. Хржановского под названием «Присоединение Мерва к России. — Делегация мервцев представляет генералу Комарову в Асхабаде прошение о принятии Мерва в русское подданство, 27 января», помещенное в журнале «Всемирная иллюстрация» [1884: 253], сохранилось в подборке вырезок. На рисунке изображен момент, когда утром в 11 часов А.В. Комаров принимает туркменскую делегацию. Церемония происходила в довольно большом зале дома, который временно занимал генерал. Здесь же собрались, как показано на гравюре, под портретом императора в парадной форме штаб-область и начальники разных военных ведомств. На другой стороне зала расположились туркменские депутаты.

После взаимных приветствий вперед вышли, как показано на литографии, два аксакала. Один из них, Мамед Дурди-бай, объяснил цель прибытия делегации и поднес генералу прошение, написанное на огромном листе восковой бумаги. Документ тут же прочитали на двух языках, персидском и русском, объявили, что русский царь принимает мервцев, сохраняя их религию, обычаи, а также обязуется защищать от набегов соседей. В подтверждение последних слов А.В. Комаров сообщил, что персидский шах обещал вернуть мервцам отбитых у них верблюдов. Окружными начальниками А.В. Комаров назначил в Теджен майора Махтум-Кули, в Мерв — штаб-ротмистра М. Алиханова, а помощниками к ним — четырех ханов из делегации.

М. Алиханов сначала был исполняющим дела начальника Мервского округа, затем высочайшим приказом ему был возвращен чин майора, вскоре его произвели в подполковники. Начальником Мервского округа М. Алиханов оставался до 1890 г. В подборке вырезок иллюстраций из русской периодики конца XIX — начала XX в., хранящихся в МАЭ, находится его портрет этого периода: «Подполковник Алиханов, начальник Мервского округа». На нем М. Алиханов изображен в туркменском халате и белой меховой шапке с винтовкой в одной руке и нагайкой — в другой, в костюме, похожем на тот, в котором он как участник разведывательного каравана изображен на фотографии из коллекции МАЭ.

Присоединение Мерва к России. — Депутация мервцев представляет генералу Комарову в Асхабаде прошение о принятии Мерва в русское подданство, 27-го января.
(Съ наброска нашего корреспондента П. П. Хржановского, рисов. К. Брож.)

Присоединение Мерва к России. — Депутация мервцев представляет генералу Комарову в Асхабаде прошение о принятии Мерва в русское подданство, 27-го января (с наброска нашего корреспондента П. П. Хржановского, рисов. К. Брож). Газетная вырезка. МАЭ

Подполковникъ Алихановъ, начальникъ мервскаго округа.

Подполковник Алиханов, начальник Мервского округа. Газетная вырезка. МАЭ

После принятия присяги на вступление в новую жизнь целованием Корана и поздравлений в последующие дни ханы-депутаты принимали участие в танцевальном вечере и ужине у генерала А.В. Комарова. Кроме этого депутатам был дан обед поверенным московского купца Н.Н. Коншина Северьяном Косых, который вместе с М. Алихановым в 1882 г. был в разведывательной поездке в Мерв и там познакомился со многими участниками депутации. Это событие также изображено на литографии со снимка П.П. Хржановского и хранится среди вырезок — «Обед, данный мервской депутации в Асхабаде». У стены дома на земле в виде длинной дорожки устроен дастархан, вдоль которого сидят и стоят туркменские депутаты. В центре в котелке, по всей видимости, стоит С. Косых.

О таком значимом для политики России в Средней Азии событии, как присоединение Мерва, А.В. Комаров телеграммой известил Александра III: «Сегодня в Асхабаде ханы племен Мервских туркмен и двадцать четыре уполномоченных <...> приняли безусловно подданство Вашему Величеству, подтвердив торжественною присягой за себя и весь народ Мервский» [Правительственный вестник. 1884. 2 февраля].

Приобретению Мерва, продвижению России в Средней Азии в прессе придавалось огромное политическое значение: «Первые вестники нашей мирной победы принесли нам без пролития крови и денежных затрат целую область с 200-тысячным населением» [Всемирная иллюстрация. 1884. № 256].

Во всех справочных изданиях, посвященных истории русской экспансии в Средней Азии, в том числе в Закаспийском крае, этот эпизод характеризуется несколькими словами: летом 1884 г. Мерв мирным путем был присоединен к России.

В дальнейшем судьба М. Алиханова не была связана с Туркменией. Из-за активного противодействия этого разведчика иностранной агентуре в Закаспии МИД России под давлением британского правительства возбудило перед Военным ведомством вопрос об удалении М. Алиханова из региона. Поэтому в 1890 г. по «особому приказу» военного министра он был прикомандирован к штабу Кавказского военного округа [Басханов 2005: 12], в конце 1890-х годов совершил поездку в Персию, в 1898 г. дослужился до звания полковника. М. Алиханов был кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени и пожалован бриллиантовым перстнем. По одной из версий, он был убит в 1905 г. в Тбилиси [Васильева 2003: 73], по другой — в 1907 г. революционерами [Косвен 1962].

* * *

С десяток вырезок литографий посвящены афганской тематике, столь популярной на страницах отечественной и зарубежной периоди-

ки 1880-х годов. Присоединение к России Мерва было эпизодом из истории англо-русского соперничества на афгано-персидско-туркменской границе. В противовес плану России занять Мерв, центр торговых, караванных путей, Англия стремилась в целях «обороны» завладеть «воротами в Индию» — Гератом.

На страницах газет обсуждался англо-русский спор о границе с Афганистаном, в который были втянуты крупнейшие европейские державы, призывавшие противников пойти на взаимные уступки. России было необходимо укрепить свои позиции на новых присоединенных территориях Средней Азии. Англия тоже не хотела ослаблять свое имперское влияние в регионе. Мировое сообщество всерьез опасалось возможности войны между Англией и Россией. Англия готовилась к войне в Индии даже в австралийских владениях.

Поводом для обострения ситуации стало вооруженное столкновение русских с афганцами 18 (30) марта 1885 г. у кирпичного моста через реку Кушку близ Пэндже (Пяндж-де). Командующий русскими войсками генерал-лейтенант А.В. Комаров потребовал от начальника афганских войск, чтобы они освободили левый берег реки Кушки и отошли за мост на противоположный берег. Афганцы, следуя советам англичан, отказались это выполнить. Тогда А.В. Комаров применил силу и атаковал позиции афганских войск. Пресса тех лет сообщала, что остатки афганского отряда бежали в Герат, а «верблюды с продовольствием и вещами и частью английского конвоя угнаны сарыками».

В газетах печатались сообщения с места событий и рисунки очевидцев. В подборку вырезок вошли два рисунка, выполненных в литографической мастерской товарищества М.О. Вольф, которые иллюстрируют этот конфликт. На рисунке-панораме «Бой на реке Кушке вблизи Пэндже» запечатлен момент бегства афганских войск с большими потерями через кирпичный мост с левого берега реки Кушки. На втором рисунке «Вид спорного “кирпичного моста”, близ которого произошло столкновение русских с афганцами 18 (30) марта» показана группа штабных офицеров русской армии верхом на конях во главе с генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, который руководил боем. Он восседает на белой лошади. Один из офицеров наблюдает в бинокль уход афганских войск с территории левого берега реки Кушки.

Генерал А.В. Комаров оставил заметный след в истории отечественного востоковедения, особенно в области археологического и этнографического изучения Кавказа и Закаспийской области. Он собрал богатейшую коллекцию произведений античного искусства. Нумизматическая ее часть была приобретена Эрмитажем [Басханов 2005: 118–119].

Одним из участников событий русско-афганского вооруженного конфликта на реке Кушке был и подполковник М. Алиханов. Весной 1885 г. М. Алиханов участвовал в бою с афганцами на реке Кушке. Несколько его рисунков с видами Мургабского оазиса, Афганского Туркестана и представителей местного населения сохранились в подборке вырезок из иллюстрированных изданий.

С наброска М. Алиханова В.И. Навозов изготовил литографию «С границы Афганистана. — Афганские трофеи у палатки генерала Комарова, взятые русскими войсками при р. Кушке». На переднем плане выделяется белая палатка генерала А.В. Комарова. У входа в нее рядом с российскими знаменами стоит часовая. Слева от входа установлены два захваченных афганских знамени с надломленным древком, пушки и боевые барабаны, в которые били при наступлении. На заднем плане рисунка видны палатки серого цвета, в которых было расквартировано русское войско.

На рисунке М. Алиханов запечатлел доспехи афганского генерала, найденные в его палатке после боя 18 марта: повешенный на спинку стула китель европейского покроя, отрезной по линии талии, с вшивными рукавами, воротником стойкой, расшитый галунами. Здесь же находятся головные уборы. Один в виде металлической каски, другой напоминает пробковый шлем с противомоскитной сеткой. Из оружия показана сабля. Из восточных предметов на рисунке — кальян. Зачем была нужна парадная форма на поле боя в походных условиях? Может быть, она принадлежала англичанину? На литографическом портрете «Афганский генерал Ковсуддин-Хан, получивший титул кази за поражение англичан и разбитый русскими в сражении при р. Кушке» показана совсем другая форма. Высокий головной убор Ковсуддин-хана сделан из меха черного цвета. Костюм с элементами военной формы. Халат из ткани в полоску застегнут на пуговицы, рукава вшивные. На плечи пришиты погоны, но в самой форме знаки отличия отсутствуют. На генерале портупея с сумкой для патронов слева. Здесь же находится длинный ремень, на котором держится сабля. На шее Ковсуддин-хан носил шнур с двумя кистями, соединенный на груди и идущий к плоскому кожаному чехлу, укрепленному на ремне справа, возможно, это бинокль.

Форма афганских солдат из Герата также показана на рисунках. Головные уборы были меховыми, но и из более ворсистого, чем у генерала, черного меха. Халаты были короткими и однотонными, под ними — белые рубашки. Белые штаны заправлены в высокие сапоги со шпорами. Солдаты опоясаны кожаным ремнем и портупеей через плечо. Слева на поясе висит изогнутая сабля, справа — сумочка для хранения патронов. У солдата, стоящего на рисунке слева, на узком ремне

через правое плечо виден плоский предмет с крышкой. Возможно, это походный котелок для пищи. О том, что афганские войска были конными, свидетельствуют не только шпоры на сапогах, но и плетка в руке одного из солдат.

Таким образом, на основе анализа рисунков афганской военной формы, взятых из подборки вырезок русской периодики, можно сделать вывод о том, что она была сильно европеизирована уже к 1885 г., за исключением отдельных деталей.

Влияние европейского костюма очевидно также на портрете, опубликованном в виде литографии с фотографии Абдурахман-хана, когда он был афганским наследным принцем. Абдурахман-хан приходился племянником Шир-Али-хану, который после восстания в Афганистане жил в Ташкенте как политический изгнанник. В июне 1880 г. английское правительство признало Абдурахман-хана эмиром.

На рисунке «Вид Пяндж-де» по обеим сторонам реки раскинулся большой кишлак. Здесь же пасется скот: лошади и верблюды. Обращают на себя внимание необычной формы жилища: похожие на юрту, но с островерхими крышами, они напоминают чаппари джемшидов, ираноязычных кочевников, которые жили на пограничной территории между Туркменией и Афганистаном.

* * *

Наибольшее количество рисунков, которые являются важным историческим источником и хранятся в виде литографий среди газетных вырезок в МАЭ, принадлежит художнику-этнографу и писателю Николаю Николаевичу Каразину (1842–1908). Он был внуком В.Н. Каразина, известного общественного деятеля, создателя министерства народного образования, основателя Харьковского университета. Н.Н. Каразин получил военное образование, окончил Московский кадетский корпус, после которого служил офицером в Казанском драгунском полку. В 1865 г. Н.Н. Каразин вышел в отставку и поступил в Академию художеств, в класс батальной живописи. В 1867 г. он приехал в Туркестан, в 1868 г. участвовал в войне с Бухарой. В общей сложности Н.Н. Каразин пробыл в Средней Азии девять лет, из них большую часть в составе Туркестанского военного округа, участвуя во всех предприятиях по завоеванию края, во время которых он писал очерки, делал зарисовки. В 1870 г. Н.Н. Каразин вышел в отставку и посвятил себя литературной и художественной деятельности. Он автор многих романов, повестей и очерков, в основном на тему среднеазиатской жизни, часто с собственными иллюстрациями. Наиболее ранние из них печатались в журналах, позже — выходили в свет отдельными изданиями, а затем

вышло собрание сочинений Н.Н. Каразина в 12-ти томах. После участия в Хивинском походе 1873 г. в Берлине был издан его художественный альбом.

В 1874 г. в качестве художника Н.Н. Каразин участвовал в работе Амударьинской экспедиции ИРГО, давшей ему возможность собрать богатый этнографический материал. Ее начальником был назначен великий князь Николай Константинович, а его помощником и фактическим руководителем экспедиции стал действительный член ИРГО полковник Генерального штаба Н.Г. Столетов, бывший в 1869 г. начальником Закаспийского отряда и основавший Красноводск. По тематике разнообразных исследований работа экспедиции делилась на пять отделов (отрядов). В задачи этнографо-статистического отдела входил сбор сведений о племенном составе населения, языке и памятниках народного творчества, антропологических особенностях, материальной культуре (поселениях, жилище, домашней утвари, одежде, оружии, пище), традиционных занятиях, ремеслах, торговле, народном образовании. Руководил работой отдела полковник Л.Н. Соболев, автор значительного количества публикаций востоковедческого характера, некоторые из них до сих пор не утратили научного значения. Кроме Н.Н. Каразина в этнографо-статистический отдел были включены востоковед И.А. Александров, а также персидский принц, флигель-адъютант императора полковник гвардии Риза-Кули-Мирза, помогавший членам экспедиции знанием восточных языков. В результате работы в экспедиции Н.Н. Каразин составил альбом рисунков видов и типов Амударьинского края.

В мае 1874 г. отряд Л.Н. Соболева отправился на пароходе «Самарканд» из Казалинска к Аральскому морю и прибыл к устью главного рукава дельты Амударьи — Улькундарьи [Жданко 2001: 23]. Именно этот момент запечатлел Н.Н. Каразин. Его рисунок «Вход в дельту Аму-Дарьи (в устье Улькун-Дарьи) на пароходе экспедиции», гравированный Сташевским, был опубликован в журнале «Живописная Россия» как иллюстрация к статье Н.А. Таранова «Русский берег Амударьи» и хранится в собрании вырезов.

Пароход прошел вверх по течению реки до ее устья, среди разливов, заросших камышом. Участники отряда оказались среди населения, которое отличалось от жителей центральных районов Туркестана. Это был край обширного рыболовства (довольно редкого и нехарактерного для местного населения рассматриваемого региона занятия). «Целые флотилии» рыбацких лодок ловили, перевозили, заготавливали впрок, продавали на базарах рыбу. Главными рыбаками были каракалпаки, хотя и казахи занимались этим промыслом. Н.Н. Каразин на рисунке

«На низовьях Аму-дарьи. — Рыбачий стан» изобразил своеобразный вид жилища каракалпаков в сезон рыбной ловли — в камышах: «Вязанки из камыша, особым образом соединенные между собой, составляют плот, который прикрепляется к растущему камышу и хорошо держится на воде; над этим плотом и располагают небольшой навес, сделанный из циновок, которые тоже готовятся из камыша», — писал Л.Н. Соболев (цит. по: [Жданко 2001: 23]).

В 1877–1878 г. художник выезжал на фронт русско-турецкой войны в качестве военного корреспондента русских и иностранных журналов.

В 1879 г. Н.Н. Каразин вновь посетил Среднюю Азию в составе Самарской ученой экспедиции, где работал секретарем, изучал бытовую сторону жизни населения, вел путевой журнал и освещал работу экспедиции в журнале «Всемирная иллюстрация».

Кроме Н.Н. Каразина в составе многочисленной Самарской ученой экспедиции 1879 г., которую возглавлял великий князь Николай Константинович, работали впоследствии выдающиеся исследователи, авторы многих публикаций, важных для этнографической науки, географ И.В. Мушкетов, капитан Н.А. Маев, художник Н.Е. Симаков, составивший альбом «Искусство Средней Азии». Экспедиция была организована для исследования бассейна р. Амударьи и возможного направления будущей Среднеазиатской железной дороги. Поэтому в ее состав были включены инженеры, в том числе Э.О. Соколовский, статьи которого были посвящены вопросам правительственных изысканий и проектирования железнодорожных путей в Средней Азии. Э.О. Соколовский обладал художественными способностями, поэтому его путевые зарисовки помещали на страницах периодических изданий. Они сохранились в МАЭ в подборке вырезок.

Рисунок «Дневной привал в Кара-Кум» изображает группы прогуливающих путешественников, караван лежащих верблюдов, лошадей, распряженные повозки и экипажи. Состав участников поездки смешанный. Здесь и всадники в чалмах и длинных халатах, и извозчики с окладистыми бородами, и люди в котелках и европейских костюмах, и военные в форме. В центре лагеря разбита юрта для отдыха. Можно предположить, что это, например, участники Самарской экспедиции 1878 г., которые исследовали пески Каракумов для определения возможности проведения железной дороги от Оренбурга до Ташкента. Как видно по иллюстрации, пески Каракумы не представляли собой непроходимую пустыню, участники экспедиции остановились на привал в той ее части, где растут кустарники. Именно в определении пустыни как разделявшейся на две половины — песчаную и растительную — заключался один из основных итогов работы экспедиции.

Среди иллюстраций из периодических изданий хранится несколько литографий с рисунков Н.Н. Каразина, которые содержат его экспедиционные наблюдения¹. Например, на одном из них художник мастерски передал сильное впечатление от ущелья среди огромных скалистых гор, получивших название Железных ворот, внизу едва видны фигурки всадников — участников одного из отрядов научной поездки. Их маршрут проходил из Самарканда через Джамский перевал в Карши. На рисунке изображен эпизод, когда отряд из Карши через горный проход в Железных воротах (Темир-дервар) направлялся в Дербент.

В процессе изучения подборки вырезок в большинстве случаев не удалось установить, в каком издании они были опубликованы. Это касается и иллюстраций Н.Н. Каразина. На обороте некоторых рисунков художника сохранились фрагменты комментариев Н.Н. Каразина к своим произведениям. Он внимательно записывал и зарисовывал наиболее яркие моменты пути: «Мы должны скоро подойти к знаменитому ущелью, носящему название Железные ворота». Среди собранных во время экспедиции Н.Н. Каразиным преданий записано одно, связанное с происхождением названия «Железные ворота» и услышанное в Карши и Бухаре. Согласно легенде, здесь Тимур повесил настоящие железные ворота, ключи от которых находились под особой охраной. Высота стен этого ущелья доходила до 150—200 м, проход через его трещины вызывал «благоевейный страх, словно держась забираешься в самые недра этих горных громад, веющих на путешественника могильным холодом и сыростью. Удар конской подковы по камню, слово, сказанное вполголоса, — все звуки гулко разносятся по ущелью <...> Черный цвет стен ущелья еще более увеличивает мрачность всего пейзажа».

Одной из основных задач Самарской экспедиции было исследование причин поворота Амударьи и возможности поворота реки по древнему руслу к Каспийскому морю. На рисунке «Вид Узбоя (старого русла Амударьи) около укрепления Муллакары» у обрывистого берега обмелевшей реки трое всадников изучают местность. Любопытно, что автором изображения назван М. Алиханов («с наброска нашего корреспондента»), а не Н.Н. Каразин. При этом в справочных изданиях М. Алиханов как участник Самарской экспедиции не упоминается, отсутствуют эти сведения и в его биографии. Этот факт вызывает удивление еще и потому, что на оборотной стороне вырезки помещен фрагмент путевого очерка Н.Н. Каразина.

¹ К сожалению, восстановить названия этих периодических изданий не представляется возможным, поэтому далее цитаты из них с текстом Н.Н. Каразина мы приводим без ссылки на источник.

Рисунок Н.Н. Каразина «Лагерь экспедиции на берегу реки Сурхан» связан с моментом движения отрядов по реке Сурхан до г. Термеза. В задачи изыскательских работ входило изучение реки для возможностей судоходства. Наблюдательный художник, который во время поездки должен был проводить этнографические наблюдения, увидел на противоположном берегу непрерывную цепь аулов местного населения.

Литография с рисунка Н.Н. Каразина «Город и крепость Керки на левом берегу Аму» сохранила для нас вид многоступенчатых стен бухарской крепости Керки, неприступной цитадели, и запечатлела поездку на каюке по реке Амударье от крепости Керки до Чарджуя для определения судоходности реки.

Одной из целей Самарской экспедиции (1877–1878, 1879) было установление наиболее удобного пути для будущей железной дороги Оренбург — Ташкент. Поэтому были организованы исследования пустынь Каракум и Кызылкум. В результате выяснилось, что в значительной части пески не представляли собой непроходимую пустыню, особенно в приаральских районах, они богаты растительностью и водой. Экспедиционные изыскания определили возможность постройки железной дороги благодаря закреплённости песков флорой. В результате работы экспедиции была высказана возможность проведения железной дороги через приаральские Каракумы. Участник экспедиции, ботаник Н.В. Сорокин даже был направлен в командировку во Францию с целью изучения методов закрепления песков растительностью.

Рисунок без указания авторства, но, скорее всего, Н.Н. Каразина изобразил движение первого эшелона экспедиции через пески Кызылкумов. Люди и животные, под палящим солнцем уставшие от трудностей дороги по мягкому грунту песчаных заносов, обозы, груженные лошади и верблюды проходили через барханы, кое-где поросшие колючим кустарником.

На другом рисунке «Кызыл-Кум. Путешествие в качалках» Н.Н. Каразин изобразил путешественников, которые попались навстречу. Небольшой караван из двух вьючных верблюдов. По бокам у них покачивались ящики, в которых лежали, как оказалось, купеческие приказчики с товаром. На обороте иллюстрации сохранилась часть заметки художника: «В подобных качалках относительно довольно покойно, только надо хорошенько привыкнуть к этой размашистой равномерной качке, возбуждающей у неопытных припадки, тождественные с припадками морской болезни», — писал Н.Н. Каразин.

Среди зарисовок Н.Н. Каразина — «Переправа (барка, буксируемая двумя лошадьми)» (из воды видны только головы плывущих скакунов), «Туркменка, идущая за водою», где показан костюм женщины

с кувшином на плече. Художник в своих путевых очерках с удивлением отмечал, что местные женщины ходят с открытыми лицами и не прячутся при приближении русских всадников. В художественной форме Н.Н. Каразин описал случай во время одного из ночных привалов на берегу Амударьи, когда с полуночи в соседних зарослях камыша развылись шакалы. Этот эпизод послужил основой для его рисунка «Ночной концерт» с изображением силуэтов стаи хищников.

Наиболее яркими по содержанию являются жанровые сценки с рисунков Н.Н. Каразина. Они связаны также с военной историей и передают отношение автора к происходящему. В серии его произведений «Туркестанские виды и типы» названия изображений говорят сами за себя, среди них «Враждебные России беки», «Пленный». Одним из первых был уже упоминавшийся рисунок «Выставка голов военнопленных в Бухаре».

Несмотря на яркую политическую окраску сюжетов, Н.Н. Каразин сумел достоверно показать, например, традиционную мужскую одежду и головные уборы оседлого населения.

На выставке этнографических акварелей и рисунков Н.Н. Каразина в Париже и Лондоне 1880 г., организованной РГО, художник получил золотую медаль.

В 1885–1888 гг. Н.Н. Каразин приезжал в Туркестан по командировке Академии художеств и посетил Ферганскую долину, Закаспийскую область. Итогом поездки стал альбом «От Оренбурга до Ташкента». В 1896 г. в Москве состоялась выставка его картин. В 1907 г. Академия художеств присудила Н.Н. Каразину звание академика. В настоящее время произведения Н.Н. Каразина хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, музеях Самары, Ярославля, Казани, Екатеринбурга, Ашхабада, Ташкента и др.

За годы своих непрерывных поездок он собрал большую коллекцию восточных древностей, но незадолго до смерти всю ее распродал на аукционе. Н.Н. Каразин умер в Гатчине и был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры [Маслова 1958: 69; Басханов 2005: 102].

* * *

Значительный вклад в изучение Средней Азии, в том числе и как автор зарисовок, которые входят в число вырезок из прессы, внес Николай Николаевич Юмудский (Карашхан-оглы Иомуд-хан, Иомудский) (1868–1928). Он принадлежал к числу родовитых туркмен Закаспийской области. Его отец был туркменским ханом, полковником россий-

ской армии. Родился Н.Н. Иомудский в Каменец-Подольской губернии в дворянской семье [Решетов 1998: 141]. Он был внуком или правнуком Киат-хана, сотрудничавшего с русскими исследователями, его имя упоминается в работах Н.Н. Муравьева, Г.Н. Карелина и др. [Васильева 2003: 79].

Образование Н.Н. Иомудский получил сначала в Полтавском кадетском корпусе, затем — в Павловском военном училище и Петербургском университете. Получив первый офицерский чин после окончания кадетского корпуса, он вернулся в Туркмению.

Востоковедное образование Н.Н. Иомудский получил в 1905–1907 гг. на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. Он владел турецким, персидским и арабским языками. В 1906 г. был командирован в Персию, г. Астрабад.

Полковник царской армии Н.Н. Иомудский до 1917 г. занимал административные должности в Мервском уезде, в последние годы был директором Туркменского государственного музея [Басханов 2005: 250].

Рисунок Н.Н. Юмудского (Иомудского) «Добывание соли на острове Челекен» связан с коллекционным фондом МАЭ. В 1908–1909 гг. с музеем сотрудничал горный инженер И.Н. Глушков. Около трех лет он провел на Челекене, занимаясь обследованием полезных ископаемых, и заинтересовался жизнью местного населения. И.Н. Глушков преподнес МАЭ серебряные украшения и фотографии к ним, собранные им на полуострове Челекен при посещении туркмен-иомудов. Свои коллекции он сопроводил рукописью, посвященной изучению традиционных ювелирных изделий туркмен.

На рисунке Н.Н. Юмудского (Иомудского) показаны все этапы разработки соляных залежей. На заднем плане местные жители — иомуды, одетые в черные меховые шапки и полосатые халаты (некоторые из них в нижних белых рубашках и закатанных штанах), вырубая небольшими железными топориками соль, которая залежала под небольшим слоем песка. Затем ее высушивали на солнце. Добытые глыбы обтесывали кинжалами или саблями, придавая им прямоугольную форму. Такие большие пластины соли видны по всей площади, где проводилась ее добыча. Здесь же добытую соль грузили на верблюдов, подвозили к берегу и продавали по очень низким ценам персидским и кавказским купцам.

Любопытно, что описание Челекена с его нефтяными колодцами и упоминание о вывозе туркменами нефти в Персию содержалось еще в дневнике путешествия 1821 г. на восточный берег Каспийского моря Н.Н. Муравьева [Муравьев-Карский 1888].

Среди вырезок иллюстраций из периодических изданий XIX — начала XX в. хранятся литографии с рисунков Н.Н. Каразина, А. Сотенского, П.М. Кошарова, посвященные пограничным районам с Западным Китаем — Восточному Туркестану. До середины XIX в. этот регион оставался фактически неизвестным для европейцев. Интенсивный сбор сведений о Восточном Туркестане русскими исследователями начался в 1870-е годы, когда эти земли находились под протекторатом России. В это время изучались география, топография, население края, местные пути, соединявшие пограничные с Российской империей Кашгар и Кульджу. Новая граница с Китаем, за исключением Илийской долины, тянулась в основном среди гор. Были опубликованы рисунки с видами южной части этой длинной границы — Иссык-Кульского уезда Семиреченской области. Как видно по литографическим рисункам Н.Н. Каразина «Станция и ущелье Сары-Джас», «Гора Каскыр-тау», «Станция Любовная (Кескелен)», Иссык-Кульский уезд был расположен среди гигантских гор, вершины которых покрыты вечными снегами. На рисунке «Гора Каскыр-тау» изображено, как в ущелье Кастек по узким отвесным тропам среди горных нагромождений движется груженный караван верблюдов. На рисунках также показаны бревенчатые дома с прилепившейся к одному из них юртой, в одном из которых находился пограничный пост Уртен-Музарт, в другом — почтовая станция Джил-Арыс. Здесь же показаны почтовая дорога на Каракол, церковь в Караколе, переправа через реку Или. Художник запечатлел русско-кашгарскую границу, передовые казацкие укрепления на Каравале.

Среди иллюстраций, хранящихся в МАЭ в виде вырезок, несколько литографий выполнены с фотографий, как указано в изданиях, «госпожи Полторацкой», единственной женщины среди авторов рассматриваемых изображений. В результате источниковедческих изысканий удалось установить, что Лидия Павловна Полторацкая была одной из немногих женщин-фотографов конца 1870 — начала 1880-х годов в Петербурге. Л.П. Полторацкая, как единственная женщина-фотограф среди известных коллег мужчин, являлась действительным членом первого в России фотографического общества (1866 г.) — V отдела светописы ИРТО. Среди вырезок хранится несколько литографий со снимков, сделанных Л.П. Полторацкой в Семипалатинской области близ русско-китайской границы. Каким образом женщина оказалась в столь отдаленных краях и преодолела длительную, опасную и утомительную дорогу в Китайский Туркестан, остается только догадываться. На снимках Л.П. Полторацкой заросшие берега реки Чиндагуй с поваленными бревнами и заснеженные вершины. С высокой горы она сняла панора-

му дикой природы в долине верхней Бухтармы, извилисто убегающей у подножия возвышенностей, заросших лесом, к дальним горным хребтам. Казачий пикет у китайской границы раскинулся среди мрачного пейзажа с покосившейся одинокой сосной на фоне снежных гор. Он состоит из одинокой юрты и колодца. Вдали видны фигурки нескольких человек и пасущийся скот. Эти снимки еще раз позволяют удивляться и восхищаться мастерством, упорством и смелостью Л.П. Полторацкой, совершившей столь непростую экспедицию ради создания фотокадров, сохранивших для нас отдаленные районы Семипалатинской области.

Сохранились сведения о Любове К. Полторацкой, жене генерал-губернатора Семипалатинской области В.А. Полторацкого, совершившей вместе с ним путешествие по Семипалатинской области. Она выполнила фотоальбом «Виды и типы Западной Сибири», состоявший из более чем 50 снимков, которые включали также раскрашенные акварелью фотокадры, в том числе изображения семьи казахского султана и свадебный наряд невесты. В 1879 г. Л.К. Полторацкую наградили за этот альбом серебряной медалью Русского географического общества². Вероятнее всего, речь идет об одном и том же лице.

Из вырезок, хранящихся в МАЭ и непосредственно относящихся к Восточному Туркестану, — изображение панорамы города Яркенда в Кашгаре. Многоярусное культовое сооружение в Кульдже, похожее на пагоду, названо минаретом. Базар в Кульдже, судя по литографии, по внешнему виду, расположению торговых лавок, одежде и облику населения не отличался от среднеазиатского базара конца XIX — начала XX в. Эти иллюстрации передают жанровые сценки, на них почти не заметны детали, но видны, например, местный костюм, манера его ношения, общий вид жилищ, способы переноски тяжестей с помощью вычных животных.

С пребыванием в Кашгаре известного исследователя Григория Ефимовича Грум-Гржимайло, который к тому же был одним из собирателей коллекций МАЭ, связан эпизод одной из его экспедиций. Летом 1887 г. от туркестанского генерал-губернатора в РГО поступила жалоба на исследователя с просьбой запретить ему в дальнейшем выезжать в пограничные районы, после того как он с казаками и двенадцатью вычными лошадьми перешел границу Китайского Туркестана и в ближайшем саду выпустил лошадей пастись. Это вызвало подозрение китайских властей и казахского караула в возможном шпионаже и неудовольствие русской администрации.

² См.: <http://mytashkent.uz/2010/05/23/istoriya-i-fotoletopis-turkestana-chast-1/>

Несколько литографий и фотографий в подборке вырезок не относятся к среднеазиатско-казахстанскому региону. На этих литографических рисунках виды Оренбурга. По мере расширения владений России в Средней Азии Оренбургская крепость теряла свое значение и ко времени создания иллюстраций, хранящихся в МАЭ, это был город со многими историческими зданиями. На рисунке показаны многоэтажный дом генерал-губернатора и Введенский кафедральный собор, построенный на берегу реки Урал в 1756 г. На литографии «Оренбург. — Караван-сарай» запечатлен Меновой двор, который находился недалеко от города. На рисунке видно, что он был обнесен высокой каменной стеной, куда прибывало, как показано на иллюстрации, множество караванов верблюдов и лошадей из Бухары, Хивы, Коканда, Ташкента, Акмолинской и Тургайской областей. Сначала здесь происходил меновой торг, позже он стал переходить в денежный. Меновой торг имел огромное торговое значение и был похож на восточный базар — караван-сарай. Оренбургский Меновой двор открывался 1—15 мая и проходил до сентября-октября.

В Оренбургской губернии находилась бывшая крепость Илецкая Защита, которой посвящено несколько иллюстраций. На одной из них — панорама площади провинциального городка. Поселок Илецкая Защита возник в XVII в. на реке Илек при месторождении поваренной соли. Там селились в основном уральские казаки. В XVIII в. здесь была уже крепость — «защита», которую разграбил соратник Е. Пугачева Афанасий Хлопуша. В XIX в. в Илецкой защите кроме двух церквей, мечети, богадельни, училища, соляного управления и почтовой конторы находилась центральная каторжная тюрьма, заключенные которой работали в соляных каменоломнях. В 1890 г. в Илецкой тюрьме было 424 арестанта. Судя по рисунку, место разработки каменной соли находилось непосредственно около крепости и представляло собой холм, внутри которого был разработан большой по площади и глубине карьер с отвесными стенами из плотной соли. Простой, но нелегкий способ добычи показан на рисунке. Вырубленные солерубами из массива бруски соли киркой перерубают на части, взвешивают на весах, установленных с помощью треноги, в тачках перевозят и складывают на дне карьера в груды соляных брусков. Вереница людей, снующих с тачками, груженными тяжелыми кусками илецкой соли. Илецкие копи считались одними из богатейших в мире, поражали своим богатством очевидцев, в том числе императоров Александра I и Александра II, посетивших Илецкую Защиту в 1824 и 1837 гг. В память об этих событиях на площади городка был сооружен обелиск, изображенный на одном из рисунков.

Соляные копи в Илецкой Защите залегают среди холмистой местности. На литографическом рисунке запечатлена Гипсовая гора, превосходящая остальные холмы размерами, с давних пор служившая опознавательным маяком для караванов, следовавших в Оренбург. Вблизи Илецкой солеломни находились два озера, богатые лечебными солями и грязями. Они тоже показаны на рисунках из подборки вырезок. На одном из них вид городского озера с живописными берегами, обсаженными деревьями, видны невысокие постройки, в которых располагались лечебницы с минеральными водами и кумысом. Одно озеро было предназначено для лечения больных солдат Оренбургского военного округа, в другом озере в 1830 г. были устроены четыре купальни для приезжающих, которые показаны на рисунке. Соляные озера зимой не замерзали, летом купающиеся легко могли лежать на поверхности воды из-за ее насыщенности солью. Сезон здесь продолжался с мая по сентябрь.

На рисунке «Мусульмане на пилигримстве к гробнице Али» группа мужчин, молодых и старых, спешила с верблюдов и отдыхает на берегу ручья после тяжелого перехода.

На фотографиях без аннотаций запечатлены архитектурное убранство и интерьер помещения, оформленного в восточном стиле. На одном из снимков в центре группы мужчин, вельмож в мундирах и высоких круглых черных шапках, стоит в белой одежде традиционного покроя (подпоясанный халат, под ним штаны и туфли с загнутыми носами, с чалмой или мягкой шапочкой), по всей видимости, местный монарх. У его ног лежит верблюд в праздничной упряжи. За фигурой первого лица страны видны, видимо, носилки с высоким балдахином. Просто не верится, что бедное животное потащит на себе это огромное, почти с двухэтажный дом сооружение, да еще с упитанным пассажиром! К сожалению, снимок не содержит комментариев, отсутствует даже год.

На одной из фотографий снят русский консул в Дамаске А.П. Беляев. Возможно, предыдущие снимки связаны с местом службы этого дипломата.

* * *

Выборочно рассмотренные в данном обзоре изобразительные материалы позволяют сделать вывод о том, что подборка вырезок иллюстрированных изданий конца XIX — начала XX в. может использоваться в качестве дополнительного источника по этнографии и истории региона. По содержанию многие литографии современные, созвучны своему времени, в них отразился проявившийся в указанный период интерес

русского общества к Средней Азии. В настоящее время эти изданные в гравюрах рисунки и фотографии служат основным первоисточником для изучения творчества их авторов, принимавших активное участие в научных путешествиях конца XIX в. Для того чтобы подобрать в библиотеках этот изобразительный материал, пришлось бы целенаправленно просмотреть множество иллюстрированных изданий. Готовая тематическая сортировка уже хранящихся в музее вырезок значительно это упрощает и делает иллюстративный фонд МАЭ ярче и богаче.

При характеристике подборки вырезок, хранящихся в МАЭ, нельзя исключать высокую оценку современниками уровня технического качества иллюстраций, публиковавшихся в отечественной периодике, отчетливость изображений, правильность рисунка. Издатели иллюстрированной периодики старались не уступать лучшим заграничным публикациям подобного рода. Часто рисунки с фотоснимков или рисованных изображений печатали в собственной хорошей литографической мастерской.

Поэтому представляется справедливым передать коллекцию вырезок периодики конца XIX — начала XX в. в собственность МАЭ и зарегистрировать как самостоятельную иллюстративную коллекцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе впервые объектом специального изучения становится иллюстративный фонд МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана второй половины XIX — первой половины XX в. Это попытка дать научное осмысление этой огромной коллекции иллюстративных материалов, ввести их в научный оборот.

Иллюстративные коллекции рассматриваемого периода МАЭ стали основой для пополнения фонда в последующие десятилетия. Они существенно дополняют и обогащают наше представление об этнографии и истории региона. Некоторые фотоматериалы публикуются впервые. Изучение биографий собирателей коллекций, деятельности учреждений, которые способствовали накоплению коллекций музея, предоставляют возможность расширить сведения по истории отечественной этнографической науки.

В обзоре иллюстративных коллекций отдела Центральной Азии МАЭ РАН второй половины XIX — начала XX в. изложена история формирования фонда МАЭ по региону. На основании изучения и систематизации музейного изобразительного материала стало очевидным, что в разные годы он поступал в МАЭ неравномерно. В первые годы сборы носили случайный, нерегулярный характер. С конца XIX в., когда музей начал организовывать экспедиции, иллюстративные коллекции стали пополняться более планомерно.

Исторический обзор этих коллекций помог нам открыть новые или вспомнить забытые имена собирателей, выявить целый ряд отечественных деятелей в области научного фотографирования. За каждым именем собирателя — своя биография, но объединяет их одно — они собиратели коллекций МАЭ. К сожалению, о многих из собирателей иллюстративных коллекций так и не удалось получить сведений, несмотря на активные попытки.

При изучении материалов иллюстративных коллекций музея нельзя не заметить различные научные и художественные подходы в создании рисунков и фотоснимков разными авторами. Видение предмета одним автором отличалось от подхода к этой же теме другого.

Нельзя забывать о трудностях, связанных со сбором изобразительного материала, особенно это касалось первых поступлений, в обстановке недоверия, даже враждебности жителей только отвоеванного края. Тем не менее собирателям удалось привезти значительные коллекции.

Наиболее ранними по времени создания стали рисунки А. Померанцева, П.М. Кошарова, фотоальбом с рисунков В.В. Верещагина. Среди коллекций рассматриваемого периода рисунки более позднего времени поступили от С.М. Дудина и А. Ворониной-Уткиной. Такой вид научной визуальной фиксации полевых материалов, как экспедиционные зарисовки наряду с фотографией существовал даже позже, в советские годы.

Наиболее ранними фотоматериалами являются портрет Джангирхана (до 1845 г.) и снимок казахской депутации 1860 г. Фотографически: «Туркестанский альбом», «Виды и типы Хивинского ханства», «Типы народностей Средней Азии» возникли благодаря просветительской деятельности К.П. Кауфмана. Первой монографической фотоколлекцией МАЭ стало поступление снимков по культуре казахов от И.С. Полякова.

Российские фотографии сыграли важную роль в распространении фотографических знаний, в формировании отечественной визуальной антропологии как самостоятельной области науки и искусства. Главная ценность этих материалов состоит в фиксации ушедшей в прошлое жизни народов региона. По оценке историков фотографии, отечественные фотографы-любители конца XIX — начала XX в. «как в техническом, так и в художественном отношении сделали огромные успехи и могут теперь смело конкурировать не только в России» [Фототворчество России 1990: 10].

Состав фотоколлекций МАЭ отражает основные этапы эволюции отечественной фотографии. Так, появление среди монохромных фотографий раскрашенных от руки снимков из коллекции И.С. Полякова 1880 г. и С.М. Дудина 1899 г. стали предшественниками сложнейших технологий цветной печати наших дней. В конце XIX — начале XX в. раскрашенная фотография считалась наиболее популярной. Снимки раскрашивали чаще всего частично, как фотографию из коллекции И.С. Полякова, или полностью, как на снимках С.М. Дудина, но реже. Поступление в МАЭ в 1908 г. первой стереоскопической коллекции также отражало еще один этап развития отечественной фотографии. Стерефотография стала одной из ранних попыток создать ощущение объемности. Фотомонтаж также нашел отражение в иллюстративных коллекциях МАЭ на примере коллекции Н. Орде 1894 г.

В представленной работе иллюстративные коллекции описаны обобщенно, с привлечением внимания к отдельным интереснейшим собраниям и экспонатам. В некоторых случаях, используя литературные, архивные данные и материалы периодической печати рассматриваемого периода, удалось выявить исторические сведения о них. Как оказалось, комплексное использование разнообразных материалов, сопоставление разного вида источников открыло новый, даже неожиданный пласт информации по этнографии исследуемого региона. Этого не удалось бы достичь при обращении к этим источникам по отдельности.

Таким образом, тщательного изучения требуют не только вещевые, но и иллюстративные коллекции. При должном подходе самый незначительный музейный экспонат после достаточно подробного изучения с привлечением дополнительных сведений может стать очень ценным источником историко-этнографической информации.

В одном исследовании невозможно охватить весь изобразительный материал иллюстративных коллекций отдела Центральной Азии (бывшей Средней Азии и Казахстана) МАЭ РАН по причине его большого объема. Наша задача состояла в привлечении к изучению иллюстративных коллекций музея как этнографов, так и историков. Главная ценность этих материалов, среди которых встречается много редких документов, состоит в том, что на них запечатлены ушедшие в прошлое этнографические реалии.

Полноценное введение в научный оборот иллюстративного фонда МАЭ невозможно без первичной кропотливой работы по детальному знакомству с иллюстративным фондом, выверки всей информации к нему, сбору дополнительной, касающейся собирателей, истории учреждений, от которых поступили коллекции, и т.д.

В наши дни исторические фотографии являются в ряде случаев единственными свидетелями изменений, которые затронули многие области традиционного уклада, и позволяют по снимкам изучать и сравнивать произошедшие перемены. Обращение к иллюстративному фонду МАЭ открыло многие малоизвестные изобразительные материалы. В целом иллюстративные коллекции создают картины жизни края, их можно назвать иллюстрированной энциклопедией по истории и культуре народов Средней Азии и Казахстана, рассматривать как пособие по местному краеведению.

Работа по дальнейшему изучению иллюстративных этнографических материалов позволит воссоздать различные стороны традиционной культуры и быта народов региона, отображенные в коллекциях не просто в виде слов и описаний, а в зримых образах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИМК РАН — Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук

АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ЗИРГО ОЭ — Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИРГО — Императорское Русское Географическое общество

ИРТО — Императорское Русское Техническое общество

КСХК — Коллективизация сельского хозяйства Казахстана

МАХ — Научно-исследовательский музей Академии художеств

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГО — Русское географическое общество

РЭМ — Российский этнографический музей

СМАЭ — Сборник МАЭ

СОПС — Совет по изучению производительных сил СССР

ТИЭ — Труды Института этнографии

ФИИМК РАН — Фототека Института истории материальной культуры Российской Академии наук

ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург)

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев Т.А., Хасанова С.А. Одежда узбеков (XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1978.

Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника. Самарканд, 1913.

Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова // СМАЭ. Т. XIV. М.; Л., 1953.

Аверьянов Ю.А., Башарин П.В. Мазар Баха'ад-Дина вчера и сегодня // Центральная Азия. Традиции в условиях перемен. Вып. 2. СПб., 2009. С. 281–322.

Административное устройство Гиссарского бекства // Туркестанские ведомости. 1908. № 112.

Айни С. Бухара. Воспоминания. Сталинабад, 1954.

Айни С. Воспоминания. М.; Л., 1960.

Айни С. Из прошлого. Ташкент, 1935.

Айни С. История мангытских эмиров // Айни С. Собр. соч. Т. VI. М., 1975.

Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9.

Аминов Г.А. Краткие исторические сведения о прежних отношениях Бухары к Шахрисябзу // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. Место издания, 1873.

Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // Изв. Туркестанского отд. РГО. Т. 17. 1924.

Андреев М.С. По этнографии таджиков (некоторые сведения) // Таджикистан. Ташкент, 1925.

Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Косанский район (север Ферганы) // Изв. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. I. Ташкент, 1929.

Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.

Антропологическая выставка 1879 года. Описание предметов выставки. Вып. 6. Отдел этнографический. Сост. Е.В. Барсовым. М., 1879.

Аполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948.

Арбеков П. Захват Мерва // Туркменоведение. 1931. № 1, 2.

Астанакул-бек кушбеги, бек гиссарский // Туркестанские ведомости. 1906. № 114.

Ашинин Ф.Д. Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Записки Вост. Отд. Русск. Археолог. о-ва. Т. XXV. 1921.

- Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- Бартольд В.В.* Воспоминание о С.М. Дудине // СМАЭ. Т. IX. Л., 1930.
- Бартольд В.В.* Собр. соч. Т. II. М., 1963; Т. IX. М., 1977.
- Басилов В.Н.* Традиции женского шаманства у казахов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975.
- Басилов В.Н., Кармышева Дж. Х.* Ислам у казахов. М., 1997.
- Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. М., 2005.
- Безе Е.А.* Путеводитель по Средней Азии. М., 1888.
- Беляев М.М.* Музыкальные инструменты Узбекистана. М., 1933.
- Бернштам А.Н.* М.Э. Воронец. Некролог // СЭ. 1956. № 3.
- Биобиблиографический словарь. Художники народов СССР. М., 1970.
- Богоявленский Н.* В верховьях Аму-Дарьи. М., 1901.
- Борнс А.* Путешествие в Бухару. СПб., 1849.
- Бродовский М.И.* Технические производства в Туркестанском крае. СПб., 1876.
- Булгаков Ф.И.* Наши художники. СПб., 1889. Т. I, II.
- Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. М., 1975.
- Бухарская смута // Средняя Азия: В 4 кн. Ташкент, 1910.
- Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии: В 2 кн. // Записки ИРГО. СПб., 1861.
- Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. I.; 1962. Т. II; 1964. Т. III; 1968. Т. IV; 1972. Т. V.
- Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Наука, 1972. Т. 5. Графическое наследие.
- Васильева Г.П.* История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII — XX века. М., 2003.
- Васильева Г.П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.
- Верещагин В.* От Оренбурга до Ташкента // Всемирный путешественник. 1874. Апрель.
- Верещагин В.В.* Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883.
- Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
- Веселовский Н.* Рец.: П. Шубинский. Очерки Бухары. СПб., 1899 // ЗВОРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1893.
- Вуори Т., Шрадер Э.* Фотоателье «Н. Rrentz & F. Schrader» в Санкт-Петербурге // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): Биографический аспект. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 115.
- Вырыгин М.А.* Опыт описания Кулябского бекства // Изв. ИРГО. 1916. Т. 52. Вып. X. 1916.
- Вышенская Т.* Результаты экспедиции в Среднюю Азию // Евреи в Средней Азии. Прошлое и настоящее. Вып. 4. СПб. 1995.
- Гартевельд В.Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестан. М., 1913.
- Гаспринский И.* Точный перевод дневника его светлости эмира бухарского. Казань, 1894.

Гафферберг Э.Г. Одежда белуджей Туркменской ССР // СМАЭ. Т. 26. М.; Л., 1970.

Гейнс А.Н. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб., 1897.

Глуховской А.И. Плен в Бухаре // Русский инвалид. 1868. № 97–100.

Голендер Б. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1898–1917). Ташкент, 2002.

Головина Ю.Д. На Памирах. М., 1902.

Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. СПб., 1905.

Дворкин И. Принципы историко-этнографического исследования диаспоры бухарских евреев // Евреи в Средней Азии. Прошлое и настоящее. Вып. 4. СПб., 1995.

Девель Т.М. Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. М.; Л., 1954.

Джандосова З.А. Казахи // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Деятнадцатый век. Т. 3. СПб., 2004.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореферат. СПб., 2008.

Дмитриев С.В. Штрихи к собирательской деятельности С.М. Дудина // СМАЭ. Т. LII. СПб., 2006.

Дмитриев-Кавказский Л.Е. По Средней Азии (Записки художника с 199 рисунками автора). СПб., 1898.

Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1911.

Дониш А. История Мангытской династии. Душанбе, 1967.

Дудин С.М. Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей // Изв. Имп. Археологической Комиссии. Т. VII. СПб., 1903.

Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана. Из путевых записок // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 6, 10, 12, 22, 28, 31.

Дудин С.М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // СМАЭ. Т. 5. Пг., 1917.

Дудин С.М. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный сборник. 1921. № 1, 2.

Дудин С.М. Фотография в научных поездках // Краеведение. Т. 1. № 1–4. М.; Л. 1924.

Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // СМАЭ. Т. VII. Л., 1928.

Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб., 1913.

Евреи в Средней Азии. Прошлое и настоящее. СПб., 1995 (Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 4).

Евреинев А. Внутренняя или Букеевская орда // Современник. Т. 29. СПб., 1851. Отд. II.

Ежегодник Ферганской области. Т. III. Новый Маргелан, 1904.

Жданко Т.А. Каракалпаки в научных исследованиях периода их присоединения к России (1873–1874) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. М., 2001.

Жуковский В.А. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

Залеман К.Г. Рукописи Я.Я. Лютша // Известия Императорской Академии наук. Т. 8. СПб., 1898.

Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983.

Зарубин И. По горам и степям Средней Азии. Путевые заметки от Москвы до Кульджи // Русский вестник. Т. 144. № 11, 12. М., 1879.

Заседание 19 марта 1897 г. // Протоколы заседания историко-филологического отделения Императорской Академии наук. СПб., 1897.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата. 1964.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982.

Зноско-Боровский Н. Окраина. Через Бухару // Охота. 1889. Апрель.

Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней киргизской Орды // Астраханский листок. 1895. № 185–261.

Иллюстрированное описание всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г. СПб.; М., 1882.

Императорская Академия художеств. Музей. Русская живопись. Пг., 1915.

Императорская Академия наук. 1889–1919. Т. 2. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. I.

Императорская Санктпетербургская Академия художеств. 1764–1914. СПб., 1914.

Искандаров Б.И. Бухара (1918–1920 гг.). Душанбе, 1970.

Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958.

Искандер-Тюря (Кун). Сведения об ягнобском народе. (К материалам для исследования ягнобского языка) // Туркестанские ведомости. 1871. № 3–4.

Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998; Вып. 2. М., 1999.

История Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата, 1979.

История Казахстана. Алматы, 1993.

История Туркменской ССР. Т. I. Кн. 2. Ашхабад, 1957.

Ишанов А.И. Создание Бухарской Народной Советской республики. Ташкент, 1955.

Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1976.

Казахская ССР: Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985; Т. 2. Алма-Ата, 1988; Т.3. Алма-Ата, 1989; Т.4. Алма-Ата, 1991.

- Казахская традиционная культура в собраниях Кунсткамеры. Алматы, 2008.
- Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1964.
- Казгулов Б.А., Шаханова Н.Ж.* Традиционный инструмент казахов *кылко-быз* // СМАЭ. Т. XLIII. Л., 1989.
- Карелин Г.С.* Путешествия по Каспийскому морю // Зап. ИРГО по общей географии. Т. X. СПб., 1883.
- Каримова А.* Деятельность ориенталиста А.Л. Куна в Туркестане в 1868–1881 гг. // Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. XV. История. Ташкент, 1956.
- Карутиц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.
- Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке. СПб., 1900.
- Каталог Среднеазиатской выставки в Москве. М., 1891.
- Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.
- Каталог экспонатов из Туркестанского края. Ташкент, 1896.
- Кауфманский сборник. М., 1910.
- Кисляков Н.А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в к. XIX — начале XX вв. М.; Л. 1962.
- Кисляков Н.А.* Таджики долины Соха / Тр. АН Тадж. ССР. Т. XVII. Душамбе. 1953.
- Киттары М.Я.* Ставка хана Внутренней киргизской орды // Журнал МВД. Ч. 28. Кн. 10–11. Место издания, 1849.
- Клуг Дж.* История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004.
- Козлов Р.А.* Употребление опьяняющих веществ в Средней Азии в XIX–XX вв. (по коллекциям МАЭ РАН) // СМАЭ. Т. LII. СПб., 2006.
- Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926–1941 гг.). Алма-Ата, 1967. Ч. I.
- Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764–1914. Ч. 1–2. СПб., 1914.
- Конопка С.Р.* Туркестанский край. Ташкент, 1912.
- Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. III // Кавказский этнографический сборник. Вып. III М.; Л. 1962. (Труды ИЭ. Т. XXIX).
- Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
- Крафт И.* Принятие киргизами русского подданства. Оренбург, 1897.
- Крестовский В.В.* В гостях у эмира Бухарского. СПб., 1887.
- Крутые А.Л.* Гарем. Царство под чадрой. М., 2000.
- Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926–1941 гг.). Алма-Ата. 1967. Ч. I.
- Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // Изв. ТО РГО. Т. II. Вып. 2. Ч. 1. Ташкент, 1915
- Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Место издания, 1995.
- Кун А.Л.* Заметки о Хивинском ханстве // Туркестанские ведомости. 1873. № 40.

Кун А.Л. Коран Османа // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 3. СПб., 1874. С. 401–404.

Кун А.Л. От Хивы до Кунграда. Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876. С. 203–254.

Кун А.Л. Очерки Кокандского ханства // Известия Русского географического общества. Т. XII. СПб., 1876. С. 59–70.

Кун А.Л. Очерки Шахризязбского бекства // Записки Русского географического общества по отд. этнографии. Т. VI. СПб., 1880. С. 203–237.

Л.К.Ю. Составление Туркестанского альбома // Туркестанские ведомости. 1899. № 36.

Лаврентьева Е.Г. Коллекции кяхтинских купцов в собраниях первого российского Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Интеграция музеев Сибири. Улан-Удэ, 2009.

Лаврентьева Л.С. Иллюстративные коллекции М.А. Круковского // Радловский сборник. 2007. СПб., 2008.

Лавров М.В. Туркестан. М., 1914.

Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Т. I–III. СПб., 1832.

Лерх П. О Туркестанском фотографическом альбоме // Изв. ИРГО. Т. X. № 2. СПб., 1874.

Лиалинталь. Кухистан с северной частью Гиссарского бекства 1887 г. Ген. Штаба кап. Лиалинталь // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1888. Вып. 36.

Лиалинталь. Гиссарское и Кабадианское бекства 1889 г. Ген. Шт. кап. Лиалинталь // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1894. Вып. 57.

Липский В.И. Горная Бухара. Ч. 1, 2. СПб., 1902; Ч. 3. СПб., 1905.

Липский В.И. В гостях у Гиссарского бека // Туркестанские ведомости. 1907. № 183.

Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памиры // Исторический вестник. Т. ХСVIII. 1904. Окт.-дек.

Логофет Д.Н. Кулябское бекство и его население // Туркестанские ведомости. 1905. № 111.

Логофет Д.Н. Через Бухару // Военный сборник. № 1, 2. СПб., 1907.

Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.

Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, 2. СПб., 1911.

Логофет Д.Н. В забытой стране. СПб., 1912.

Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). СПб., 1913.

Лукин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1959.

Лукин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.

Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974.

Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке. Пг., 1915.

Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1916.

Люшкевич Ф.Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры населения Бухарского оазиса: Рукопись диссертации. Л., 1976 / Архив МАЭ РАН. Ф. К. 1. Оп. 1. № 842.

Люшкевич Ф.Д. Традиционные женские украшения населения Бухарской области // СМАЭ. Т. 43. Л., 1989.

Маджи А.Е. К истории двух последних десятилетий Бухарского ханства // Известия АН Тадж. ССР. Отд. Общ. наук. № 2 (29). Душанбе, 1962.

Маев Н. От Ташкента до Каты-Кургана // Русский вестник. Т. 86. 1870. № 3.

Маев Н.А. Джизак и Самарканд // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 11. 1873.

Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875.

Маев Н.А. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876а.

Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // Туркестанские ведомости. 1876. № 2—7, 10—14, 17.

Майер А.А. Год в песках. Кронштадт, 1886.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алма-Ата, 1986.

Марков Е. Россия в Средней Азии. СПб., 1901.

Мартиросов С.З. Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России. Ашхабад, 1966.

Масальский В.И. Туркестанский край. СПб., 1913.

Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1887.

Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 1. 1715—1856. Ташкент, 1955; Ч. 2. 1856—1869. Ташкент, 1956; Ч. 3. 1869—1880. Ташкент, 1958; Ч. 4. 1881—1886. Ташкент, 1971.

Масальский В.И. Россия. Туркестанский край. Т. XVIII. СПб., 1912; Т. XIX. СПб., 1913.

Матвеев. Краткий очерк Бухары 1887 г. Ген. Штаба полковника Матвеева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXVI. 1888.

Матвеев. Поездка по Бухарским и Афганским владениям Ген. Штаба полковника Матвеева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. 1883.

Материалы к библиографии по истории Академии художеств. 1757—1957. Вып. V. Л., 1957.

Мозер Г. В странах Средней Азии. СПб., 1888.

Моравицкий С. О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. XV. Вып. 2. Казань, 1885.

Морозова А.С. Туркмения в фотоколлекциях С.М. Дудина // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973.

Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. гвардейского Ген. штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822.

Муравьев-Карский Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1888. Вып.

Мусульманские училища в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. Ч. CLXXVI. Отд. 3. Ташкент, 1871.

Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.

Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963.

Нечаев А.Д. По Горной Бухаре. СПб., 1914.

Никольский М.Э. Благородная Бухара. СПб., 1903.

Нурекин А. Очерк истории Коканда // Туркестанские ведомости. 1872. № 35.

Обзор Закаспийской области за 1890 г. СПб., 1892.

Обручев В. По Бухаре // Север. 1890. № 17–24.

Обручев В.А. По горам и пустыням Средней Азии. М.;Л., 1948.

Ольденбург С.Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 г. СПб., 1914.

Ольденбург С.Ф. Памяти Самуила Мартыновича Дудина // СМАЭ. Т. IX. Л., 1930.

Остроумов Н. Константин Петрович фон-Кауфман — устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899.

Остроумов Н.П. Бухарские и хивинские посольства в Россию и русские посольства в Бухару и Хиву // Туркестанские ведомости. 1907. № 86, 89, 92, 96, 99, 100.

Остроумов Н.П. Сарты. Ташкент, 1896.

Отчеты о деятельности Императорской Академии наук. 1894–1899.

Ош глазами русских исследователей. Бишкек, 2003.

Пальванова Б.П. Эмансипация мусульманки. М., 1982.

Пекарский Э.К. С.М. Дудин // СМАЭ. Т. IX. Л., 1930.

Петров П.Н. Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за столетие ее существования. СПб., 1864–1866. Ч. I. 1758–1811; Ч. II. 1811–1843; Ч. III. 1852–1864.

Пещерева Е.М. Бухарские золотошвеи // СМАЭ. Т. 16. М.; Л., 1955.

Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт колхозного крестьянства. М.; Л., 1954. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 24).

Померанцев А. Из Зайсанского пограничного поста // Семипалатинские областные ведомости. 1871. № 11, 19, 20, 21, 22.

Попов Ю.Г. Экспедиция Г.Н. Потанина // СМАЭ. Т. LII. СПб., 2006. С. 160–166.

Попов Ю.Г., Рязанцев В.П. Корниловы, Карбышевы, Рязанцевы и другие казаки станицы Каркаралинской. СПб., 2008.

Попова Г.А. Музей города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб., 1998.

Попова Л.Ф., Старостина О.В. Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник. 2006–2007. СПб., 2007.

Пославский П. Бухара // Военный сборник. Т. ССII. № 12. СПб., 1891.

Праслов Н.Д. История изучения палеолита Костенковско-Боршевского района и сложение костенковской школы // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.

Пржевальский Н.М. Путешествия в Центральной Азии. М., 2008.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. СПб., 2000.

Прищепова В.А. Музыкальные инструменты народов Средней Азии и Казахстана по фотографиям конца XIX — начала XX из собраний МАЭ РАН // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002.

Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. I. СПб., 2007.

Прищепова В.А., Черманова М.Б. Встречи на курульте век спустя // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994.

Протоколы заседаний историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 1897.

Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманских древностей Средней Азии // Вестник древней истории. 1996. № 4.

Путеводитель по Парижу. Описание Всемирной выставки 1900 г. СПб., 1900.

Путеводитель по Туркестану и среднеазиатской железной дороге. СПб., 1903.

Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. 6. 1880.

Радлов В.В. Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб., 1898.

Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // СМАЭ. Т. 43. Л., 1989.

Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // СМАЭ. Т. 26. Л., 1970.

Рахимов Р.Р. Иван Иванович Зарубин // СЭ. 1989а. № 1. С. 24–29.

Рахимов Р.Р. Начальное школьное обучение // СМАЭ. Л., 1989.

Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.

Рахимов Р.Р. Бухара-Петербург: шелковый путь для дома Романовых (историко-культурный портрет коллекций МАЭ РАН) // Грезы о Востоке. СПб., 2006.

- Рахимов Р.Р. Коран и розовое пламя. СПб.: Наука, 2007.
- Редько А.В. Основы фотографических процессов. СПб., 1999.
- Резван Е.А. «Зеркало с памятью сердца»: казахские коллекции С.М. Дудина в МАЭ РАН: План-проспект международного научного и выставочного проекта // Наследие ислама в музеях России: Изучение, атрибуция, интерпретация. Казань, 2010.
- Резван М.Е. Ранний список Корана из собрания МАЭ // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 2006.
- Реклю Э. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. Т. VI. СПб., 1883.
- Реклю Э. Всеобщая география. Кн. 4. Т. 6. Азиатская Россия. СПб., 1898.
- Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Ташкент, 1981.
- Решетов А.М. Памяти туркменского ученого Н.Н. Иомудского (Карашан-оглы) // Среднеазиатско-кавказские Лавровские чтения. 1996–1997. СПб., 1998.
- Рожевиц Р.Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. // Известия ИРГО. Т. 44. Вып. 9. 1908.
- Россия и Туркмения в XIX в.: Сборник документов. Ашхабад, 1946.
- Русайкина С.П. Музейные фонды как источник для атласа Средней Азии // ТИЭ. Т. 48. М.; Л. 1961.
- Савельев П. Бухара в 1835 г. // Сын отечества. Т. 181. СПб., 1835.
- Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство, командированного Санкт-Петербургским университетом и Русским Комитетом приват-доцента А.Н. Самойловича в 1908 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 9. 1909.
- Сборник В.В. Бартольд у туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
- Светопись. СПб., 1858, 1859.
- Семенов А.А. На рубеже Афганистана. В благодатном Хиссаре. М., 1900.
- Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана // Исторический вестник. 1902. Т. 87, 88.
- Семенов А.А. Средняя Азия. М., 1911.
- Семенов А.А. Бухарский шейх Баха-уд дин // Сборник, посвященный А.Н. Веселовскому. СПб., 1914.
- Семенов А.А. К истории бухарских мангытов // Бюллетень Среднеаз. гос. университета. 1924. № 4.
- Семенов А. К прошлому Бухары // Садриддин Айни. Воспоминания. М.; Л. 1960.
- Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. 1948. № 5.
- Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад, 1954. (Труды АН ТаджССР (Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии). Т. XXV. Вып. II).

- Семенов А.А.* Предисловие // Кауфманский сборник. М., 1910.
- Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. Военно-географический очерк. СПб., 1906.
- Собко Н.П.* Словарь русских художников. Т. I—III. СПб., 1893.
- Соколов В.Д.* Москва — Самарканд. М., 1894.
- Соколов Ю.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.
- Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова // ЗИРГО ОЭ. Т. XXIX. СПб. 1904.
- Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г. Вып. IV. Самарканд, , год издания
- Среднеазиатская выставка. М., 1891.
- Средняя Азия: Кн. 1—4. Ташкент, 1910.
- Станюкович Т.В.* Музей антропологии и этнографии за 250 лет // СМАЭ. Т. XXII. Л., 1964.
- Станюкович Т.В.* Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР // СМАЭ. Т. 28. Л., 1972.
- Станюкович Т.В.* Этнографический музей Русского географического общества // ТИЭ. 1977. Т. 104.
- Стасов В.В.* Фотография и гравюра // Русский вестник. 1856. Т. VI. Дек. Кн. I.
- Стасов В.В.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894.
- Стасов В.В.* Пожертвования в Императорскую Публичную Библиотеку // Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 299.
- Стасов В.В.* Трон хивинских ханов // Вестник изящных искусств. Т. 4. Вып. 1. 1886. С. 406—407.
- Стремоухов Н.П.* Поездка в Бухару // Русский вестник. 1875. № 6. Т. 117.
- Сухарева О.А.* К истории костюма населения Самарканда в середине XIX в. // Бюллетень АН УзССР. 1945. № 11, 12.
- Сухарева О.А.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.
- Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX вв.: Автореферат. Ташкент, 1962.
- Сухарева О.А.* Бухара. XIX — начало XX вв. М., 1966.
- Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд. М., 1982.
- Табьшалиева А.* Отражение во времени. (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии). Бишкек, 1998.
- Татаринов А.С.* Семимесячный плен в Бухарии. СПб., 1867.
- Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Л., 1991.
- Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960.
- Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.
- Толмачева Е.Б.* Коммерческая фотография как этнографический источник // Радловский сборник. СПб., 2007. С. 85—87.
- Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Троицкая А.Л.* Военное дело в Бухаре Место издания, 1953 (Труды АН ТаджССР. Т. XVII).

Троицкая А.Л. Из прошлого календаров и маддахов в Узбекистане // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Тухтаматов Т.Г. Россия и бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977.

Тюркологический сборник.

Убитое детство: Сборник воспоминаний бывших детей-узников концлагерей. Вып. I. СПб., 1993.

Узбеки в наших среднеазиатских владениях // Всемирный путешественник. СПб., 1871. № 11.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток...наследника-цесаревича 1890–1891 гг. СПб., 1891–1897.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. 2002.

Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков // СМАЭ. Т. 26. М.; Л., 1970.

Фотограф. СПб., 1880.

Фотографическое обозрение. СПб., 1865.

Фотография: на грани искусства и науки // Импакт. 1993. № 4.

Фотограф-любитель. СПб., 1890.

Фототворчество России. М., 1990.

Фридерикс Н. Туркестан и его реформы // Вестник Европы. 1869. Т. III. Июнь.

Фридрих Н.А. Бухара. СПб., 1910.

Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв. Сталинабад, 1959 (Труды АН ТаджССР. Институт истории, археологии и этнографии. Т. 112).

Харузин А. Киргизы Букеевской орды. М., 1889.

Царева Е.Г. Между Амударьей и Сырдарьей: шелковые икаты в культуре центральноазиатского Междуречья // Грезы о Востоке. СПб., 2006.

Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии // Звезда Востока. № 6. Ташкент, 1946.

Чабров Г.Н. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках. 1867–1914 гг. // Труды Среднеаз. гос. университета. Новая серия. Вып. 142. Историч. науки. Кн. 30. Ташкент, 1958.

Череванский В. Две волны. Ч. 2. СПб., 1893.

Шипова Т. Петербургские фотографии // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. М., 2006. С. 79–81.

Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX–XX в. Душанбе, 1993.

Шишов А. Сарты // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Кн. XI. Ташкент, 1904.

Шишов А. Таджики. Ташкент, 1910.

Шнитников Всеv. Материалы по киргизской и татарской музыке. Ред. текстов и перевод А. Самойловича // Живая старина. 1913. Вып. III–IV.

Штернберг Л.Я. Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Пг., 1916.

Штернберг Л.Я. Инструкция для регистрации коллекций в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР. Л., 1928.

Шубинский П. Очерки Бухары. СПб., 1892.

Щербина-Крамаренко Н.Н. По мусульманским святыням Средней Азии (путевые заметки и впечатления) // Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г. Самарканд, 1896. Вып. IV.

Энциклопедия русской живописи. М., 1999.

Janata A. Turkestan 1890. Wien, 1984.

Lutz Rzehak, Walerija A. Pristschepowa. Belutschen, Dschamschedi, Hazara. Nomadenalltag. Vor den Toren von Merw. Dresden, 1994.

Pavaloi M. Bilder aus den Weiten der Steppe. Samuil M. Dudin. 1863–1929 // Mit Kamel und Kamera. Bd 38. Hamburg, 2007.

Всемирная иллюстрация. 1870–1873; 1881–1884.

Всемирный путешественник. 1871–1874.

Иллюстрация. 1845, 1859–1893.

Иллюстрированное обозрение. 1909.

Москва. 1868.

Московская иллюстрированная газета. 1892.

Московские ведомости. 1892.

Московский листок. 1892–1893.

Нива. 1883.

Новое время. 1892–1899.

Приложение к «Новому времени». 1893.

Правительственный вестник. 1884; 1886–1893.

Россия. 1904–1910.

Русский вестник. 1860.

Русский Туркестан. 1900.

Русский художественный листок. 1851–1861.

Санкт-Петербургские ведомости. 1861; 1874; 1892–1893.

Северная пчела. 1861.

Современная летопись. 1861

Средняя Азия. 1910.

Туркестанские ведомости. 1871, 1873, 1878, 1899, 1906, 1907, 1908, 1916.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул-Ахад, эмир 62–64, 195, 196, 264, 285, 287, 291–293, 298, 301–304, 307, 308, 310, 314–343
- Абдулла-бай, мехтер 40
- Аблаев С. 234
- Абрамзон С.М. 48, 79, 132
- Абрамов А.К. 207
- Агапи И.К. 130, 346, 349
- Айвазовский И.К. 133
- Ак-Мурад-Сардар 223
- Александр I 79, 383
- Александр II 123, 128, 242, 383
- Александр III 149, 302, 317, 328, 329
- Александр Александрович, цесаревич 242, 329
- Али Гусейн Кербалай Аскер-оглы 225
- Алим-хан 151, 196, 248, 319, 320, 325, 328, 331, 333, 334, 337, 339, 341, 342
- Алиханов М. 222, 223, 225, 226–229, 346, 367, 368, 371, 373, 377
- Андреев М.С. 39, 195, 263, 264, 294, 298, 315, 317, 340
- Анучина Д.Н. 132
- Арасланов Г. 82
- Арнголд Э. 38
- Астанкул (Остан-куль, Астан-кул, Останакул) 301, 302, 307
- Атаджан-тюря 40
- Атан, ханша 79
- Бабаджанов М.С.К. 81
- Байгалин А. 82
- Баймухамедов М. 81
- Бартольд В.В. 84–86, 94, 101, 154, 298
- Баршевский И.Ф. 24, 137–140
- Баршевский Л.С. 137,
- Беггров А.К. 35, 345, 346, 361
- Бекчурин С. 82
- Березовский Н.М. 98
- Богаевский Н.В. 130, 238
- Богданов А.П. 130
- Богданов М.Н. 350
- Борнс А. 251, 279–281, 283, 298
- Бродовский М.И. 127, 128, 237–239
- Брож К.О. 332, 368
- Бронников 133
- Брюллов К.П. 133
- Букей-хан 79
- Быстренин В.И. 99
- Бэрэнс Э. 346
- Валиханов Чокан 50, 53–57, 82, 92, 135, 225, 231, 234, 237
- Верещагин В.В. 15, 21, 35–38, 119, 120, 128–130, 191, 192, 198, 200–202, 211, 212, 261, 279, 345, 347, 354, 361, 387
- Веселовский Н.И. 84, 92, 94, 99, 101, 153, 160, 298, 316, 331
- Вишневецкий 13, 18, 24, 78, 120
- Владимир Александрович, великий князь 134, 242, 329
- Воробьев М.Н. 134
- Воронец М.Э. 167, 188
- Воронец Н.С. 64, 109, 167, 188, 192, 193, 195, 248
- Воронина-Уткина А. 10, 24, 112, 113, 120, 167–169, 200, 201, 210, 387
- Вяткин В.Л. 112, 162, 356
- Гафферберг Э.Г. 21, 109
- Гейнс А.Н. 92
- Герман А.С. 110

- Глушков И.Н. 25, 102, 103, 121, 164, 380
 Голицына А.А. 132
 Готье Р. 116, 169
 Григорьев В.В. 125
 Гусейнов М. 78
- Даугель А. 346
 Джанайдаров М. 236
 Джангир-хан 18, 78, 79–81, 120, 387
 Джантюрин С. 82
 Дикгоф 130, 346, 349
 Дмитриев-Кавказский Л.Е. 82
 Дмитровский Н.В. 127, 130, 242
 Дониш А. 205, 287, 298
 Дудин-Марцинкевич С.М. 10, 12, 17, 21, 23, 24, 27, 32, 33, 48, 83–102, 107, 109, 112, 113, 120, 121, 154–164, 192, 201, 202, 206, 229–231, 237, 336, 387
 Духовская В. 119, 298
- Ермолин Н.А. 24, 76, 151, 199
- Залеман К.Г. 126, 150
 Зарубин И.И. 60, 114–116, 131, 169
 Зейдлиц Н.К. 57, 58, 64, 136, 199, 221–224, 227, 229, 367
 Зиндина М.А. 234
- Иванов В.П. 130, 238
 Иванов Д.Л. 237
 Иванов Н.А. 40
 Иванов П.П. 126
 Ивашкевич В.П. 248
 Иеромузо В.М. 64, 109
 Иомудский (Юмудский) Н.Н. 346, 365, 379, 380
 Исенбаев Г. 82
 Искандер-Тюря (Кун А.Л.) 28, 30, 42, 125–127, 130, 238–244, 350, 357
 Исса-тюря 40
 Исхак 29
- Каменский В.И. 97
 Кандиба Н.И. 76, 78
- Каразин Н.Н. 130, 222, 346, 347, 349, 351, 352, 354, 359, 360, 363–365, 374–379, 381
 Касымов И. 82
 Кауфман К.П. 28, 38, 39–45, 120, 122–125, 127, 128, 130, 207, 239, 241–243, 387
 Кисляков Н.А. 296, 298
 Клеменц Д.А. 69, 74, 76, 140, 141–143, 146, 149, 150
 Козловский В.Ф. 10, 24, 43, 45, 191, 202
 Комаров А.В. 368, 371–373
 Коншин Н.Н. 224, 225, 228, 229
 Корольков 130
 Косыха (Косых) С.Я. 223, 227, 228, 371
 Котляревский Н.А. 48
 Кошаров П.М. 34, 48, 49, 120, 132–138, 190, 345, 360, 361, 381, 387
 Краузе И.И. 127, 130, 237, 350
 Кривцов Г.Е. 13, 21, 22, 24, 34, 38, 39–45, 129, 130, 204, 242, 345, 346, 350, 354, 361
 Круковский М.А. 24, 107, 109, 169
 Крутые А.Л. 208
 Кун А.Л. см. Искандер-Тюря
 Курылев В.П. 86
- Лазари, де А. 144–146, 149
 Лазари, де К.Н. 18, 24, 63, 68, 69, 73, 74, 121, 140–150, 199, 201, 210, 212
 Ламанский В.И. 165
 Лаптев С.Д. 36
 Лерх П. 125, 243
 Логофет Д.Н. 298
 Луарсабов А.С. 57
 Лунин Б.В. 166
 Лютш С.Я. 150
 Лютш Я.Я. (Лютче, Лючше) 150, 151, 192, 198, 206, 340
 Люшкевич Ф.Д. 269
- Мад (Маг, Мухаммед) Мурад, диванбеги 40
 Маев Н.А. 130, 376

- Маев П. 118, 279
 Макаров С.О. 129
 Мамед-заде М.И. 96, 247
 Маргулан А.Х. 53
 Маркович А.Н. 152
 Маслова О.В. 133, 362
 Массальский В.И. 209, 298
 Мат-Нияз, диван-беги 40
 Межов В.И. 130
 Мелков А.Л. 27
 Мешели Мамед Алий Мешели Рзы оглы 225
 Милютин Д.А. 128
 Модзалевский Б.Л. 79
 Моравицкий С. 207, 278, 279
 Музаффар, эмир 62, 206, 285–291, 293, 298, 301, 303, 304, 308, 317, 340
 Мунайтасов А. 82
 Мурат-бек 29

 Навои Алишер, поэт 42, 257
 Назиров 225
 Наливкин В. 206
 Наливкина М. 206
 Насыр-Эддин, бек андижанский 22, 126
 Небольсин П.И. 81
 Нехорошев Н. 24, 28, 130, 238, 242
 Николаичева Е.П. 28, 50, 79, 112, 193
 Николай II 236
 Никольский М.Э. 261, 298
 Нисченков А.Н. 346, 360, 361

 Обручев В. 298
 О Донован 228
 Ольденбург С.Ф. 74, 86, 90, 94, 97, 98, 154, 163
 Ордэ Н. 10, 18, 24, 58–68, 110, 121, 143, 190–201, 206–213, 216, 217, 221, 246, 247, 276, 277, 280–282, 284–293, 295–298, 302–304, 308, 310, 387
 Островских К.Е. 23
 Остроумов Н.П. 130, 295, 312–314

 Павловский Е.Н. 17, 104, 153, 157, 197, 247
 Пекарский Э.К. 93, 155
 Пельц В.Д. 24, 110, 112, 166, 211
 Петр I 312, 313
 Петри Е. 46, 57
 Петровский Н.Ф. 74
 Печаткин М.В. 99
 Пещерева Е.М. 204
 Плотников 81
 Покрышкин П.П. 99
 Полторацкая В.Н. 13, 346, 381, 382
 Поляков И.С. 18, 24, 46, 47, 130–132, 199, 201, 211, 387
 Полянин 25, 103
 Померанцев А. 10, 50, 53–57, 120, 190, 198
 Попов Ю.Г. 93, 94
 Потанин Г.Н. 50, 92, 155, 156, 168, 169

 Радлов В.В. 24, 25, 68, 84, 87, 88, 91, 94, 98, 100, 140, 142, 154, 156–162
 Раевский А.Д. 99
 Рахмат-улла (Рахмет-улла), есаул-баши 40
 Регель И.-А.Э. 58, 137
 Реклю Э. 41, 276
 Ренц А. 18, 24, 113, 166, 247, 292, 293
 Репин И.Е. 138, 158, 159
 Розен В.Р. 74
 Романов К.К. 99, 161
 Ромберг Б.Ф. 24, 109, 247

 Савельев П. 245
 Саврасов А.К. 237
 Самойлович А.Н. 42, 86, 104–106, 121, 165, 166, 192, 213
 Сеид-Мухаммед-Рахим-Богодур-хан 41, 130
 Семенов А.А. 196, 197, 250, 257, 286, 294, 296, 298, 300, 301, 302, 304, 307, 308, 339
 Семенов Тянь-Шанский П.П. 48, 49, 132, 360
 Смирнов Д.А. 97

- Соколов В.Д. 308
Соколов П.В. 223, 227, 229
Сорокин Н.В. 378
Станюкович Т.В. 156, 160
Стасов В.В. 125, 137, 238, 242
Степанов Н.А. 48
Столетов Н.Г. 225, 375
Стремоухов Н.П. 205, 254, 287, 288, 298, 303
Суворов А.В. 123
Сухарева О.А. 225, 262, 267
- Таланцев 247
Тенишев В.Н.
Терентьев М.А. 238
Тимм В. 83,
Третьяков П.М. 129
Троицкая А.Л. 30
Тяжкин М.Г. 81
- Умняков И.И. 107, 197, 247
Ухтомский Э.Э. 236
Ушаков Н.В. 217
- Федченко А.П. 126, 237, 357
Федченко О.А. 237
Фиельструп Ф.А. 89,
- Хорошхин А.П. 40
Хржановский П.П. 346, 368, 371
Худояр-хан 21, 126
- Цианович-Климович Е.Ф. 109
- Чермановы 231, 233, 234
Чингиз-хан 322
Чистяков И.Ф. 99, 100
Чмгелов Б. 82
Чорманов З. 233, 234
Чорманов И. 231, 233, 234
Чорманов М.С. 92, 93, 231
Чорманова М. 231, 233
- Шапиро С.Б. 217
Шнитников В. 166
Шостаков (Шестак) Л.А. 130, 238
Шпаковский А.И. 13, 18, 24, 80, 82, 83
Шрадер Ф. 18, 24, 113, 166, 247, 292, 293
Штакеншнейдер А.И. 328
Штернберг Л.Я. 26, 98, 154, 161
- Щенников К.В. 10, 24, 27, 76, 104, 121, 211, 234, 236, 237
Щербина-Крамаренко Н.Н. 18, 24, 99, 106, 151–153
Щусев А.В. 99
- Энгель А.К. 18, 110, 248, 346, 364
- Ясвоин А.И. 20, 166, 167
Ясвоин В. 13, 18, 20, 24, 113, 166, 167, 196, 247, 285, 303, 304, 308, 316, 319

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ И ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

- арабы 29, 173, 186, 189, 224, 267
афганцы 29, 62, 173, 186, 189, 267, 372
- белуджи 27
- ваханцы 116, 189
- джемшиды 27, 374
джуги 29, 189
дунгане 9, 64, 186, 189
- евреи 9, 29, 32, 33, 36, 45, 61–63, 96,
101, 172, 184, 189, 203, 209, 247,
267, 271–275, 280
- индийцы 29, 36, 45, 63, 172, 185, 189,
209, 267, 271, 275, 276, 277–283
иомуды 39, 40, 380
- казахи 9, 29, 31, 32, 34, 36, 37, 39, 45,
46, 47, 49, 50, 53, 54, 56, 58, 62, 67,
68, 69, 73, 74, 76, 78–83, 86, 87, 90,
92–94, 98, 101, 104, 107–110, 121,
130, 140–145, 151, 164, 168, 170,
177, 187, 188, 190, 198–202, 208,
210–213, 229–231, 234, 236, 267,
322, 336, 348, 351–356, 375, 382, 383
- калмыки 48, 62, 76, 137, 313, 361
каракалпаки 9, 32, 39, 186, 189, 375, 376
каратегинцы 45, 188
киргизы 9, 24, 31, 34, 37, 47–50, 54–56,
62, 74, 87, 89, 96, 106, 114, 116, 132,
135, 140, 141, 144, 150, 163, 171,
184, 189, 190, 203, 210–212, 229,
230, 348, 353, 360, 361
- кураминцы 45
- люли 45, 64, 189
- мазанг 29, 45, 64, 189
- персы 36, 42, 61, 62, 76, 173, 189, 271,
283, 297, 365
- рушанцы 9, 189
- салоры 105, 189
сарты 37, 45, 62, 64, 74, 98, 118, 163,
172, 187, 229, 265, 335
сарьки 109, 372
- таджики 9, 29, 32, 36, 45, 62, 96, 101,
110, 114–116, 126, 172, 182, 188,
267, 271, 298
- татары 63, 101, 107, 313
текинцы 62, 105, 109, 189, 221, 223,
226–228, 368
туркмены 9, 25, 57, 58, 96, 101–103, 106,
109, 121, 163, 164, 166, 180, 189, 221–
229, 267, 297, 347, 365, 368, 371, 380
- узбеки 9, 29, 32, 36, 62, 96, 101, 105,
106, 126, 163, 172, 183, 188, 229,
267, 271, 298, 301
- уйгуры 9
- хазарейцы/хазары 27, 267
- цыгане 9, 29, 30, 36, 45, 62–64, 96, 101,
173, 185, 189, 203, 209, 267, 325
- шугнанцы 9, 116, 189
- эрсаринцы 105, 189
- ягнобцы 9, 29, 30, 126, 186, 189
ясинцы 116, 189

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия 59, 149
Акмолинская область 68, 74, 94, 104, 188, 211, 383
Алайская долина 95, 116
Алма-Ата 27, 230, 233, 234, 236, 353
Алтай 134, 151, 188, 199
Амстердам 160
Амударьинский край 375
Амударья, река 123, 351, 356, 365, 375–379
Анау 189, 221, 222, 348
Англия 224, 228, 353, 372
Андижан 21, 45, 85, 106, 187
Аральское море 352, 375
Ассирия 159
Астрабад 380
Астраханская губерния 76, 79, 81, 188, 211
Астрахань 18, 78, 79, 85, 312–314
Асхабад 189, 221, 222, 321, 348, 366, 368, 371
Атбасарский уезд 188, 211, 236
Аулие-Ата 85, 187, 353, 354
Афганистан 63, 75, 166, 276, 278, 348, 356, 372–374
Афганский Туркестан 25, 228
Ахал-Текинский оазис 224
Ахал-Теке 228
Ашхабад 14, 110, 225, 227, 364, 379
- Бадахшан 123
Байрам-Али 189, 348, 362
Баку 62, 321, 334, 365
Балканский полуостров 60
Бартанг, река 115, 189
Батум 321, 323, 334
- Берлин 14, 27, 46, 159, 375
Бессарабия 62, 63, 189
Беурма 348, 366
Бийск 151
Бузачи, полуостров 188
Бухара 39, 61–64, 103, 109, 113, 114, 116, 127, 150, 151, 166, 167, 187–189, 195, 197, 205, 208, 245–336, 348, 374, 377, 383
Бухарское ханство 121, 123, 130, 245–336, 353, 355, 359
Бухтарма, река 382
- Вена 159, 160
Верный 61, 123, 145, 353, 361
Вильно 127
Владимир 133,
Владимирская губерния 132
Восточная Сибирь 46, 155, 156
Восточный (Китайский) Туркестан 56, 86, 97, 98, 151, 154, 163, 381, 382
- Гамбург 86, 87, 336
Гатчина 379
Геок-Тепе 109, 362
Герат 372, 373
Германия 59, 86, 149, 336
Гиссар 130, 302, 307
Голландия 160
Греция 62, 63, 149
Гунт, река 116
- Дагестан 225
Дальний Восток 13, 154
Дамаск 384
Дарваз 115, 123

Джелалабад 348
 Джизак 355
 Джизакский уезд 110, 188, 211
 Дрезден 27, 159
 Дунай, река 128

 Елисаветградский уезд 155

 Забайкалье (Забайкальская область) 57, 130, 155, 156
 Заилийский край 48
 Закавказье 63, 110, 136
 Закаспийский край (область) 58, 109, 110, 189, 348, 362–379
 Западный Китай 98, 381
 Западная Сибирь 47, 55, 134
 Зеравшан, река 126, 356, 357
 Зеравшанский округ 243

 Ивангород 123
 Или (Илли), река 361, 381
 Иллийский Алатау 49
 Иллийская долина 84, 361, 381
 Ильгельды 350
 Индия 75, 129, 189, 224, 276–281, 283, 372
 Искандер-Куль, озеро 188
 Иссык-Куль, озеро 48, 84, 85
 Иссык-Кульский уезд 381

 Кавказ 14, 57, 60, 62, 79, 110, 128, 136, 225, 228, 348, 372
 Казалинск 32, 40, 187, 353, 360, 375
 Казань 41, 79, 379
 Казахстан 67, 82, 87, 88, 92–94, 143, 149, 154, 198, 230, 231, 234, 237, 354
 Каменец-Подольская губерния 380
 Каракол 348, 381
 Каракум, пустыня 364, 376, 378
 Каркаралинский уезд 112, 168, 200
 Карши 276, 290, 291, 377
 Каспийское море 85, 164, 334, 348, 362–365, 377, 380
 Каты(Ката)-Курган 32, 355

 Кашгар 61, 74, 75, 97, 150, 225, 348, 359, 381, 382
 Керки 348, 378
 Кермине 290, 320, 340
 Киев 63, 136, 137, 155, 334
 Киевская губерния 157
 Киргизия 135
 Киргизская степь 48, 49
 Кировоград 148
 Кисловодск 110
 Китай 36, 45, 57, 64, 75, 88, 143, 381
 Китайский Туркестан см. Восточный Туркестан
 Коканд 21, 22, 85, 126, 187, 353, 359, 383
 Кокандское ханство 21, 34, 36, 126, 129, 353, 354
 Коксу, река 361
 Кокчетавский уезд (округ) 68, 92
 Красноводск 109, 164, 189, 225, 259, 375
 Кронштадт 82
 Крым 110, 133, 166, 334
 Куба 129
 Кульджа 58, 64, 137, 189, 348, 381, 382
 Куния-Ургенч 348, 350
 Кушка, река 227, 372, 373
 Кызыл-Арват 348, 363
 Кызыл-Кум, пустыня 39, 110, 188, 211, 378
 Кызыл-Орда 354

 Ленинград 27, 33, 114, 117, 126, 164, 167, 247
 Лепсинск 143, 145, 146
 Лепсинский уезд 47, 68, 74, 140, 188, 210
 Лондон 14, 125, 129, 379

 Маргелан 64, 106, 187
 Мекка 40, 103, 233, 257, 259, 314
 Мемель 125
 Мерв 59, 105, 109, 153, 189, 222, 224–228, 348, 364, 367, 368, 371, 372
 Мервский оазис 123, 224, 226, 227, 364

- Мервский уезд 380
 Михайловский залив 363
 Москва 14, 15, 49, 79, 85, 126, 127, 137, 138, 147, 151, 167, 225, 237, 241, 293, 302, 310, 312, 314, 314, 320–329, 334, 339, 343, 367, 379
 Муксу, река 115
 Мургаб, река 116
 Мургабский оазис 227, 373
 Мюнхен 129, 160
- Нагорная Бухара 118, 189
 Наманган 106, 348, 354
 Нижегородская губерния 127
 Нижний Новгород 85, 127, 165
- Обдорск 46
 Одесса 12, 13, 321, 323
 Омск 50, 53, 76, 94, 97, 145, 168
 Омская область 234
 Оренбург 81, 108, 123, 128, 259, 376, 378, 383, 384
 Оренбургская область 80, 81
 Оренбургские степи 108
 Ош 74, 106, 115, 187, 206
- Павловск 82
 Павлодарский уезд 92, 93, 104, 188
 Палестина 129, 274
 Памир 75, 114–116, 169
 Париж 14, 86, 125, 128, 136, 138, 147, 158–160, 335, 336, 367, 379
 Паттагиссар 356
 Перовский форт 353, 354, 360
 Персия 42, 205, 224, 280, 283, 313, 314, 323, 348, 380
 Петроград 343
 Пешавер 348
 Поволжье 166
 Полтавская губерния 157
 Порсу 105
 Порт-Артур 129
 Пруссия 125
 Пэнджде (Пяндж-де) 372
 Пяндж, река 115, 189
- Ростов Великий 137
 Ростов-Ярославский 137
 Русский (Западный) Туркестан 119, 120, 154, 162, 243, 247, 278, 347
- Самарканд 30, 58, 62, 74, 85, 91, 92, 96, 99–101, 103, 106–110, 112, 117, 126, 128, 137, 153, 160–162, 167, 188, 189, 204–208, 238–240, 270, 291, 302, 335, 348, 355–357, 359, 365, 367, 377
- Санкт-Петербург 13–15, 18, 21, 22, 27, 35, 45, 60, 68, 78–83, 94, 97, 99, 100, 104, 110, 113, 123–131, 133–147, 150–152, 156, 161, 162, 165, 166, 169, 196, 224, 230, 234, 236, 242, 248, 292, 293, 300–302, 307, 310, 312–316, 320–343, 361, 362, 364, 380
- Сахалин 132
 Семипалатинск 14, 49, 94, 97, 98, 123, 169
 Семипалатинская область 46, 84, 86, 88, 93–95, 104, 107, 112, 168, 188, 199, 201, 320, 381, 382
 Семиреченская область 68, 84, 86, 94, 95, 101, 140, 143, 149, 188, 199, 201, 230, 353, 381
 Семиречье 47, 143, 348
 Сирия 129, 348
 Степной край 94
 Сурхан, река 378
 Сырдарьинская область 64, 84, 101, 187–190, 240, 243
 Сырдарья, река 354, 360
- Таджикистан 96, 114
 Ташкент 13, 14, 31, 32, 41, 43, 61, 62, 64, 74, 85, 119, 123, 124, 126–129, 187, 206, 237, 239, 302, 322, 326, 345, 348, 353–355, 359–361, 374, 376, 378, 383
- Тбилиси 371
 Тверь 327
 Теджен 109, 368

- Термез 356, 378
Тифлис 62, 110, 128, 321, 334, 362
Токрау, река 168
Томск 134, 135, 169
Томская губерния 49
Томская область 151
Тохтабазар 109
Троицкосавск (Кяхта) 155, 156
Тунис 348
Туркестан 25, 32, 46, 103, 122, 124,
127–129, 137, 191, 237, 240, 241,
261, 353, 354, 360, 374, 375, 379
Туркестанский край 45, 123, 124, 127,
128, 163, 360, 361
Туркмения 224, 225–228, 371, 374, 380
Турфан 97, 98, 146
Турция 62, 63, 205, 300, 348
Тюря-Курган 348
Тянь-Шань 48, 49, 348, 360, 361
- Узбекистан 154, 167
Узун-Ада 85, 321, 334, 363
Украина 63, 91, 148, 157
Улькундарья, река 375
Урал 88, 94, 101, 107
Уральск 79
Ура-Тюбе 32, 348, 355
- Фергана 34, 45, 106, 207, 278, 279
Ферганская долина 206, 208, 379
- Ферганская область 74, 75, 95, 187–189,
192, 207
- Хабаровск 150
Харьковская губерния 157
Херсонская губерния 148, 155, 157
Хива 38–42, 82, 86, 109, 114, 126, 129,
130, 188, 213, 348, 349, 351, 362,
366, 383
Хивинское ханство 38, 39, 105, 130,
188, 189, 226, 348, 350, 351, 353
Ходжент 32, 106, 187, 348, 352, 354, 360,
361
Хорог 115
- Царское Село 15, 151, 341, 342
- Чарджуй 187, 321, 356, 378
Челекен, остров 102, 103, 105, 164, 189,
380
Чикишляр 362
Чимкент 187, 348, 353, 354
Чиндагутуй, река 381
Чугучак 94, 97, 98
- Шахрисябз 130, 195, 298
Швейцария 59
Шикшин 98
- Япония 129, 132
Ярославль 137, 138, 379

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К ТЕКСТУ

Оборот фотографии «Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодурхан». А. Ренц и Ф. Шрадер. После 1890-х годов. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-5.

Оборот фотографии «Эмир Сеид-Абдул-Ахад». В. Ясвоин. 1893 г. МАЭ. Колл. № 1695-2.

Внешний вид «Туркестанского альбома». МАЭ. Колл. И-674.

Внешний вид альбома «Виды и типы Хивинского ханства». МАЭ. Колл. И-673.

Внешний вид альбома «Типы народностей Средней Азии». МАЭ. Колл. И-2205.

Штамп и записка в альбоме «Типы народностей Средней Азии».

Записка в альбоме «Типы народностей Средней Азии».

Султан Старшего жуза Мамырхан Рустемов. Акварель. Ч. Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 110.

Бий Сартай из киргизского рода сарыбагыш. Акварель. Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 334.

Портрет казаха. Карандаш. 1856 г. Рисунок Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. V. Алма-Ата, 1972. С. 108.

Султан Большой орды Мамырхан Рустамов. Карандаш. 1856 г. Рисунок Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. V. Алма-Ата, 1972. С. 109.

Вид города Омска. 1850 г. Рисунок А. Померанцева // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 29.

Асхабад. Сали-ханым. Ахалтекинская ханша. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-209.

Семиреченская область. Киргизка, плясунья. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-66.

Семиреченская обл. Киргиз-музыкант. Виртуоз. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-67.

Портрет К.Н. де-Лазари. Из семейного архива профессора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша.

Оборот фотографии К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 423-7.

Девушка-киргизка в свадебном наряде. Сн. зимою 1898 г в Лепсинском у. Семиреч. обл. К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 418-1.

Подлинные этикетки коллекции К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. 411.

Рисунки Д.А. Клеменца в описи К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. 403.

Приезд невесты в дом жениха. Лепсинский у. Семиреченская обл. 1898 г. К.Н. де-Лазари. МАЭ. Колл. № 423-12.

Ферганская область. Группа дервишей. Я.Я. Лютче. 1899 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 512-143.

Киргизский хан с женою. Вишневецкий. Астрахань. До 1845 г. МАЭ. Колл. № 1159-34.

Казахские султаны в парадной форме. А.И. Шпаковский. 1860 г. МАЭ. Колл. И-1416-1.

Автопортрет С.М. Дудина. РЭМ. ИМ 9-22.

Группа сотрудников МАЭ. Снято в 1914 г. в проходе между МАЭ и Зоологическим музеем. Слева направо: К.В. Щенников, Г.Г. Манизер, Я. Чекановский, С.М. Дудин, В.М. Лемешевский, Э.В. Пекарский. МАЭ. Колл. И-1371-3.

Внутренний вид зимнего жилища. С.М. Дудин. Казахстан. Начало XX в. Колл. И-1446-3.

Курение чилима. С.М. Дудин. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1438-10.

Календар в полном дервишском одеянии. А.Н. Самойлович. 1909 г. Хивинское ханство. МАЭ. Колл. № 1398-30.

Группа дервишей. Самарканд. Н.Н. Щербина-Крамаренко. 1909 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1487-15.

Нищий слепой киргиз у ворот мечети. Казахи. М.А. Круковский. 1915 г. МАЭ. Колл. № 1919-388.

Бухарские палатки. А.К. Энгель. Начало XX в. Самарканд. МАЭ. Колл. И-1447-14

Оборот снимка А.К. Энгеля. МАЭ. Колл. И-1447-14.

Оборот снимка А.К. Энгеля. МАЭ. Колл. И-1447-20

Головной убор казачки (спереди). А. Воронина-Уткина. 1914 г. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2833-9.

Головной убор (сбоку). А. Воронина-Уткина. 1914. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2833-10.

Портрет И.И. Зарубина / Фотолаборатория МАЭ.

Портрет К.П. Кауфмана / Фотолаборатория МАЭ

И.С. Поляков // Праслов Н.Д. История изучения палеолита Костенковско-Боршевского района и сложение костенковской школы // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879—1979. Л., 1982. С. 9.

М.К. Тенишева и И.Ф. Баршевский в керамической мастерской // Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л., 1991.

К.Н. де-Лазари в юрте. Из семейного архива доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша.

Портрет А.Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. М.: Наука, 1978.

Портрет А. Ворониной-Уткиной / Фотолаборатория МАЭ

Коканд. Дуваны (юродивые). Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-149.

Коканд. Дувана. Сарты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-150.

- Текинский дувана. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-151.
Доктор и фельдшер в степи. К.Н. де-Лазари. 1898 г. Казахи. МАЭ. Колл. № 423-7.
- Киргизы. Перекочевка. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-57.
- Киргизы. Кочевка. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-76.
Киргизы. Обед. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-75.
Киргизы. Остов юрты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-77.
Зеравшан. Киргизские кочевья на озере Искандер-Куль. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № Колл. 255-79.
- Зеравшан. Кочевка киргиз. Н. Ордэ. 1880-е годы. Казахи. МАЭ. Колл. № 255-78.
- Текинцы Мервской экспедиции. Н.К. Зейдлиц. 1883 г. МАЭ. Колл. № 136-35.
- Домашний костюм богатой замужней женщины. С.М. Дудин. 1899 г. Казахи. Казахстан. Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 1199-111.
Сценка из свадебного обряда. С.М. Дудин. 1899 г. Казахи. Казахстан. Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 1199-292.
- Семьи султанов Аблаевых. К.В. Щенников. 1908–1909 гг. МАЭ. Колл. № 1707-49.
- Султаны с женами и дочерьми. К.В. Щенников. 1908–1909 гг. МАЭ. Колл. № 1707-46.
- Группа волостных управителей. Казахстан. К.В. Щенников. 1908–1909 гг. МАЭ. Колл. № 1707-57.
- Общий вид Бухары. В.П. Ивашкевич Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1969-5.
- Главная улица. Бухара. И.И. Умняков Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-3.
- Бухара и ея окрестности. Сельская усадьба (кишлак). Н.С. Воронец. 1898–1902 гг. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1179-45.
- Фасад мадрасе Кукельташ. И.И. Умняков. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-20.
- Бухара. Студент мадрасы. Н.С. Воронец. 1898–1902 гг. МАЭ. Колл. И-1179-4.
- Мечеть Лаби-хауз Диван-беги. Конец XIX — начало XX в. МАЭ. Колл. № 2808-23.
- Бухара. Кишлак Бугоэдин. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-173.
- Вход в мавзолей с. Бехуаддина. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2808-25.
- Карка. Индусы. Курильня. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-112.
Бухара. Евреи. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-174.
Бухара. Еврейская синагога. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-175.
Бухара. Еврейская школа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-176.
Индусы-музыканты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-182.

Бухара. Индусы-огнепоклонники. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-110.

Бухара. Индусы. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-111.

Индусские похороны. Сожжение трупа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-109.

Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой. В. Ясвоин. 1893 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-3.

Эмир Бухарский. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-157.

Смертная казнь в Бухаре. Н. Ордэ. Середина XIX в. МАЭ. Колл. № 255-184.

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. Н. Ордэ. 1880-е годы. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-156.

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. А. Ренц и Ф. Шрадер. После 1890-х годов. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-5.

Брат эмира бух. Теперь паж. Бухара. Н. Ордэ. 1894 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-155.

Бухара. Сановники эмира. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1403-107.

Ислам-бам бек кушбеги — министр Бухары. Н. Ордэ. 1894 г. МАЭ. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-185.

Бухара. Кушбеги. Первый министр. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-158.

Министр финансов. Бухара. Братовья Эмира. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-161.

Парваначи. Братовья Эмира. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-162.

Бухара. Брат Эмира. Министр финансов. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-159.

Бек чарджуйский со свитой. Бухара. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-197.

Сын эмира Бухары. Н. Ордэ. Конец 1885 — конец 1886 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-160.

Эмир славной Бухары Сеид эмир Абдул-Ахад в месяце Реджебе года 1310. В. Ясвоин. Санкт-Петербург, январь 1893 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-1.

Принц Алим. В. Ясвоин. Санкт-Петербург, январь 1893 г. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-4.

Эмир бухарский со свитой и русскими гостями. С.М. Прокудин-Горский. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-68-204.

Сеит-Магомет-Рахим-Богодур. Хан хивинский. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-187.

Кубан-Хан, первая певица и танцовщица в г. Самарканде. С фот. А.У. Маурера, рис. П.Ф. Борель, грав. К. Крыжановский. Газетная вырезка. МАЭ.

Присоединение Мерва к России. — Депутация мервцев представляет генералу Комарову в Асхабаде прошение о принятии Мерва в русское подданство, 27-го января (с наброска нашего корреспондента П.П. Хржановского, рисов. К. Брож). Газетная вырезка. МАЭ.

Подполковник Алиханов, начальник Мервского округа. Газетная вырезка. МАЭ.

Киргизская кибитка. Раскрашенная фотография. И.С. Поляков 1880 г. МАЭ. Колл. № 106-90.

Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Киргизы. МАЭ. Колл. И-1415-6.

Дико-каменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 году). Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Киргизы. МАЭ. Колл. И-1415-8.

Большой орды, Султан Мамыр-хан Рустемов. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Казахи. МАЭ. Колл. И-1415-9.

Женщина, Чеке, из аулов близь г. Омска. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Казахи. МАЭ. Колл. И-1415-7.

Женщина, Чеке, из аулов близь г. Омска. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Казахи. МАЭ. Колл. И-1415-7.

Ук. Тойчубека. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-1.

Маймачин. Акварель. А. Померанцев. 1851. МАЭ. И-1415-3.

Секретарь г. Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-2.

Купец из Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-4.

Купец из Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-5.

Женский костюм. Казахи. Раскрашенная фотография. С.М. Дудин. 1899 г. МАЭ. Колл. № 1199-496.

Девушка. Казахи. Раскрашенная фотография. С.М. Дудин. 1899 г. МАЭ. Колл. № 1199-501.

Саукеле. Альбом акварелей. А. Воронина-Уткина. 1914 г. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2519-58-2.

СВОДНЫЙ КАТАЛОГ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПО НАРОДАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ МАЭ

№ п/п	Номер коллекции	Собиратель (источник поступления)	Год поступления	Народ	Место сбора	состав
1	106	И.С. Поляков	1879	казахи	Семипалатинская обл.	фотографии
2	116	худ. Кошаров	1880	киргизы		альбом рисунков
3	121	Великий князь Михаил Николаевич	1881	туркмены	Кавказ	фотографии
4	136	Редактор Кавказского статистического комитета Н.К. Зейдлиц	1883	туркмены	Закаспийский край	фотографии
5	166	Барщевский	1886		Самарканд	фотографии
6	207	Н.К. Зейдлиц	1890	туркмены-текинцы	Закаспийская обл.	фотографии
7	255	Н. Ордэ	1894	разные народы	Средняя Азия	фотографии
8	411а	К.Н. де-Лазари	1898	казахи	Семипалатинская обл.	фотографии
9	418	К.Н. де-Лазари	1898	казахи	Семипалатинская обл.	фотографии
10	423	К.Н. де-Лазари	1897	казахи	Акмолинская и Семипалатинская области	фотографии
11	511	Через академика С. Ф. Ольденбурга колл. Н.Ф. Петровского	1899	кашгарцы, киргизы, китайцы, дунгане	Средняя Азия	фотографии
12	512	Через академика В.Р. Розена колл. Лютче	1899	кашгарцы, киргизы, китайцы, маньчжуры, сарты	Кашгария, Ферганская обл., Самарканд	фотографии

13	590	Ермолин		казахи, калмыки, татары	Алтай	фотографии
14	1159	Н.И. Кандиба	1907	калмыки, разные народы	Астраханская губерния	фотографии
15	1167	П.Г. Игнатъев	1897	казахи	Акмолинская обл.	фотография
16	1199	С.М. Дудин	1907	казахи	Степной край, Семипалатинская обл.	фотографии
17	1288	И.Н. Глушков	1908	туркмены	о-в Челекен	фотографии
18	1307	И.Н. Глушков	1908	туркмены, сарты	о-в Челекен, Бухара, Самар- канд, Мерв	открытки
19	1320	Е.Н. Павловский	1908	узбеки, таджики, евреи, индусы,	Средняя Азия,	стереофото- графии
20	1321	Е.Н. Павловский	1908	сарты	Средняя Азия	фотографии
21	1327	К.В. Щенников	1908	казахи	Акмолинская обл., Петропавловский уезд	рисунки орнамента на бумаге и кальке
22	1350	А.Н. Самойлович	1908	хивинцы, туркмены		негативы
23	1397	А.Н. Самойлович	1909	туркмены- текинцы	Закаспийская обл.	фотографии
24	1398	А.Н. Самойлович	1909	хивинцы, чаудары, узбеки, каракалпаки	Хивинское ханство	фотографии
25	1399	К.В. Щенников	1909	казахи	Акмолинская обл.	негативы
26	1400	К.В. Щенников	1909	казахи, вотяки	Акмолинская обл., Вятская губерния	фотографии
27	1403	Н. Ордэ	1897	разные народы	Средняя Азия	фотографии
28	1483	К.В. Щенников	1909	казахи	Акмолинская обл.	орнамент на кальке
29	1486	И.Н. Глушков	1909	туркмены	О-в Челекен	негативы
30	1487	Н.Н. Щербина- Крамаренко	1909	сарты	Самарканд	фотография
31	1490	А.Н. Самойлович	1909	хивинцы	Хивинское ханство	негативы
32	1509	И.Н. Глушков	1909	туркмены	О-в Челекен	фотографии

33	1695	из старых коллекций музея	-	разные народы		фотографии
34	1707	К.В. Щенников	1909	казахи, вотяки, русские	Акмолинская обл., Вятская губерния	фотографии
35	1708	К.В. Щенников	1910	казахи	Акмолинская обл.,	негативы
36	1774	К.В. Щенников	1910	казахи	Семипалатинская обл.	орнамент на кальке
37	1775	К.В. Щенников	1910	казахи	Семипалатинская обл., Павлодарский уезд	негативы
38	1919	М.А. Круковский	1915	башкиры, мешеряки, татары, русские, ногайцы, киргизы	Южный Урал	фотографии
39	1966	Русский Комитет по изучению Средней Азии	1912		Самарканд	негативы
40	2020	Умняков	1912	сарты	Бухара	негативы
41	2062	Исполнено в мастерской музея с коллекции Березовского	1913			негативы
42	2114	Русский комитет по изучению Средней Азии	1910		Семипалатинская обл., Китайский Туркестан	негативы
43	2116	Цианович-Климович	1913	туркмены	Закаспийская обл.	негативы, фотографии
44	2119	Исполнено в мастерской музея	1905	сарты	Бухара	негативы
45	2122	Пельц	1913	узбеки, таджики	Самарканд	негативы, фотографии *
46	2123	С.М. Дудин	1913	узбеки, афганцы, туркмены	Самарканд	негативы
47	2124	С.М. Дудин	1913	сарты	Русский Туркестан	негативы
48	2181	Русский комитет по изучению Восточной и Средней Азии	1910		Путь от Санкт-Петербурга до Урумчи, от Урумчи до Ишкашима. Турфанский оазис	стереонегативы **

49	2189	С.М. Дудин	1914	сарты, киргизы	Семиреченская и Сырдарьинская обл.	негативы
50	2258	Ромберг	1913	оседлое население	Русский Турке- стан	негативы
51	2301	В.Д. Пельц	1914	казахи, таджики	Пустыня Кызыл- Кум, Джизакский уезд	фотографии
52	2302	В.Д. Пельц	1914	оседлое население	Самарканд	фотографии
53	2371	И.И. Зарубин	1914	горные таджики (памирцы)	Памир, долины рек Бартанга и Пянджа	негативы
54	2372	И.И. Зарубин	1914	горные таджики (памирцы)	Памир, долины рек Бартанга и Пянджа	стереонегативы
55	2413	изготовлено в фотомастерской МАЭ	1914	узбеки, таджики	Средняя Азия	негативы
56	2443	П.П. Фетисов	1914	узбеки	Самарканд	негативы
57	2450	Исполнено в мастерской МАЭ	1915	киргизы, казахи	Семипалатинская, Семиреченская, Ферганская области и Алайская долина,	негативы, отпечатки
58	2466	Исполнено в мастерской МАЭ	1915	киргизы	Семипалатинская обл., Каркаралин- ский уезд, Ташкент	негативы
59	2471	А.А. Ромаскевич	1915	разные народы	Персия	фотографии, открытки
60	2481	Языков	1915	сарты	Ташкент	негативы
61	2483	изготовлено в фотолаборато- рии музея	1915	горные таджики (памирцы)	Нагорная Бухара	негативы
62	2491	От Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии	1915	горные таджики, киргизы, сарты, китайцы	Нагорная Бухара, путь от Семипала- тинска до урочища Чеифудин, пров. Тань-Су, Китай	негативы
63	2498	С.М. Дудин	1915	сарты, цыгане	Самарканд	негативы
64	2499	И.И. Зарубин	1915	горные таджики (па- мирцы)	Нагорная Бухара	негативы
65	2518	В.Л. Вяткин		туркестан		фотографии

66	2519	А. Воронина-Уткина	1915	казахи	Каркаралинский уезд	рисунки
67	2530	изготовлено в мастерской музея	1915	казахи	Семипалатинская, Семиреченская обл. и Алайская долина	фотографии
68	2554	изготовлено в мастерской музея	1916			негативы
69	2561	Русский комитет по изучению Восточной и Средней Азии	1909		Китайский Туркестан	фотографии
70	2621	И.И. Зарубин	1916	горные таджики (памирцы)	Памир-Нагорная Бухара	стереонегативы
71	2636	исполнено в мастерской музея	1917	туркмены, сарты	Русский Туркестан	негативы
72	2643	из старых коллекций музея	1917	киргизы, сарты, калмыки		рисунки
73	2662	В.Н. Андрусов	1917	казахи	Закаспийская обл.	негативы
74	2691	исполнено в мастерской музея	1918	горные таджики (памирцы)	Припамирье	негативы, фотографии
75	2696	С.М. Дудин	1918	узбеки, таджики	Самарканд	стереонегативы
76	2805	В.М. Иеромузо	1921	разные народы	Туркестан	фотографии
77	2808	Район. библ. Петроградского р-на	1921	разные народы	Туркестан	фотографии
78	2810	К.К. Гильзен		разные народы	Туркестан	фотографии
79	2818	Шпилько	1922	шугнанцы, киргизы		негативы
80	2819	А.Н. Самойлович	1922	хивинские узбеки	Хива	негативы
81	2821	С.М. Дудин, П.П. Ткаченко	1913	узбеки, таджики	Самарканд	негативы
82	2827	С.М. Дудин	1904	сарты	Бухара	фотографии
83	2828	С.М. Дудин	1913	сарты	Самарканд	фотографии
84	2832	С.М. Дудин	1913	сарты, туркмены	Самарканд	фотографии

85	2833	А. Воронина-Уткина	1915	казахи	Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд	фотографии
86	2854	Географ. каб. Петроград. ун-та	1922	сарты	Русский Туркестан	рисунки
87	2860	Готье		горные таджики	Нагорная Бухара	негативы
88	2863	Зимний дворец	1922	хивинцы	Хива	фотографии
89	2882	С.М. Дудин		казахи, узбеки, афганцы	Самаркандская и Семипалатинская области	негативы
90	2884	изготовлено в фотолаборатории музея	1923	туркмены	Закаспийская обл.	негативы
91	2922	В.Н. Яковенко	1923	таранчи, татары, киргизы	Семиречье	фотографии
92	2948	Б.Д. Гимер	1924	киргизы	Семиреченская обл., Каркаралинский уезд	фотографии
93	2949	Б.Д. Гимер	1924	дунгане		фотография
94	3009	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1924	разные народы		негативы
95	3011	изготовлено в мастерской музея	1924	разные народы		негативы
96	3038	изготовлено в фотолаборатории музея	1920-е гг.	казахи	Семипалатинская обл.	негативы
97	3196	Д.Д. Букинич	1925	хазарейцы, таджики, афганцы	Афганистан	фотографии
98	3231	Таланцев		разные народы	Средняя Азия	негативы
99	3316	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1926	киргизы	Тургайская обл.	негативы
100	3317	изготовлено в мастерской МАЭ		евреи	Туркестан	негативы
101	3320	Пушкинский Дом	1926	разные народы	Средняя Азия	фотографии
102	3371	В.Р. Чейлытко	1926	оседлое население	Западный Туркестан	негативы
103	3372	В.Р. Чейлытко	1926	оседлое население	Западный Туркестан	диапозитивы

104	3475	с выставки «Восточный театр»	1927	туркмены		картина
105	3488	Среднеазиатская экспедиция АН СССР	1926	узбеки, таджики	Ташкент	негативы
106	3489	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1926	таджики, узбеки	Пенджикент, верховья Заравшана	негативы
107	3493	А.П. Колесников	1926	узбеки	Ташкент	негативы
108	3556	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1927	таджики	Искандеровская волость	негативы
109	3557	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1927	таджики	Искандеровская волость	негативы
110	3587	изготовлено в фотолаборатории музея		казахи, белуджи	Казахская и Туркменская ССР	негативы
111	3590	изготовлено в фотолаборатории музея	1927	оседлое население	Западный Туркестан	негативы
112	3647	К.К. Юдахин	1928	узбеки	Ош и Чемкентский уезд	фотографии
113	3661	Экспедиция в Семиреченскую обл.	1928	киргизы	Семиреченская обл. Нарынский р-н	негативы
114	3793	К.К. Юдахин	1928	киргизы	Киргизская АССР	негативы
115	3794	А.Л. Троицкая	1928	узбеки		негативы
116	3795	Г.К. Шульц	1928	каракалпаки	Каракалпакская АО Чимбайский р-н	негативы
117	3854	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1929	жемшиды, хазара		негативы
118	3855	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	хазара		негативы
119	3856	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	кочевые иранцы		негативы
120	3862	М.С. Войшле	1929	казахи		негативы
121	3888	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	жемшиды	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы

122	3921	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	хазара	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы
123	3931	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	хазара	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы
124	3932	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	джемшиды	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы
125	3933	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	белуджи	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы
126	3934	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1928	кочевые иранцы племени зури	ТаджССР Тахта-Базарский р-н	негативы
127	4059	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1929	белуджи	ТССР	негативы
128	4060	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1929	белуджи	ТССР	негативы
129	4061	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1929	белуджи	ТССР	негативы
130	4073	А.Л. Мелков	1930	туркмены	Хивинский оазис	фотографии
131	4074	А.Л. Мелков	1930	татары	Дельта Амударьи г. Чимбай,	фотографии
132	4075	А.Л. Мелков	1930	уральские казаки	Каракалпакская АО	фотографии
133	4076	А.Л. Мелков	1930	каракалпаки	Каракалпакская АО	негативы
134	4077	А.Л. Мелков	1930	казахи	Казахстан	фотографии
135	4078	А.Л. Мелков	1930	узбеки	Хивинский оазис	фотографии
136	4079	А.Л. Мелков	1930		Хивинский оазис	фотографии
137	4145	А.Л. Троицкая	1930	разные народы	Средняя Азия	открытки
138	4258	Б.А. Васильев	1931	дунгане	Киргизская и Казахская АССР	фотографии
139	4259	Б.А. Васильев	1931	дунгане	Киргизская и Казахская АССР	негативы
140	4265	А.Л. Троицкая	1930	цыгане	Ташкент	фотографии
141	4382	Массагетов	1926	разные народы	Киргизская АО, Таджикистан, Туркменистан	фотографии

142	4401	Среднеазиатская этнологическая экспедиция	1929	кочевые иранцы	Кушкинский р-н	негативы
143	4402	изаксон	1930	туркмены племня геклен	Каракольский р-н долины р. Сумбар	стереонегативы
144	4403	с выставки, посвященной Международному женскому дню 8 марта 1931 года	1931	разные народы	Средняя Азия	негативы
145	4441	Мирза Ибрагим Мамед-Заде	1927	киргизы		позитивы
146	4442	Мирза Ибрагим Мамед-Заде	1927	оседлое население	Самарканд, Бухара	открытки
147	4443	Мирза Ибрагим Мамед-Заде	1932	таджики	Дюшамбе, Гиссар, Сарай-Камаричи, Султан абад и др.	позитивы
148	4444	Мирза Ибрагим Мамед-Заде	1929	оседлое население	Самарканд	открытки
149	4494	Н.И. Вавилов	1929	афганцы, таджики, узбеки	Афганистан	позитивы
150	4512	Среднеазиатская экспедиция АН СССР	1931	узбеки, таджики	Самарканд	фотографии
151	4516	С.М. Дудин	1930-е гг.	разные народы	Средняя Азия	позитивы
152	4527	Среднеазиатская экспедиция АН СССР	1931	узбеки, таджики	Самарканд	фотографии
153	4528	Среднеазиатская экспедиция АН СССР	1931	узбеки, таджики	Самарканд	план
154	4529	Среднеазиатская экспедиция АН СССР	1931	узбеки, таджики	Самарканд	фотографии
155	4565	Среднеазиатская этнологическая экспедиция Д.Д. Букинич		джемшиды	ТАССР	негативы
156	4575	Среднеазиатская этнологическая экспедиция Э.Г. Гафферберг		джемшиды	Кушкинский р-н	негативы

157	4595	От студентки ЛИЛИ Галаган	1932	таджики	Таджикистан Гарм	фотографии
158	4596	Художник Б. Баш	1930	белуджи	Туркменистан Июлотань,	фотографии
159	4597	Д.Д. Букинич	1928	джемшиды	Чемен-и-Бид	негативы
160	И-3	с выставки «Производитель- ные силы Узбекистана»	1932	узбеки		негативы
161	И-58	Восточная группа отряда ИПИН Таджикской комплексной экспедиции АН ССР. С.М. Абрамзон	1932	таджики	ТаджССР, Гармский, Товиль-Дарьин- ский, Кала-и- Хумбский р-ны	негативы
162	И-59	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1935	оседлое население	Западный Туркестан	негатив
163	И-68	с выставки «Производитель- ные силы Таджикистана»	1933	таджики	Таджикистан	фотографии
164	И-71	Этнографическая экспедиция А.И. Федорова, Е.П. Николаиче- вой	1931	узбеки, таджики	Самаркандский р-н	негативы
165	И-72	Этнографическая экспедиция А.И. Федорова, Е.П. Николаиче- вой	1931	узбеки, таджики	Самаркандский р-н, УзбССР	негативы
166	И-73	Южная группа отряда ИПИН Таджикской комплексной экспедиции АН СССР. Нач. Д. Комиссаров, А.Н. Кондауров	1932	разные народы	ТаджССР, Курган-Тюбин- ский, Кулябский и др. р-ны	негативы
167	И-74	Таджикская комплексная экспедиция	1933	таджики	ТаджССР	фотографии
168	И-137	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1934	оседлое население		негативы

169	И-138	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1933	узбеки, таджики	Бухара, Сталинабад	негативы
170	И-144.	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1933	таджики	ТаджССР	негативы
171	И-192	Раджабов	1934	таджики	ТаджССР	фотографии
172	И-196	О.М. Коржинская	1927	узбеки, таджики	Ура-Тюбе, Ходжент	эстампажи
173	И-201	Черыткина	1921	казахи	Тургайская обл., Актюбинский уезд	рисунки
174	И-206	О.М. и О.С. Коржинские	?		Ташкент	эстампажи
175	И-207	А.И. Васильев	1934	таджики	ТаджССР, Самарканд, Ташкент	фотографии
176	И-277	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	джемшиды	Кушкинский р-н Туркменская ССР	негативы
177	И-278	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	узбеки, таджики	Самарканд	негативы
178	И-279	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	каракалпаки	Чимбайский р-н, дельта реки Амударья	негативы
179	И-280	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		шугнанцы, кушанцы	Памир	негативы
180	И-302	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	таджики	ТаджССР	негативы
181	И-303	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	таджики, узбеки	Бухара, Ташкент	негативы
182	И-304	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1934	таджики	Ходжент	негатив
183	И-305	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		белуджи	Туркменская ССР	негативы
184	И-306	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935-1936 гг.	горные таджики	Матчинская волость	негативы
185	И-316	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		таджики	Искандеровская волость	негативы

186	И-317	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Долина Искандер-дарьи	негативы
187	И-318	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		туркмены	Средняя Азия	негативы
188	И-319	С.А. Белькин		каракалпаки	Каракалпакская ССР	негативы
189	И-320	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		горные таджики (припамирские иранцы)	Припамирье, долина рек Бартанга, Рушан	негативы
190	И-321	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		припамирские иранцы	Припамирье	негативы
191	И-322	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		горные таджики	Нагорная Бухара	негативы
192	И-323	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		таджики	Самарканд	негативы
193	И-326	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		узбеки, таджики	Ташкент, Самарканд Ура-Тюбе	негативы
194	И-327	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935-1939 гг.	каракалпаки	Каракалпакская обл.	негативы
195	И-328	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1939	таджики	Таджикистан	негативы
196	И-549	А.В. Маторин	1931	таджики	Таджикистан	фотографии
197	И-550	фотограф Багаев	1936	казахи	Казахстан	фотографии
198	И-551	репродукции из газеты и книги	1936	таджики	Таджикистан	негативы
199	И-552	передано из отдела археологии	1936	казахи	Казахстан	негативы
200	И-553	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	таджики		негативы
201	И-554	передано СОИСом АН СССР	1932	таджики	Таджикистан	киноплёнки
202	И-555	Сапожников		оседлое население	Бухара, Самарканд	негативы

203	И-556	с женской выставки МАЭ	1931	оседлое население	Западный Туркестан, Коканд и др.	фотографии
204	И-578	А.В. Маторин	1932	таджики	Таджикистан	фотографии
205	И-579	К.Л. Задыхина	1936	туркмены	Туркмения	фотографии
206	И-582	изготовлено в фотолаборатории МАЭ		евреи	Самаркан	диапозитивы
207	И-583	Коган	1935	джемшиды	Кушкинский р-н, Туркменская ССР	фотографии
208	И-584	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Таджикистан	негативы
209	И-592	Денисова Нина	1936	разные народы	Туркменская ССР	рисунки
210	И-596	Г.П. Денисова	1936	туркмены	Туркменская ССР, окрестности Ашхабада	негативы
211	И-603	Камелин, студент Академии Художеств	1936	таджики	Таджикистан	картина
212	И-605	А.Н. Кондауров	1934	таджики	ТаджССР, долина р. Ягноб	негативы
213	И-606	А.Н. Кондауров	1936	ягнобцы	ТаджССР, долина р. Ягноб и Зидди	негативы
214	И-607	А.Н. Кондауров	1936	таджики	ТаджССР, Варзобский р-н, верховья реки Варзоб и Зидди	негативы
215	И-639	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	таджики	Таджикистан	негативы
216	И-640	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	оседлое население и горные таджики	Западный Туркестан, Самарканд и верховья Зеравшана	негативы
217	И-641	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936-1939 гг.	татары и казахи	Семипалатинская обл.	негативы
218	И-642	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Акмолинская обл., Петропавловский уезд	негативы
219	И-647	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	разные народы	Средняя Азия	негативы

220	И-648	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	узбеки	Бухара, Самарканд	негативы
221	И-659	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Семиреченская обл., Лепсинский уезд,	негативы
222	И-660	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Семиреченская обл., Лепсинский уезд,	негативы
223	И-661	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Семиреченская обл., Лепсинский уезд,	негативы
224	И-662	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935		Алтай	негативы
225	И-663	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Тургайская обл.	негативы
226	И-664	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Алтай	негативы
227	И-665	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	хазара	Кушкинский р-н, Туркменская ССР	негативы
228	И-666	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	киргизы	КиргССР, Нарынский р-н	негативы
229	И-667	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Пенджекент	негативы
230	И-668	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи		негативы
231	И-669	репродукции из книги Липского «Горная Бухара» (СПб., 1902)	1935	ягнобцы	Верховья р. Ягноб	негативы
232	И-671	из Этнографического музея	1936	евреи	Самарканд	негативы
233	И-673	из старых поступлений. Альбом Кауфмана	?	оседлое население	Хива	фотографии
234	И-674	из старых поступлений. Альбом Кауфмана		разные народы	Средняя Азия	фотографии

235	И-675	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	оседлое население и туркмены	Западный Туркестан	негативы
236	И-676	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	туркмены		негативы
237	И-677	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Таджикистан	негативы
238	И-678	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	шугнанцы	Шугнан	негативы
239	И-679	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Кала-и-Хумб, Ура-Тюбе и Ходжент	негативы
240	И-680	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	?	таджики	Товильдарьинский и Калаихумбский р-ны Таджикской ССР	негативы
241	И-688	из старых поступлений	?:	казахи		негативы
242	И-689	Коган	1935	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
243	И-690	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики, памирцы	Памир и долина реки Ванга	негативы
244	И-692	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	горные таджики	Каратегин и Дарваз	негативы
245	И-693	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	оседлое население	Самарканд	негативы
246	И-694	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Кулябский р-н Таджикской ССР	негативы
247	И-695	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	туркмены, таджики, оседлое население	Ашхабад и Таджикистан	негативы
248	И-696	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	киргизы	Алайская долина	негативы
249	И-697	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936		Передняя и Средняя Азия	негативы

250	И-698	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	туркмены		негативы
251	И-699	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	таджики	Таджикистан	негативы
252	И-700	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	оседлое население	Бухара	негатив
253	И-701	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	горные таджики	Дарваз	негативы
254	И-702	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	казахи	Сырдарьинская обл., Казалинский уезд	негатив
255	И-703	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	казахи	Семипалатинская обл.	негативы
256	И-704	А.Н. Камелин	1935	узбеки	Узбекистан, г. Шахрисябз	негативы
257	И-705	из старых поступлений		таджики		негативы
258	И-717	репродукции из журналов «СССР на стройке» (1931, № 10; 1933, № 10)	1937	таджики	Таджикистан	негативы
259	И-721	А.Н. Камелин	1935	таджики	Таджикистан	негативы
260	И-722	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	оседлое население	Самарканд и Ферганская обл.	негатив
261	И-723	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	туркмены		негативы
262	И-724	изготовлено в фотолаборатории МАЭ				негативы
263	И-725	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1933-1934 гг.			негативы
264	И-726	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1935	оседлое население	Узбекистан	негатив
265	И-727	из старых поступлений		каракалпаки	Чимбайская волость	негативы
266	И-728	из старых поступлений				негативы

267	И-731	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1937	таджики и памирцы	Таджикистан, Памир	негативы
268	И-732	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1936	оседлое население	Узбекистан, Ташкент	негативы
269	И-733	П.П. Иванов	1939	туркмены	Туркменская СС	?
270	И-734	Ленинградское отделение Союзфото	1937	узбеки	Узбекистан	фотографии
271	И-742	из юбилейного альбома «15 лет Казахской АССР» Москва–Ленинград 1935.	1937	казахи	Казахстан	репродукции
272	И-744	из Государственного музея этнографии народов	1937	казахи	Казахстан	фотографии
273	И-745	из Государственного музея этнографии народов	1937	киргизы	Сырдарьинская обл.	фотографии
274	И-746	из Государственного музея этнографии народов	1937	туркмены	Закаспийская обл.	фотографии
275	И-747	из Государственного музея этнографии народов	1937	евреи	Самарканд	фотографии
276	И-748	Союзфото и другие источники	1937	казахи	КазССР	фотографии
277	И-749	Э.Г. Гафферберг	1937	персы	Туркменская ССР, Кушкинский р-н, ст. Комарово	фотография
278	И-750	А.Н. Кондауров	1937	горные таджики, ягнобцы	ТаджССР, долина р. Ягноб, бассейн р. Варзоб, Вахио-боло	негативы
279	И-753	Таджикская комплексная экспедиция	1932			негативы
280	И-761	из старых поступлений				негативы

281	И-767	изготовлено в ЛАФОКИ с фотографий Гафта, принадлежащих В.В. Гинзбургу	1934	таджики	ТаджССР, Ванч	негативы
282	И-768	из ГМЭ	1934	таджики, памирцы	ТаджССР	фотографии
283	И-780	М.А. Бржезицкий	1937	туркмены	Туркменская ССР, Кушка	картина
284	И-794	изготовлено в ЛАФОКИ, репродукция из журнала «Новь» (1885, № 23, 24)	1937	памирцы	Памир	негатив
285	И-848	С.В. Иванов	1938	киргизы	Москва, Музей народоведения	негатив
286	И-860	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1938	оседлое население	Бухара	негативы
287	И-861	Экспедиционная поездка Н.Ф. Демешева	1938	уйгуры	КазССР	негативы
288	И-863	И.В. Новиков	1939	иранцы	Ашхабад, Туркменская ССР	фотография
289	И-870	Н.А. Кисляков	1938	таджики	ТаджССР	негативы
290	И-873	В.В. Екимова	1938	узбеки		фотографии
291	И-875	В.В. Екимова	1938	узбеки	УзбССР	фотографии
292	И-876	К.Л. Задыхина	1938	казахи	КазССР, Алма-Ата	фотографии
293	И-877	А.Н. Кондауров	1938	киргизы	КиргССР, Ошская обл.	негативы
294	И-879	М.В. Лебединская	1938	узбеки	УзбССР	фотографии
295	И-880	К.Л. Задыхина	1938	казахи	КазССР	фотографии
296	И-893	В.В. Екимова из командировки 1938 г.	1938	узбеки	УзбССР, Ташкент, Бухара	фотографии
297	И-894	В.В. Екимова из командировки в Ташкент в 1938 г.	1938	таджики	УзбССР, Нур-Ата	фотографии
298	И-895	В.В. Екимова из командировки в Ташкент в 1938 г.	1938	узбеки	УзбССР, Ташкент	фотографии с

299	И-896	А.Л. Троицкая из экспедиции 1938 г.	1939	цыгане	УзбССР, Маргеланский и Кокандский р-ны Ферганской обл.	негативы
300	И-897	А.Л. Троицкая из экспедиции 1938 г	1939	узбеки	УзбССР, Бухарская и Ферганская области	негативы
301	И-898	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1939	оседлое население	Ура-Тюбе	негативы
302	И-909	А.И. Федоров	1935	узбеки	Хивинский р-н	фотографии
303	И-910	изготовлено в ЛАФОКИ	1938	казахи	Чимкент	негативы
304	И-911	Н.А. Кисляков	1939	горные таджики	ТаджССР	негативы
305	И-913	В.В. Екимова	1939	узбеки	УзбССР	фотографии
306	И-917	Д. Багаев	1936	казахи	Казахстан	фотография
307	И-919	неизвестного происхождения		узбеки	Ташкент	фотографии
308	И-921	ГМЭ	1934	узбеки	Самарканд	фотографии
309	И-922	ГМЭ	1929	узбеки, таджики		фотография
310	И-923	фотохроника	1938	узбеки	Ташкент	портреты
311	И-927	В.В. Екимов из УзМИ	1939	узбеки	УзбССР, Ташкент	фотографии
312	И-929	О.И. Шацкая	1939	казахи	Казахстан	фотографии
313	И-934	Хушватов Давлет-Шо	1939	рушанцы	Горно-Бадахшанская АО, Рушан	фотография
314	И-944	О.И. Шацкая	1939	киргизы	КиргССР	негативы
315	И-945	О.И. Шацкая	1939	уйгуры	КиргССР	негативы
316	И-946	О.И. Шацкая	1939	узбеки	КиргССР	негатив
317	И-947	О.И. Шацкая	1939	туркмены	Туркменская ССР	фотография
318	И-978	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	казахи	Акмолинская, Тургайская обл.	негативы
319	И-986	А.Л. Троицкая	1939	узбеки	УзбССР	фотографии
320	И-994	Государственный музей восточных культур	1938	каракалпаки	Каракалпакская АССР	фотография

321	И-995	Союзфото Узбекистана	1938	узбеки	УзбССР, Ташкентская, Ферганская, Самаркандская, Старобухарская обл.	фотографии
322	И-996	А.Л. Троицкая из командировки 1938 г.	1938	узбеки	УзбССР, Ташкент, Бухара, Ферганская обл.	фотографии
323	И-997	Музей народов СССР в Москве, через В. Екимову	1939	узбеки	УзбССР	фотографии
324	И-998	А.Л. Троицкая из командировки 1938 г. В Узбекистан	1938	узбеки	Узбекистан, Ферганская обл., Самарканд, Ташкент	фотографии
325	И-999	А.Л. Троицкая из командировки 1938 г. В Узбекистан	1938	узбеки	Узбекистан, Хива, Маргелан, Коканд, Бухара, Ташкент	фотографии
326	И-1000	А.Л. Троицкая из командировки 1938 г. В Узбекистан	1938	узбеки	Узбекистан, Ташкент, Бухара, Коканд	фотографии:
327	И-1002	Союзфото	1939	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
328	И-1003	А.Л. Троицкая из командировки 1938 г. В Узбекистан	1938	цыгане	УзбССР, Бухара	фотографии
329	И-1004	Самаркандский Центральный музей	1938	таджики	УзбССР, Самарканд	фотографии
330	И-1005	О.И. Шацкая из командировки 1939 г. в Киргизстан	1939	киргизы	КиргССР, г. Фрунзе,	фотографии
331	И-1006	А.Л. Троицкая из командировки в Среднюю Азия	1939	цыгане-люли	УзбССР, Ферганская обл., Ташкент, Самарканд, Бухара	фотографии
332	И-1007	ГМЭ	1939	туркмены	Туркменская ССР, Мерв, Ашхабад	фотографии
333	И-1008	ГМЭ	1938	таджики	ТаджССР	фотографии
334	И-1009	Центральный музей в Самарканде	1939	цыгане-люли	УзбССР, Самарканд, Коканд	фотографии

335	И-1010	Музей Восточных культур в Москве	1939	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
336	И-1011	П.П. Иванов	1939	каракалпаки	Каракалпакская АССР, г. Чимбай	фотографии
337	И-1012	Музей Восточных культур в Москве	1939	киргизы	КиргССР	фотографии
338	И-1013	Музей Восточных культур в Москве	1939	узбеки	УзбССР, Ташкент, Самарканд	фотографии
339	И-1015	Т. Лозовский	1939	евреи	УзбССР	фотография
340	И-1016	А.Л. Троицкая из командировки в Узбекскую ССР в 1938 г. из Самаркандского Центрального музея	1939	евреи	УзбССР	фотографии
341	И-1017	ГМЭ	1939	узбеки	УзбССР	фотографии
342	И-1018	В.В. Екимова из командировки в Москву, с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки	1939	казахи	КазССР	фотографии
343	И-1019	В.В. Екимова из командировки в Москву, с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки	1939	киргизы	КиргССР	фотографии
344	И-1020	О.И. Шацкая из командировки в Киргизскую ССР в 1939 г.	1939	киргизы	КиргССР	фотографии
345	И-1021	В.В. Екимова из командировки в Москву в 1939 г.	1939	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
346	И-1022	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	таранчи	Семиреченская обл.	репродукции
347	И-1023	О.И. Шацкая из командировки в Киргизскую ССР в 1939 г.	1939	киргизы	КиргССР	фотографии
348	И-1024	изготовлено в ЛАФОКИ	1938	оседлое население		негативы,
349	И-1027	С.М. Абрамзон	1939	киргизы	КиргССР	фотографии

350	И-1028	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	оседлое население	Бухара	негативы
351	И-1029	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	оседлое население	Бухара	негативы
352	И-1031	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	оседлое население		негативы
353	И-1032	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	оседлое население	Бухара	негативы
354	И-1033	изготовлено в ЛАФОКИ	1939	оседлое население	Бухара	негативы
355	И-1034	разные источники	1939	уйгуры	Казахская, Киргизская и УзбССР,	фотографии
356	И-1035	разные источники	1939	таджики	ТаджССР	фотографии
357	И-1036	разные источники	1939	узбеки	УзбССР	фотографии
358	И-1038	О.И. Шацкая, Думан	1939	дунгане	КиргССР	фотографии
359	И-1039	из разных источников	1939	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
360	И-1040	из разных источников	1939	каракалпаки	Каракалпакская АССР	негативы
361	И-1041	А.Л. Троицкая	1939	цыгане	УзбССР	негативы
362	И-1042		1939	евреи	УзбССР	фотографии
363	И-1043	Н. Лукницкий	1938	памирцы	Памир	фотографии
364	И-1044	ГМЭ	1938	афганцы	Самарканд	фотография
365	И-1045	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1939	хазара	Кушкинский р-н	негативы
366	И-1047	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1939	казахи	КазССР, Алма-Ата	негативы
367	И-1048	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1939	жемшиды	Кушкинский р-н	негативы
368	И-1049	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1939	казахи	Семипалатинская обл.	негативы
369	И-1050	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1939	таджики	Нур-Ата, Самаркандского р-на УзбССР	негативы
370	И-1051	изготовлено фотолабораторией МАЭ		казахи	Акмолинская обл., Акмолинский и Атбасарский уезды	негативы

371	И-1053	изготовлено фотолабораторией МАЭ		казахи	Акмолинская обл., Атбасарский уезд, Терсаканская волость	негативы
372	И-1062	Партийный кабинет АН СССР	1939	узбеки, таджики, казахи, туркмены, киргизы	Среднеазиатские республики	фотографии
373	И-1066	Писарчик экспедиция 1939 г.	1940	таджики	УзбССР, Самарканд, Ургут	фотографии
374	И-1082	из журнала «СССР на стройке» (1931, №10)	1931	таджики	Таджикистан	негативы
375	И-1122	К.Л. Задыхина экспедиция 1938 г. МАЭ	1938	казахи	КазССР, Южно-Казахстанская и Алма-Атинская обл.	негативы
376	И-1128	Е.М. Пещерева	1940	ягнобцы	ТаджССР, долина реки Ягноб	негатив:
377	И-1129	изготовлено в ЛАФОКИ	1935	памирские иранцы	Памир	негатив,
378	И-1130	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1931	кочевые иранцы, белуджи, джемшиды	Туркменская ССР	негативы
379	И-1133	В.В. Екимова из командировки в Москву в 1939 г.	1941	узбеки	УзбССР	фотографии
380	И-1134	Е.М. Пещерева из командировки в Таджикистан	1941	таджики	ТаджССР, Каратаг, Ура-Тюбе	рисунки
381	И-1135	В.В. Екимова из командировки в Москву	1941	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
382	И-1137	Е. Ряпасова	1941	казахи		фотографии
383	И-1138	Е. Ряпасова	1941	белуджи		фотографии:
384	И-1139	В.В. Екимова из командировки в Москву в 1939 г.	1941	таджики	ТаджССР, Сталинабад, Ленинабадский р-н	фотографии
385	И-1140	ГМЭ	1939	киргизы	КиргССР	фотографии
386	И-1141	А. Бурдуков	1941	саргы-калмыки	КиргССР	фотографии

387	И-1142	О.И. Шацкая из командировки в Киргизскую ССР в 1939 г.	1941	калмыки	КиргССР, Каракалпакский р-н	рисунки
388	И-1143	О.И. Шацкая из командировки в Киргизскую ССР в 1939 г.	1941	дунгане	КиргССР	стенгазета, рисунки
389	И-1148	ГМЭ	1937	персы	Туркменская ССР, Ашхабад	фотографии
390	И-1164	О.Г. Чистовский	1946	туркмены	Туркменская ССР,	фотографии
391	И-1165	О.Г. Чистовский	1946	киргизы	КиргССР	фотографии
392	И-1166	О.Г. Чистовский	1946	узбеки	УзбССР	фотографии
393	И-1167	Е.М. Пещерева	1946	припамирские таджики	Памир	фотографии
394	И-1169	Лейбина	1946	казахи, киргизы, уйгуры, дунгане	Семиречь	негативы
395	И-1179	Н.С. Воронец	1946	узбеки, таджики	Бухара, Самарканд	стереонегативы
396	И-1180	Н.С. Воронец		иранцы	Ашхабад	фотографии
397	И-1191	А.А. Костылев	1946	белуджи, брахуи	Белуджистан	негативы
398	И-1202	О.Г. Чистовский	1946	казахи	УзбССР, Джизак	фотографии
399	И-1222	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)		узбеки	Хорезмская обл.	негативы
400	И-1223	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)	1946	казахи	Каракалпакская ССР, Кунградский р-н	негативы
401	И-1224	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)	1946	туркмены	Туркменская ССР	негативы

402	И-1235	снимки с зарисовок художника Кошарова	1949	киргизы	Средняя Азия	негативы
403	И-1236	снимки с зарисовок художника Кошарова	1949	киргизы	Средняя Азия	негативы
404	И-1246	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)	1947	узбеки	Каракалпакская АССР	негативы
405	И-1247	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)	1947	казахи	Каракалпакская АССР	негативы
406	И-1248	К.Л. Задыхина (Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР)	1948	казахи, узбеки	Каракалпакская АССР	негативы
407	И-1282	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1938–1940-е гг.	узбеки-локайцы	Таджикистан, Узбекистан,	негативы
408	И-1283	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1937–1940-е гг.	туркмены	Туркмения	негативы
409	И-1284	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1940	узбеки	УзбССР	негативы
410	И-1288	из старых поступлений музея		таджики, узбеки		фотографии
411	И-1289	из старых поступлений музея		уйгуры	Алма-Ата, Панфилов	фотографии
412	И-1291	изготовлено в фотолаборатории МАЭ	1941	таджики	Таджикистан	негативы
413	И-1292	Лейбиц		казахи	Казахстан	негативы

414	И-1293	из старых поступлений музея		казахи	Казахстан	негативы
415	И-1294	из старых поступлений музея		узбеки, таджики	Средняя Азия	негативы
416	И-1296	Ж.Я. Дектяренко	1949	туркмены	Туркмения	негативы
417	И-1297	фотохроника ТАСС	1940	узбеки	Узбекистан	фотографии
418	И-1342	А.С. Мелков	1939–1940-е гг.	разные народы	Средняя Азия	негативы
419	И-1343	А.С. Мелков	1939-1949 гг.	казахи	КазССР, Кызыл-Ордынская обл.	негативы
420	И-1351	А.С. Мелков	1947	казахи	КазССР, Кызыл-Ордынская обл.	фотографии
421	И-1352	А.С. Мелков	1947	казахи	Каракалпакская АССР	фотографии
422	И-1369	А.С. Мелков	1947	казахи	Каракалпакская АССР, г. Чимбай	фотографии
423	И-1378	А.С. Мелков		каракалпаки	Каракалпакская АССР	стереоскопические негативы
424	И-1379	А.С. Мелков	1947	каракалпаки		негативы
425	И-1380	А.С. Мелков	1947	казахи	Каракалпакская АССР, р-н Тамды	негативы
426	И-1381	А.С. Мелков	1930-1940-е гг.	каракалпаки	Каракалпакская АССР	негативы
427	И-1394	А.С. Мелков	1934-1939 гг.	немцы	Хива	негатив
428	И-1395	А.С. Мелков	1939-1940 гг.	уральские казахи	Каракалпакская АССР, Кунград	негативы
429	И-1396	А.С. Мелков	1939-1949 гг.	узбеки, каракалпаки	Хива, Хорезм	негативы
430	И-1397	Н.Х. Нурджанов	1951	таджики	ТаджССР, Кулябская обл.	фотографии
431	И-1413	Ташкентский текстильный комбинат	1950	узбеки	Ташкент	фотографии
432	И-1414	К.Л. Задыхина	1950	узбеки		рисунки
433	И-1415	Академкнига	1947	разные народы		рисунки
434	И-1416	из старых поступлений		казахи		фотографии

435	И-1417	Т. Петрова	1940	узбеки		фотографии
436	И-1418			портрет Назыма Хыкмета		
437	И-1419	из старых поступлений		оседлое население		зарисовки
438	И-1421	изготовлено ЛАФОКИ	1951	разные народы		негативы
439	И-1422	изготовлено ЛАФОКИ	1951	узбеки		негативы с
440	И-1423	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1951	разные народы		негативы
441	И-1424	изготовлено ЛАФОКИ	1951	русские		негативы
442	И-1425	изготовлено ЛАФОКИ	1951	разные народы		негативы
443	И-1426	из старых поступлений	1914	киргизы, таджики		негатив
444	И-1427	О.И. Смирнова	1949	таджики		негатив:
445	И-1429					
446	И-1430	К.Л. Задыхина	1941– 1951	узбеки		рисунки
447	И-1432	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1951	каракалпаки		негативы
448	И-1433	ГМЭ	1951	киргизы		фотографии
449	И-1434	Казахская экспедиция	1951	казахи		фотографии
450	И-1435	ГМЭ	1951	казахи		фотографии
451	И-1436	ГМЭ	1951	туркмены		фотографии
452	И-1438	ГМЭ	1951	узбеки		фотографии
453	И-1439	из разных источников	1940– 1951 гг.	каракалпаки		фотографии
454	И-1440	О.И. Шацкая	1946	киргизы		фотографии
455	И-1441	А.В. Моторин	1932	таджики, узбеки		фотографии
456	И-1442	Н.А. Кисляков	1951	таджики	Куляб	фотографии
457	И-1443	ГМЭ	1951	цыгане-лю- ли		фотографии
458	И-1444	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1940	разные народы		фотографии
459	И-1445	С.В. Иванов	1952	таджики		рисунок

460	И-1446	С.М. Дудин	1907	казахи		рисунки и чертежи
461	И-1447	из старых поступлений		оседлое население		фотографии
462	И-1451	изготовлено в ЛАФОКИ	1952	таджики		цветные негативы
463	И-1503	Памиро-Ферган- ская Экспедиция	1952	таджики		фотографии, пленка
464	И-1504	изготовлено в ЛАФОКИ	1952	таджики, узбеки		негативы
465	И-1506	К.Л. Задыхина	1950	узбеки		негативы
466	И-1507	изготовлено в ЛАФОКИ	1952	туркмены		негатив
467	И-1508	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1952	таджики		негативы
468	И-1509	Хорезмская экспедиция 1946 г.	1946	узбеки		фотографии
469	И-1525	К.Л. Задыхина	1953	узбеки		рисунки
470	И-1531	С.В. Иванов	1953	таджики		рисунки
471	И-1556	А.Л. Мелков	1947	каракалпаки		негативы
472	И-1577	Е.Э. Бломквист	1954	каракалпаки		отпечатки, пленка
473	И-1578	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1954	разные народы		негативы
474	И-1594	Памиро-Ферган- ская экспедиция 1952 г.	1954	таджики		рисунки
475	И-1618	Этнографический отряд Памиро- Ферганской экспедиции под рук. Е.М. Пещеровой	1953	таджики		негативы
476	И-1620	А.С. Мелков	1947	каракалпаки		рисунки
477	И-1648	изготовлено в фотолаборато- рии МАЭ	1955	каракалпаки		негативы
478	И-1651	изготовлено ЛАФОКИ	1955	туркмены		негативы
479	И-1655	изготовлено ЛАФОКИ	1955	оседлое население		негативы
480	И-1657	А.Л. Мелков	1947	каракалпаки		рисунки
481	И-1658	А.Л. Мелков	1947	казахи		планы

482	И-1659	А.Л. Мелков	1947	казахи		рисунки
483	И-1666	В.Н. Андрусов	1947	казахи, туркмены		эстампажи
484	И-1680	К.Л. Задыхина	1916	казахи	УзбССР, Кипчакский р-н	фотографии
485	И-1681	К.Л. Задыхина	1953	узбеки	УзбССР, Кипчакский р-н	фотографии
486	И-1691	К.Л. Задыхина, экспедиция в Южный Узбекистан в 1955 г.	1953	узбеки	УзбССР, Кашка-Дарьинская и Сурхан-Дарьинская обл.	фотографии
487	И-1696	С.М. Абрамзон, экспедиция 1950 г.	1956	киргизы	КиргССР, Ошская обл.	фотографии
488	И-1705	С.М. Абрамзон, экспедиция 1951 г.	1953	киргизы	КиргССР, Иссык-Кульская и Тянь-Шанская обл.	фотографии
489	И-1708	Южно-Узбекская экспедиция	1953	узбеки	УзбССР, Кашка-Дарьинская обл.	рисунки
490	И-1709	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1957	узбеки		фотографии
491	И-1710	К.Л. Задыхина, Южно-Узбекская экспедиция 1956 г.	1956	узбеки, арабы, таджики, цыгане	УзбССР, Кашка-Дарьинская и Сурхан-Дарьинская обл.	фотографии
492	И-1717	изготовлено ЛАФОКИ	1956	узбеки, таджики, цыгане	УзбССР, Кашка-Дарьинская и Сурхан-Дарьинская обл.	фотографии
493	И-1718	изготовлено ЛАФОКИ	1958	разные народы		фотографии
494	И-1721	изготовлено ЛАФОКИ	1958	таджики		негативы
495	И-1741	К.Л. Задыхина, Южно-Узбекская экспедиция 1958 г.	1959	узбек	Кашка-Дарьинская обл.	рисунки
496	И-1758	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1958 г.	1958	таджики, узбеки		отпечатки
947	И-1759	изготовлено фотолабораторией МАЭ		узбеки	УзбССР, Кашка-Дарьинская обл.	фотографии
498	И-1764	изготовлено фотолабораторией МАЭ		таджики		фотографии,

499	И-1776	К.Л. Задыхина, Южно-Узбекская экспедиция 1958 г.	1958	узбеки	УзбССР, Кашка-Дарьинская обл.	фотографии
500	И-1812	К.Л. Задыхина, Среднеазиатская экспедиция 1955 г.	1955	узбеки	УзбССР, Кашко-Дарьинская и Сурхан-Дарьинская области	рисунки
501	И-1856	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1960	разные народы		негативы
502	И-1860	Государственный Центральный музей народоведения	1954	узбеки	УзбССР	негативы
503	И-1861	Государственный Центральный музей народоведения	1954	киргизы	КиргССР	негативы
504	И-1862	Государственный Центральный музей народоведения	1954	таджики	ТаджССР	негативы
505	И-1863	Государственный Центральный музей народоведения	1954	каракалпаки	Каракалпакская АССР	негативы
506	И-1864	Государственный Центральный музей народоведения	1954	казахи	КазССР	негативы
507	И-1865	Государственный Центральный музей народоведения	1954	узбеки	УзбССР	негативы
508	И-1866	изготовлено ЛАФОКИ	1960	разные народы		негативы
509	И-1877	О.Г. Чистовский	1959	таджики, киргизы, казахи, узбеки, туркмены	ТаджССР, КазССР, УзбССР, Туркменская ССР	негативы
510	И-1880	К.Л. Задыхина	1960	узбеки, арабы	УзбССР, Кашка-Дарьинская, Сурхандарьинская области, Гузарский р-н	рисунки

511	И-1888	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	туркмены	Туркменская ССР	негативы
512	И-1889	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	узбеки	УзбССР	негативы
513	И-1891	Среднеазиатская экспедиция МАЭ	1958- 1962	белуджи	Туркменская ССР, Марыйская обл.	негативы
514	И-1902	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	таджики	ТаджССР	фотографии
515	И-1903	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	киргизы	КиргССР	фотографии
516	И-1904	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	туркмены	Туркменская ССР	фотографии
517	И-1905	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	казахи	КазССР	фотографии
518	И-1906	Государственный Центральный музей народоведе- ния	1954	узбеки	УзбССР, Ташкент, Самарканд, Хива	фотографии
519	И-1918	Среднеазиатская Этнографическая экспедиция, Кашка-Дарьин- ский отряд (рук. К.Л. Задыхина)	1960	КиргССР, киргизы, каракалпа- ки, таджики	Каракалпакская АССР, ТаджССР, Кирг.ССР	отпечатки
520	И-1923	изготовлено фотолабораторией МАЭ	1963	киргизы, таджики, каракалпаки	ТаджССР, Кирг. ССР Каракалпакская АССР	негативы
521	И-1936	Среднеазиатская экспедиция (собиратель Е. Николаичева)	1963	узбеки, таджики	Самарканд	рисунки
522	И-1969	В.П. Ивашевич	1969	оседлое население	Самарканд, Бухара, Ходжекент	фотографии

523	И-1973	Р.Я. Рассудова	1969, 1971	узбеки, таджики	Андижанская, Наманганская, Ферганская, Ташкентская области	негативы
524	И-1976	Хорезмская экспедиция	1970	каракалпаки	Каракалпакская АССР, Кунград- ский р-н	фотографии
525	И-1984	изготовлено в ЛАФОКИ с предметов коллекций отдела	1957	разные народы	Средняя Азия, Казахстан, Передняя Азия,	отпечатки
526	И-1997	Среднеазиатская этнографическая экспедиция, Южно-хорезм- ский отряд	1971	узбеки	УзбССР, Хаза- распский и Хивинские р-ны	рисунки
527	И-1998	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1970 г., Бухарский отряд	1970	таджики, ирони	Бухара, Ромитан, Вабкент, Гижду- ван	рисунки, фотографии
528	И-2004	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1971 г., дунганский отряд	1972	дунгане	УзбССР, КазССР, КиргССР	негативы
529	И-2007	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1972 г., дунганский отряд	1972	дунгане	КиргССР, КазССР	негативы
530	И-2012	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1972 г	1973	казахи	КазССР, Гурьев- ская обл.	фотографии
531	И-2014	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1970 г., уйгуро-дунган- ский отряд	1974	уйгуры	КазССР, Тур- кменская ССР, УзбССР	негативы
532	И-2016	В.П. Курылев	1974	казахи	КазССР, Восточ- но-Казахстанская обл.	негативы
533	И-2017	Среднеазиатская этнографическая экспедиция, Южно-хорезм- ский отряд	1975	узбеки	УзбССР, Хорезм- ская обл.	фотографии

534	И-2034	Среднеазиатская этнографическая экспедиция 1970 г., Уйгуро-дунганский отряд	1977	уйгуры, дунгане	УзбССР, КазССР	фотографии
535	И-2043	Р.Я. Рассудова	1977	узбеки, таджики	Ташкентская обл.	негативы
536	И-2044	А.М. Решетов, С.Р. Аврутин	1977	уйгуры, дунгане	УзбССР, КазССР, КиргССР	негативы
537	И-2049	А.М. Решетов, С.Р. Аврутин	1977	дунгане, уйгуры, киргизы	УзбССР, КиргССР, Ташкентская, Анджикентская, Ошская области	негативы
538	И-2052	Л.Э. Калмыкова	1974	узбеки	УзбССР, Хива	эстампажи
539	И-2054	Р.Я. Рассудова	1979	таджики, узбеки	Ташкентская, Ферганская области,	негативы
540	И-2055	Среднеазиатская экспедиция 1980 г., Бухарский отряд	1981	разные народы		негативы
541	И-2061	В.П. Курьлев	1979	казахи	Горно-Алтайская АО, Кош-Агачский р-н	негативы
542	И-2062	Г.Н. Симаков	1980	киргизы	КиргССР, Иссык-Кульская, Нарынская, Ошская области	фото пленки
543	И-2082	Среднеазиатская этнографическая экспедиция	1980	узбеки		фото пленки, отпечатки
544	И-2089	Н.Ж. Шаханова	1983	казахи	Чимкентская и Джамбульская области	негативы, диапозитивы
545	И-2091	Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Е. Салтыкова-Щедрина	1982	узбеки, цыгане-люли	Узбекистан	негативы, пленка
546	И-2092	В.П. Курьлев, Н.Ж. Шаханова	1982	казахи	КазССР, Мангышлакская обл.	негативы

547	И-2093	Г.Н. Симаков	1984	каракалпаки, киргизы, туркмены, узбеки	КиргССР, Иссык-Кульская обл., Туркменская ССР, Ташаузская обл.	фото пленки
548	И-2110	В.П. Курылев, О.Н. Панарина	1985	казахи	КазССР, Баянаульский и Железинский р-ны Павлодарской области	негативы
549	И-2118	В.П. Курылев	1987	казахи	КазССР, Тургайская обл.	негативы
550	И-2123	Г.Г. Симаков	1987	казахи, киргизы	Иссык-Кульская, Чимкентская области	фото пленки
551	И-2126	Ю.М. Ботяков, А.В. Курбанов	1988-1989 гг.	туркмены	Туркменская ССР, Кушкинский, Тахтабазарский и Иолатаньский р-ны Марыйской области	негативы, фото пленка
552	И-2140	В.П. Курылев	1989	казахи	КазССР, Чимкентская обл.	негативы
553	И-2153	Ю.М. Ботяков	1993	туркмены-йомуды, эрсари	Ташаузская обл.	негативы
554	И-2155	из полевых материалов Э.Г. Гафферберг	1950-е гг.	белуджи		рисунки
555	И-2160	М.В. Сазонова	1948-1949 гг.	узбеки	Хивинский, Ханкинский р-ны	планы, рисунки

* В 1940 и 1950 гг. переданы в Эрмитаж.

** В описи указано, что 9/VI 1950 г. коллекция передана в Эрмитаж.

Научное издание

Валерия Александровна Прищепова

**Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии
второй половины XIX — начала XX века
в собраниях Кунсткамеры**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор М. В. Банкович
Корректор К. С. Оверина
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 12.07.2011. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 27. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 200 экз. Заказ № 8.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru

Киргизская кибитка. Раскрашенная фотография. И.С. Поляков 1880 г.
МАЭ. Колл. № 106-90.

Дико-каменной орды Манап Байназар Турумтаев. Акварель. А. Померанцев. 1851 г.
Киргизы. МАЭ. Колл. И-1415-6.

Дико-каменной орды Бий Сартай (посольс. 1849 году). Акварель. А. Померанцев.
1851 г. Киргизы. МАЭ. Колл. И-1415-8.

Большой орды, Султан Мамыр-хан Рустемов. Акварель. А. Померанцев. 1851 г.
Казахи. МАЭ. Колл. И-1415-9.

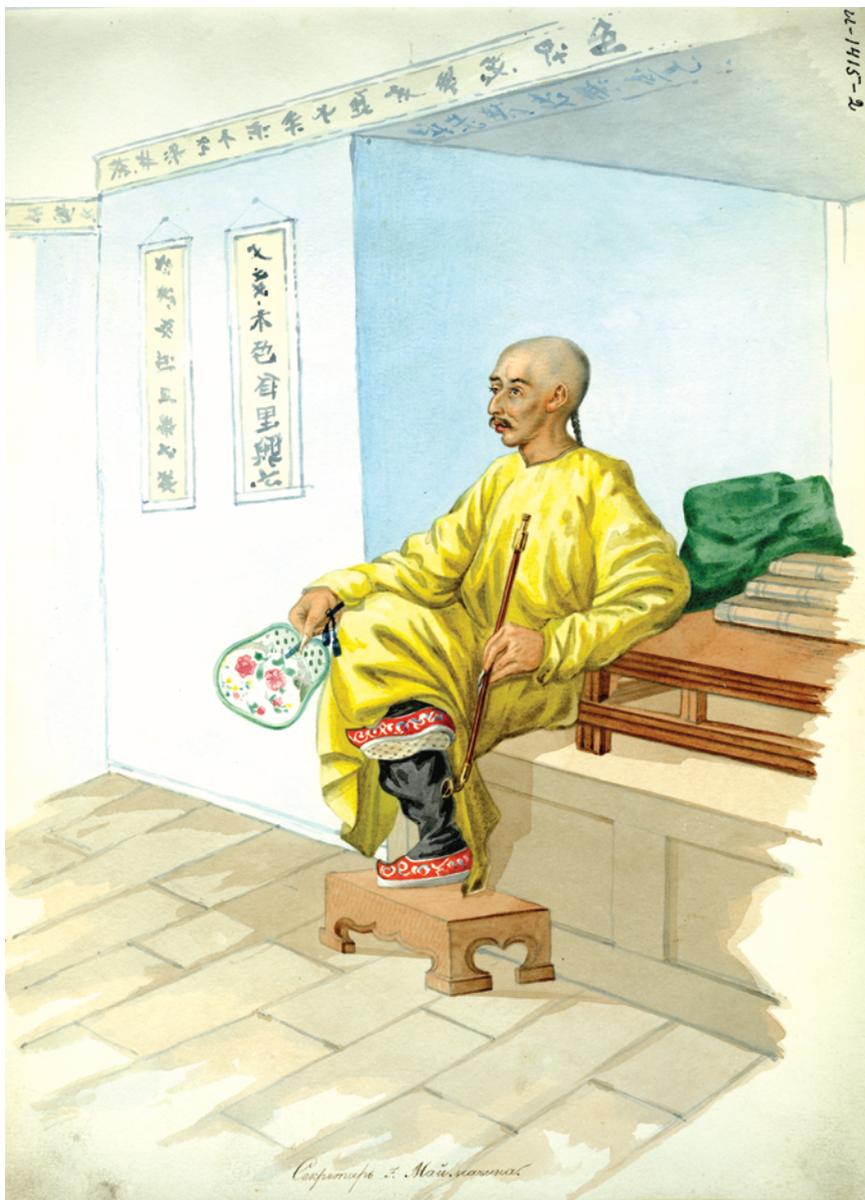
Женщина, Чеке, из аулов близъ г. Омска. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. Казахи.
МАЭ. Колл. И-1415-7.

Ук. Тойчубека. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-1.

Маймачин. Акварель. А. Померанцев. 1851. МАЭ. И-1415-3.

Секретарь г. Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-2.

Купец из Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-4.

Купец из Маймачина. Акварель. А. Померанцев. 1851 г. МАЭ. Колл. И-1415-5.

*Женский костюм - узбеки
Кетмен.*

Женский костюм. Казахи. Раскрашенная фотография. С.М. Дудин. 1899 г.
МАЭ. Колл. № 1199-496.

Девушка. Казахи. Раскрашенная фотография. С.М. Дудин. 1899 г.
МАЭ. Колл. № 1199-501.

Саукеле. Альбом акварелей. А. Воронина-Уткина. 1914 г. Каркаралинский уезд, Семипалатинская обл. МАЭ. Колл. № 2519-58-2.